

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

2022 Том 19 № 4

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПОЗНАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ

- Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А.** Ценностно-ориентационная дифференциация волонтеров-просветителей интернет-энциклопедии «Википедия» и проекта «Ответь». Часть 2 627
- Белова Е.С.** Психологические аспекты использования цифровых устройств для развития старших дошкольников, имеющих признаки одаренности 649
- Варламов А.В., Яковлева Н.В.** Искажения в восприятии человеком собственного тела во время погружения в компьютерную виртуальную реальность с использованием технологии Full-Body Tracking 670
- Novikova I.A., Vychkova P.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A.** Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students (Личностные черты и академическая мотивация как предикторы отношения студентов к цифровым образовательным технологиям) 689

РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

- Банщикова Т.Н., Соколовский М.Л., Коростелёва Т.В.** Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект 717
- Ожиганова Г.В.** Взаимосвязь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками и субъективным благополучием 744
- Ovsyanik O.A., Nesterova A.A., Sidyacheva N.V.** Gender features of coping strategies in men and women (Гендерные особенности копинг-стратегий мужчин и женщин) 765

ЛИЧНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Прусова И.С., Богатырева Н.И., Агадулина Е.Р.** Роль потребностей в поддержании легитимизирующих социально-политический статус-кво установок в российском контексте 781
- Белашева И.В.** Эмоциональные компетенции и психолингвистические характеристики текстов студентов в условиях ситуационного стрессирования: вопросы взаимосвязи 798

ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ

- Шейнов В.П., Девцын А.С.** Короткая версия опросника импульсивности В.А. Лосенкова: разработка и валидизация 820
- Мехтиханова Н.Н.** Разработка русскоязычной методики диагностики мудрости 839
- Жукова М.А., Манасевич В.А., Голованова И.В., Летягин П.И., Ульянова Т.А., Тихонова С.С.** Объективные методы изучения детского языкового развития в естественных условиях и в рамках тестирования 862

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Михайлова О.Б., Башкин Е.Б., Гутвайн Н., Берберян А.С.** Психическое здоровье личности – проблемы и перспективы их решения: итоги III Международного форума «Приверженность вопросам психического здоровья» 879

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка № 5, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, *Москва, Россия*

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии, Хьюстонский университет, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека, Бейлорский медицинский колледж, *Хьюстон, США*; профессор Центра детских исследований, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс, Йельский университет, *Йель, США*

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, член-корреспондент МАНПО, *Москва, Россия*

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор Института психологических исследований, Лувенский католический университет, *Лувен-ла-Нев, Бельгия*

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, *Москва, Россия*

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, *Париж, Франция*

Ключуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*
Нью Вильям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи, Колледж Белойта, *Белойт, США*

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук, Университет Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, *Москва, Россия*

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, *Джуно, Аляска, США*

Стошич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж», *Белград, Сербия*

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии, Университет Фордхэм, *Нью-Йорк, США*

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», *Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США*

Хархури Анатолий Владимирович, Ph.D., доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Россия*

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, *Минск, Беларусь*

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *Ю.Н. Бирюкова*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2022. Выход в свет 30.12.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,80. Тираж 500 экз. Заказ № 1236. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2022 VOLUME 19 NUMBER 4

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE: KNOWLEDGE, EDUCATION, DEVELOPMENT

- Evgeniy A. Bryzgalin, Alexander E. Voiskounsky, Stanislav A. Kozlovskiy.** Value-Orientation Differentiation of Volunteers-Educating of the Internet Encyclopedia "Wikipedia" and the Project "Otvety." Part 2 627
- Elena S. Belova.** Psychological Aspects of Using Digital Devices for the Development of Older Preschoolers with Signs of Giftedness 649
- Andrey V. Varlamov, Natalya V. Yakovleva.** Distortions of Body Perception during Immersion in Computer Virtual Reality Using Full-Body Tracking 670
- Irina A. Novikova, Polina A. Bychkova, Alexey L. Novikov, Dmitriy A. Shlyakhta.** Personality Traits and Academic Motivation as Predictors of Attitudes towards Digital Educational Technologies among Russian University Students 689

RESOURCES FOR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND MENTAL HEALTH OF PERSONALITY

- Tatiana N. Bانشchikova, Maksim L. Sokolovskii, Tatiana V. Korosteleva.** Self-regulation and Tolerance for Uncertainty as Resources for the Subjective Well-being of Modern Youth: A Cross-cultural Aspect 717
- Galina V. Ozhiganova.** The Relationship of Spiritual and Moral Qualities with Altruistic Attitudes and Subjective Well-Being 744
- Olga A. Ovsyanik, Albina A. Nesterova, Natalia V. Sidyacheva.** Gender Features of Coping Strategies in Men and Women 765

PERSONALITY AND THE CHALLENGES OF MODERNITY

- Irina S. Prusova, Natalia I. Bogatyreva, Elena R. Agadullina.** The Role of Needs in Maintaining Attitudes That Legitimize the Socio-Political Status Quo in Russia 781
- Irina V. Belasheva.** Emotional Competencies of Students and Psycholinguistic Characteristics of Their Texts Written under Conditions of Situational Stress: Relationship Issues 798

PSYCHODIAGNOSTICS OF PERSONALITY

- Viktor P. Sheinov, Anton S. Dziavitsyn.** Short Version of V.A. Losenkov's Impulsivity Questionnaire: Development and Validation 820
- Natalya N. Mekhtikhanova.** Developing a Russian-Language Wisdom Diagnostics Questionnaire 839
- Marina A. Zhukova, Victoria A. Manasevich, Irina V. Golovanova, Pavel I. Letyagin, Taisia A. Ulianova, Sofia S. Tikhonova.** Objective Methods in the Assessment of Child Language Development in Natural Settings and Using Testing 862

SCIENTIFIC CHRONICLE

- Olga B. Mikhailova, Evgeniy B. Bashkin, Nikoleta Gutvajn, Asya S. Berberyan.** Personality Mental Health – Challenges and Solution: Results of the 3rd International Forum on Commitment to Mental Health 879

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language No. 5, Russian Language Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russia*

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, University of Houston, *Houston, USA*, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, Baylor College of Medicine, *Houston, USA*, Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories, Yale University, *Yale, USA*

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russia*

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychological Sciences Research Institute, University of Louvain, *Louvain-la-Neuve, Belgium*

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, *Moscow, Russia*

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, Paris College of Art, *Paris, France*

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of School of Psychology, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), *Moscow, Russia*

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, Beloit College, *Beloit, USA*

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

Lilia K. Raitzkaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), *Moscow, Russia*

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, *Juneau, Alaska, USA*

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, Fordham University, *New York, USA*

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, Avalon Business Systems, Inc., *Fair Lawn, NJ, USA*

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, Republican Institute of Higher Education, *Minsk, Belarus*

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, College of Academic Studies "Dositej," *Belgrade, Serbia*

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Цель и тематика

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редакция журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки);

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

5.3.2. Психофизиология (психологические науки);

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки);

5.3.7. Возрастная психология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation (Core Collection), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, Research-Bib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Aim and Scope

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-627-648

УДК 159.9.07

Исследовательская статья

Ценностно-ориентационная дифференциация волонтеров-просветителей интернет-энциклопедии «Википедия» и проекта «Ответы». Часть 2

Е.А. Брызгалин , А.Е. Войскунский , С.А. Козловский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

 r0ld@mail.ru

Аннотация. За последние десятилетия в интернет-пространстве широко распространилась альтруистическая кибердеятельность просвещающих онлайн-волонтеров, делящихся с другими интернет-пользователями полезными знаниями. Личностно-групповые особенности такого просоциального поведения, на которое ключевое влияние оказывает реализация ценностей, на данный момент недостаточно изучены психологической наукой. Данное исследование продолжает психологический анализ ценностно-ориентационной сферы онлайн-просветителей, ограничиваясь компетентными е-волонтерами интернет-энциклопедии «Википедия» (N = 92) и вопрос-ответного онлайн-проекта «Ответы» (N = 113). Проведенный с применением пересмотренного портретного опросника ценностей Ш. Шварца (PVQ-R2R) в адаптации Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой и А.С. Липатовой, а также методики «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой (вариант 2) опрос позволил охарактеризовать членов обеих групп как личностей, продуктивно ориентированных на нетождественную по формату информационно-просоциальную интернет-деятельность в ракурсе трансфинитного альтруизма, для претворения которого в референтных для них онлайн-сообществах созданы оптимальные внеерархически-паритетные условия, стимулирующие волю индивидуальной самореализации. Показано, что при высокой гомогенности ценностных профилей авторов «Википедии» и участников «Ответов» базальное значение для них имеет процессуальная по своему характеру внутренняя ценностная самодетерминация, поскольку внешняя слабо коррелирует с их свободолобивым образом жизни. Делается вывод, что продолженная линия теоретико-эмпирических исследований имеющегося в интернет-пространстве пестрого контингента волонтеров-просветителей позволит путем понимания их личностно-групповой специфики заложить фактический фундамент, эвентуально способный привести к глобальному сплочению людей в целях широкомасштабной амплификации знаний как одной из высших ценностей человечества.

Ключевые слова: ценностно-ориентационная сфера, ценность, ценностная ориентация, мотивация, направленность личности, онлайн-волонтерство, авторы «Википедии», википедисты, ВО-эксперты

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365).

© Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

На текущий момент в киберпространстве распространены интернет-сообщества просвещающих онлайн-волонтеров (ПоВ), однако только недавно стали появляться эмпирические данные о том, что их альтруистическое поведение, понимаемое значительной уступкой «Я»-ресурса в пользу развития знаний в контексте ценных для них онлайн-платформ (Кейсельман, 2016), обуславливается многовариантностью побуждений внутреннего и внешнего плана (Брызгалин, 2020; Брызгалин и др. *Жизненные цели...*, 2022a; *The handbook of peer production*, 2021).

Среди наиболее выкристаллизованных (созревших и отлаженных) видов просвещающего онлайн-волонтерства в Рунете (русскоязычном интернете) может быть названа деятельность авторов интернет-энциклопедии «Википедия» (википедистов), а также участников проекта вопрос-ответного типа «Ответы» (отвечающих/ответчиков/ВО-экспертов).

Хотя популяризатор науки М. Ридли, анализируя альтруизм с опорой на стратегии теории игр, указывает, что в бескорыстном поведении самое главное – это сам поступок, отмечая, что «добрые дела – это [в любом случае] добрые дела, даже если человек совершает их из тщеславия», так как это не умаляет их фактический результат (Ридли, 2016), тем не менее напрашивается актуальный вопрос – альтруизм какого типа стоит за тем или иным случаем совершенного благодеяния?

Надо полагать, что для решения поставленного вопроса необходимо раскрыть сущностные причины, склоняющие субъектов ставить на важнейшую позицию в своей жизни конкретный вид просоциальной активности. Такого рода причинами могут являться ценности как руководящие принципы (стандарты) жизни (определение по Ш. Шварцу) и ценностные ориентации (ЦО) – направленность личности на реализацию тех или иных ценностей.

На уровне личности В.Р. Кейсельман (Дорожкин) выделяет истинный (чистый) альтруизм и противопоставленный ему невротический (компенсаторный) альтруизм, исходящий от таких поведенческих паттернов (к примеру, защитных механизмов психики), которые в закамуфлированном виде преследуют (в основном бессознательно) совсем не альтруистические, а скорее эгоцентрические/эгоистические цели (Кейсельман, 2016), что Д. Майерс называет замаскированным эгоизмом (Майерс, 2020, с. 559–561). Так, к примеру, в «невроз альтруизма» может быть заложена «невротическая стратегия доминирования» в понимании К. Хорни (Хорни, 2021), при которой в имплицитном виде отражаются такие феномены, как стремление к власти/смещению (перенаправлении) агрессии (соперничество в степени альтруистической отдачи; соревновательность в жертвенности и т. п.); сублимация сексуальных импульсов на фоне помощи другим людям; поддержание самоуважения (подкрепление чувства собственного достоинства) для повышения гордости за самого себя, уменьшения чувства вины и мн. др.

Высшей же разновидностью «чистого» альтруизма, способного (само)воспитаться в онтогенезе только у духовно зрелого человека с высоким морально-[этически]-нравственным сознанием, является исключительно осознанный и всегда придающий жизненную осмысленность так называемый трансфинит-

ный альтруизм. Данный вид альтруизма очерчивает предельную субъектную гуманистичность, претворение в жизнь которой является ценностью самой по себе из-за эмпатийно-волевого модуса включенности в поле ответственного полипрагматического взаимодействия в отношении объектов альтруизма, что во многом ставит альтруистические интенции выше персональных (в этом А. Шопенгауэр видел проявление благожелательности в ее исключительном виде (Шопенгауэр, 2005), а Н.И. Сарджвеладзе усматривал в социальной установке «быть для других» (Сарджвеладзе, 2002)).

Таким образом, представляется, что для полноценного понимания движущих сил просвещающих онлайн-волонтеров изначально требуется выполнить психологический анализ их ценностно-ориентационной сферы как одной из корневых личностных структур, лежащих в основе личностно-социального измерения психосоциального фокуса референтных для них онлайн-сообществах (см. первую часть исследования), в которых должна господствовать определенная вариация альтруизма как системного феномена, опосредованного деятельной природой психики.

В данной работе для подкрепления либо опровержения полученных нами в первой части исследования (Брызгалин и др. Ценностно-ориентационная..., 2022b) результатов выполняется дополнительный психологический анализ ценностей и ценностных ориентаций авторов «Википедии» и участников проекта «Ответы». При этом мы снова подчеркиваем, что целесообразнее делать это на группе «волонтеров-экспертов», поскольку именно они в наибольшей степени заинтересованы в претворении альтруистично-просвещающих ценностных ориентиров, затрачивая на их реализацию весомое количество собственной энергии и личного времени.

К тому же мы опираемся на тот факт, что волонтеры, как правило, предпочитают волонтерскую деятельность, которая соответствует их мотивам (Снайдер, Омото, Дуайер, 2022, с. 490), тогда как сами мотивы, фильтруясь через ценностную иерархию личности, влияют на личностную направленность в целом в зависимости от значимости той или иной ценности (Lee et al., 2022; Брызгалин и др. Жизненные цели..., 2022a).

Методы и материалы

Характеристика волонтеров-экспертов. К волонтерам-экспертам относятся волонтеры-просветители, которые характеризуются:

1) высоким уровнем компетентности (то есть обладают необходимыми знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для ведения продуктивной просвещающей онлайн-деятельности на их веб-платформах). Уровень компетентности измеряется среди ВО-экспертов по уровню КПД (отношению лучших ответов к общему их числу) не ниже 20 %¹; для википедистов – по количеству правок, сделанных в «Википедии» (не менее 1000 правок).

¹ Mail Помощь. КПД. URL: <https://help.mail.ru/otvety-help/others/kpd> (дата обращения: 17.10.2022).

Кроме того, на уровень компетентности в «Википедии» указывает узкоспециализированная роль (технический флаг) внутри вики-сообщества², а в проекте «Ответы» – рейтинг участника (чем активнее участник, тем выше его рейтинг, приравненный к определенному статусу)³. Такая «ярусная» система открывает доступ (повышает права) к дополнительным функциям на онлайн-платформах. Таким образом, в «Википедии» очень компетентным считается участник, который соответствует критериям для подачи заявки на получения роли «подводящий итоги» или «администратор»; в «Ответах» – участник со статусом «Оракул», «Гений», «Искусственный Интеллект» или «Высший разум» (перечислено в порядке повышения статусного уровня);

2) большим объемом опыта, «трудовым стажем» (от 6 месяцев), измеряемого в количестве времени, которое было потрачено на кибердеятельность виртуального просвещения. Так как википедическая и отвечающая онлайн-платформы не предусматривают точный подсчет времени, «вложенного» в просвещающую онлайн-деятельность, то мера «объема опыта» отсчитывается с момента регистрации на сайте конкретного е-волонтера (при условии его относительно постоянной просвещающей активности).

Волонтеры-эксперты составляют групповое «ядро» наиболее продуктивных участников, обеспечивающих высокое качество знаний; в свою очередь такие участники на своих информационных ресурсах организуют отдельные «ядерные структуры» (форумы, чаты и пр.), на которых они взаимодействуют между собой (новички в такие структуры попадают крайне редко).

Гипотеза, цель и задачи. Параллельное изучение двух групп ПоВ при их сопоставлении друг с другом позволяет эффективнее выявлять как их сходства, так и различия, что способствует лучшему построению их личностной картины.

Вследствие этого, на суплементарную проверку выдвигается **гипотеза** из предыдущей части исследования (Брызгалин и др. Ценностно-ориентационная..., 2022b): компетентные участники сообществ ядерных структур русской «Википедии» и проекта «Ответы» обладают сходной иерархией ценностей и ценностных ориентаций, задающих конкретные направления их просвещающей онлайн-деятельности.

Кроме этого, сохраняется прежняя **цель** – выявить структуру ценностей и ценностных ориентаций компетентных представителей экспертного ядра авторов «Википедии» и участников «Ответов».

Также нами выдвигаются следующие **задачи**: 1) сравнить портреты индивидуальных пересмотренных ценностей по Ш. Шварцу у опытных волонтеров-просветителей «Википедии» и «Ответов»; 2) сопоставить внешние и внутренние ценностные ориентации по теории самодетерминации википедистов и ВО-экспертов; 3) оценить влияние внутренних и внешних каузальных причин на реализацию ценностных ориентаций авторов «Википедии» и «ответчиков».

² Википедия: права участников. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Права_участников (дата обращения: 17.10.2022).

³ Mail Помощь. Система баллов. URL: <https://help.mail.ru/otvety-help/others/rates> (дата обращения: 17.10.2022).

Способ привлечения к участию в исследовании. Наш опыт показал, что просвещающие онлайн-волонтеры в подавляющем большинстве случаев не соглашаются проходить нагруженную и времязатратную батарею методик. По этой причине рассылка приглашений компетентным википедистам и участникам «Ответов» с просьбой заполнить сформированные в Google Forms онлайн-методики проходила в два этапа (чтобы собрать достаточное количество эмпирических данных): первая часть исследования – авторы «Википедии» – январь 2020 г., ответчики – апрель 2020 г.; вторая часть – авторы «Википедии» – декабрь 2020 г., ответчики – февраль 2021 г.

С методологической точки зрения, поскольку личностная значимость ценностей и ценностных ориентаций относительно стабильна во времени и в различных ситуациях (ценностная транс-ситуативность), их допускается измерять в разных психодиагностических сессиях (Роккас, Сагив, 2022, с. 33–34).

Выборка. Во второй части интернет-исследования приняли участие 92 автора русскоязычного раздела «Википедии» ($N_1 = 49$; $N_2 = 43$) в возрасте от 18 до 70 лет (средний возраст $M = 38$; $SD = 11,2$) со свойственным википедическому сообществу «гендерным разрывом» (Емельняк, 2018, с. 42) – превалированием мужчин (91 %), из них женаты/замужем – 44 %. Средний объем опыта в написании и редактировании энциклопедических вики-статей составил 9 лет.

Группой контраста стали 113 ответчиков ($N_1 = 36$; $N_2 = 77$) в возрасте от 16 до 83 лет (средний возраст $M = 50$; $SD = 16,5$): 68 % мужчин и 32 % женщин. Средняя продолжительность ответов на вопросы на проекте «Ответов» – 9 лет.

Растянутый возрастной диапазон выборок интерпретируется антииерархическим механизмом функционирования просвещающих онлайн-сообществ, в «ядро» которых способны войти индивидуумы любого возраста. Сепарирование выборок по возрастному признаку нецелесообразно, так как «ядро» исследуемых ПоВ состоит из лимитированного количества человек.

Методологический аппарат. Для комплементарного анализа ценностно-ориентационной структуры википедистов и «отвечающих» был использован следующий психодиагностический инструментарий:

1. Вторая адаптированная версия пересмотренного портретного опросника ценностей (PVQ-R2R): является усовершенствованным портретным ценностным опросником (прежний PVQ), который совместно с Ш. Шварцем был адаптирован на российской выборке Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой и А.С. Липатовой (Шварц и др., 2012). Он предназначен для измерения уточненных ценностей на уровне индивидуальных приоритетов, конкретизируя 6 из 10 исходных базовых ценностей личности (Шварц и др. Уточненная теория., 2012а): Безопасность (Безопасность: личная, Безопасность: общественная и Репутация), Универсализм (Универсализм: забота о других, Универсализм: забота о природе, Универсализм: толерантность), Самостоятельность (Самостоятельность: мысли и Самостоятельность: поступки), Власть (Власть: ресурсы и Власть: доминирование), Конформизм (Конформизм: правила, Конформизм: межличностный и Скромность) и Благожелательность (Благожелательность: чувство долга и Благожелательность: забота).

Таким образом, в обновленной теории ценностей Ш. Шварца выделяются 19 ценностей, каждая из которых определена своей «мотивационной целью» (рис. 1).

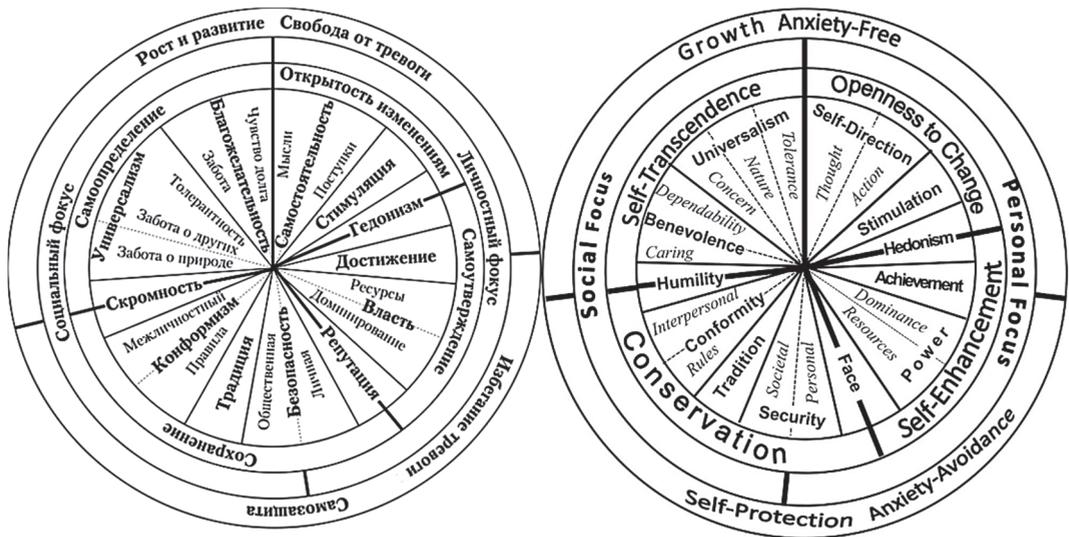

Рис. 1. Круговой мотивационный континуум 19 ценностей уточненной теории Ш. Шварца (Шварц и др. Refining the theory..., 2012):
слева – русская версия; справа – английская

Figure 1. Circular motivational continuum of 19 values in the refined value theory of S. Schwartz (Schwartz et al., 2012b):
left – Russian version; right – English

Ценности, примыкающие друг к другу в круге, отображают конгруэнтные «мотивации» (действия, которые считаются более оправданными, чем другие), тогда как ценности, противоположные друг другу, – конфликтующие «мотивации» (Роккас, Сагив, 2022, с. 152).

Несмотря на то, что PVQ-R2R дает возможность детализировано описать ценности (на уровне вероятных поступков), проведенные измерения не доказали, что она в большей степени обеспечивает повышенную предсказательную и эвристичную (объяснительную) точность, чем исходная теоретическая модель, поэтому эволюция ценностной теории Ш. Шварца не отменяет ее предыдущих открытий, так что структура, изначально описанная 10 ценностями, также сохраняет определенную прогностическую силу (Шатене, 2021, с. 31). Таким образом, конкретные и общие ценности по Ш. Шварцу могут быть одинаково хорошими прогностическими факторами конкретного поведения (Роккас, Сагив, 2022, с. 42), поэтому исследование, которое сможет охватить измерением те и другие ценности, будет иметь большую эмпирическую достоверность.

2. Методика «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой (вариант 2), основанная на метатеории самодетерминации (СДТ) личности Э. Дейси и Р. Райана (Ryan, Deci, 2017), позволяет изучать выраженность и реализацию внешних и внутренних ценностных ориентаций индивидуальной и групповой структуры, а также конфликтность и атрибуцию (субъективное приписывание) причин их осуществления (Мотков, 2009, 2014).

Статистическая обработка данных реализовывалась с использованием табличного процессора LibreOffice Calc, а также программного обеспечения IBM SPSS Statistics 26.

Результаты и обсуждение

Базовые индивидуальные ценности. После обработки данных по уточненной методике Ш. Шварца были получены результаты, представленные в табл. 1 и 2.

Таблица 1 / Table 1

Пересмотренный портрет ценностей авторов «Википедии» и ВО-экспертов по Ш. Шварцу / Revised values portrait of Wikipedia authors and Q&A-experts according to Sh. Schwartz

Википедисты / Wikipedians (N1 = 49)				ВО-эксперты / Q&A-experts (N1 = 36)			
Ранг / Rank	Тип ценности / Type of value	ОЗ / RI	М	Ранг / Rank	Тип ценности / Type of value	ОЗ / RI	М
1	Самостоятельность: мысли / Self-direction: thought	1,07	4,92	1	Самостоятельность: поступки / Self-direction: action	1	4,92
2	Самостоятельность: поступки / Self-direction: action	0,94	4,79	2	Благожелательность: забота / Benevolence: caring	0,97	4,89
3	Безопасность: личная / Security: personal	0,5	4,35	3	Самостоятельность: мысли / Self-direction: thought	0,87	4,79
4	Репутация / Face	0,49	4,33	4	Благожелательность: чувство долга / Benevolence: dependability	0,65	4,56
5	Благожелательность: чувство долга / Benevolence: dependability	0,43	4,28	5	Универсализм: забота о других / Universalism: concern	0,42	4,33
6	Благожелательность: забота / Benevolence: caring	0,3	4,15	6	Безопасность: личная / Security: personal	0,39	4,31
7	Универсализм: толерантность / Universalism: tolerance	0,22	4,07	7	Универсализм: толерантность / Universalism: tolerance	0,19	4,1
8	Универсализм: забота о других / Universalism: concern	0,19	4,03	8	Скромность / Humility	0,12	4,04
9	Стимуляция / Stimulation	0,09	3,94	9	Репутация / Face	0,09	4
10	Гедонизм / Hedonism	0,03	3,88	10	Безопасность: общественная / Security: societal	0,08	3,99
11	Конформизм: межличностный / Conformity: interpersonal	0,03	3,88	11	Конформизм: правила / Conformity: rules	-0,1	3,81
12	Достижение / Achievement	-0,04	3,81	12	Универсализм: забота о природе / Universalism: nature	-0,14	3,78
13	Скромность / Humility	-0,16	3,67	13	Стимуляция / Stimulation	-0,25	3,67
14	Безопасность: общественная / Security: societal	-0,23	3,61	14	Конформизм: межличностный / Conformity: interpersonal	-0,26	3,66
15	Универсализм: забота о природе / Universalism: nature	-0,45	3,39	15	Гедонизм / Hedonism	-0,29	3,62
16	Конформизм: правила / Conformity: rules	-0,61	3,24	16	Достижение / Achievement	-0,4	3,52
17	Власть: доминирование / Power: dominance	-0,79	3,05	17	Традиция / Tradition	-0,66	3,26
18	Традиция / Tradition	-1	2,843	18	Власть: доминирование / Power: dominance	-1,34	2,57
19	Власть: ресурсы / Power: resources	-1,01	2,837	19	Власть: ресурсы / Power: resources	-1,35	2,56

Примечание: ОЗ – относительная значимость ценностей, получаемая путем предусмотренной методикой процедуры корректировки абсолютных показателей для их рафинирования от субъективного «шума»; М – средний балл.

Note: RI – the relative importance of values, which is calculated by the procedure for adjusting absolute indicators for their refining from subjective “noise;” M – the mean score.

Таблица 2 / Table 2

Уровни значимости различий ценностей авторов «Википедии» и ВО-экспертов по PVQ-R2R / Significance levels of differences in the values of Wikipedia authors and Q&A-experts by PVQ-R2R

Шкала / Scale	t-критерий Стьюдента / Student's t-test, p
Самостоятельность: мысли / Self-direction: thought	0,247
Самостоятельность: поступки / Self-direction: action	0,706
Безопасность: личная / Security: personal	0,483
Репутация / Face	0,043
Благожелательность: чувство долга / Benevolence: dependability	0,102
Благожелательность: забота / Benevolence: caring	0,000
Универсализм: толерантность / Universalism: tolerance	0,852
Универсализм: забота о других / Universalism: concern	0,217
Стимуляция / Stimulation	0,079
Гедонизм / Hedonism	0,128
Конформизм: межличностный / Conformity: interpersonal	0,140
Достижение / Achievement	0,044
Скромность / Humility	0,109
Безопасность: общественная / Security: societal	0,197
Универсализм: забота о природе / Universalism: nature	0,164
Конформизм: правила / Conformity: rules	0,021
Власть: доминирование / Power: dominance	0,005
Традиция / Tradition	0,188
Власть: ресурсы / Power: resources	0,112

Было обнаружено, что результаты по ценностям в основном не противоречат выводам, сделанным по методике PVQ, использованной в первой части исследования: естественным образом из-за увеличения количества ценностей произошли небольшие ранговые перестановки, однако это не оказало существенного влияния на серьезные объяснительные смещения. Поясним это, разобрав каждую ценность в отдельности.

Самостоятельность. Ценность самостоятельности как среди википедистов, так и среди «отвечающих» все так же дислоцируется на высшем по приоритетности уровне. Однако если «Самостоятельность: мысли», то есть свобода идей, и «Самостоятельность: поступки», а именно вольность определять собственные действия для авторов «Википедии» практически сингулирует (сливается, становится нераздельным), то для е-волонтеров «Ответов» второй вид ценности представляется несколько важнее первого, так как на веб-платформе вопросов и ответов люди, исходя из собственного опыта, чаще ручаются за отдачу практической пользы, чем радеют за лучшую текстовую формулировку, как это делают википедисты, постоянно «оттачивающие» энциклопедические вики-статьи.

Безопасность. Разделение ценностей безопасности позволило обнаружить, что защищенность личного окружения и самобезопасность для википедистов и ответчиков оказалась более значимой, чем общественная. С психологической точки зрения вполне оправдано, когда человек полагается главным образом на защиту самого себя, а также близких ему людей (скорее всего, принимая за таких и свои референтные группы), чем неких абстрактных других.

При этом **репутация**, определяемая как защита и влияние путем поддержания публичного имиджа и избегания унижений, для вики-волонтеров оказалась важнее, чем для цифровых волонтеров «Ответов». Мы считаем (в том числе опираясь на значимое статистическое различие по этому показателю – $p = 0,043$), что это можно интерпретировать продвинутой статусной системой «социальных ролей» в «Википедии», играющей витальную роль в поддержании и развитии данной интернет-энциклопедии, по сравнению с рейтинговой системой на «Ответях», в действительности не оказывающей влияния на обслуживание этого веб-ресурса как такового, поскольку только сотрудники-модераторы за заработную плату сопровождают его и следят там за порядком (они не являются участниками «Ответов»).

Благожелательность (доброта). Стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом группы (благожелательность: чувство долга) оказалось для википедистов почти идентичным преданности группе и желанию благополучия ее членам (благожелательность: забота), в то время как у «отвечающих» «Забота» слегка преобладает над «Чувством долга»: тем самым их чуть больше волнует оказание помощи другим людям, нежели влияние в коллектив через социальное контактирование.

Надо полагать, что значимое статистическое различие по ценности «Заботы» ($p = 0,000$) также указывает на разницу ее проявления на отличающихся друг от друга онлайн-платформах: если в «Википедии» просвещающее е-волонтерство выражено в текстуальной специфике (создание теоретических знаний), то на «Ответях» оно имеет больше процедурный характер (передача практических сведений).

Универсализм. Стремление к равенству, справедливости и защите всех людей (универсализм – забота о других), а также принятие и понимание тех, кто непохож на тебя (универсализм – толерантность) ярче проступают в поведении википедистов и участников «Ответов», чем сохранение ими природной среды (универсализм – забота о природе) не в информационном, а именно в про-экологическом (физическом) смысле этого слова.

Соблюдение толерантности для авторов «Википедии» практически так же важно, как и следование принципу «Улучшение мира» с помощью знаний (см. первую часть исследования), просвещающая онлайн-деятельность которых обязательно дезорганизуется, если сообщество не будет сцеплена данными ценностями. Вместе с тем для ответчиков забота о других в практических соображениях является чуть более важной, так как им в гораздо меньшей степени, чем авторам «Википедии», приходится противоборствовать друг с другом, пытаясь достичь компромисса.

Стимуляция и гедонизм. В сопоставлении с предшествующими результатами ориентация к возбуждению, новизне и переменам (стимуляция) поднялась с нижнего уровня до среднего, а склонность к удовольствию и чувственному удовлетворению, наоборот, резко опустилась с высшей до средней степени у википедистов и со срединных до низовых показателей у е-волонтеров «Ответов» в их ценностной иерархии.

Поскольку ядра исследуемых нами онлайн-сообществ свойственен значительный возрастной разброс, то, вероятно, именно по этой причине

здесь наблюдается некая «аномалия» вывода. Отталкиваясь от периодизации психосоциального развития Э. Эриксона, отдельные подсчеты показали, что положения стимуляции и гедонизма в ценностной системе авторов «Википедии» и е-волонтеров «Ответов» зависят от возраста, проявляя тенденцию к снижению от юности и молодости до зрелости (зрелости) и старости (эти выявленные противоречия в трактовке нуждаются во вспомогательных исследованиях).

Конформизм (конформность). Для авторов «Википедии» избегание причинения вреда другим людям или их огорчения (конформизм – межличностный) заметно принципиальнее соблюдения правил, законов и формальных обязательств (конформизм – правила), тогда как среди участников «Ответов» наблюдается обратное.

Можно предположить, что википедисты (как и в случае с ценностью «универсализм – толерантность»), ставят во главу угла функциональные взаимоотношения с достижением посредством них коммуникативной амортизации, без которой войны правок вики-статей стали бы обыденным явлением для «Википедии», тогда как ВО-эксперты, скорее всего, просто не желают нести бремя ответственности за абсолютно все свои ответы.

В вопросе о соблюдении «правил» между википедистами и «ответающими» имеется значимое различие ($p = 0,021$): хотя члены вики-сообщества постоянно отстаивают личную позицию, зачастую оппонировав чужим мнениям⁴, они безусловно принимают нормы, регулирующие википедическую деятельность, даже если какие-то нормы им активно не нравятся, поскольку в «Википедии» невозможна работа без пунктуального следования этим нормам. В то же время ответчики очевиднее соблюдают норму личного сдерживания, так как отход от установленных регламентов в «Ответах» чреват «штрафами» (частными санкциями) или баном (временным либо бессрочным).

При этом, если судить по ценностной ориентации «включенность», как она представлена в первой части исследования, то заниженная ценность «скромности» (понимаемая как расценивание незначительности существования одного человека в круговороте жизни) у википедистов по сравнению с экспертами «Ответов» может говорить о том, что первые в большей степени интровертированы, а вторые скорее экстравертированы или амбивертированы.

Достижение. Хотя ценность достижения сдвинулась в поведенческом плане у вики-участников с высокого (в предшествующем исследовании) до среднего уровня, она все так же признается для них значимой, в то время как для участников «Ответов» – нерелевантной. Комментировать различие ($p = 0,044$) можно следующим образом: если вики-авторам приходится непрерывно и

⁴ Как указывает вики-эксперт Д. Емельняк (Емельняк, 2018, с. 138–139), википедическое сообщество само по себе диссенсуально, так как несогласие в нем является одним из надежных достоинств хорошего качества вики-статей: википедисты, принимая в некой игровой конкуренции позитивистско-кооперативную (антихоливарную) модель дискуссий (обсуждения) фактов по Дж. Дьюи, запускают в действие феномен «мудрости толпы», который, с точки зрения Д. Канемана и его коллег (Канеман и др., 2021, с. 119), максимально эффективно подавляет шум (разброс мнений), качественно усредняя их, что лучше всего работает удаленно, то есть при максимальной обособленности от прямого влияния других людей.

усиленно трудиться на благо развития интернет-энциклопедии, постоянно накапливая новый опыт, то ответчики делятся сконденсированными в течение жизни знаниями, умениями и навыками с учетом того, в чем они разбираются.

Власть и традиции. Любые формы контроля над людьми (власть – доминирование) или материальными и социальными ресурсами (власть – ресурсы), а также поддержание и сохранение каких-либо «догматических» традиций однозначно порицаются и авторами «Википедии», и участниками проекта «Ответы».

Следует иметь в виду два существенных момента. Во-первых, «власть – ресурсы» не может быть сравнима с ценностной ориентацией «овладения» на уровне сообществ (см. первую часть исследования), поскольку через овладение ПоВ не пытаются контролировать интеллектуальные ресурсы, а напротив, перерабатывают их, чтобы впоследствии поделиться с другими людьми. Во-вторых, если среди членов википедического и ВО-экспертного онлайн-сообществ и проявляется какой-либо оттенок доминирования, то это происходит абсолютно по-разному ($p = 0,005$), но, чтобы точно установить, как именно, необходимо проводить дальнейшие исследования.

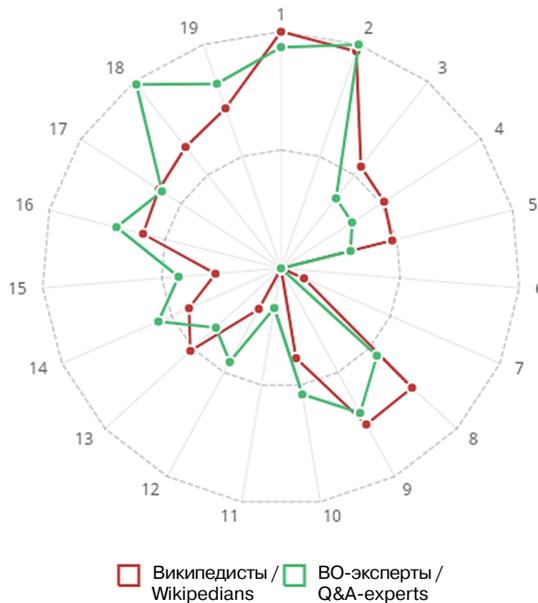

Рис. 2. Лепестковая диаграмма уточненных ценностей авторов «Википедии» и ВО-экспертов с тенденцией к метаизмерениям:

- 1 – Самостоятельность: мысли; 2 – Самостоятельность: поступки; 3 – Стимуляция; 4 – Гедонизм;
 - 5 – Достижение; 6 – Власть: ресурсы; 7 – Власть: доминирование; 8 – Репутация; 9 – Безопасность: личная;
 - 10 – Безопасность: общественная; 11 – Традиция; 12 – Конформизм: правила; 13 – Конформизм: межличностный;
 - 14 – Скромность; 15 – Универсализм: забота о природе; 16 – Универсализм: забота о других;
 - 17 – Универсализм: толерантность; 18 – Благожелательность: забота; 19 – Благожелательность: чувство долга
- Figure 2.** Radar chart of refined values of Wikipedia authors and Q&A-experts with a meta-dimensional tendency:
- 1 – Self-direction: thought; 2 – Self-direction: action; 3 – Stimulation; 4 – Hedonism; 5 – Achievement;
 - 6 – Power: resources; 7 – Power: dominance; 8 – Face; 9 – Security: personal; 10 – Security: societal; 11 – Tradition;
 - 12 – Conformity: rules; 13 – Conformity: interpersonal; 14 – Humility; 15 – Universalism: nature;
 - 16 – Universalism: concern; 17 – Universalism: tolerance; 18 – Benevolence: caring; 19 – Benevolence: dependability

Полученные результаты по методике PVQ-R2R подтвердили, что авторами «Википедии» и участниками «Ответов» движет «самоопределение»

(самотрансцендентность), а также «открытость изменениям», которая у «отвечающих» в первом исследовании интерферировалась «консервативностью». Однако если ответчики, двигаясь по жизни «социальным фокусом», не находят в просвещающем онлайн-волонтерстве (то есть в помощи другим в решении определенных проблем) почти никаких преимуществ, то википедисты делают это прежде всего для самих себя, вовлекаясь в деятельность ради нее самой и тем самым направляясь «личностным фокусом», альтруистическая польза от которого становится следствием, а не причиной. Тем не менее это придает обеим группам тенденцию к безмятежному личностному росту (рис. 2).

Внутренние и внешние ценностные ориентации. Считается, что положительному влиянию на конструирование интернальных (внутренних) по модальности ценностных ориентаций способствует адекватное и достаточное по своей полноте удовлетворение базовых потребностей личности (в теории самодетерминации – автономии, компетентности, принадлежности) на протяжении ее первичного воспитательного процесса (особенно в кругу семьи).

Негативное (или некорректное) удовлетворение основных потребностей ведет к педалированию во взрослом возрасте экстернальных (внешних) ЦО, выражающих интенсифицированное возбуждение (потребностное напряжение) нижележащих нужд, которые на раннем этапе развития не были адекватно восполнены, проявляя из-за этого компенсацию в форме самовыражения/самоутверждения в социуме (то есть если человеку изначально не удастся утвердиться имманентно (внутренне) перед самим собой, то он в дальнейшем старается сделать это, обращаясь вовне к социуму) (Мотков, 2014, с. 248).

Таким образом, результатом «ценностной социализации» (Шатене, 2021, с. 197–198) становится либо интринсивная, либо экстринсивная направленность личности.

На примере просвещающих онлайн-волонтеров «Википедии» и «Ответов» мы вновь (Брызгалин и др., 2022) убеждаемся, что для них значимость и реализация внутренних ЦО, зависящих от собственной субъектной активности, гораздо актуальнее, нежели вескость внешних, причем в данном случае по иерархии последних наблюдается всецелое совпадение между выборками (табл. 3 и 4).

Цифровые волонтеры «Википедии», как и участники «Ответов», предпочитают внутренние ценностные ориентации в противовес внешним, однако для вторых «творчество» оказалось наименее важной ЦО. Мы предполагаем, что в проекте «Ответы» творческое созидание оказывается второстепенной компонентой, так как в вопросно-ответной системе скорее важна доходчивость обратной связи на поставленные пользователями вопросы, в отличие от роли креативности в витиеватом процессе написания и отбраковки информации в онлайн-энциклопедии: вероятнее всего, именно на это указывает значимое различие в реализации внутренних ценностей ($p = 0,032^5$). Так же как и в случае уточненной ценности, по Ш. Шварцу «универсализм – забота о природе»: википедисты меньше заботятся о физическом окружающем мире, целиком посвящая себя приведению в порядок информационно-цифрового мира.

⁵ Нормальное распределение. Использован t -критерий Стьюдента.

Вынуждено избирая (то есть следуя инструкции методики) между предоставленными вариантами из внешних ценностных ориентаций, авторы «Википедии» и участники «Ответов» считают за лучшее иметь хорошее материальное благополучие и физическую (внешнюю) привлекательность, и, возможно, даже занимать высокое социальное положение, чем быть известными и популярными, а также роскошно проживать свою жизнь, что опять же подтверждает ослабленную предрасположенность ПоВ к какому-либо самовозвеличиванию (авторитетности, властолюбию, претенциозности, тщеславию и пр.) в их жизни.

Показатели конфликтности (табл. 5) осуществления всех ценностных ориентаций у вики-волонтеров и во-добровольцев находятся на низком уровне; это предположительно означает, что для них насущно осуществление всего их спектра (как внутренних, так и внешних), но в ощутимо дифференцированных пропорциях, что необходимо для экстенсивного ценностно-смыслового наполнения жизни.

Конфликтность же в реализации внутренних ЦО у обеих выборок выше, чем конфликтность воплощения внешних. Думается, это происходит по причине того, что, во-первых, внутренние ценностные ориентации ПоВ они считают для себя очень значимыми, поэтому выбрать самую важную из них оказывается довольно проблематично, а во-вторых, внутренние ЦО затруднительно реализовать в полноценном объеме, тем более просвещающим онлайн-волонтерам, которые неустанно включаются в едва насыщаемую когда-либо познавательную активность.

Таблица 3 / Table 3

Результаты исследования внешних ценностных ориентаций авторов «Википедии» и ВО-экспертов / The results of the study of the external value orientations of Wikipedia authors and Q&A-experts

Внешние ценностные ориентации / External value orientations					
Википедисты / Wikipedians (N2 = 43)			ВО-эксперты / Q&A-experts (N2 = 77)		
Ценностная ориентация (по рангам) / Value orientation (by rank)	Значимость (средний балл) / Significance (mean score)	Реализация (средний балл) / Realization (mean score)	Ценностная ориентация (по рангам) / Value orientation (by rank)	Значимость (средний балл) / Significance (mean score)	Реализация (средний балл) / Realization (mean score)
1. Хорошее материальное благополучие / Financial success	3,79	2,79	1. Хорошее материальное благополучие / Financial success	3,68	2,7
2. Физическая привлекательность, внешность / Attractiveness	3,28	2,65	2. Физическая привлекательность, внешность / Attractiveness	3,1	2,78
3. Высокое социальное положение / High social position	3,07	2,42	3. Высокое социальное положение / High social position	2,91	2,27
4. Известность, популярность / Fame	2,65	2,53	4. Известность, популярность / Fame	2,08	2,23
5. Роскошная жизнь / Luxurious life	2,23	2,02	5. Роскошная жизнь / Luxurious life	2,08	1,7
Значимость / Significance (СрА)	3		Значимость / Significance (СрА)	2,77	
Реализация / Realization (СрВ)	2,48		Реализация / Realization (СрВ)	2,34	
Конфликтность / Conflict (К _{внеш})	0,52		Конфликтность / Conflict (К _{внеш})	0,43	

Таблица 4 / Table 4

**Результаты исследования внутренних ценностных ориентаций авторов «Википедии» и ВО-экспертов /
The results of the study of the internal value orientations of Wikipedia authors and Q&A-experts**

Внутренние ценностные ориентации / Internal value orientations					
Википедисты / Wikipedians (N2 = 43)			ВО-эксперты / Q&A-experts (N2 = 77)		
Ценностная ориентация (по рангам) / Value orientation (by rank)	Значимость (средний балл) / Significance (mean score)	Реализация (средний балл) / Realization (mean score)	Ценностная ориентация (по рангам) / Value orientation (by rank)	Значимость (средний балл) / Significance (mean score)	Реализация (средний балл) / Realization (mean score)
1. Саморазвитие личности / Personal growth	4,44	3,49	1. Саморазвитие личности / Personal growth	4,26	3,64
2. Творчество / Creation	3,84	2,79	2. Любовь к природе и бережное отношение к ней / Love of nature and careful attitude to it	4,09	3,69
3. Уважение и помощь людям, отзывчивость / Service to people	3,81	3,23	3. Уважение и помощь людям, отзывчивость / Service to people	4,06	3,49
4. Теплые, заботливые отношения с людьми / Affection and love	3,77	3,14	4. Теплые, заботливые отношения с людьми / Affection and love	4,01	3,47
5. Любовь к природе и бережное отношение к ней / Love of nature and careful attitude to it	3,42	3,05	5. Творчество / Creation	3,56	3,06
Значимость / Significance (СрБ)	3,86		Значимость / Significance (СрБ)	4	
Реализация / Realization (СрГ)	3,14		Реализация / Realization (СрГ)	3,47	
Конфликтность / Conflict ($K_{\text{внутр}}$)	0,72		Конфликтность / Conflict ($K_{\text{внутр}}$)	0,53	
Конфликтность всех ЦО / Conflict of all VO ($K_{\text{общая}}$)	0,62		Конфликтность всех ЦО / Conflict of all VO ($K_{\text{общая}}$)	0,48	

Таблица 5 / Table 5

**Примерные уровни конфликтности осуществления ценностей⁶ /
Approximate levels of conflict in the implementation of values**

Уровень / Level	Диапазон, баллы / Range, score
Высокий / High	1,50–4,00
Средний / Middle	0,90–1,49
Низкий / Low	0,00–0,89

Таким образом, авторам «Википедии» и участникам «Ответов» свойственна саморазвивающаяся «гипертимная» ценностно-ориентационная структура (Мотков, 2014), согласно которой внутренние причины⁷ оказывают самое существенное влияние на претворение интернальных ценностных ориентаций, в то время как внешние обстоятельства больше ответственны за исполнение их экстернальных ЦО (табл. 6). Постфактум это кажется вполне

⁶ Нормы предоставлены авторами методики.

⁷ Внутренние причины – природные данные (как-то совокупность психофизиологических индивидуальных факторов, обуславливающих мотивационный акт: психические процессы, состояния, свойства, темперамент и т. д.), а также приведение в действие собственных усилий.

логичным, хотя нередко данное положение оказывается полностью инвертированным.

Таблица 6 / Table 6

**Данные по оценке атрибуции на реализацию ценностных ориентаций /
Data on the assessment of attribution on the implementation of value orientations**

Внешние обстоятельства (ВО) – внешние причины / External causes			Мои природные данные (МПД) / My natural data			Собственные усилия (СУ) / Own efforts			Внутренние причины: (МПД + СУ)/2 / Internal causes		
А / А	Б / В	А+Б / А+В	А / А	Б / В	А+Б / А+В	А / А	Б / В	А+Б / А+В	ПА / СА	ПБ / СВ	ПА+ПБ / СА+СВ
Википедисты / Wikipedians (N2 = 43)											
3,36	2,73	3,05	3,09	3,12	3,10	3,34	3,93	3,63	3,21	3,52	3,37
Отвечающие / Q&A-experts (N2 = 77)											
3,04	3,1	3,07	2,84	3,52	3,18	2,81	3,65	3,23	2,82	3,59	3,21

Примечание: А – влияние определенной причины на реализацию внешних ценностей; Б – влияние определенной причины на реализацию внутренних ценностей; А+Б – влияние определенной причины на реализацию всех ЦО; ПА – влияние внутренних причин на реализацию внешних ценностей; ПБ – влияние внутренних причин на реализацию внутренних ценностей; ПА+ПБ – влияние внутренних причин на реализацию всех ЦО.

Note: A – the influence of a certain reason on the implementation of external values; B – the influence of a certain reason on the implementation of internal values; A+B – the influence of a certain reason on the implementation of all value orientations; CA – the influence of internal causes on the implementation of external values; CB – the influence of internal causes on the implementation of internal values; CA+CB – the influence of internal causes on the implementation of all value orientations.

Следовательно, википедисты и ответчики считают, что в их жизни (в том числе волонтерской деятельности) во всем нужно рассчитывать прежде всего на самих себя, критически отзываясь об излишнем влиянии со стороны чего-то/кого-то другого (например, ситуационных давлений; воли Бога, судьбы и т. д.) на воплощение их ЦО, особенно внутренних.

При этом между авторами «Википедии» и ВО-экспертами были обнаружены значимые статистические различия по воздействию внутренних причин ($p = 0,022$) на воплощение внешних ценностных ориентаций: так как эти ЦО практически не затрагиваются просвещающей онлайн-деятельностью, а е-волонтеры из числа респондентов максимально гетерогенны в актуальной реальности (в обычной жизни), то именно поэтому между ними имеются абсолютные различия в способах экзогенного ценностного осуществления.

Кроме того, поскольку большинство полученных показателей оказались очень близки между собой, то не исключено, что в данном случае имеет место фундаментальная ошибка атрибуции, однако в противном случае исследуемые нами ПоВ не добились/не добивались бы таких информационно-насыщенных результатов в «Википедии» и «Ответях», ибо в научных исследованиях было неоднократно показано, что усиление внешней ориентации в отсутствие внутреннего удовольствия, получаемого только по «доброй воле» от соответствующей деятельности, приводит к резкому снижению личностной производительности (Кадзиковска-Вжосек, 2021), тогда как усиление внутренних ориентиров, наоборот, ведет за собой приращение психологического пространства индивидуальной альтруистичности (Grant, 2008).

Заключение

Психологический анализ позволил итерационно подтвердить гипотезу, согласно которой для опытных просвещающих онлайн-волонтеров интернет-энциклопедии «Википедия» и вопрос-ответного проекта «Ответы» свойственно схожее сочетание и принципиальных, и относительно малозначимых ценностей, а также ценностных ориентаций, отличаясь по ним только в некоторых парциальных аспектах.

Так, исследование уточненных ценностей по Ш. Шварцу показало, что во многом на поведение довольно закрытых от публичности википедистов и социально открытых ответчиков оказывает определенное влияние стремление к протекции их референтных онлайн-сообществ, добываясь в них расположения; посредством своих онлайн-сообществ е-волонтеры обеих рассмотренных групп выражают информационную заботу как об отдельных интернет-пользователях, так и о мире в целом (то есть отзывчивую помощь, оказанную в форме знаний) через выражение собственной самостоятельности. Для авторов «Википедии» этот жизненный принцип усиливается изъяснением больших творческих способностей и достигнутых усилий, которые для участников «Ответов» не представляются релевантными, так как они больше склонны к тому, чтобы как можно быстрее, проще и доступнее (вразумительнее) делиться своими знаниями, умениями и навыками (хотя и без должного желанья отвечать за свои слова в случае ввода в заблуждение), а не корпеть над составлением «идеального» текста, как это бывает при полемическом составлении вики-статей, в процессе чего приходится задействовать изрядную терпимость к сторонним решениям.

Также надо полагать, что цифровые просвещающие волонтеры «Википедии» и «Ответов» по своему психологическому складу довольно ассертивны, так как отрицают множество форм социального давления, будь то принуждение к подчинению, соблюдение ультимативных традиций, подавляющих личностную независимость и пр., хотя некоторые нежесткие правила, страхующие от возникновения беспорядка, им все же приходится соблюдать.

Помимо этого, в силу неотъемлемого для ядер ПоВ возрастного разброса возникают некоторые противоречия в интерпретации ценностей стимуляции и гедонизма, однако замечена тенденция преобладающего интереса к ним у молодых киберволонтеров, которые больше нуждаются в удовлетворении «низменных» потребностей.

В целом цифровые волонтеры «Википедии» и «Ответов» во многом нацелены на добро для других людей, что Д. МакАдамс обозначил продуктивной ориентацией (Кадзиковска-Вжосек, 2021, с. 45–46), которая, судя по всему, характеризует их как субъектов, ориентированных на деятельность (в понимании Ю. Куля (Там же, с. 93–101)), катализирующей саморазвитие (личностное самосовершенствование) в оптимальном для них темпе.

При этом, если участники «Ответов» концентрируют просоциальную активность на том, чтобы главным образом своими ответами приносить пользу, не преследуя посредством этого никакой намеренной заинтересованности, то википедисты, настойчиво включаясь во все то, чем они занимаются, обычно усматривают в этом конкретную личностную необходимость,

посему информационное благо, как основной «продукт» их альтруизма, имеет для них второстепенное значение (должно быть, этим они отличаются «экзальтированным» парателическим состоянием, согласно теории психологической реверсии М. Аптера (Apter, 2007) и, следовательно, повышенным переживанием опыта потока по М. Чиксентмихайи (Брызгалин, 2020, с. 9)).

В то же время, альтруистическое поведение обеих групп е-волонтеров носит «духовный» (максимально зрелый) характер: они «открыты изменениям» и «самотрансцендируют» себя в мир, считаясь обязательными элементами в становлении трансфинитного альтруизма (Кейсельман, 2016; Роккас, Сагив, 2022, с. 126), что может провоцировать исключительно эмансипированный деятельный контекст, который полон свободы выбора (при отсутствии каких-либо притязаний и смятенности) (Donald et al. 2021), чем знаменуются онлайн-платформы «Википедия» и «Ответы», в которых по максимуму элиминировано давление ситуационных «прессов» (в терминологии Г.А. Мюррея), как правило, приводящих к негибкости поведения. Угроза же свободы воли, наоборот, усиливает готовность причинять вред (Монро, Вос, Баумайстер, 2022, с. 60).

При этом психодиагностические результаты ценностных ориентаций по теории самодетерминации также показали, что авторы «Википедии» и участники «Ответов» отдают приоритетность процессуальной по своей природе (затруднительной по аксиологической селекции и исчерпывающему восполнению) внутриличностной, а не внешестимулируемой ценностной регуляции, стараясь усердно (но по-разному) сопротивляться многим внешним амбициям (больше честолюбия и меньше репутации), ставящих в зависимую со своей стороны (неавтономную) жизненную позицию, которая кардинально конфронтирует с внутренним миром просвещающих онлайн-волонтеров.

Ограничения и будущие исследования. Несмотря на то, что представленное исследование состоит из двух частей, в которых было проведено несколько психодиагностических этапов с использованием четырех взаимосотвечающих методик, полученные результаты вряд ли смогли охватить абсолютно все тонкости ценностно-ориентационной сферы авторов «Википедии» и участников «Ответов». Поскольку тематика академических изысканий, подобных этому, представляет из себя достаточно новое киберпсихологическое направление, то в данном исследовательском ключе остается еще много пробелов, которые в перспективе нуждаются в своем заполнении (в том числе это касается еще одного глубинного личностного образования – смысловой сферы).

Из расчета того, что у авторов «Википедии» и ВО-экспертов обнаружено больше совпадений, чем различий, не исключено, что относительно близкое ценностное строение прослеживается и у других популярных в Рунете ПоВ; дальнейшее накопление эмпирических данных позволило бы это выяснить. Кроме того, любопытно сравнить ценностные особенности просвещающих е-волонтеров с разным уровнем компетентности, то есть сопоставить экспертов и начинающих участников.

Практическая значимость исследования. Учитывая вышеизложенное, важно отметить, что полноценное описание психологической специфики про-

свещающих онлайн-волонтеров может помочь в выработке рекомендаций в оптимизации их интернет-деятельности для еще более эффективной организации знаний, а также благоприятствовать разработке методов интенсификации процессов стимуляции и консолидации общественно-альтруистических сил прочих членов информационного общества в интересах достижения максимального прагматичного результата в приращении и структурировании теоретических и практических знаний (как одной из высших личностных ценностей), что может принести максимальную просветительскую пользу всему человечеству. Следует ожидать, что просвещающие онлайн-волонтеры – своего рода лидеры цифровой революции – выработают в своей практике новые эффективные методы достижения консенсуса при решении встающих задач применительно к большим и очень большим группам.

Кроме того, проведенная работа является определенной опорой для обоснования практики возврата психологов к ранее разработанному методическому инструментарию с целью усовершенствования его и приближения к быстро меняющейся действительности (в том числе – психологической действительности). А именно – доработка психологического инструментария неминуемо потребует новых, в том числе сравнительных исследований с применением теперь уже обновленных методик. Проведенный опыт такого рода работы подсказывает, что обновленная методология помогает вносить определенные существенные нюансы в ранее полученные эмпирические результаты, при этом не отменяя полностью их значимость и пользу.

Список литературы

- Брызгалин Е.А.* Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 46–66. <http://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-2-46-66>
- Брызгалин Е.А.* Межкультурный анализ ценностных ориентаций авторов Википедии // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 1. № 1 (37). С. 3–17. <http://doi.org/10.11621/npj.2020.0101>
- Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А.* Жизненные цели волонтеров-просветителей российского киберпространства: авторы Википедии VS участники «Ответов» // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2022. № 2. ART 3044. URL: <http://emissia.org/offline/2022/3044.htm>
- Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А.* Ценностно-ориентационная дифференциация волонтеров-просветителей интернет-энциклопедии «Википедия» и проекта «Ответы». Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 465–487. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-465-487>
- Емельняк Д.* Свобода, правила, конфликты. Как работает «Википедия» / пер. с англ. М. Солнцева. Минск: Дискурс, 2018. 448 с.
- Кадзиковска-Вжосек Р.* Сила воли. Автономия, саморегуляция и контроль деятельности. Харьков: Гуманитарный центр, 2021. 244 с.
- Канеман Д., Сибони О., Санстейн К.* Шум. Несовершенство человечески суждений. М.: АСТ, 2021. 544 с.
- Кейсельман (Дорожкин) В.Р.* Грани альтруизма. Киев: Феникс, 2016. 320 с.
- Майерс Д.* Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2020. 800 с.

- Монро Э.Э., Вос К.Д., Баумайстер Р.Ф. Свобода воли на службе морали и культуры // Социальная психология добра и зла / под ред. А.Г. Миллера. Харьков: Гуманитарный центр, 2022. С. 55–65.
- Мотков О.И. Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности // Журнал Психологического общества имени Л.С. Выготского. 2009. № 1. С. 81–92.
- Мотков О.И. Природа и гармония личности: от теории к исследованию. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 284 с.
- Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. От борьбы за выживание – к сотрудничеству / пер. с англ. А. Чечиной. М.: Эксмо, 2016. 416 с.
- Роккас С., Сагив Л. Ценности и поведение: кросс-культурный подход. Харьков: Гуманитарный центр, 2022. 332 с.
- Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальным окружением. М.: Полис, 2002. 216 с.
- Снайдер М., Омото А.М., Дуайер П.К. Волонтерство. Различные точки зрения на выгоды и издержки // Социальная психология добра и зла / под ред. А.Г. Миллера. Харьков: Гуманитарный центр, 2022. С. 479–504.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Канон+, 2021. 288 с.
- Шатене К. Психология ценностей. Харьков: Гуманитарный Центр, 2021. 244 с.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальд. М.: АСТ, 2005. 511 с.
- Apter M.J. Reversal theory: the dynamics of motivation, emotion, and personality. 2nd ed. London: Oneworld Publications, 2007. 288 p.
- Donald J.N., Bradshaw E.L., Conigrave J.H., Parker P.D., Byatt L.L., Noetel M., Ryan R.M. Paths to the light and dark sides of human nature: a meta-analytic review of the prosocial benefits of autonomy and the antisocial costs of control // Psychological Bulletin. 2021. Vol. 147. No 9. Pp. 921–946. <https://doi.org/10.1037/bul0000338>
- Grant A.M. Does intrinsic motivation fuel the prosocial fire? Motivational synergy in predicting persistence, performance, and productivity // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93. No 1. Pp. 48–58. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.1.48>
- Lee J.A., Bardi A., Gerrans P., Sneddon J., van Herk H., Evers U., Schwartz S. Are value-behavior relations stronger than previously thought? It depends on value importance // European Journal of Personality. 2022. Vol. 36. No 2. Pp. 133–148. <https://doi.org/10.1177/08902070211002965>
- Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory: basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: The Guilford Press, 2017. 756 p. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. No 4. Pp. 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>
- The handbook of peer production / ed. by M. O'Neil, C. Pentzold, S. Toupin. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2021. 464 p. <https://doi.org/10.1002/9781119537151>

История статьи:

Поступила в редакцию 20 июля 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Брызгалин Е.А., Войскунский А.Е., Козловский С.А. Ценностно-ориентационная дифференциация волонтеров-просветителей интернет-энциклопедии «Википедия» и проекта

«Ответы». Часть 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 627–648. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-627-648>

Сведения об авторах:

Брызгалин Евгений Алексеевич, выпускник аспирантуры, кафедра общей психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-7365-174X, eLIBRARY SPIN-код: 2815-4239. E-mail: r0ld@mail.ru

Войсунский Александр Евгеньевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-5213-1366, eLIBRARY SPIN-код: 5860-1826. E-mail: vae-msu@mail.ru

Козловский Станислав Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-2106-3815, eLIBRARY SPIN-код: 8922-0714. E-mail: s_t_a_s@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-627-648

UDC 159.9.07

Research article

Value-Orientation Differentiation of Volunteers-Educating of the Internet Encyclopedia “Wikipedia” and the Project “Otvety.” Part 2

Evgeniy A. Bryzgalin^{ID}[✉], **Alexander E. Voiskounsky**^{ID},
Stanislav A. Kozlovskiy^{ID}

Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya St, bldg 9, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ r0ld@mail.ru

Abstract. Over the past decades, altruistic cyber activities of online education volunteers who share useful knowledge with other Internet users have become widespread in the Internet space. Personal and group features of such prosocial behavior, which is strongly influenced by the realization of values, have not been sufficiently studied by psychological science so far. This study continues the psychological analysis of the value-orientation sphere of online educators, focusing on competent education volunteers who deal with the Internet encyclopedia “Wikipedia” (N = 92) and the question-answer (Q&A) online project “Otvety” (N = 113). The following tools were used in the work: the revised Portrait Value Questionnaire (PVQ-R2R) by Sh. Schwartz adapted by T.P. Butenko, D.S. Sedova and A.S. Lipatova and the Value Orientations Techniques developed by O.I. Motkov and T.A. Ogneva (version 2). The results of the analysis provide sufficient grounds to characterize the members of both groups as individuals who are productively oriented towards informational and pro-social Internet activities that are not identical in format from the perspective of transfinite altruism, for the implementation of which optimal non-hierarchical-parity conditions have been created in their reference online communities, stimulating liberty in the process of individual self-realization. It is shown that, with a high homogeneity of the value profiles of the Wikipedia authors and Q&A “Otvety”

service experts, the internal value-related self-determination (procedural in nature) has a basal meaning for them, since the external one, set in a heteronomous position, only weakly corresponds to their freedom-seeking way of life. It is concluded that the series of theoretical and empirical psychological studies of the diverse teams of online education volunteers will make it possible, by understanding their personal and group specifics, to lay a solid foundation, which can potentially lead to global unity of people with the prospect of large-scale amplification of knowledge as one of the highest human values.

Key words: values, value orientation, motivation, knowledge, education, online volunteering, Wikipedia, Wikipedians, Q&A-Experts

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 18-18-00365).

References

- Apter, M.J. (2007). *Reversal theory: The dynamics of motivation, emotion, and personality* (2nd ed.). London: Oneworld Publications.
- Bryzgalin, E.A. (2020). Intercultural analysis of value orientations of Wikipedia authors. *National Psychological Journal*, 13(1), 3–17. (In Russ.) <http://doi.org/10.11621/npj.2020.0101>
- Bryzgalin, E.A. (2022). Fundamentals about personal values and meanings (based on materials from Russian and foreign scientific sources). *Theoretical and Experimental Psychology*, 15(2), 46–66. (In Russ.) <http://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-2-46-66>
- Bryzgalin, E.A., Voiskounsky, A.E., & Kozlovskiy, S.A. (2022a). Life goals of volunteers-enlightening of the Russian cyberspace: Wikipedia authors vs. participants of the “Reply.” *The Emissia. Offline Letters*, (2), 3044. (In Russ.) Retrieved from <http://emissia.org/offline/2022/3044.htm>
- Bryzgalin, E.A., Voiskounsky, A.E., & Kozlovskiy, S.A. (2022b). Value-orientation differentiation of volunteers educating of the internet encyclopedia “Wikipedia” and the Project “Otvety.” Part 1. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(3), 465–487. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-465-487>
- Chataigné, C. (2021). *Psychologie des valeurs*. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr. (In Russ.)
- Donald, J.N., Bradshaw, E.L., Conigrave, J.H., Parker, P.D., Byatt, L.L., Noetel, M., & Ryan, R.M. (2021). Paths to the light and dark sides of human nature: A meta-analytic review of the prosocial benefits of autonomy and the antisocial costs of control. *Psychological Bulletin*, 147(9), 921–946. <https://doi.org/10.1037/bul0000338>
- Grant, A.M. (2008). Does intrinsic motivation fuel the prosocial fire? Motivational synergy in predicting persistence, performance, and productivity. *Journal of Applied Psychology*, 93(1), 48–58. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.93.1.48>
- Horney, K. (2021). *The neurotic personality of our time*. Moscow: Kanon+ Publ. (In Russ.)
- Jemielniak, D. (2018). *Common knowledge? An ethnography of Wikipedia*. Minsk: Diskurs Publ. (In Russ.)
- Kadzikowska-Wrzosek, R. (2021). *Sila woli. Autonomia, samoregulacja i kontrola dzialania*. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsent Publ. (In Russ.)
- Kahneman, D., Sibony, O., & Sunstein, C.R. (2021). *Noise: A flaw in human judgment*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Keisel'man (Dorozhkin), V.R. (2016). *Verges of altruism*. Kyiv: Feniks Publ. (In Russ.)
- Lee, J.A., Bardi, A., Gerrans, P., Sneddon, J., van Herk, H., Evers, U., & Schwartz, S. (2022). Are value-behavior relations stronger than previously thought? It depends on value importance. *European Journal of Personality*, 36(2), 133–148. <https://doi.org/10.1177/08902070211002965>
- Monroe, A.E., Vohs, K.D., & Baumeister, R.F. (2022). Free will evolved for morality and culture. In A.G. Miller (Ed.), *The Social Psychology of Good and Evil* (pp. 55–65). Kharkiv: Gumanitarnyi Tsent Publ. (In Russ.)

- Motkov, O.I. (2009). Technique for studying external and internal person's values. *Zhurnal Psikhologicheskogo Obshchestva Imeni L.S. Vygotskogo*, (1), 81–92. (In Russ.)
- Motkov, O.I. (2014). *Nature and harmony of personality: From theory to research*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. (In Russ.)
- Myers, D. (2020). *Social psychology*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- O'Neil, M., Pentzold, C., & Toupin, S. (Eds.). (2021). *The handbook of peer production*. Hoboken: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781119537151>
- Ridley, M. (2016). *The origins of virtue: Human instincts and the evolution of cooperation*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- Roccas, S., & Sagiv, L. (2022). *Values and behavior: Taking a cross-cultural perspective*. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentrl Publ. (In Russ.)
- Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: The Guilford Press. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Sardzhveladze, N.I. (2002). *Personality and its interaction with the social environment*. Moscow: Polis Publ. (In Russ.)
- Schopenhauer, A. (2005). *Die beiden grundprobleme der ethik*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Schwartz, S., Butenko, T.P., Sedova D.S., & Lipatova, A.S. (2012a). A refined theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. (In Russ.)
- Schwartz, S.H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Ramos, A., Verkasalo, M., Lönnqvist, J.-E., Demirutku, K., Dirilen-Gumus, O., & Konty, M. (2012b). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103(4), 663–688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>
- Snyder, M., Omoto, A.M., & Dwyer, P.C. (2022). Volunteerism: Multiple perspectives on benefits and costs. In A.G. Miller (Ed.), *The Social Psychology of Good and Evil* (pp. 479–504). Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentrl Publ. (In Russ.)

Article history:

Received 20 June 2022

Revised 22 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Bryzgalin, E.A., Voiskounsky, A.E., & Kozlovskiy S.A. (2022). Value-orientation differentiation of volunteers-educating of the internet encyclopedia “Wikipedia” and the project “Otvety.” Part 2. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 627–648. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-627-648>

Bio notes:

Evgeniy A. Bryzgalin, PhD Candidate, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-7365-174X, eLIBRARY SPIN-code: 2815-4239. E-mail: r0ld@mail.ru

Alexander E. Voiskounsky, Ph.D. in Psychology, Leading Researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-5213-1366, eLIBRARY SPIN-code: 5860-1826. E-mail: vae-msu@mail.ru

Stanislav A. Kozlovskiy, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-2106-3815, eLIBRARY SPIN-code: 8922-0714. E-mail: s_t_a_s@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-649-669

УДК 159.9

Исследовательская статья

Психологические аспекты использования цифровых устройств для развития старших дошкольников, имеющих признаки одаренности

Е.С. Белова

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

✉ elenasbelova@mail.ru

Аннотация. Проблема раскрытия детских способностей и дарований в условиях цифровизации относится к актуальным проблемам современной психологии. Первые признаки одаренности могут проявиться рано, уже на этапе дошкольного детства, когда ее развитие во многом зависит от условий микросреды, особенно семейной. Проведенное исследование нацелено на выявление психологических особенностей использования цифровых устройств (планшета/компьютера) как компонентов семейной образовательной микросреды для развития старших дошкольников с признаками общей одаренности. В соответствии с концептуальными положениями А.М. Матюшкина одаренность рассматривалась как предпосылка развития творческой личности. В исследовании участвовали 200 детей старшего дошкольного возраста ($M_{age} = 6,7$; $SD = 0,307$; мальчиков – 49 %, девочек – 51 %) и их родители, преимущественно матери (матерей – 83 %, отцов – 17 %). Применялась методика диагностики интеллектуальных способностей (МЭДИС). Изучение интеллектуальной и творческой активности, творческого мышления детей проводилось в ходе диагностического игрового занятия с помощью структурированного наблюдения и метода экспертных оценок. Опрос родителей дошкольников осуществлялся с помощью специально составленной анкеты, содержащей вопросы об использовании в домашних условиях планшета/компьютера для развития ребенка (частота, время, программы/игры), а также вопросы об интересах, увлечениях ребенка, др. В результате диагностики была выделена группа ($N = 24$) детей с признаками одаренности, а также группа сверстников для сравнительного анализа (их интеллектуальные и творческие способности проявлялись слабее). Результаты показали, что почти все дети с признаками одаренности (95,8 %), как и их сверстники, имели опыт использования дома планшета/компьютера в развивающих целях. Частота использования цифровых устройств дошкольниками с признаками одаренности в целом по группе была меньше, чем у сверстников. При наблюдающемся разнообразии используемых развивающих компьютерных программ/игр общее их количество было меньше в группе неординарных дошкольников по сравнению с группой сверстников. Выявлено частичное соответствие цифрового контента интересам детей. При выборе компьютерных программ/игр родители чаще всего руководствовались целью подготовки к школе. Выявилась необходимость психологической помощи родителям дошкольников в решении вопросов применения цифровых устройств для развития детских способностей и дарований. Результаты

© Белова Е.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

исследования могут быть использованы для разработки практических рекомендаций, основанных на комплексном подходе к раскрытию одаренности на этапе дошкольного детства с учетом особенностей цифровизации семейной микросреды.

Ключевые слова: цифровые устройства, цифровизация, одаренность, одаренные дети, дошкольный возраст, родители

Введение

Изучение влияния процессов цифровизации на развитие детей, в том числе дошкольного возраста, составляет одну из актуальных задач современной психологии. В настоящее время цифровые устройства (ЦУ) становятся уже не только частью микросреды развития ребенка-дошкольника, но и важными факторами ее преобразования. Открываются новые возможности для развития способностей и талантов детей, но вместе с тем возникают и серьезные риски, представляющие угрозу для их гармоничного развития и сохранения здоровья.

Легкость, с которой дошкольники осваивают сложные электронные устройства, быстрая ориентация их в игровом пространстве компьютерных программ, притягательность и интерес к ним – таковы особенности взаимодействия современного поколения детей дошкольного возраста с цифровыми устройствами. Не случайно возникло представление о современном цифровом детстве как развивающемся культурно-психологическом феномене особого исторического типа детства (Солдатова, 2018; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018). Когнитивное и личностное развитие ребенка может проходить по-другому, подчиняться иной логике. И это требует, по мнению исследователей, пристального внимания и изучения для создания оптимальных условий развития современных детей, раскрытия их способностей и дарований в условиях цифрового общества (Бабаева, Войскунский, 2003; Марцинковская, 2018; Рубцова, 2019; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018).

В соответствии с тенденциями интенсификации процессов цифровой трансформации расширяется проблемное поле современных исследований приоритетных векторов и законов развития человека в цифровом обществе (Куриленко, Ершова, Новикова, 2022). Одним из перспективных направлений таких исследований является изучение раскрытия детской одаренности в условиях использования цифровых технологий.

В современной психологии существует много концепций одаренности, но, несмотря на их различия, в большинстве случаев одаренность рассматривается как сложное явление, включающее личность в целом; наряду с высоким уровнем интеллекта важным фактором является творчество. Процесс раскрытия одаренности зависит от социального окружения и обучения, при этом признается влияние внутренних условий – природных задатков (анатомо-физиологических особенностей). В отношении дошкольного периода чаще всего используют понятие «потенциал» для определения ключевого показателя одаренности (Матюшкин, 2004; Мелик-Пашаев, Новлянская, 2022; Монкс, Ипенбург, 2014; Савенков, 2010; Щербланова, 2017).

Одаренность, по мнению А.М. Матюшкина, может рассматриваться как предпосылка развития творческой личности. У некоторых детей прояв-

ления одаренности обнаруживаются уже на этапе дошкольного возраста. Ярko выраженная у неординарного ребенка познавательная потребность является наиболее общей характеристикой его творческого потенциала как основы одаренности и реализуется в форме поисковой, исследовательской активности (Матюшкин, 2004).

В отношении развития одаренности детей исследователи выделяют две стороны влияния цифровизации: позитивную и проблемную (Бабаева, Войскунский, 2003; Жебровская, 2018; Соломатина, 2020; Фримен, 2015; Kurnaz, Tere, 2019; Petrova, 2020; Swicord et al., 2013). ЦУ и программы позволяют создавать более сложные варианты учебной среды для одаренных детей с учетом их высоких познавательных интересов, а также дают возможность неординарным детям находить и общаться с детьми, имеющими схожие интересы и таланты. Электронная среда может быть основой, которая стимулирует разработку новых образовательных программ для одаренных. Вместе с тем риски для здоровья, психологического благополучия, общения, гармоничного развития одаренных, как и их сверстников, вызывают большую тревогу. Отметим, что исследования в основном посвящены школьному и более старшему возрасту, специфика дошкольного периода изучена крайне слабо.

Роль семьи, родителей в поддержке и развитии детской одаренности в дошкольном возрасте является особенно значимой (Монкс, Ипенбург, 2014; Савенков, 2010; Clark, 2013; Fish, 2016). Родители первыми замечают ранние проявления дарований, и от их отношения и реализуемой стратегии воспитательных воздействий во многом зависит раскрытие детской одаренности.

Использование ЦУ в домашних условиях изменяет социальную ситуацию развития ребенка, оказывает воздействие на детско-родительские отношения (Веракса и др., 2020; Смирнова и др., 2019; Солдатова, Теславская, 2019; Dias et al., 2016). Позиция родителей является определяющей в отношении того, зачем и как дошкольник взаимодействует с ЦУ.

Многие родители полагают, что ЦУ играют позитивную роль в детском развитии, а вовлечение детей в использование технологий с раннего детства способствует будущему успеху в школе и на работе. Обучающие программы и игры воспринимаются как хороший источник образовательных возможностей для дошкольников. Родители стараются отслеживать медиаконтент, но лояльны в контроле количества времени использования средств (Kostyrka-Allchorne et al., 2017).

Выделено несколько вариантов стратегий посредничества родителей: открытые, активные, разрешительные, поддерживающие, ограничительные (Денисенкова, Тарунтаев, 2022; Смирнова и др., 2019; Chaudron et al., 2018; Plowman, 2015). Если рассматривать позитивные или обучающие стратегии, то, по данным последних исследований, набор их более разнообразный, чем считалось ранее (Scott, 2022). Вместе с тем родительская медиация использования дошкольниками ЦУ в большей степени ситуативна по характеру, чем систематична (Солдатова, Теславская, 2019). Только у части родителей прослеживается ответственное отношение к вопросам использования ребенком ЦУ (Кириллов, Соловьева, 2020). В связи с этим резко возрастает актуальность проблемы информационной безопасности и психологического благополучия дошкольника (Карабанова, 2020; Смирнова и др., 2018).

Среди детей дошкольного возраста наиболее популярны два вида цифровой активности: просмотр мультфильмов и видеоигры (Веракса и др., 2020; Солдатова, Теславская, 2019; Chaudron et al., 2018). Количество времени, в течение которого дошкольники дома взаимодействуют с ЦУ для развлечения, значительно больше, чем время для обучения и развития (Tau et al., 2021).

Любимым ЦУ у детей 5–7 лет является планшет (Солдатова, Теславская, 2019; Chaudron et al., 2018). Родители приобретают для дошкольников недорогие планшеты (в основном, без доступа к интернету), и позволяют свободно ими пользоваться. В некоторых семьях взрослые устанавливают развивающие детские программы/игры на свой/семейный компьютер, и тогда им легче контролировать процесс взаимодействия дошкольника с ЦУ.

Особенности контента, время взаимодействия, выбор цифровой активности – все эти факторы обуславливают влияние ЦУ на развитие дошкольника, от благоприятного до негативного. Качественный образовательный контент, соответствующий возрасту, способствует развитию, а длительное время использования цифрового устройства оказывает негативное влияние (Веракса и др., 2020; Бухаленкова и др., 2021). У дошкольников с низкой онлайн-активностью выше показатели развития когнитивной сферы (функции серийной организации, программирования и контроля) по сравнению с другими группами сверстников (Солдатова, Вишнева, 2019). По уровню развития восприятия, наглядно-образного, логического мышления дошкольники, умеренно играющие в компьютерные игры, превосходят неиграющих и много играющих детей; результаты выше у детей, которые играют в развивающие компьютерные игры (Клопотова, Романова, 2020).

Есть примеры положительного опыта использования в условиях семьи цифровых технологий, способствовавших раннему обучению грамоте детей дошкольного возраста (McGlynn-Stewart et al., 2019; Ozturk, Ohi, 2022). При этом большое значение имеет оказание помощи, поддержки ребенку со стороны родителей, а также контакт родителей и педагогов.

Необходимо отметить, что в приведенных исследованиях проблематика детской одаренности не рассматривалась.

Вопросы цифровизации семейной микросреды в соотношении с проблемой раскрытия детской одаренности на этапе дошкольного детства крайне слабо изучены. В связи с этим *цель* проведенного исследования состояла в выявлении психологических особенностей использования ЦУ (планшета/компьютера) как компонентов семейной образовательной микросреды для развития старших дошкольников с признаками одаренности.

Задачи исследования: 1) выявление детей старшего дошкольного возраста с признаками одаренности; 2) анализ специфики использования планшетов/компьютеров в условиях семейной образовательной микросреды детьми с признаками одаренности и их сверстниками.

Процедура и методы исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие: 200 детей старшего дошкольного возраста ($M_{age} = 6,7$; $SD = 0,307$; мальчиков – 49 %, девочек – 51 %), их родители, в основном матери (матерей – 83 %, отцов – 17 %).

Дети с родителями проживали в Москве, большая часть детей (91,5 %) посещала различные дошкольные образовательные учреждения Москвы. Исследование проведено в 2021–2022 годах.

Методы. Для обследования дошкольников использовалась Методика экспресс-диагностики интеллектуальных способностей (МЭДИС, форма А), представляющая собой сокращенный и адаптированный Е.И. Щербановой, И.С. Авериной, Е.Н. Задориной вариант Мюнхенского теста познавательных способностей (Щербанова и др., 1994). Тестовые задания предлагались детям в рисуночной форме, и не требовали от них умения читать. Методика включала 4 субтеста: I субтест направлен на изучение общей осведомленности, словарного запаса; II субтест выявляет уровень понимания количественных и качественных соотношений; III субтест направлен на изучение уровня логического мышления; IV субтест – уровня математических способностей. В каждом субтесте 5 заданий, правильное выполнение задания оценивалось одним баллом. В итоге подсчитывалось суммарное количество баллов, полученных при решении ребенком всех заданий, и определялся общий показатель интеллектуальных способностей. Его значения в пределах 11–13 баллов соответствовали возрастной норме, общий показатель, равный или превышающий 14 баллов, свидетельствовал о высоких интеллектуальных способностях ребенка.

Проводилось структурированное наблюдение и экспертная оценка интеллектуальной, творческой активности, творческого мышления дошкольников в процессе их участия в специально разработанном Н.Б. Шумаковой игровом занятии (в группах детей из 5–7 человек). Три эксперта-психолога вели наблюдение и подробно фиксировали ответы дошкольников, их вопросы и реакции на задания ведущего и высказывания других детей и оценивали выполнение заданий по 5-балльной шкале в соответствии с заранее выделенными критериями; итоговый балл за игровое занятие определялся как среднее арифметическое оценок экспертов и мог варьироваться от 4 до 20 (Шумакова, Белова, 2021).

Проводился опрос родителей с помощью специально составленной анкеты, содержащей вопросы об использовании ЦУ в домашних условиях для развития ребенка (частота, время, программы/игры); а также вопросы об интересах, увлечениях ребенка, посещениях им дошкольного образовательного учреждения, кружков/секций дополнительного образования (анкета приведена в приложении).

Применялись методы качественного и количественного анализа данных.

Для статистической обработки данных использовался статистический пакет SPSS Statistics 22 (описательная статистика, непараметрические критерии для сравнения двух выборок (U -критерий Манна – Уитни, ϕ^* -критерий – угловое преобразование Фишера); r – коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Процедура. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе осуществлялось диагностическое обследование дошкольников, и выделялись среди них те, которые обнаруживали признаки одаренности: их оценки по МЭДИС и итоговые баллы за игровое занятие входили в верхний квар-

тиль результатов по обследованной выборке дошкольников. Кроме того, для последующего сравнительного анализа были выделены дети, чьи интеллектуальные и творческие способности были выражены слабее (нижний квартиль результатов по выборке); для обеспечения репрезентативности в качестве приема также использовалась случайная стратегия. Проводился опрос родителей. На втором этапе осуществлялся анализ специфики использования планшетов/компьютеров в условиях семейной образовательной среды детьми с признаками одаренности и их сверстниками.

Результаты

Выделено 24 дошкольника (11 девочек и 13 мальчиков) с признаками одаренности (12 % от всей выборки), они составили группу I (МЭДИС: $M = 18,08$; $SD = 1,02$; оценки за игровое занятие: $M = 17,29$; $SD = 1,3$). Столько же сверстников с менее выраженными интеллектуальными и творческими способностями составили группу II (МЭДИС: $M = 10,04$; $SD = 1,55$; оценки за игровое занятие: $M = 6,17$; $SD = 2,46$). Различия между группами по данным показателям были высоко значимыми ($p = 0,000$ по U -критерию Манна – Уитни), что подтверждает правильность выделения групп в соответствии с задачами исследования.

Отметим, что результаты МЭДИС и оценки за игровое занятие у дошкольников (вся выборка) обнаруживали взаимосвязь ($r = 0,433$; $p = 0,01$ по Спирмену), однако полного совпадения не было. Задания МЭДИС включали задания на осведомленность, словарный запас, логическое мышление, математические способности. На игровом занятии дошкольникам тоже предлагались задания на логическое мышление, но кроме того, были задания, позволяющие оценить проявления интеллектуальной и творческой активности детей.

В группе I почти все дети (95,8 %) имели опыт использования ЦУ дома в развивающих целях. Родители этих дошкольников полагали, что разумное использование планшета/компьютера способствует получению новых знаний и освоению новых навыков. И только в одной семье взрослые старались обходиться без активного взаимодействия ребенка с ЦУ, решая вопросы его развития и сохранения здоровья: риски цифровизации, по их мнению, перекрывали ее положительный эффект. Подобная ситуация наблюдалась и в группе II.

Было проанализировано, с какой частотой на протяжении недели ЦУ используются в семьях для развития дошкольников из выделенных групп. Обнаружилось, что показатели частоты как в группе I, так и в группе II варьировались: от 1–2 до 5–7 раз в неделю. Вместе с тем сравнительный анализ выявил достоверные межгрупповые различия: дошкольники с признаками одаренности реже взаимодействовали с ЦУ (планшет/компьютер), чем их сверстники ($p = 0,041$ по U -критерию Манна – Уитни). Данные более детального анализа представлены на рис. 1.

В группе I чуть более половины детей (52,2 %) взаимодействовали с ЦУ 1–2 раза в неделю, несколько меньше детей (39,1 %) – 3–4 раза в неделю. В группе сверстников преобладающим был показатель частоты – 3–4 раза в неделю (60,9 % детей). Межгрупповое сравнение количества детей, имею-

щих одинаковые показатели частоты взаимодействия с ЦУ, выявило, что среди дошкольников, 1–2 раза в неделю взаимодействующих с планшетом/компьютером, больше детей из группы I ($p = 0,014$ по критерию φ^* – угловое преобразование Фишера); а среди взаимодействующих 3–4 раза больше детей из группы II (различие на уровне тенденции: $p = 0,068$ по критерию φ^* – угловое преобразование Фишера). На рис. 1 можно заметить, что среди часто использующих ЦУ (5–7 раз в неделю) тоже несколько больше детей из группы II, однако подтверждение достоверности факта различий из-за малого количества таких дошкольников затруднено.

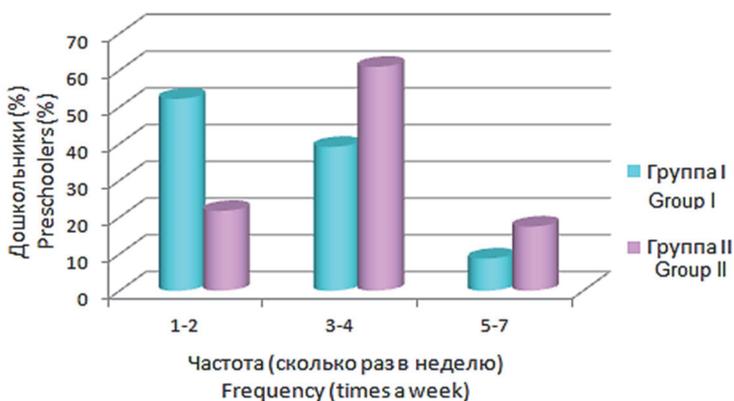

Рис. 1. Частота использования в домашних условиях планшета/компьютера для развития старших дошкольников с признаками одаренности (группа I) и их сверстников (группа II)
Figure 1. Frequency of using a tablet/computer at home for the development of the older preschoolers with signs of giftedness (Group 1) and their peers (Group 2)

Помимо частоты, анализировалось и время, которое дошкольники проводили с ЦУ (как компонентом образовательной микросреды). Это время ограничивалось 20–30 минутами (за сеанс) для 39,1 % детей группы I и 56,5 % группы II; 30–60 минут проводили с планшетом/компьютером 56,5 % детей группы I и 43,5 % группы II. И лишь у одного ребенка из группы I время за планшетом/компьютером было больше часа. Несмотря на видимость межгрупповых различий по параметру времени, они не достигали уровня статистической значимости.

Ввиду важности цифрового контента, используемого для развития дошкольников, было проанализировано, какие компьютерные программы/игры выбирают родители для своих детей с целью их развития в условиях семьи. Следует отметить, что при этом внимание акцентировалось не столько на выяснении названий программ/игр, сколько на выявлении навыков/процессов, для развития которых у ребенка родители делали тот или иной выбор. На рис. 2 представлены данные проведенного анализа этого вопроса.

Как показали результаты, цифровой контент, выбранный родителями для развития старших дошкольников как из группы I, так и из группы II, характеризовался разнообразием развивающих компьютерных программ/игр. Наиболее востребованными оказались программы и игры, направленные на развитие логического мышления: их выбрали родители 69,6 % детей группы I

и 78,3 % группы II. Немного меньше половины дошкольников с признаками одаренности осваивали программы по развитию памяти (47,8 %), изучали иностранный язык (43,5 %). Около 40 % – занимались освоением навыков чтения, счета, грамоты. Менее всего востребованы были программы/игры по сюжетам мультфильмов, фильмов (8,7 %).

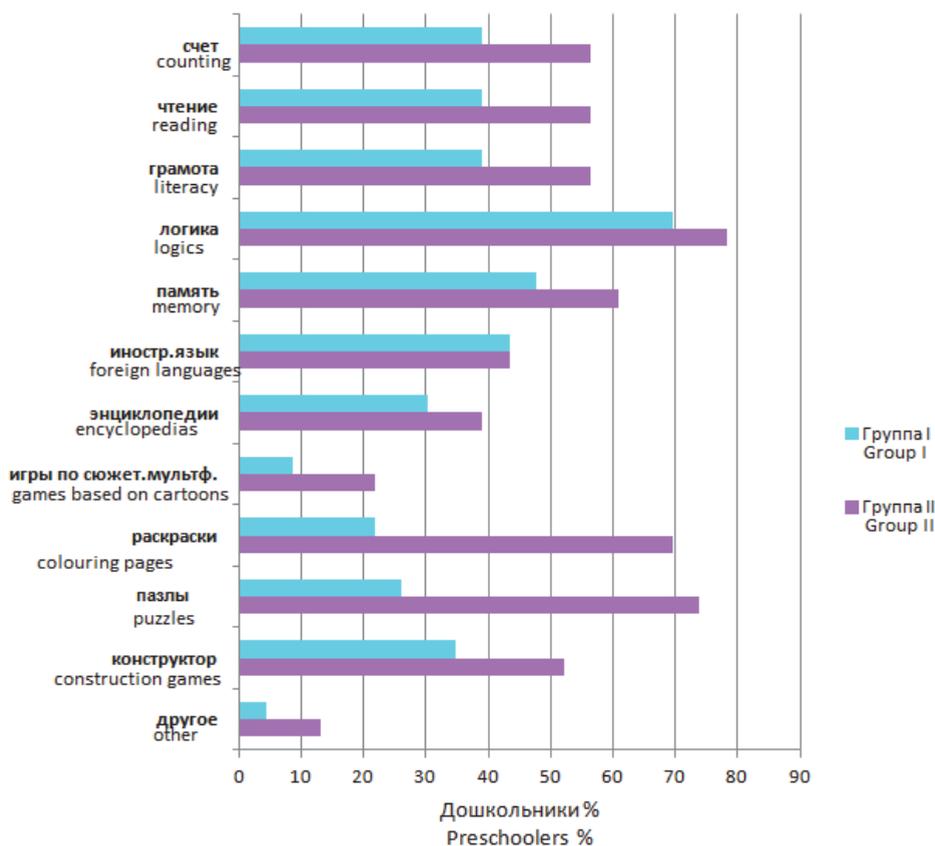

Рис. 2. Компьютерные программы/игры, используемые в домашних условиях для развития старших дошкольников с признаками одаренности (группа I) и их сверстников (группа II)
Figure 2. Computer programs / games used at home for the development of the older preschoolers with signs of giftedness (Group 1) and their peers (Group 2)

Значимые межгрупповые различия были выявлены в отношении использования раскрасок и пазлов: в группе I меньше число детей по сравнению со сверстниками занимались на планшете/компьютере раскрашиванием (21,7 % – группа I, 69,6 % – группа II), составлением пазлов (26,1 % – группа I, 73,9 % – группа II); различия достоверны ($p = 0,001$ по критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера).

При рассмотрении общего количества используемых компьютерных программ/игр, было обнаружено, что в группе I оно меньше, чем в группе II ($p = 0,021$ по U -критерию Манна – Уитни).

По полученным результатам, интересы/увлечения дошкольников с признаками одаренности и их сверстников входят в широкий спектр занятий и областей знаний: спорт, рисование, танцы, музыка, конструирование, чтение, игры, техника, шахматы и др. При этом у большинства детей из группы I (87 %)

и группы II (78,3 %) отмечалось от 2 до 4 видов любимых занятий (сфер интересов), но были дошкольники, проявлявшие интересы и в 6 разных сферах (8,7 % детей в каждой группе). Среди детей с признаками одаренности не было ни одного ребенка, проявлявшего интерес только в одной сфере, среди сверстников таких было 13 %.

Сильно выраженный интерес к компьютерным играм отмечался только у одного мальчика из группы II. Родители поддерживали этот интерес, о чем свидетельствует их выбор для развития сына максимального (по группе) количества компьютерных программ/игр. Следует отметить, что интересы Ивана включали также рисование, конструирование, чтение.

В исследовании подробно рассматривался вопрос о том, учитывают ли родители при выборе развивающих компьютерных программ/игр интересы дошкольников.

Высокий познавательный интерес можно было обнаружить у детей, проявляющих широкую любознательность в разных сферах знания и/или увлеченных какой-нибудь одной областью знаний, например, техникой, биологией. Им интересны энциклопедии и другая познавательная литература. Таких детей, по результатам опроса родителей, было больше в группе I (56,5 %), чем в группе II (30,4 %; различия значимы, $p = 0,036$ по критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера). Только части из них (17,4 % группы I, 13 % группы II) родители предоставляли возможность пользоваться электронными энциклопедиями. Вместе с тем общее число дошкольников, использующих электронные энциклопедии, было больше: 30,4 % группы I и 39,1 % группы II, что свидетельствует о том, что некоторые родители выбирали электронные энциклопедии для своих детей, даже если не видели у них выраженного познавательного интереса.

Конструирование – один из видов продуктивной дошкольной деятельности – был увлекателен для почти трети детей из группы I (30,4 %) и немного большего числа из группы II (39,1 %). Конструированием на планшете/компьютере занимались 34,8 % группы I и 52,2 % группы II, при этом соответствие выбора данного вида программы интересам ребенка прослеживалось в 8,7 % случаев в группе I и 30,4 % в группе II.

Составление пазлов тоже можно в определенном смысле рассматривать как вид конструирования. Большой интерес к пазлам проявился только у одного ребенка из группы II, однако он не был в числе тех, кто собирал электронные пазлы на цифровом устройстве. И если для 8,7 % группы I и 34,8 % группы II выбор родителями электронных пазлов мог быть обусловлен интересом детей к конструированию, то в отношении 17,4 % детей группы I и 39,1 % группы II такая обусловленность не прослеживалась.

Часть дошкольников проявляла большой интерес к рисованию: они с удовольствием много рисовали, используя карандаши, фломастеры, краски, мелки (39,1 % группы I и 47,8 % группы II). Среди компьютерных программ, относящихся к этой сфере детских интересов, широко представлены разного вида раскраски. Они были на планшетах/компьютерах большей части дошкольников группы II (69,6 %) и значительно меньшей части группы I (21,7 %). При этом большая увлеченность рисованием отмечалась не у всех из них,

а только у 34,8 % группы II, 8,7 % группы I. И хотя интерес к рисованию не исчерпывается интересом к раскрашиванию, другие компьютерные программы, связанные с изодетальностью, родители в ходе опроса не упоминали. Только одна мама девочки из группы I отметила, что дочь иногда смотрит уроки рисования на YouTube.

Ведущей деятельностью на этапе дошкольного детства является игра, но интерес к игре отметили родители только троих детей из группы I (13 %) и одного ребенка группы II (4,3 %). Заметим, что родители дошкольников как из одной, так и второй групп реже других программ выбирали компьютерные игры по сюжетам мультфильмов, фильмов для развития детей. Только 8,7 % группы I и 21,7 % группы II играли в эти игры, хотя их родители не указали среди детских интересов игровые.

Значительно чаще взрослые выбирали компьютерные программы/игры, руководствуясь задачами обучения, особенно теми знаниями и навыками, которые будут востребованы после поступления в школу. Однако среди описанных интересов детей не отмечалось, был ли интерес к логическим заданиям или заданиям на память или тренировку счета, чтения.

Компьютерные программы/игры, способствующие изучению иностранного языка, были у равного числа дошкольников из обеих групп (43,5 %). Однако интерес к освоению иностранного языка наблюдался только у отдельных детей (13 % группы I и 8,7 % группы II). Отметим, что эти дети посещали и занятия с педагогом по иностранному языку (online и/или offline формат), что, возможно, явилось определяющим фактором в формировании интереса.

Обсуждение результатов

Воздействие цифровых технологий на развитие детей создает проблемное поле научного поиска способов оптимизации этого процесса. На фоне возрастания исследований в этом направлении наблюдается тенденция, выделенная Г.У. Солдатовой, А.Е. Вишневой (Солдатова, Вишнева, 2019): цифровые технологии уже не рассматриваются как нечто только хорошее или только плохое, признается их полезность при определенных условиях использования. В основном участники исследований – школьники и более старшие по возрасту, а исследований дошкольников значительно меньше, и в них аспект одаренности не затрагивается или крайне мало изучен. Это положение характерно не только для отечественной психологии, но и зарубежной. В связи с этим проведенное исследование было нацелено на изучение особенностей использования цифровых устройств (планшета/компьютера) как компонентов семейной микросреды для развития старших дошкольников с признаками общей одаренности.

Были выделены дошкольники с признаками одаренности (группа I) и их сверстники, чьи творческие и интеллектуальные способности проявлялись слабее (группа II). Согласно полученным результатам, почти все дошкольники из обеих групп пользовались ЦУ в домашних условиях. Обнаружены межгрупповые различия: а) дети группы I реже использовали ЦУ (с развивающими целями), чем их сверстники; б) при выявленном в обеих группах разнообразии используемых компьютерных программ/игр, общее

количество их в группе I было меньше, чем в группе II; в) при анализе видов цифрового контента различия выделены в использовании раскрасок и пазлов, которыми дошкольники с признаками одаренности реже занимались, чем сверстники. Отметим, что в других исследованиях, посвященных дошкольникам, тоже было обнаружено, что у детей с более высоким уровнем показателей когнитивной сферы наблюдалась низкая онлайн-активность (Солдатова, Вишнева, 2019) по сравнению со сверстниками, такие дети относились к умеренно играющим (в отличие от много играющих) в компьютерные игры (Клопотова, Романова, 2020).

Обнаруженные различия, возможно, обусловлены тем, что для дошкольников с признаками одаренности традиционные виды дошкольной деятельности (рисование, конструирование и др.) и игры (сюжетно-ролевая, «режиссерская», др.) позволяют полнее удовлетворить высокие потребности в познании и творчестве по сравнению с компьютерными программами/играми, которые используются в условиях семьи. Но это предположение требует дополнительных исследований.

Среди компьютерных программ/игр, которые указали родители детей с признаками одаренности, чаще встречались направленные на развитие у дошкольников логического мышления, памяти, школьных навыков (чтение, счет, грамота), освоение иностранных языков. Такой выбор вполне объясним: задача подготовки ребенка к школе является приоритетной для родителей. Конечно, решение этой задачи не сводится только к развитию интеллекта, памяти, школьных навыков, но родители, как правило, сосредотачивают все внимание именно на них, подчас упуская из вида такие особенности неординарных дошкольников, как высокую познавательную активность, любознательность, стремление к творческим проявлениям. Показателен такой факт: только немного больше половины (56,5 %) родителей дошкольников группы I выделяли высокие познавательные интересы детей, однако в процессе диагностического игрового занятия все дети из этой группы продемонстрировали высокий уровень познавательной и творческой активности.

Для успешного раскрытия детской одаренности необходимо, чтобы условия микросреды соответствовали возможностям и потребностям одаренных детей (Бабаева, Войскунский, 2003; Монкс, Ипенбург, 2014; Савенков, 2010; Шумакова, Белова, 2021; Щебланова, 2017; Clark, 2013). В связи с этим был проведен анализ интересов, увлечений дошкольников с признаками одаренности и прослеживалось, насколько родители учитывали это при выборе цифрового контента. Как показали результаты, наблюдалось частичное соответствие интересов дошкольников, проявляющих одаренность, и используемых ими компьютерных программ/игр, которые предоставлялись им родителями. Родители пытались выбрать то, что интересно сыну/дочери. В некоторых случаях им трудно было найти соответствующую интересам ребенка развивающую компьютерную программу, или, если ее находили, то она не соответствовала возрасту, требовала специальных знаний, навыков. Иногда останавливались на выборе того, что было близко по содержанию. У некоторых родителей прослеживалось стремление стимулировать развитие сына/дочери и в тех сферах, областях деятельности и знаний, которые пока не

столь увлекали ребенка. В этих случаях возникал риск сокращения времени для развития тех сфер, в которых ребенок мог проявлять высокий творческий потенциал.

По мнению исследователей, важно обеспечить дошкольнику такие условия, которые сочетали бы наличие пространства, связанного с зоной ближайшего развития, и пространства детской реализации, где ребенок будет ведущим, создающим свои замыслы, а взрослый – помогающим эти замыслы реализовывать (Практическое руководство..., 2019). Большие возможности для раскрытия детских способностей и дарований создаются в игровой деятельности, которая является ведущей на этапе дошкольного детства. В детской игре как ранней форме проявления творческого потенциала человека складывается готовность ребенка к продуктивному творчеству. Важно дать дошкольнику возможность выразить себя в игре, максимально проявить игровую инициативу, а задача взрослого – идти ей навстречу, способствуя наиболее полному ее выражению в культурных формах (Мелик-Пашаев, Новлянская, 2022).

Современные родители зачастую не понимают важности игры для развития дошкольников и рассматривают ее не как ресурс построения будущей жизни ребенка, а скорее как помеху на пути его развития (Смирнова, 2019; Юдина, 2022). И по полученным нами данным, лишь немногие родители как дошкольников с признаками одаренности, так и их сверстников выделяли среди интересов ребенка интерес к традиционным формам игры. Развивающие компьютерные игры по сюжетам фильмов/мультфильмов родители тоже выбирали реже, чем другие виды программ/игр.

Несомненно, современные цифровые технологии меняют и мир детских игр. Но если в традиционной игровой ситуации дошкольник сам творит воображаемый мир, то в виртуальной ситуации современных компьютерных игр его роль сводится к выбору (или следованию) различных стратегий, действий, которые были задуманы разработчиками программы. Возникают риски блокировки проявления и развития инициативности, познавательной активности, самостоятельности, воображения (Карабанова, 2022; Рубцова, 2019; Смирнова, 2019; Смирнова и др., 2018). В связи с этим одним из важных требований к содержанию развивающих компьютерных игр выступает необходимость разработки и включения заданий/игровых ситуаций открытого типа, позволяющих дошкольнику реализовать свои творческие возможности.

Зарубежные коллеги отмечают, что некоторые современные цифровые развивающие игры могут повышать творческий потенциал дошкольников, но необходимы дальнейшие разработки в этом направлении (Behnamnia et al., 2020; Xiong et al., 2022).

Полученные результаты согласуются с данными других исследователей (Смирнова и др., 2019; Scott, 2022) о том, что родители часто испытывают неуверенность в вопросах использования дошкольником ЦУ и нуждаются в помощи специалистов. Психологическая поддержка родителей предполагает комплексный подход к анализу способностей, дарований дошкольника, состояния здоровья, учебной нагрузки, а также учет особенностей внутрисемейных отношений, установок и воспитательных целей родителей.

Заключение

В проведенном исследовании психологические особенности использования цифровых устройств (ЦУ) в домашних условиях для развития детей старшего дошкольного возраста рассматривались в контексте проблемы детской одаренности. Первые признаки одаренности как предпосылки развития творческой личности могут проявиться уже на этапе дошкольного детства, когда развитие детей в наибольшей степени зависит от ситуации, которую создают взрослые, и прежде всего, в условиях семьи. Цифровизация семейной микросреды задает новый вектор развития системы семейного воспитания, актуализируя как новые возможности, так и новые риски для раскрывающихся ранних дарований.

Проведенное исследование показало, что родители почти всех старших дошкольников с признаками одаренности положительно относились к использованию ими ЦУ, ориентировались на цели развития детей, принимая во внимание риски для их здоровья и благополучия. Частота использования ЦУ дошкольниками с признаками одаренности была меньше, чем у сверстников. Отмечалось разнообразие развивающих компьютерных программ/игр, вместе с тем общее их количество было меньше в группе неординарных дошкольников по сравнению с группой сверстников.

Наблюдалось частичное соответствие цифрового контента интересам и увлечениям детей. Наиболее часто при выборе для них компьютерных программ/игр родители ориентировались на подготовку к школе.

Выявлена потребность родителей в психологической помощи при решении вопросов развития одаренности дошкольников в условиях цифровизации семейной микросреды.

Остается открытым вопрос о возможностях современных компьютерных игр в отношении реализации творческого потенциала детей дошкольного возраста, развитии их дарований. Необходимы комплексные исследования в этом направлении.

Ограничения исследования определяются спецификой изучения одаренности маленьких детей: небольшая численность выборки, затрудняющая применение широкого комплекса статистических методов анализа и, соответственно, снижающая степень обоснованности выводов. В связи с этим полученные результаты могут рассматриваться как предварительные и предполагающие следующий этап исследования для их расширения, уточнения и повышения уровня статистической значимости выводов. Участники исследования проживали в Москве, поэтому полученные результаты отражают особенности цифровизации и ее влияние на развитие дошкольников только в условиях мегаполиса.

Перспективы дальнейших исследований. Изучение поставленной проблемы будет продолжено, планируется расширение характеристик выборки (количество, место проживания), что позволит повысить уровень статистического анализа данных и существенно усилить доказательность выводов. Также планируется включить в задачи исследования изучение мнений дошкольников об использовании цифровых устройств, игровых и познавательных интересах, сопоставление позиции родителей и позиции ребенка.

Практическая значимость исследования Результаты исследования могут быть использованы для разработки практических рекомендаций по раскрытию детских дарований на этапе дошкольного детства с учетом особенностей цифровизации семейной микросреды. В частности, основываясь на полученных данных, необходимо подчеркнуть важность учета интересов дошкольников с признаками одаренности и их большой потребности в познании и творческом самовыражении при выборе родителями развивающих компьютерных программ/игр.

Список литературы

- Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Одаренный ребенок за компьютером. М.: Сканрус, 2003. 336 с.
- Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Чурсина А.В., Веракса А.Н. Обзор исследований, посвященных изучению взаимосвязи использования цифровых устройств и развития когнитивной сферы у дошкольников // *Science for Education Today*. 2021. Т. 11. № 3. С. 7–25. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2103.01>
- Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А. Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // *Социологические исследования*. 2020. № 6. С. 82–92. <https://doi.org/10.31857/S013216250009455-3>
- Веракса А.Н., Чичина Е.А. Сравнение особенностей использования цифровых устройств детьми старшего дошкольного возраста до начала и в ходе пандемии COVID-19 // *Современное дошкольное образование*. 2022. № 2 (110). С. 30–39. <https://doi.org/10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39>
- Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И. Роль взрослого в использовании ребенком цифровых устройств // *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11. № 2. С. 59–67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110205>
- Жебровская О.О. Одаренный ребенок в цифровой образовательной среде: проблемы и возможности // Большой Конференц-Зал: дополнительное образование – векторы развития. 2018. № 2. С. 42–47.
- Карабанова О.А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2020. № 3. С. 4–22. <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01>
- Карабанова О.А. Современное детство и дошкольное образование – на защите прав ребенка: к 75-летию со дня рождения Е.О. Смирновой // *Национальный психологический журнал*. 2022. № 3 (47). С. 60–68. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0308>
- Кириллов И.Л., Соловьева Д.А. Психологическая безопасность детей дошкольного возраста при работе с компьютером и интернет-средой // *Вестник практической психологии образования*. 2020. Т. 17. № 1. С. 80–84. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170109>
- Клопотова Е.Е., Романова Ю.А. Компьютерные игры как фактор познавательного развития дошкольников // *Вестник практической психологии образования*. 2020. Т. 17. № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170104>
- Куриленко В.Б., Ершова Р.В., Новикова И.А. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 2. С. 185–194. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-185-194>
- Марцинковская Т.Д. Транзитивное и цифровое пространство как новая психология повседневности // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 219–223.

- Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности // Московская психологическая школа: История и современность. Т. I. Кн. 2. Фундаментальные проблемы общей психологии / под общ. ред. В.В. Рубцова. М.: ПИ РАО, МГППУ, 2004. С. 84–91.
- Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н. Художник в ребенке // Национальный психологический журнал. 2022. № 3 (47). С. 26–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0304>
- Монкс Ф., Ипенбург И. Одаренные дети. М.: Когито-Центр, 2014. 132 с.
- Практическое руководство по работе с детской одаренностью в раннем и младшем возрасте: коллективная монография / сост. Н.Е. Веракса, И.В. Каракчиева, И.И. Комарова, О.Н. Степанова, Ю.И. Семенов, М.Л. Прокопьева. Якутск: Типография СМИК, 2019. 304 с.
- Рубцова О.В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (статья вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 100–108. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
- Савенков А.И. Психология детской одаренности. М.: Генезис, 2010. 442 с.
- Смирнова Е.О. Специфика современного дошкольного детства // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 2. № 2 (34). С. 25–32. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0205>
- Смирнова Е.О., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю. Виртуальная реальность в раннем и дошкольном детстве // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 42–53. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230304>
- Смирнова Е.О., Смирнова С.Ю., Шеина Е.Г. Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 79–87. <https://doi.org/10.17759/jmfps.2019080408>
- Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 97–118. <http://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018. 375 с.
- Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 4. № 4 (36). С. 12–27. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0402>
- Соломатина В.Ю. Проектирование цифровой образовательной среды для индивидуализации обучения и развития одаренных детей // Социальные явления. 2020. Т. 10. № 2. С. 70–75. https://doi.org/10.47929/2305-7327_2020.02_70-75
- Фримен Дж. Проблема влияния электронной среды на интеллектуальное развитие и межличностные отношения одаренных и талантливых детей // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 1. С. 102–109. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200111>
- Шумакова Н.Б., Белова Е.С. Образовательная микросреда как условие развития одаренности в старшем дошкольном возрасте // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23. № 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-4-11>
- Щебланова Е.И. Дискуссионные аспекты концепций одаренности в XXI веке // Психология одаренности и творчества: монография / под ред. Л.И. Ларионовой, А.И. Савенкова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 138–148.
- Щебланова Е.И., Аверина И.С., Задорина Е.Н. Методика экспресс-диагностики интеллектуальных способностей детей 6–7 лет // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 143–146.
- Юдина Е.Г. Детская игра как территория свободы // Национальный психологический журнал. 2022. № 3 (47). С. 13–25. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0303>
- Behnamnia N., Kamsin A., Ismail M.A. The landscape of research on the use of digital game-based learning apps to nurture creativity among young children: a review // Thinking Skills and Creativity. 2020. Vol. 37. Article 100666. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100666>

- Chaudron S., Di Giota R., Gemo M.* Young children (0–8) and digital technology: a qualitative study across Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. <http://doi.org/10.2760/294383>
- Clark B.* Growing up gifted: developing the potential of children at home and at school. 8th ed. Upper Saddle River: Pearson Education, 2013. 432 p.
- Dias P., Brito R., Ribbens W., Daniela L., Rubene Z., Dreier M., Gemo M., Di Gioia R., Chaudron S.* The role of parents in the engagement of young children with digital technologies: exploring tensions between rights of access and protection, from ‘Gatekeepers’ to ‘Scaffolders’ // *Global Studies of Childhood*. 2016. Vol. 6. No 4. Pp. 414–427. <https://doi.org/10.1177/2043610616676024>
- Fish L.A.* Parenting a precocious preschooler: breaking the silence // *Parenting for High Potential*. 2016. Vol. 5. No 3. Pp. 2–4.
- Kostyrka-Allchorne K., Cooper N.R., Simpson A.* Touchscreen generation: children's current media use, parental supervision methods and attitudes towards contemporary media // *Acta Paediatrica*. 2017. Vol. 106. No 4. Pp. 654–662. <https://doi.org/10.1111/apa.13707>
- Kurnaz A., Tepe A.* Examining Internet addiction in gifted and talented students through different variables // *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. 2019. Vol. 6. No 3. Pp. 665–689. <http://doi.org/10.15805/addicta.2019.6.3.0025T>
- McGlynn-Stewart M., Murphy S., Pinto I., Mogyorodi E., Nguyen T.* Technology supported early literacy learning in a multilingual community preschool // *Education 3–13*. 2019. Vol. 47. No 6. Pp. 692–704. <https://doi.org/10.1080/03004279.2018.1520279>
- Ozturk G., Ohi S.* What do they do digitally? Identifying the home digital literacy practices of young children in Turkey // *Early Years*. 2022. Vol. 42. No 2. Pp. 151–166. <https://doi.org/10.1080/09575146.2019.1702925>
- Petrova S.* Social-psychological adaptation of academic gifted adolescents with various degrees of Internet addiction // *Psychology of Personality: Real and Virtual Context: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* / ed. by T. Martsinkovskaya, V. Orestova. European Publisher, 2020. Vol. 94. Pp. 609–614. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.02.74>
- Plowman L.* Researching young children’s everyday uses of technology in the family home // *Interacting with Computers*. 2015. Vol. 27. No 1. Pp. 36–46. <https://doi.org/10.1093/iwc/iwu031>
- Scott F.L.* Family mediation of preschool children’s digital media practices at home // *Learning, Media and Technology*. Vol. 47. No 2. Pp. 235–250. <https://doi.org/10.1080/17439884.2021.1960859>
- Swicord B., Chancey J.M., Bruce-Davis M.N.* “Just what I need:” Gifted students’ perceptions of one online learning system // *SAGE Open*. 2013. Vol. 3. No 2. <https://doi.org/10.1177/2158244013484914>
- Tay L.Y., Aiyooob T.B., Chua T.B.K., Ramachandran K., Chia M.Y.H.* Pre-schoolers’ use of technology and digital media in Singapore: entertainment indulgence and/or learning engagement? // *Educational Media International*. 2021. Vol. 58. No 1. Pp. 1–20. <https://doi.org/10.1080/09523987.2021.1908498>
- Xiong Z., Liu Q., Huang X.* The influence of digital educational games on preschool Children's creative thinking // *Computers & Education*. 2022. Vol. 189. Article 104578. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104578>

История статьи:

Поступила в редакцию 21 сентября 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Белова Е.С. Психологические аспекты использования цифровых устройств для развития старших дошкольников, имеющих признаки одаренности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 4. С. 649–669. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-649-669>

Сведения об авторе:

Белова Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии одаренности, Психологический институт, Российская академия образования (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6956-8214, Scopus ID: 15054105500, Researcher ID: AAM-4434-2021, eLIBRARY SPIN-код: 9446-9020. E-mail: elenasbelova@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкета для родителей дошкольников

ФИО родителя, заполняющего анкету:

Фамилия, имя ребенка:

Число, месяц и год рождения ребенка:

Посещает ли Ваш ребенок детский сад? (отметьте нужное)

Да Нет

Если «да», то какой? _____

Интересы/увлечения Вашего ребенка:

Какие кружки/секции посещает Ваш ребенок?

Используете ли Вы дома планшет/компьютер для развития ребенка? (отметьте нужное)

Да Нет

Если используете дома планшет /компьютер для развития ребенка:

1) Какое время он/она проводит дома за планшетом/компьютером (отметьте нужное)

<i>Время</i>	<i>1–2 раза в неделю</i>	<i>3–4 раза в неделю</i>	<i>5–7 раз в неделю</i>
Не более 20–30 минут			
От 30 минут до 1 часа			
Более 1 часа			

2) Какие компьютерные программы (игры) Вы используете для развития ребенка (подчеркните нужное):

раскраски, пазлы, конструктор (LEGO, др.), обучение счёту/чтению/грамоте; задания на логику, задания на память, обучение иностранному языку, детские энциклопедии, игры по сюжетам мультфильмов/фильмов («Лунтик», др.)

Если нужно, добавьте своё _____

Благодарим Вас за участие!

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-649-669
UDC 159.9

Research article

Psychological Aspects of Using Digital Devices for the Development of Older Preschoolers with Signs of Giftedness

Elena S. Belova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9 Mokhovaya St, bldg 4, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ elenasbelova@mail.ru

Abstract. Revealing children's abilities and talents in the context of digitalization is one of the urgent problems of modern psychology. The first signs of giftedness may appear early, already at the stage of preschool childhood, when its development largely depends on the conditions of the microenvironment, especially in the family. Digitalization processes set a new direction for the development of the system of family education and training of preschoolers, causing the emergence of both new opportunities and new risks in discovering children's talents. This is a complex area of scientific research, which still remains little explored. The study was aimed at identifying the psychological characteristics of using digital devices (tablets/computers) as components of a family educational microenvironment for the development of older preschoolers with signs of general giftedness. In accordance with the conceptual provisions put forward by A.M. Matyushkin, giftedness was considered as a prerequisite for the development of a creative personality. The study involved 200 children of senior preschool age ($M_{age} = 6.7$, $SD = 0.307$, including 49% boys, 51% girls) and their parents (mostly mothers – 83%, fathers – 17%). The method for diagnosing intellectual abilities (MEDIA) was used. Intellectual and creative activity as well as creative thinking of the children was studied during a diagnostic game lesson using structured observation and expert assessments. The parents of the preschoolers were surveyed using a specially designed questionnaire containing questions about the use of a tablet/computer (frequency, time, programs/games) at home for the development their children as well as questions about their interests and hobbies. The use of diagnostic techniques made it possible to single out a group ($N = 24$) of children with signs of giftedness among the preschoolers as well as a group of their peers for subsequent comparative analysis (their intellectual and creative abilities were less pronounced). It was found that almost all the children with signs of giftedness (95.8%), like their peers, had experience of using a tablet/computer at home for developmental purposes. The frequency of using digital devices by the preschoolers with signs of giftedness was less than that of their peers. With the observed variety of developing computer programs/games used, their total number was less in the group of the gifted preschoolers compared to the group of their peers. Partial correspondence of digital content to the interests and hobbies of the children was revealed. Most often, when choosing computer programs/games for them, their parents pursued the goal of preparing them for school. It was recognized as necessary to provide psychological assistance to the parents of the preschoolers in solving the issues of using digital devices to develop children's abilities and talents. The results of the study can be used to develop practical recommendations based on an integrated approach to the disclosure of giftedness at the stage of preschool childhood, taking into account the digitalization of the family microenvironment.

Key words: digital devices, digitalization, giftedness, gifted children, preschool age, parents

References

- Babaeva, Yu.D., & Voiskounsky, A.E. (2003). *Gifted child at the computer*. Moscow: Skanrus Publ. (In Russ.)
- Behnamnia, N., Kamsin, A., & Ismail, M.A. (2020). The landscape of research on the use of digital game-based learning apps to nurture creativity among young children: A review. *Thinking Skills and Creativity*, 37, 100666. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2020.100666>
- Bukhalenkova, D.A., Chichinina, E.A., Chursina, A.V., & Veraksa, A.N. (2021). The relationship between the use of digital devices and cognitive development in preschool children: Evidence from scholarly literature. *Science for Education Today*, 11(3), 7–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2103.01>
- Chaudron, S., Di Giota, R., & Gemo, M. (2018). *Young children (0–8) and digital technology: A qualitative study across Europe*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. <http://doi.org/10.2760/294383>
- Clark, B. (2013). *Growing up gifted: Developing the potential of children at home and at school (8th ed.)*. Upper Saddle River: Pearson Education.
- Denisenkova, N.S., & Taruntaev, P.I. (2022). The role of an adult in a child's digital use. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 11(2), 59–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110205>
- Dias, P., Brito, R., Ribbens, W., Daniela, L., Rubene, Z., Dreier, M., Gemo, M., Di Gioia, R., & Chaudron, S. (2016). The role of parents in the engagement of young children with digital technologies: Exploring tensions between rights of access and protection, from 'Gatekeepers' to 'Scaffolders'. *Global Studies of Childhood*, 6(4), 414–427. <https://doi.org/10.1177/2043610616676024>
- Fish, L.A. (2016). Parenting a precocious preschooler: Breaking the silence. *Parenting for High Potential*, 5(3), 2–4.
- Freeman, J. (2015). Possible effects of the electronic social media on gifted and talented children's intelligence and relationships. *Psychological Science and Education*, 20(1), 102–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2015200111>
- Karabanova, O.A. (2020). The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 4–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.01>
- Karabanova, O.A. (2022). Modern childhood and preschool education protecting the rights of child: to the 75th anniversary of E.O. Smirnova's birth. *National Psychological Journal*, (3), 60–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0308>
- Kirillov, I.L., & Solovyeva, D.A. (2020). Psychological safety of preschool children when working with a computer and the internet environment. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17(1), 80–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170109>
- Klopotova, E.E., & Romanova, Yu.A. (2020). Computer games as a factor in the cognitive development of preschoolers. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17(1), 32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170104>
- Kostyrka-Allchorne, K., Cooper, N.R., & Simpson, A. (2017). Touchscreen generation: Children's current media use, parental supervision methods and attitudes towards contemporary media. *Acta Paediatrica*, 106(4), 654–662. <https://doi.org/10.1111/apa.13707>
- Kurilenko, V.B., Ershova, R.V., & Novikova, I.A. (2022). Digital society as cultural-historical context of personality development. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(2), 185–194. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-185-194>
- Kurnaz, A., & Tepe, A. (2019). Examining Internet addiction in gifted and talented students through different variables. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 6(3), 665–689. <http://doi.org/10.15805/addicta.2019.6.3.0025T>
- Martsinkovskaya, T.D. (2018). Transitive and digital space as a new everyday life psychology. *Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: Conference Proceedings* (pp. 219–223). Kolomna: State University of Humanities and Social Studies. (In Russ.)

- Matyushkin, A.M. (2004). The concept of creative giftedness. In V.V. Rubtsov (Eds.), *Moscow School of Psychology: History and Modernity. Vol. I. Book. 2. Fundamental Problems of General Psychology* (pp. 84–91). Moscow: PI RAE, MSUPE. (In Russ.)
- McGlynn-Stewart, M., Murphy, S., Pinto, I., Mogyorodi, E., & Nguyen, T. (2019). Technology supported early literacy learning in a multilingual community preschool. *Education 3–13*, 47(6), 692–704. <https://doi.org/10.1080/03004279.2018.1520279>
- Melik-Pashaev, A.A., & Novlyanskaya, Z.N. (2022). Artist in a child. *National Psychological Journal*, (3), 26–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0304>
- Mönks, F., & Ypenburg, I. (2014). *Hoogbegaafdheid bij kinderen*. Moscow: Kogito-Tsentrl Publ. (In Russ.)
- Ozturk, G., & Ohi, S. (2022). What do they do digitally? Identifying the home digital literacy practices of young children in Turkey. *Early Years*, 42(2), 151–166. <https://doi.org/10.1080/09575146.2019.1702925>
- Petrova, S. (2020). Social-psychological adaptation of academic gifted adolescents with various degrees of Internet addiction. *Psychology of Personality: Real and Virtual Context: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (vol. 94, pp. 609–614). European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.02.74>
- Plowman, L. (2015). Researching young children’s everyday uses of technology in the family home. *Interacting with Computers*, 27(1), 36–46. <https://doi.org/10.1093/iwc/iwu031>
- Rubtsova, O.V. (2019). Digital media as a new means of mediation (part two). *Cultural-Historical Psychology*, 15(4), 100–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150410>
- Savenkov, A.I. (2010). *Psychology of children's giftedness*. Moscow: Genezis Publ. (In Russ.)
- Scott, F.L. (2022). Family mediation of preschool children’s digital media practices at home. *Learning, Media and Technology*, 47(2), 235–250. <https://doi.org/10.1080/17439884.2021.1960859>
- Shcheblanova, E.I. (2017). Debatable aspects of the concepts of giftedness in the XXI century. In L.I. Larionov & A.I. Savenkov (Eds.), *Psychology of Giftedness and Creativity* (pp. 138–148). St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Shcheblanova, E.I., Averina, I.S., & Zadorina, E.N. (1994). Express-diagnostics of intellectual abilities in 6-7 year-old children. *Voprosy Psichologii*, (4), 143-146. (In Russ.)
- Shumakova, N.B., & Belova, E.S. (2021). Educational microenvironment as a condition for the giftedness development in senior preschool age. *Educational bulletin “Consciousness,”* 23(1), 4–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-1-4-11>
- Smirnova, E.O. (2019). Specific features of modern preschool childhood. *National Psychological Journal*, 12(2), 25–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0205>
- Smirnova, E.O., Matushkina, N.Yu., & Smirnova S.Yu. (2018). Virtual reality in early and preschool childhood. *Psychological Science and Education*, 23(3), 42–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2018230304>
- Smirnova, E.O., Smirnova, S.Yu., & Sheina, E.G. (2019). Parents’ attitude to use of digital technology by young children. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 8(4), 79–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080408>
- Soldatova, G.U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: A changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Soldatova, G.U., & Teslavskaya, O.I. (2019). Using digital technology in families with children of preschool and primary school age. *National Psychological Journal*, 12(4), 12–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0402>
- Soldatova, G.U., & Vishneva, A.E. (2019). Features of the development of the cognitive sphere in children with different online activities: Is there a golden mean? *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 97–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270307>
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2018). *Digital generation of Russia: Competence and safety*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Solomatina, V.Yu. (2020). Designing digital educational environment for the individualization of learning and the development of gifted children. *Social Phenomena*, 10(2), 70–75. (In Russ.) https://doi.org/10.47929/2305-7327_2020.02_70-75

- Swicord, B., Chancey, J.M., & Bruce-Davis, M.N. (2013). “Just what I need:” Gifted students’ perceptions of one online learning system. *SAGE Open*, 3(2), 215824401348491. <https://doi.org/10.1177/2158244013484914>
- Tay, L.Y., Aiyob, T.B., Chua, T.B.K., Ramachandran, K., & Chia, M.Y.H. (2021). Pre-schoolers’ use of technology and digital media in Singapore: entertainment indulgence and/or learning engagement? *Educational Media International*, 58(1), 1–20. <https://doi.org/10.1080/09523987.2021.1908498>
- Veraksa, A.N., & Chichinina, E.A. (2022). Comparison of media use among senior preschool children before and during the COVID-19 pandemic. *Preschool Education Today*, (2), 30–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1997-9657-2022-2110-30-39>
- Veraksa, A.N., Almazova, O.V., Bukhalenkova, D.A., & Chichinina, E.A. (2020). Digital devices use by 6–7 years-old children. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (6), 82–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009455-3>
- Veraksa, N.E., Karakchieva, I.V., Komarova, I.I., Stepanova, O.N., Semenov, Yu.I., & Prokopenko, M.L. (2019). *A practical guide to working with children's giftedness at an early and younger age*. Yakutsk: Tipografiya SMIK Publ. (In Russ.)
- Xiong, Z., Liu, Q., & Huang, X. (2022). The influence of digital educational games on preschool Children's creative thinking. *Computers & Education*, 189, 104578. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2022.104578>
- Yudina, E.G. (2022). Pretend play as the territory of freedom. *National Psychological Journal*, (3), 13–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0303>
- Zhebrovskaya, O.O. (2018). Gifted child in the digital educational environment: problems and opportunities. *Bol'shoi Konferents-Zal: Dopolnitel'noe Obrazovanie – Vektory Razvitiya*, (2), 42–47. (In Russ.)

Article history:

Received 21 September 2022

Revised 23 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Belova, E.S. (2022). Psychological aspects of using digital devices for the development of older preschoolers with signs of giftedness. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 649–669. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-649-669>

Bio note:

Elena S. Belova, PhD in Psychology, is Leading Researcher, Laboratory of Giftedness Psychology, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-6956-8214, Scopus ID: 15054105500, Researcher ID: AAM-4434-2021, eLIBRARY SPIN-code: 9446-9020. E-mail: elenasbelova@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688

УДК 159.9.072.423

Исследовательская статья

Искажения в восприятии человеком собственного тела во время погружения в компьютерную виртуальную реальность с использованием технологии Full-Body Tracking

А.В. Варламов , Н.В. Яковлева

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Российская Федерация, 390026, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9.
 andrey.varlamov.62@gmail.com

Аннотация. Погружение человека в компьютерную виртуальную реальность (VR) сопровождается многочисленными искажениями в его восприятии за счет замещения сенсорных стимулов, поступающих по визуальному, аудиальному и частично проприоцептивному каналам. Собственное тело человека при этом становится инструментом погружения, так как его движения опосредованно влияют на перемещение аватара в VR. Выполнение действий в VR от лица аватара способствует возникновению искажений в восприятии собственного тела за счет диффузного эффекта актуализации оперативного образа в момент целенаправленной активности (субъективный образ тела модифицируется в соответствии с необходимостью адаптации к условиям VR). Существуют различные способы погружения в VR, учитывающие разную степень вовлеченности отдельных частей реального тела реципиентов в управление цифровым персонажем. Так, все чаще применяется технология Full-Body Tracking (FBT), которая позволяет использовать практически всю крупную моторику человека для проекции на движения аватара. Цель исследования – установить специфические особенности искажения восприятия человеком размеров собственного тела после погружения в компьютерную виртуальную реальность и деятельности по управлению в ней персонажем с помощью технологии FBT. Исследование проводилось в два этапа (в 2020 и 2021 гг.) с целью сравнения интенсивности и направленности искажений образа тела испытуемых при погружении с FBT и без этой технологии. В качестве экспериментального воздействия использовались приложения OhShape VR для подвижного погружения без применения FBT и модификация приложения VR Chat для подвижного погружения с FBT. Психометрические данные о восприятии испытуемыми собственного тела получены с помощью методики «Промеры по М. Фельденкрайзу». Согласно результатам исследования, использование технологии FBT при погружении в VR приводит к возникновению искажений в восприятии различных размеров тела испытуемыми, включая корпус и ноги, тогда как подвижное погружение без применения технологии вызывает только искажение восприятия размеров верхнего плечевого пояса. Отмечается, что данное наблюдение свидетельствует о связи искажений с фактами вовлеченности соответствующих частей реального тела испытуемых в процесс управления аватаром. Сформулированы

© Варламов А.В., Яковлева Н.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выводы о существовании специфических искажений в восприятии собственного тела человека при погружении в VR с использованием FBT. Выдвигается предположение о возможной связи данных искажений с успешностью выполнения внутрисредовых подвижных заданий.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, Full-Body Tracking, образ тела

Введение

Исследование виртуальных реальностей в психологии сегодня является молодым и перспективным направлением научного поиска. Под «виртуальной реальностью» в психологии и кибернетике понимаются различные конструкты. Так, психологическая виртуальная реальность – это особое состояние (или переживание) человека, которое приводит к значительным искажениям в его восприятии и психических отражениях, ввиду высокой концентрации внимания на выполнении какой-либо деятельности (Носов, 2000). Определение виртуальной реальности, принятое в технических науках, в отличие от «психологического», распространено более широко: «виртуальные реальности (или VR, от англ. *virtual reality*) представляют собой созданный техническими средствами мир, транслируемый человеку через его органы чувств» (Зинченко и др., 2010). Иными словами – являются техническим инструментом целенаправленного искажения восприятия человека за счет генерации у него не соответствующих действительности образов и ощущений.

Возникновение «виртуального» переживания у человека, как следует из данных определений, возможно и без использования особых технических средств. В то же время технические средства генерации виртуальной реальности считаются тем более продвинутыми, чем больший спектр ощущений человека они способны обмануть. Современные гарнитуры виртуальной реальности (или гарнитуры VR) справляются с замещением информации, поступающей по зрительному и аудиальному каналам восприятия, и потому считаются наиболее подходящим инструментом погружения в виртуальную реальность.

В профессиональном сообществе психологов – научных и практикующих – данная возможность искусственного создания и демонстрации человеку различных несуществующих ситуаций и миров ценится достаточно высоко. В научной литературе представлено множество отчетов о проведении прикладных исследований использования VR в работе с тем или иным психическим нарушением (Freeman et al., 2017). Работа с искаженным образом тела, ввиду конструктивных особенностей используемых гарнитур, представляется одним из наиболее очевидных и перспективных направлений (117 индексируемых в WoS и Scopus публикаций по поисковому запросу VR body image по состоянию на июль 2022 г. в базе данных PubMed с резким ростом активности исследователей с 2019 г.).

В большинстве авторы рассматривают возможности применения психотерапевтических VR-сред в работе с нарушениями пищевого поведения, ожирением, травмами и сопутствующим болевым синдромом (Portras-García et al., 2020; Bordnick et al., 2011; Tack, 2021). Широкое признание получили работы по адаптации диагностических комплексов субъективной оценки

размеров тела к условиям VR (Monthuy-Blanc et al., 2020; Corno et al., 2018). С целью коррекции нарушенного образа тела, наиболее распространенными проявлениями которого являются анорексия и булимия, применяются тренировки осознанной телесности (Irvine et al., 2020). Теоретическое обоснование VR-тренингов при работе с анорексией и булимией в современных публикациях обширно. Установлено, что постепенное увеличение осознанности образа тела такими пациентами, основанное на опыте оценок тела аватара в VR имеет высокий терапевтический потенциал (Fonseca-Baeza et al., 2018; Riva et al. 2018). Это подтверждается не только авторами эмпирических работ, но и при проведении систематических обзоров и мета-анализов (Clus et al., 2018; Freeman et al., 2017). Суть VR-метода, при этом, выражается в том, что цифровая среда формирует так называемый эффект присутствия у реципиента, который обусловлен ощущением интерактивности всех ее элементов (Felhover et al., 2015; Ferrer-Garcia et al., 2013). Таким образом, именно среда в существующих тренингах становится фактором, усиливающим ощущение обладания телом аватара опосредованно. «Прямые» эффекты погружения также рассматриваются – в частности, установлено, что вид от первого лица в VR является обязательным условием не только для формирования «эффекта присутствия», но и для создания терапевтических ситуаций работы с телесным образом, а условная внешняя оценка через прямое шкалирование восприятия размеров цифровых манекенов не является в той же степени эффективной. (van der Veer et al., 2018).

Авторы неизменно приходят к выводу о том, что целенаправленная терапевтическая модификация нарушенного образа тела в VR возможна, и повсеместно пользуются принципом формирования у испытуемых устойчивой иллюзии обладания телом виртуального аватара (которым необходимо управлять при помощи движений собственного тела при погружении) (Лашкова и др., 2020; Corno et al., 2018). Несмотря на то, что в теоретически ориентированных работах часто звучит мнение о том, что восприятие тела аватара как своего собственного основывается на комплексе различных факторов, на практике зачастую применяются исключительно эмоционально ориентированные воздействия, моделирующие самооценку испытуемых (Liu et al., 2022; Rubo, Gamer, 2019). Исследований непосредственного влияния гарнитуры VR как способа формирования «виртуального» переживания у человека на его восприятие в современной литературе не представлено.

Это приводит к тому, что почти все исследования, использующие VR в качестве средства экспериментального воздействия, ограничиваются трансляцией статичных образов испытуемым и сопутствующей диагностикой самоотношения. Ключевой принцип гарнитур VR, отличающий их от других средств воспроизведения цифровых образов и заключающийся в возможности предоставления испытуемым возможности проявлять целенаправленную двигательную активность во время погружения, оказывается вне зоны исследовательского интереса.

Двигательная активность испытуемых, сопровождающая погружение в VR, исключает формирование у них позиции наблюдателя и вынуждает адаптироваться к условиям виртуальной реальности в качестве действующе-

го лица, что закрепляет чувство принадлежности цифровому миру. Иными словами, данный формат взаимодействия с трехмерным изображением имеет наибольшую степень иммерсивности (потенциальной возможности вызвать так называемый «эффект присутствия») среди всех доступных на данный момент технологий (Шаляпин, Данина, 2020). Интериоризация цифрового опыта, при этом, может иметь ряд отличительных черт, в особенности в области восприятия собственного тела, которое во время погружения является «инструментом» управления цифровым персонажем. Все искажения в восприятии собственного тела после подобного погружения, следовательно, должны быть интерпретированы как результат взаимодействия с цифровой виртуальной реальностью. Их интенсивность и направленность могут быть использованы в психологической науке и практике.

Результаты, полученные нами ранее при организации ряда экспериментальных исследований, свидетельствуют о существовании специфических искажений в восприятии человеком собственного тела после погружения в компьютерные VR (Варламов, Яковлева, 2021). До этого мы пользовались в работе «классическим» комплектом устройств ввода – шлемом VR и контроллерами для рук. Создание ситуации погружения с использованием дополнительных датчиков, закрепленных на теле испытуемых и позволяющих отслеживать движения всех его основных отделов (так называемая технология FBT – Full-Body tracking), может способствовать возникновению новых искажений, усилению или ослаблению старых.

Цель исследования – установить специфические особенности искажения восприятия человеком размеров собственного тела после погружения в компьютерную виртуальную реальность и управления в ней персонажем с помощью технологии FBT.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительное экспериментальное исследование с погружением испытуемых в VR с использованием стандартного набора устройств ввода VR-гарнитур и с использованием технологии FBT.
2. Установить особенности искажения восприятия размеров собственного тела испытуемыми на первом и втором этапах исследования.
3. Установить сходства и различия в искажении восприятия человеком размеров собственного тела после погружения в VR с использованием технологии FBT и без нее.

Гипотеза исследования: погружение человека в VR с использованием технологии FBT сопровождается специфическими искажениями восприятия им размеров собственного тела, которые отличаются от аналогичных искажений, возникающих при стандартном погружении в VR.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 21 студент ФГБОУ ВО РязГМУ имени академика И.П. Павлова (10 юношей и 11 девушек) в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст – 19,31 лет). Участие в исследовании было добровольным, все испытуемые подписывали информированное согласие, а также были обязаны ознакомиться с противопоказаниями и ограничениями использования гар-

нитуры VR HTC Vive. Испытуемые не имели актуальных и хронических физических или психических заболеваний, связанных с искажением образа тела.

Исследование проводилось в два этапа (в 2020 и в 2021 годах). В обоих этапах исследования принимали участие одни и те же респонденты (21 человек, 10 юношей и 11 девушек, средний возраст – 19,31 лет). Во время первого этапа (в 2020 году) испытуемые погружались в динамичную компьютерную виртуальную реальность посредством базового комплекта устройств ввода гарнитуры HTC Vive – так называемый наголовный дисплей (от англ. head-mounted display) и контроллеры для рук. На втором этапе (в 2021 году) было организовано схожее погружение в VR, опосредованное применением дополнительных трекеров положения в пространстве – так называемая технология Full-Body Tracking (FBT), или «отслеживание всего тела». Остановимся подробнее на каждом из этапов эксперимента.

1. Первый этап (2020 год). В качестве экспериментального воздействия использовалась VR-среда доступной в магазине приложений для гарнитуры HTC Vive программы OhShape VR. Подвижное игровое задание в OhShape VR заключается в ритмичном выполнении напоминающих танец движений, необходимых для уклонения от надвигающихся в сторону игрока препятствий (полупрозрачные стенки с отверстием в форме человека в определенной позе) или для сбора игровых бонусов при помощи рук. Задание сопровождается электронной музыкой и несет развлекательно-соревновательный характер. В погружении задействованы движения головы и рук игроков, соответственно используемым устройствам ввода гарнитуры (схема представлена на рис. 1).

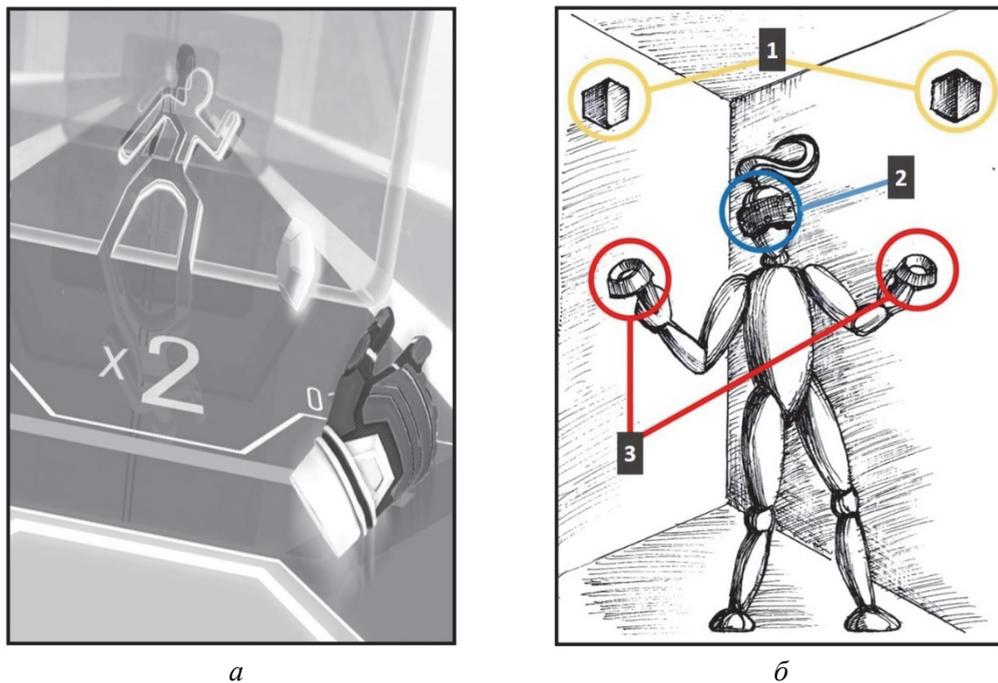

Рис. 1. Схема погружения 2020:

а – вид от первого лица испытуемого при погружении; б – схема трекинга при погружении:
1 – базовые станции гарнитуры HTC Vive, 2 – шлем VR гарнитуры HTC Vive, 3 – контроллеры HTC Vive для рук

Figure 1. Immersion scheme 2020:

а – FPV of the test subject during immersion; б – immersion tracking scheme:
1 – HTC Vive headset base stations, 2 – HTC Vive headset VR helmet, 3 – HTC Vive hand controllers

Важно отметить, что положение ног испытуемых не отслеживалось гарнитурой VR, следовательно, их движения носили в эксперименте второстепенный, адаптационный характер и использовались опосредованно (например, для изменения положения в пространстве всего корпуса и, соответственно, точек трекинга – рук и головы). Данная техническая особенность погружения не раскрывалась испытуемым, так что у них могло сложиться впечатление полного «переноса» собственного тела в VR и своеобразного «слияния» с персонажем.

Перед погружением в игровую ситуацию испытуемые проходили обучающий уровень, который демонстрировал все используемые в OhShape VR механики взаимодействия с окружением и препятствиями. Все погружение в экспериментальную ситуацию целиком вместе с прохождением обучающего уровня занимало 15 ($\pm 0,5$) минут.

2. Второй этап (2021 год). В качестве экспериментального воздействия использовалась VR-среда приложения VR-chat, находящаяся в открытом доступе в сети Интернет. Специально для создания экспериментальной ситуации был разработан сценарий погружения в VR-среду с использованием трех дополнительных трекеров положения тела (Vive-Tracker 2.0), закрепленных на ступнях и поясе испытуемых. Таким образом, появлялась возможность «полноценного переноса» в VR крупной моторики испытуемых за счет шести точек отслеживания на теле – голова, две кисти, пояс, две ступни. В VR-среде, соответственно, испытуемые наблюдали от первого лица тело виртуального персонажа (антропоморфный, стилизованный под анимационного персонажа, волк, который был выбран из ряда представленных бесплатных моделей как наиболее гендерно и эмоционально нейтральное альтер эго). Следует отметить, что в данном формате погружения существовал риск возникновения искажений, связанных с ассоциативной связью испытуемых своего облика и облика аватара. В ранних исследованиях было установлено, что для возникновения подобной связи важным фактором является сеттинг среды, то есть ролевая и репертуарная идентичность процесса погружения (Варламов, Яковлева, 2021). Ввиду невозможности достижения нейтрального сеттинга в рамках выбранной среды, были подобраны разнородные элементы, контрастирующие друг с другом (антропоморфный волк в футуристичном сеттинге танцевального клуба). Иными словами, с целью снижения вероятности возникновения артефактов, была усложнена ассоциация испытуемых с персонажем в VR.

В погружении были задействованы движения всего тела испытуемых (схема представлена на рис. 2).

В рамках экспериментального погружения испытуемым предлагалось поучаствовать в первичном ознакомительном задании (разминке), благодаря которому они могли освоиться с управлением персонажем. Задание заключалось в выполнении испытуемыми несложных физических упражнений перед виртуальным зеркалом («помашите рукой», «присядьте»), за счет чего, предположительно, достигалась высокая степень ассоциации себя с аватаром. После «разминки» испытуемые попадали в виртуальный зеркальный зал, где под ритмичную музыку должны были повторять танец, представленный в качестве видеоинструкции на экране перед ними. Обратную связь о движениях

собственного персонажа они получали при помощи системы виртуальных зеркал по бокам экрана. После выполнения танца испытуемые участвовали в «заминке» – повторном выполнении упражнений перед зеркалом по команде экспериментатора. Все погружение в экспериментальную ситуацию целиком с учетом «разминки» и «заминки» занимало 15 ($\pm 0,5$) минут.

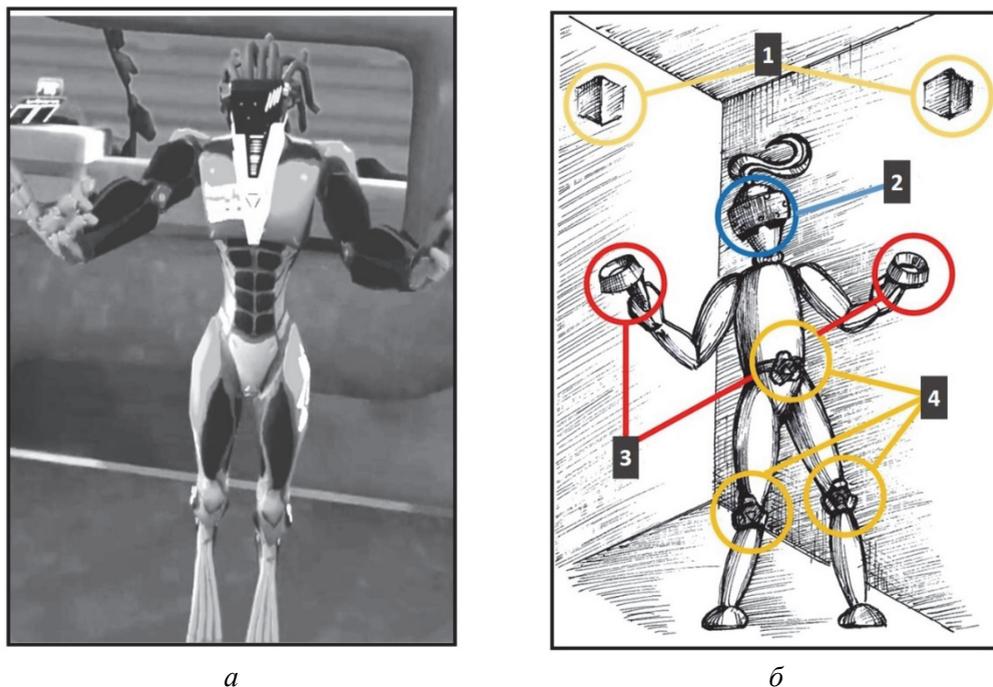

Рис. 2. Схема погружения 2021:

а – вид от первого лица испытуемого при погружении (испытуемый наблюдает своего персонажа в «зеркале»);
 б – схема трекинга при погружении: 1 – базовые станции гарнитуры HTC Vive, 2 – шлем VR гарнитуры HTC Vive,
 3 – контроллеры HTC Vive для рук, 4 – Трекеры HTC Vive 2.0 для отслеживания движений корпуса и ног

Figure 2. Immersion scheme 2021:

а – FPV of the subject during immersion (the avatar is observed by the subject in the “mirror”);
 б – immersion tracking scheme: 1 – HTC Vive headset base stations, 2 – HTC Vive headset VR helmet,
 3 – HTC Vive hand controllers, 4 – HTC Vive 2.0 trackers for body and leg movement tracking

Данные о восприятии испытуемыми размеров собственного тела до и после погружения в VR были получены при помощи шкал методики «Промеры по М. Фельденкрайзу» (Соловьева, 2017). При выполнении данной методики испытуемый должен с закрытыми глазами при помощи кистей рук показать расстояние, соответствующее собственному восприятию размера той или иной части тела (согласно словесной инструкции экспериментатора). Предварительные замеры на каждом из этапов производились за 15–20 минут до погружения, окончательные – сразу после выполнения заданий в VR и с закрытыми глазами.

Статистическая обработка данных производилась с помощью непараметрического сравнительного W-критерия Вилкоксона и ПО MS Excel и SPSS Statistics 26.

Результаты

Антропометрические показатели испытуемых, а также результаты замеров восприятия ими размеров собственного тела по шкалам методики «Промеры по М. Фельденкрайзу» представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Антропометрические данные испытуемых и субъективное восприятие ими размеров собственного тела до и после погружений в VR на обоих этапах исследования / Anthropometric data of the subjects and their subjective perception of their own body size before and after immersion in VR at both stages of the study

Параметр / Parameter	M±SD Реальные размеры, см / Real dimensions, cm	2020		2021	
		M±SD До погружения, см / Before immersion, cm	M±SD После погружения, см / After immersion, cm	M±SD До погружения, см / Before immersion, cm	M±SD После погружения, см / After immersion, cm
Высота головы / Head height	21,85 ± 2,32	25,66 ± 4,18	26,14 ± 6,85	25,95 ± 5,62	28,42 ± 3,85
Ширина головы / Head breadth	15,57 ± 2,24	20,04 ± 6,02	21,42 ± 7,03	18,00 ± 3,11	20,76 ± 4,15
Длина шеи / Neck length	10,95 ± 1,90	18,38 ± 4,28	20,14 ± 5,09	17,42 ± 5,56	19,28 ± 4,41
Длина плеча / Shoulder length (from the base of the neck to the shoulder joint)	20,23 ± 2,11	22,11 ± 5,23	25,50 ± 5,70	24,73 ± 6,52	27,42 ± 5,07
Длина плечевой кости / Humerus length	31,57 ± 2,67	33,92 ± 12,35	38,83 ± 8,67	36,00 ± 11,27	35,21 ± 6,41
Ширина локтевого сустава / Elbow joint width	9,47 ± 1,60	11,95 ± 3,49	13,61 ± 4,67	12,78 ± 3,50	14,26 ± 4,47
Длина предплечья / Forearm length	27,71 ± 5,27	29,85 ± 5,13	32,54 ± 7,38	30,95 ± 5,35	31,16 ± 5,84
Длина кисти / Palm length	19,14 ± 2,65	19,71 ± 4,85	22,61 ± 6,82	21,33 ± 4,58	23,04 ± 4,51
Длина туловища от шеи до пупка / Torso length from the base of the neck to the navel (1)	38,42 ± 3,98	43,42 ± 12,18	46,57 ± 12,44	47,47 ± 13,51	44,19 ± 12,11
Длина туловища от пупка до паха / Torso length from the navel to the groin (2)	21,33 ± 5,36	24,90 ± 6,48	25,95 ± 8,14	26,00 ± 6,14	28,95 ± 7,29
Ширина груди / Chest width	34,76 ± 6,60	34,52 ± 7,54	36,42 ± 9,46	37,38 ± 8,87	38,19 ± 10,36
Ширина талии / Waist width	30,61 ± 7,13	30,90 ± 4,60	32,38 ± 7,31	30,90 ± 8,36	32,04 ± 7,29
Ширина таза / Pelvis width	37,42 ± 6,13	35,76 ± 5,92	35,85 ± 6,84	36,19 ± 8,78	37,09 ± 7,46
Длина бедра / Thigh length	47,00 ± 7,12	50,95 ± 16,11	49,69 ± 11,90	49,35 ± 12,65	44,83 ± 11,15
Ширина коленного сустава / Knee width	14,38 ± 13,69	16,83 ± 4,57	16,85 ± 5,52	17,28 ± 4,21	17,78 ± 4,65
Длина голени / Shin length	43,23 ± 4,48	43,23 ± 10,11	43,71 ± 11,58	40,28 ± 9,70	38,42 ± 9,51
Длина стопы / Foot length	27,52 ± 3,62	26,35 ± 6,39	26,80 ± 6,88	27,88 ± 5,33	29,14 ± 5,76

Как видно из таблицы, субъективное восприятие испытуемыми собственного тела до погружений на обоих этапах исследования почти во всех случаях

преувеличено или близко к его объективным размерам. Исключение составляет повсеместное преуменьшение ширины таза, что может объясняться влиянием социальных стереотипов красоты на восприятие этой части тела.

Средние значения субъективного восприятия по экспериментальной выборке несколько увеличились или практически не изменились после погружений первого этапа (2020). Это подтверждает данные, полученные нами в предыдущих исследованиях, целью которых являлось изучение особенностей искажения восприятия человеком размеров собственного тела после погружений в VR (Варламов, Яковлева, 2021). Нами было установлено, что активное использование движений тела в качестве способа управления антропоморфным персонажем в виртуальной реальности приводит к их преувеличению в субъективном восприятии. Данное наблюдение было сделано в рамках эксперимента с воздействием, включающим погружение в ту же виртуальную среду, что и на первом этапе данного исследования.

После погружений второго этапа (2021) также наблюдается преобладающая тенденция преувеличения отдельных размеров тела в субъективном восприятии.

Статистическая достоверность выявленных на обоих этапах исследования искажений, установленная с помощью *W*-критерия Вилкоксона, представлена в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнительного анализа восприятия размеров собственного тела испытуемыми до и после погружений в VR на обоих этапах исследования / The results of a comparative analysis of the perception of the size of one's own body by the subjects before and after immersion in VR at both stages of the study

Параметр / Parameter	2020		2021	
	<i>W</i> (до – после погружения) / <i>W</i> (before – after immersion)	<i>p</i>	<i>W</i> (до – после погружения) / <i>W</i> (before – after immersion)	<i>p</i>
Высота головы / Head height	-0,265		-1,851	0,10
Ширина головы / Head breadth	-1,314		-2,545	0,01
Длина шеи / Neck length	-1,932	0,05	-1,667	0,10
Длина плеча / Shoulder length (from the base of the neck to the shoulder joint)	-2,145	0,05	-1,798	0,10
Длина плечевой кости / Humerus length	-2,678	0,01	-0,055	
Ширина локтевого сустава / Elbow joint width	-2,756	0,01	-2,022	0,05
Длина предплечья / Forearm length	-1,824	0,10	-0,446	
Длина кисти / Palm length	-2,429	0,01	-1,621	
Длина туловища от шеи до пупка / Torso length from the base of the neck to the navel (1)	-1,337		-1,242	
Длина туловища от пупка до паха / Torso length from the navel to the groin (2)	-0,322		-2,073	0,05
Ширина груди / Chest width	-1,343		-0,645	
Ширина талии / Waist width	-0,945		-0,318	
Ширина таза / Pelvis width	-0,035		-0,419	
Длина бедра / Thigh length	-0,037		-2,167	0,05
Ширина коленного сустава / Knee width	-0,386		-1,231	
Длина голени / Shin length	-0,414		-1,492	
Длина стопы / Foot length	-0,271		-1,375	

1. На первом этапе эксперимента, после погружения в VR были установлены статистически значимые преувеличения испытуемыми субъективного восприятия таких размеров тела как «длина шеи», «длина плеча», «длина плечевой кости», «длина кисти» и «ширина локтевого сустава», а также тенденция к преувеличению «длины предплечья» (не является статистически значимой, однако вероятность статистической ошибки составляет менее 10 %). Части тела испытуемых, соотнесенные с данными параметрами, в наибольшей степени были включены в реализацию двигательную активность, реализуемую ими при погружении в VR. Движения плечевого пояса приводили к изменению положения в пространстве контроллеров рук, а шеи – шлема VR. Благодаря этому испытуемые могли успешно справляться с игровым заданием.

2. Искажения субъективного восприятия размеров тела испытуемыми после погружения в VR на втором этапе исследования характерны для таких параметров, как «ширина головы», «ширина локтевого сустава», «длина туловища от пупка до паха», «длина бедра». Кроме того, наблюдается статистически незначимая тенденция к искажению «высоты головы», «длины шеи» и «длины плеча». Все перечисленные параметры, за исключением «длины бедра» преувеличивались испытуемыми после погружения. Кроме того, данное экспериментальное воздействие, с использованием технологии FBT, является первым исследованием, в котором нами было установлено статистически значимое искажение восприятия размеров параметра тела испытуемых, относящихся к нижним конечностям. Примечательно, что искажения, выявленные на данном этапе, относятся к параметрам всех частей тела, задействованных в управлении виртуальным персонажем: на голове испытуемых находился шлем VR, в руках они держали контроллеры, а трекеры HTC Vive были закреплены на поясице и ногах испытуемых.

Для уточнения интерпретации причины выявленных искажений был проведен также отдельный анализ искажений восприятия размеров собственного тела на обоих этапах исследования респондентами с разделением по полу. Данная гендерная специфика искажений отражена в табл. 3.

Как следует из данных таблицы, ни мужская, ни женская часть выборки не продемонстрировали искажений в восприятии размеров нижней половины тела на первом этапе исследования. Среди молодых людей в принципе на обоих этапах наблюдается меньше искажений, тогда как искажения в восприятии девушками собственных размеров, хотя и являются более многочисленными, не представляют явной гендерной специфичности. Так, искажения восприятия длины бедра и длины стопы на втором этапе исследования не соответствуют ожиданиям об искажении психосексуально значимых зон (например, «ширины груди» или «ширины таза»). В то же время среди молодых людей выражена тенденция к искажению восприятия длины нижней половины корпуса на втором этапе, которая также отражена и на всей выборке в целом.

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнительного анализа восприятия размеров собственного тела испытуемыми – молодыми людьми и девушками до и после погружений в VR на обоих этапах исследования / The results of a comparative analysis of the perception of the size of one's own body by the tested young men and girls before and after immersion in VR at both stages of the study

Параметр / Parameter	2020			2021		
	M / M N = 10	Ж / F N = 11	N = 21	M / M N = 10	Ж / F N = 11	N = 21
Высота головы / Head height	-0,849	-0,654	-0,262	-1,168	-1,548	-1,859
Ширина головы / Head breadth	-0,627	-1,334	-1,314	-2,139*	-1,434	-2,547**
Длина шеи / Neck length	-0,773	-2,15*	-1,99*	-1,482	-0,493	-1,66
Длина плеча / Shoulder length (from the base of the neck to the shoulder joint)	-0,756	-2,091*	-2,104*	-1,379	-1,173	-1,791
Длина плечевой кости / Humerus length	-2,045*	-1,785	-2,608**	-0,712	-0,765	-0,052
Ширина локтевого сустава / Elbow joint width	-1,633	-2,677**	-2,701**	-1,786	-0,921	-2,02*
Длина предплечья / Forearm length	-0,311	-2,149*	-1,826	-0,102	-0,459	-0,449
Длина кисти / Palm length	-1,686	-1,725	-2,421**	-0,356	-1,78*	-1,627
Длина туловища от шеи до пупка / Torso length from the base of the neck to the navel (1)	-1,068	-0,867	-1,339	-0,969	-1,008	-1,248
Длина туловища от пупка до паха / Torso length from the navel to the groin (2)	-0,205	-0,06	-0,323	-2,767**	-0,593	-2,077*
Ширина груди / Chest width	-0,89	-1,181	-1,341	-1,305	-0,409	-0,645
Ширина талии / Waist width	-0,593	-0,715	-0,948	-0,089	-0,308	-0,314
Ширина таза / Pelvis width	-0,402	-0,411	-0,035	-0,802	-0,409	-0,401
Длина бедра / Thigh length	0	-0,051	-0,037	-1,158	-1,956*	-2,167*
Ширина коленного сустава / Knee width	-0,416	-1,177	-0,383	-0,972	-0,822	-1,238
Длина голени / Shin length	-0,934	-0,714	-0,418	-0,445	-1,837	-1,495
Длина стопы / Foot length	-0,893	-0,716	-0,279	-0,256	-2,103*	-1,374

Примечание / Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

Обсуждение результатов

Субъективное восприятие участниками эксперимента размеров собственного тела по итогам погружения претерпело ситуативные изменения. На обоих этапах исследования были установлены статистически выраженные тенденции преувеличения и преуменьшения в восприятии его отдельных размеров. На первом этапе (без использования FBT) испытуемые оказались склонны преувеличивать размеры верхнего плечевого пояса и шеи, тогда как на втором этапе (с использованием FBT) были выявлены статистически выраженные искажения во всех частях тела испытуемых, в том числе преуменьшение восприятия длины бедра.

Преувеличение размеров верхнего плечевого пояса, головы и корпуса после погружения в VR, наблюдаемое на первом этапе данного исследования, было установлено нами и ранее, на других выборках и с использованием других сред VR (Варламов, Яковлева, 2021). Данная закономерность, очевидно, связана с тем, что во время погружения движения этих частей тела играют инструментальную роль для адаптации испытуемых к условиям VR-среды. Технически, гарнитура VR располагает данными только о положении в пространстве контроллеров, которые испытуемые держат в кистях рук, а также шлема, закрепленного на их голове. Следовательно, точность

перемещения данных точек отслеживания в виртуальном пространстве, полностью соответствующая их перемещению в объективном мире, является залогом успешного выполнения виртуального задания. Так как перемещение кистей и головы испытуемых невозможно без задействования связанных с ними частей тела, они становятся «инструментом», а управляемые ими виртуальные проекции (голова и рук аватара) – оперативным образом виртуальной деятельности. При этом манипуляции с ним играют ключевую роль в адаптации к среде (Мальцева, 2015). Осознанно или полусознанно следуя этому принципу, испытуемые, очевидно, больше внимания уделяют движениям рук и шеи, как частям тела, движения которых прямо отражаются на перемещении головы и кистей (точек отслеживания). В то же время, перемещение корпуса и ног в меньшей степени сказывается на движениях точек отслеживания, следовательно, в меньшей степени учитывается испытуемыми при погружении.

Подтверждением данного наблюдения может служить «рассредоточение» искажений восприятия размеров тела по разным его отделам на втором этапе исследования. Статистически выраженные искажения здесь наблюдаются не только среди размеров верхнего плечевого пояса, но и среди размеров корпуса и ног. Данные особенности, вероятно, связаны с использованием технологии FBT в погружении. Отслеживание всего тела приводит к тому, что «инструментом» погружения теперь является крупная моторика всех его отделов, а не только движения верхних конечностей. Расширение зоны оперативного образа погружения до всех движений аватара способствует распределению внимания испытуемых на все части тела, а не только на верхний плечевой пояс. Это способствует возникновению новых искажений и сглаживанию старых (количество преувеличений размеров, связанных с плечевым поясом, сократилось на втором этапе эксперимента).

Примечательно, что при попытке анализа гендерных особенностей искажений, не было выявлено преуменьшений или преувеличений специфических для мужского или женского психосексуальных стереотипов параметров. Размеры отдельных частей верхних или нижних конечностей, которые могли искажаться у одной подгруппы испытуемых и нивелироваться в общем результате за счет устойчивости восприятия размера у другой подгруппы (как длина предплечья у женской подгруппы на первом этапе или дины стопы и кисти у той же подгруппы на втором этапе) также относятся к инструментальным и отражают удобство адаптации к движению, адаптационно значимому для погружения в VR.

Принципиально новым наблюдением в данном направлении исследования является установленное преуменьшение в восприятии длины бедра испытуемыми после погружения в VR на втором этапе эксперимента. Все подобные искажения, установленные в предыдущих исследованиях, являлись преувеличениями (Варламов, Яковлева, 2021).

Данное наблюдение является значимым с точки зрения анализа природы и принципов выполняемого испытуемыми при погружении в VR движения. М. Фельденкрайз, на основании методологии которого разработаны использованные нами в исследовании шкалы «Промеров по М. Фельденкрай-

зу», отмечал в своих работах существование присущего здоровому человеку преувеличения размеров собственного тела на 15–20 % (что наблюдается и на нашей выборке, см. табл. 1) (Фельденкрайз, 2001). Корректировка данного искажения и приведение субъективного восприятия к объективным значениям достигается за счет последовательного выполнения «осознанного движения» с характерной направленной концентрацией внимания на его легкости-тяжести, успешности, сопровождающих ощущениях и т. д. В общих чертах суть данного метода описывается повторной интериоризацией собственного внешнего облика, а оперативным образом движения является собственное тело. Результатом «осознанного движения» является, как правило, уменьшение преувеличенного размера той или иной части тела в субъективном восприятии человека и приближение его к объективным размерам.

При выполнении движений во время погружения в VR у испытуемых наблюдались многочисленные «преувеличения» субъективного размера задействованных в движении частей тела относительно их уже преувеличенного восприятия. Выявленное «преуменьшение» размера длины бедра, субъективное восприятие которого по итогам второго погружения оказалось меньше его реальных размеров, очевидно, не имеет общей природы с «осознанным движением», так как при выполнении заданий доминирующей обратной связью о движении для испытуемых являлись не кинестетические ощущения, а успешность выполнения задания в VR – то есть собственное тело испытуемых не являлось оперативным образом движения, но выполняло роль инструмента. Данное наблюдение свидетельствует о необходимости более тщательного и подробного изучения специфики искажений восприятия размеров верхних и нижних конечностей при погружении в VR, так как иллюстрирует их общую адаптационную функцию к внутрисредовым условиям. Объяснение «удобства» уменьшенных ног и увеличенных рук для испытуемого при погружении в VR требует большего количества эмпирических свидетельств. В данном эксперименте данная тенденция была выявлена благодаря использованию технологии FBT и расширению зоны непосредственной активности при погружении на всю крупную моторику испытуемых.

Заключение

При погружении в VR без использования технологии FBT выражена статистическая тенденция искажения субъективного восприятия испытуемыми размеров плечевого пояса и шеи. Эти части тела при погружении оказываются в наибольшей степени задействованы в двигательной активности испытуемых, а их восприятие, соответственно, имеет высокую значимость при адаптации к средовым условиям.

Использование технологии FBT при погружении испытуемых в VR и выполнение ими двигательной активности, задействующей всю крупную моторику собственного тела, вызывает искажения в восприятии размеров не только верхнего плечевого пояса, но и корпуса, и ног. В сопоставлении с тенденцией, наблюдаемой на первом этапе исследования, данное наблюдение свидетельствует о существовании связи включенности той или иной части тела в процесс управления движениями аватара в VR и субъективного

искажения восприятия ее размеров. Выявленные искажения не имеют выраженной взаимосвязи с гендерной принадлежностью испытуемых.

Данные, полученные в исследовании, демонстрируют адаптационно-инструментальную роль реального тела испытуемого в процессе погружения в подвижные VR. Вероятно, сила выявленных искажений субъективного восприятия может быть связана с успешностью выполнения испытуемыми подвижного задания в VR, однако данное предположение требует проведения дополнительных уточняющих исследований с расширением выборки испытуемых и комплексности задания.

Результаты будут полезны при планировании дальнейших научных исследований, а также в разработке методов экспозиционного воздействия телесно-ориентированной психотерапии. Целенаправленное формирование искаженного восприятия размеров тела может быть использовано в рамках тренинга осознанности телесности, а также с целью коррекции искаженного образа тела при ассоциированных расстройствах (нервная анорексия, нервная булимия и др.)

Список литературы

- Варламов А.В., Яковлева Н.В. Динамика искажений восприятия человеком размеров собственного тела в виртуальной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 254–270. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-254-270>
- Варламов А.В., Яковлева Н.В. Особенности восприятия человеком собственного тела в VR-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 21–31. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-21-31>
- Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войскунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 54–62.
- Лашкова Е.Д., Чаплина К.В., Варламов А.В. Образ тела в виртуальной реальности: подвижные действия в VR-среде и искажения восприятия размеров собственного тела // Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия: сборник материалов VII Всероссийской конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ред. кол.: Н.В. Яковлева, А.М. Лесин, Н.Н. Уланова; техн. ред.: Т.И. Леонова. Рязань: ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, 2020. С. 98–103.
- Мальцева Д.Д. Роль оперативного образа в структуре деятельности: основные подходы в отечественной психологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 8 (719). С. 161–169.
- Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
- Соловьева И.А. Кто мы на самом деле? О бессознательном образе тела. М.: Издатель Базенков И.Л., 2017. 216 с.
- Фельденкрауз М. Сознание через движение: двенадцать практических уроков / пер. с англ. М. Папуш. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 160 с.
- Шалатин А.А., Данина М.М. Исследования эффекта присутствия в виртуальной реальности: современное состояние и перспективы // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 71. С. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i71.191>

- Яковлева Н.В., Варламов А.В. Искажения в восприятии человеком собственного тела после выполнения подвижных заданий в виртуальной реальности // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 2. С. 130–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-130-146>
- Bordnick P.S., Carter B.L., Traylor A.C. What virtual reality research in addictions can tell us about the future of obesity assessment and treatment // *Journal of Diabetes Science and Technology*. 2011. Vol. 5. No 2. Pp. 265–271. <https://doi.org/10.1177/193229681100500210>
- Clus D., Larsen M.E., Lemey C., Berrouiguet S. The use of virtual reality in patients with eating disorders: systematic review // *Journal of Medical Internet Research*. 2018. Vol. 20. No 4. e157. <https://doi.org/10.2196/jmir.7898>
- Corno G., Serino S., Cipresso P., Baños R.M., Riva G. Assessing the relationship between attitudinal and perceptual component of body image disturbance using virtual reality // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018. Vol. 21. No 11. Pp. 679–686. <https://doi.org/10.1089/cyber.2018.0340>
- Felnhöfer A., Kothgassner O.D., Schmidt M., Heinzle A.-K., Beutl L., Hlavacs H., Kryspin-Exner I. Is virtual reality emotionally arousing? Investigating five emotion inducing virtual park scenarios // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2015. Vol. 82. Pp. 48–56. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2015.05.004>
- Ferrer-Garcia M., Gutiérrez-Maldonado J., Riva G. Virtual reality based treatments in eating disorders and obesity: a review // *Journal of Contemporary Psychotherapy*. 2013. Vol. 43. No 4. Pp. 207–221. <https://doi.org/10.1007/s10879-013-9240-1>
- Fonseca-Baeza S., Corno G., Baños R.M. An intervention protocol proposal to modify the body image disturbance using Virtual Reality // *Calidad De Vida Y Salud*. 2018. Vol. 11. No 2. Pp. 48–61.
- Freeman D., Reeve S., Robinson A., Ehlers A., Clark D., Spanlang B., Slater M. Virtual reality in the assessment, understanding, and treatment of mental health disorders // *Psychological Medicine*. 2017. Vol. 47. No 14. Pp. 2393–2400. <https://doi.org/10.1017/s003329171700040x>
- Irvine K.R., Irvine A.R., Maalin N., McCarty K., Cornelissen K.K., Tovée M.J., Cornelissen P.L. Using immersive virtual reality to modify body image // *Body Image*. 2020. Vol. 33. Pp. 232–243. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.03.007>
- Liu T., Pietschmann D., Ohler P. Affecting explicit and implicit body image with thin-idealized avatars in virtual reality: the role of sense of embodiment // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2022. Vol. 25. No 3. Pp. 174–180. <https://doi.org/10.1089/cyber.2021.0091>
- Monthuy-Blanc J., Bouchard S., Ouellet M., Corno G., Iceta S., Rousseau M. “eLoriCorps Immersive Body Rating Scale:” exploring the assessment of body image disturbances from allocentric and egocentric perspectives // *Journal of Clinical Medicine*. 2020. Vol. 9. No 9. <https://doi.org/10.3390/jcm9092926>
- Porrás-García B., Serrano-Troncoso E., Carulla-Roig M., Soto-Usera P., Ferrer-García M., Figueras-Puigderrajols N., Yilmaz L., Onur Sen Y., Shojaeian N., Gutiérrez-Maldonado J. Virtual reality body exposure therapy for anorexia nervosa. A case report with follow-up results // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00956>
- Riva G., Bacchetta M., Baruffi M., Molinari E. Virtual reality-based multidimensional therapy for the treatment of body image disturbances in obesity: a controlled study // *CyberPsychology & Behavior*. 2001. Vol. 4. No 4. Pp. 511–526. <https://doi.org/10.1089/109493101750527079>
- Rubo M., Gamer M. Visuo-tactile congruency influences the body schema during full body ownership illusion // *Consciousness and Cognition*. 2019. Vol. 73. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2019.05.006>
- Tack C. Virtual reality and chronic low back pain // *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*. 2021. Vol. 16. No 6. Pp. 637–645. <https://doi.org/10.1080/17483107.2019.1688399>
- Van der Veer A.H., Alsmith A.J.T., Longo M.R., Wong H.Y., Mohler B.J. Where am I in virtual reality? // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13. No 10. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204358>

История статьи:

Поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Варламов А.В., Яковлева Н.В. Искажения в восприятии человеком собственного тела во время погружения в компьютерную виртуальную реальность с использованием технологии Full-Body Tracking // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 670–688. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688>

Сведения об авторах:

Варламов Андрей Витальевич, специалист центра практической психологии, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Рязань, Россия). ORCID: 0000-0002-6144-6036, eLIBRARY SPIN-код: 1397-5213. E-mail: andrey.varlamov.62@gmail.com

Яковлева Наталья Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и специальной психологии с курсом педагогики, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Рязань, Россия). ORCID: 0000-0002-7682-7245, eLIBRARY SPIN-код: 4892-0770. E-mail: yakovleva.nata2@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688

UDC 159.9.07

Research article

Distortions of Body Perception during Immersion in Computer Virtual Reality Using Full-Body Tracking

Andrey V. Varlamov , Natalya V. Yakovleva

Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov,

9 Vysokovoltnaya St, Ryazan, 390026, Russian Federation

 andrey.varlamov.62@gmail.com

Abstract. Person's immersion in computer virtual reality (VR) is accompanied by numerous distortions in his/her perception due to the replacement of sensory stimuli coming through visual, auditory and partially proprioceptive channels. In this case, the person's own body becomes an immersion tool, since its movements indirectly affect the movement of the avatar in VR. Performing actions in VR on behalf of the avatar contributes to the appearance of distortions in the perception of one's own body due to the diffuse effect of actualizing the operational image at the moment of purposeful activity (the subjective body image is modified in accordance with the need to adapt to VR conditions). There are various ways of immersing in VR, taking into account the different degree of involvement of individual parts of the recipient's real body in controlling a digital character. Thus, the full-body tracking (FBT) technology is becoming widespread, allowing the use of almost all human gross motor skills for projection onto the movements of the avatar. The purpose of the study was to establish the specific features of the distortion of a person's perception of the size of his/her own body, after

its being immersed in computer virtual reality, and the control over the avatar using the FBT technology. The study was conducted in two stages (in 2020 and 2021) in order to compare the intensity and direction of body image distortions of the subjects when they were immersed with and without the FBT technology. The OhShape VR app for mobile immersion without FBT and a modification of the VR Chat app for mobile immersion with FBT were used as experimental exposures. Psychometric data on the subjects' perception of their own bodies were obtained using the psychometric data on the subjects' perception of their own bodies were obtained using Moshe Feldenkrais' methods for physical measurements. According to the results of the study, the use of FBT during immersion in VR leads to distortions in the perception of various body sizes by the subjects, including the trunk and legs, while mobile immersion without the use of FBT only causes distortions in the perception of the dimensions of the upper shoulder girdle. It should be noted that this observation testifies to the connection of distortions with the facts of the involvement of the corresponding parts of the real body of the subjects in the process of controlling the avatar. It is concluded that there are specific distortions in the perception of a person's own body when being immersed in VR using FBT. Finally, an assumption is made about the possible connection of these distortions with the success of performing intra-environment mobile tasks.

Key words: virtual reality, VR, full-body tracking, FBT, body image

References

- Bordnick, P.S., Carter, B.L., & Traylor, A.C. (2011). What virtual reality research in addictions can tell us about the future of obesity assessment and treatment. *Journal of Diabetes Science and Technology*, 5(2), 265–271. <https://doi.org/10.1177/193229681100500210>
- Clus, D., Larsen, M.E., Lemey, C., & Berrouiguet, S. (2018). The use of virtual reality in patients with eating disorders: Systematic review. *Journal of Medical Internet Research*, 20(4). <https://doi.org/10.2196/jmir.7898>
- Corno, G., Serino, S., Cipresso, P., Baños, R.M., & Riva, G. (2018). Assessing the relationship between attitudinal and perceptual component of body image disturbance using virtual reality. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 21(11), 679–686. <https://doi.org/10.1089/cyber.2018.0340>
- Feldenkrais, M. (2001). *Awareness through movement: Health exercises for personal growth*. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy Publ. (In Russ)
- Felnhofer, A., Kothgassner, O.D., Schmidt, M., Heinzle, A.-K., Beutl, L., Hlavacs, H., & Kryspin-Exner, I. (2015). Is virtual reality emotionally arousing? Investigating five emotion inducing virtual park scenarios. *International Journal of Human-Computer Studies*, 82, 48–56. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2015.05.004>
- Ferrer-Garcia, M., Gutiérrez-Maldonado, J., & Riva, G. (2013). Virtual reality based treatments in eating disorders and obesity: A review. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 43(4), 207–221. <https://doi.org/10.1007/s10879-013-9240-1>
- Fonseca-Baeza, S., Corno, G., & Baños, R.M. (2018). An intervention protocol proposal to modify the body image disturbance using Virtual Reality. *Calidad De Vida Y Salud*, 11(2), 48–61.
- Freeman, D., Reeve, S., Robinson, A., Ehlers, A., Clark, D., Spanlang, B., & Slater, M. (2017). Virtual reality in the assessment, understanding, and treatment of mental health disorders. *Psychological Medicine*, 47(14), 2393–2400. <https://doi.org/10.1017/s003329171700040x>
- Irvine, K.R., Irvine, A.R., Maalin, N., McCarty, K., Cornelissen, K.K., Tovée, M.J., & Cornelissen, P.L. (2020). Using immersive virtual reality to modify body image. *Body Image*, 33, 232–243. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.03.007>
- Lashkova, E.D., Chaplina, K.V., & Varlamov, A.V. (2020). Body image in virtual reality: Mobile actions in the VR environment and distortions in the perception of the size of

- your own body. *Psychology and Medicine: Ways to Search for Optimal Interaction: Conference Proceedings* (pp. 98–103). Ryazan: Ryazan State Medical University. (In Russ.)
- Liu, T., Pietschmann, D., & Ohler, P. (2022). Affecting explicit and implicit body image with thin-idealized avatars in virtual reality: The role of sense of embodiment. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 25(3), 174–180. <https://doi.org/10.1089/cyber.2021.0091>
- Maltseva, D.D. (2015). The role of operative image in the activity structure: main approaches in native psychology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, (8), 161–169. (In Russ.)
- Monthuy-Blanc, J., Bouchard, S., Ouellet, M., Corno, G., Iceta, S., & Rousseau, M. (2020). “eLoriCorps Immersive Body Rating Scale:” Exploring the assessment of body image disturbances from allocentric and egocentric perspectives. *Journal of Clinical Medicine*, 9(9). <https://doi.org/10.3390/jcm9092926>
- Nosov, N.A. (2000). *Virtual psychology*. Moscow: Agraf Publ. (In Russ)
- Porrás-García, B., Serrano-Troncoso, E., Carulla-Roig, M., Soto-Usera, P., Ferrer-García, M., Figueras-Puigderrajols, N., Yilmaz, L., Onur Sen, Y., Shojaeian, N., & Gutiérrez-Maldonado, J. (2020). Virtual reality body exposure therapy for anorexia nervosa. A case report with follow-up results. *Frontiers in Psychology*, 11, 956. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00956>
- Riva, G., Bacchetta, M., Baruffi, M., & Molinari, E. (2001). Virtual reality-based multidimensional therapy for the treatment of body image disturbances in obesity: A controlled study. *CyberPsychology & Behavior*, 4(4), 511–526. <https://doi.org/10.1089/109493101750527079>
- Rubo, M., & Gamer, M. (2019). Visuo-tactile congruency influences the body schema during full body ownership illusion. *Consciousness and Cognition*, 73, 102758. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2019.05.006>
- Shalyapin, A.A., & Danina, M.M. (2020). Studies of the effect of presence in virtual reality: Current status and perspective. *Psychological Studies*, 13(71), 6. (In Russ) <https://doi.org/10.54359/ps.v13i71.191>
- Soloveva, I.A. (2017). *Who are we really? About the unconscious body image*. Moscow: Izdatel' Bazenkov I.L. Publ. (In Russ.)
- Tack, C. (2021). Virtual reality and chronic low back pain. *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*, 16(6), 637–645. <https://doi.org/10.1080/17483107.2019.1688399>
- Van der Veer, A.H., Alsmith, A.J.T., Longo, M.R., Wong, H.Y., & Mohler, B.J. (2018). Where am I in virtual reality? *PLoS ONE*, 13(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204358>
- Varlamov, A.V., & Yakovleva, N.V. (2021). Dynamics of perception distortions of human body physical dimensions in virtual reality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 254–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-254-270>
- Varlamov, A.V., & Yakovleva, N.V. (2021). Peculiarities of human perception of own body in virtual reality. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, (2), 21–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-21-31>
- Yakovleva, N.V., & Varlamov, A.V. (2021) Distortions in a person’s body perception after performing dynamic tasks in virtual reality. *RSUH/RGGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education Series*, (2), 130–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-130-146>
- Zinchenko, Yu.P., Menshikova, G.Ya., Bayakovskiy Yu.M., Chernorizov, A.M., & Voiskounsky, A.E. (2010). Virtual reality technology in the context of world and national psychology: Methodological aspects, achievements and prospects. *National Psychological Journal*, (1), 54–62. (In Russ.)

Article history:

Received 2 September 2022

Revised 21 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Varlamov, A.V., & Yakovleva, N.V. (2022). Distortions of body perception during immersion in computer virtual reality using full-body tracking. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 670–688. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688>

Bio notes:

Andrey V. Varlamov, is Specialist of the Center for Practical Psychology, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russia). ORCID: 0000-0002-6144-6036, eLIBRARY SPIN-code: 1397-5213. E-mail: andrey.varlamov.62@gmail.com

Natalya V. Yakovleva, PhD in Psychology, Associate Professor, is Head of the Department of General and Special Psychology with a Course in Pedagogy, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russia). ORCID: 0000-0002-7682-7245, eLIBRARY SPIN-code: 4892-0770. E-mail: yakovleva.nata2@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716

UDC 159.923

Research article

Personality Traits and Academic Motivation as Predictors of Attitudes towards Digital Educational Technologies among Russian University Students

Irina A. Novikova^{ID}✉, Polina A. Bychkova^{ID},
Alexey L. Novikov^{ID}, Dmitriy A. Shlyakhta

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ novikova-ia@rudn.ru

Abstract. In the modern era of digitalization, the development and implementation of digital educational technologies (DETs) have constantly been at the center of numerous discussions among teachers, psychologists, sociologists, physicians, etc. Moreover, the COVID-19 pandemic has simultaneously made DETs an integral part of contemporary social life around the world. However, both before and during the COVID-19 pandemic, little attention was paid to the study of the motivational and personality characteristics of university students, which would make it possible to predict their attitudes towards DETs and the effectiveness of their use in learning. The present study involved 173 Russian university students (61% – females) of various specialties (natural sciences, medicine and psychology), aged 17 to 26 years. Their attitudes towards DETs were measured according to *The University Students' Attitudes towards DET Questionnaire* developed by the authors. To reveal their educational motivation, *The Academic Motivation Scales* by Gordeeva et al. were used. Their personality traits were identified using *The NEO Five-Factor Inventory* (adapted in Russian by Biryukov and Bodunov). For statistical analysis, the descriptive statistics methods, Mann – Whitney U test, and multiple regression analysis were used. The results of the study have shown that the scales of academic motivation have a greater impact on attitudes towards DETs among the university students as compared to personality traits. However, there is a specificity of these impacts in the students of different specialties, particularly in psychological students. The findings of this study indicate that taking into account such psychological factors as students' academic motivation and personality traits can contribute to the optimal implementation of DETs in the educational process in blended and online formats.

Key words: digital educational technologies, attitudes, digital educational technologies, digital competence, university students, academic motivation, Five-Factor Model, personality traits

Acknowledgements and Funding. The study was carried out as part of the Program of Strategic Academic Leadership, “Priority-2030,” of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), the publication was prepared with the support of scientific project No. 051320-0-000 at the Psychology and Pedagogy Department, the Faculty of Philology, RUDN University.

© Novikova I.A., Bychkova P.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

It is generally recognized that modern society has entered the “digital era”, which is a transition from analog to digital format of working with information. The “digital era” is characterized by the total dominance of digital technologies based on special methods of encoding and transmitting information using a discrete cybernetic system, which allows solving many diverse tasks in the shortest possible time intervals and in almost all areas of human activity (Khangeldieva, 2018). T.N. Gorbunova and A.N. Leontiev emphasize that technologies that defined the Fourth Industrial Revolution (*Deep Learning, Big data, the Internet of things, self-regulating factories, 3D printing and printed electronics*) are leading the world to significant transformations, actively influencing all spheres of life, including education. (Gorbunova, Leontiev, 2021). At the same time, these authors note that education is one of the last major sectors of public life that has entered a period of radical digital transformation (Gorbunova, Leontiev, 2021).

The digital transformation of education involves not only the digitization of all educational materials to compose appropriate public knowledge bases (i.e. “digitizing”), but also the maximum transfer of the educational process to the global network and the use of mobile and cloud technologies for its arrangement, the involvement of web 3.0 technologies, artificial intelligence and intelligent systems in the management of the education, the widespread use of massive open online courses (MOOCs), etc. (Strekalova, 2019).

According to L.V. Baeva et al. (2020), the development of e-learning and digital education in Russia over the past decades has lagged behind many other countries. Thus, large Open Universities have not yet appeared in Russia, similar to those where students have been taught remotely in Europe, Asia and Africa for many years; and online platforms in Russian higher education have been used in accordance with the Federal State Educational Standards only as an addition to traditional forms of education. Before the pandemic, the greatest success of digital education in Russia was associated with the creation of national educational open resources, and after 2018, with the active introduction of MOOCs in some universities. However, the practice of replacing traditional forms of education with distance learning has caused numerous discussions in the educational community, since not all disciplines turned out to be meaningfully and methodically adaptable to the online format (Baeva et al., 2020).

The beginning of the COVID-19 pandemic and the “stay-at-home” restrictions have dramatically accelerated the digitalization of education in the world and in Russia. This situation has become a challenge to which the education system has responded by jumping to a new level of development (Baeva et al., 2020; Krouglov, 2021; Narbut et al., 2020; Novikova et al., 2022). Based on numerous studies conducted during the pandemic in different countries, most experts are inclined to believe that the changes introduced will no longer allow the education system to fully return to its previous track after the pandemic: most likely, there will be enrichment with new forms of education in blended and/or fully digital format (Baeva et al., 2020; Narbut et al., 2020; Aleshkovski et al., 2021; Li, 2022; Novikova et al., 2022).

It should be noted that, if, before the pandemic, the need and expediency of introducing digital technologies into education were actively discussed in the sci-

entific and educational community, which was due, in particular, to the specifics of teaching the “digital generation”, now the focus of discussions has shifted. The experience gained during the pandemic in the digitalization of the educational process allowed all its participants to see its “pros” and “cons” and make sure that the effectiveness of modern education depends not only and not so much on the technical aspects of introducing digital technologies as such, but on the qualifications of teachers, lecturers and professors, on the digital competence of educators and students, as well as on the attitude towards the use of digital educational technologies (DETs) in general.

In this article, we will consider different factors associated with student’s attitudes towards DETs before and during the pandemic, analyze the personality features associated with these attitudes, and also present the results of our research on personality traits and academic motivation of university students in connection with their attitudes towards DETs.

Further, we consider DETs in a broad sense, which includes: (1) digital (electronic) educational materials (e-books, e-tutorials, multimedia presentations, achievement tests, quizzes, etc.); (2) digital educational resources (electronic databases, e-library systems, search systems, etc.); (3) digital educational systems (LMS, Moodle, etc.); (4) digital platforms used for training (ZOOM, MS Teams, etc.); and (5) artificial intelligence and digital (virtual) educational environment (Novikova et al., 2022).

Research on attitudes towards digital educational technologies before and during the pandemic

Studies conducted by international and Russian scientists before the pandemic show that the readiness and effectiveness of using digital technologies in higher education may depend on the attitude both university students and teachers towards them.

Several studies on the impact of social media on learning, conducted at universities around the world in 2015–2020, showed that the students who took social media-enabled courses found them a convenient and quality-oriented addition to their traditional courses; they interacted more effectively with their course-mates, were better self-organized and more actively engaged in learning-related dialogue than the students in non-social media courses (Duncan, Barczyk, 2016; De Martino et al., 2020; Peruta, Shields, 2017; Ellefsen, 2016; Tugrul, 2017).

In 2017–2020, studies among university students in different countries (Bulgaria, Spain, Cyprus, UAE, etc.) consistently revealed their positive attitudes towards the use of digital technologies in education and online learning. In most cases, it was confirmed that the fact that the students who had more experience and skills in working with ICT was positively associated with their attitudes towards DETs. However, these attitudes could also be mediated by the students’ gender, age, form of education (full- or part-time), field of study, etc. (Peytcheva-Forsyth et al., 2018; Romero Martínez et al., 2020; Guillen-Gamez et al., 2020; Ozdamli, 2017; Andrew et al., 2018). In Russia, much less research of this kind was carried out before the COVID-19 pandemic. An example was an online survey of undergraduate and postgraduate students of a number of Russian universi-

ties conducted by sociologists of the Ural State University of Economics in January 2019. The results of the survey showed low estimates of the importance of distance and online learning among the respondents: only about 50% of them noted the need for distance learning and online courses, and only 30% were open to blended learning (Popova, 2019). This could probably be explained by the fact that until recently, as mentioned above, the development of digital education in Russia lagged far behind many other countries (Baeva et al., 2020).

Thus, in studies performed before the pandemic outbreak, it was shown that the positive attitudes of university students towards DETs might be associated with the activity of using digital technologies in general, involvement in communication with other users in the digital space, as well as the experience in distance learning using digital technologies (De Martino et al., 2020; Guillen-Gamez et al., 2020; Peytcheva-Forsyth et al., 2018; Soldatova, Nestik, 2016; Romero Martínez et al., 2020). However, as a rule, in the studies of that time, digital technologies were considered only as an addition to traditional forms of education.

With the onset of the COVID-19 pandemic, the digitalization of education has become, perhaps, one of the most discussed issues around the world. A large number of international studies conducted in 2020–2021 were devoted to the analysis of the problems associated with the rapid and forced transition to online education (Ahern, López-Medina, 2021; Corell-Almuzara et al., 2021).

Many of these studies were focused on various aspects of university students' using DETs during the pandemic, e.g.: students' transition to distance learning; their attitudes, expectations and views in relation to the transition to online learning; the impact of the pandemic on the learning process; etc. (Rizun, Strzelecki, 2020; Chaturvedi et al., 2021; Radu et al., 2020; Gonçalves et al., 2020; Martha et al., 2021; Bakhov et al., 2021; Drozdikova-Zaripova et al., 2021; Li, 2022; Yasmin, 2022).

During this period in Russia, similar problems began to be studied in great detail. For example, a large-scale sociological survey entitled “The opinion of students of Russian universities on forced distance learning” was conducted in May – June 2020, covering 31,423 university students in all regions of the Russian Federation (Aleshkovskiy et al., 2020). This research showed that Russian university students named the convenience of working at home and travel time saving as the main advantages of distance learning, whereas the lack of personal communication and social contacts as its main disadvantages. Almost half of the respondents noted that they were not ready for the complete transfer of education to a remote format after the end of the pandemic (Aleshkovskiy et al., 2020).

It can be noted that at the beginning of the pandemic, most university students around the world similarly assessed their experience of switching to fully distance learning, its disadvantages (e.g., task overload, difficulties with self-organization and motivation, numerous technical problems, lack of digital competence of students and lecturers) and advantages (e.g., time saving, opportunities to learn anywhere or develop new competences). At the same time, the majority of students reacted negatively to the prospect of continuing education only in a digital (distance) format after the lockdown due to the pandemic.

At different stages of the spread of the pandemic, there appeared studies that compared the attitudes of university students towards digital learning. For example,

according to S. Unger and W.R. Meiran, 51.4% of undergraduate students of one of US Universities said they had less anxiety about online learning after a three-week experience (Unger, Meiran, 2020). A longitudinal study of German university students conducted by G. Vladova et al. (2021) showed that the students' attitudes towards fully digital learning changed for the worse during the semester (the first wave of COVID-19), especially declining in its last month among music and art students compared to information systems students. The second stage of the study "The opinion of students of Russian universities on forced distance learning" in February 2021 covered 32,358 students and revealed that the proportion of those students who had believed that the remote format worsened the quality of education significantly decreased (from 43.7% to 30.6%), and 34.6% of students (against 27.7% at the first stage) stated that distance learning did not affect the quality of education (Aleshkovski et al., 2021). A comparison of the two waves of this survey shows that the first and mostly negative impressions of distance learning among Russian university students were changed by more balanced estimates and recognition of the positive aspects and possibilities of remote learning in the extreme conditions of the pandemic (Aleshkovski et al., 2021).

In our previous research (Novikova et al., 2021b), we had the opportunity to compare Russian university students' attitudes towards DETs before (in February – early March 2020) and after (late May – early June 2020) the start of the pandemic lockdown at three Moscow universities. We found that the students majoring in various disciplines (Medicine, Psychology and Natural Sciences) generally positively assessed the e-learning experience gained in spring 2020. We also found, as expected, the increase of students' involvement in the digital environment and in the use of DETs; however, their digital competence had not changed much over this period. The most pronounced positive shift in attitudes towards DETs was among the medical students, while before the pandemic and the transition to distance learning they were more reserved about DETs than the students of psychology and natural sciences (Novikova et al., 2021b). Subsequently, we conducted another cross-section of this study in January 2021, but only with the psychology students (Novikova et al., 2022). A comparison of the three stages of our study showed that the number of the students who positively assessed the impact of digital technologies on the educational process decreased with increasing experience in distance learning, although self-reported attitudes towards DETs remained relatively stable.

Summarizing the results of a qualitative analysis of the results of international and Russian studies conducted during the period of the forced transition to digital learning in 2020–2022, we should note that university students name technical issues among the main disadvantages of using DETs, while time saving and convenience are among the most frequently mentioned advantages of DETs (Novikova et al., 2022).

Thus, studies on university students' attitudes towards DETs for the last three years in connection with the pandemic, for obvious reasons, have mainly been devoted to changes in these attitudes and their relationships with the socio-demographic characteristics of students, such as country, academic discipline, year of study, etc. Recently, there have been practically no studies of the relationships between students' attitudes towards DETs and their personality traits; therefore, we will turn to earlier studies.

**Personality features as factors of attitudes
towards digital technologies in the educational context**

T.A. Nestik and colleagues studied the individual attitudes to new (digital) technologies in general and showed that when persons adopting new technologies, the key factor is their involvement in communication with other users (Nestik et al., 2017). In addition, it was revealed that the respondents' social representations about the future of digital technologies are ambivalent: on the one hand, they recognize the inevitability of technological development, on the other hand, the respondents associate not only comfort, but also social degradation with it. In this study the predictors of “techno-optimism” were trust to the stakeholders of technological progress, future orientation, belief in the reward for efforts, as well as low religiosity and low level of respect for authorities. At the same time, the attitude towards scientific and technological progress and orientation towards the future in general play a less significant role in the use of new technologies than the orientation towards enjoyment in the present, the attractiveness of technology and ease of its use (Nestik et al., 2017).

E.P. Belinskaya and N.V. Fedorova (2020) emphasized that the impact of students' personality traits on the different aspects of the educational process is a fairly popular topic in contemporary science, but much less research (especially in Russian psychology) is devoted to the influence of personality traits on the patterns of remote or online education. Only relatively recently, US researchers D. Gray and A. DiLoreto (2016) developed a comprehensive model of factors affecting the students' perception of the effectiveness of online learning and satisfaction with it. The leading role in these processes turned out to be played by personality traits considered on the basis of the Five-Factor Model (FFM), and the students' engagement was a mediator between situational factors and estimates of the effectiveness of online learning.

K.K. Bhagat and colleagues (Bhagat et al., 2019) showed that from FFM personality traits only conscientiousness and openness to new experiences have a significant positive effect on students' perception of online learning, while neuroticism, on the contrary, negatively affects students' expectations.

The involvement of students in the learning process is also one of the traditional indicators of the success of any education; therefore, many researchers in online and distance education focus on studying it (Belinskaya, Fedorova, 2020; Gray, DiLoreto, 2016). M.D. Dixson (2010) noted that discussions on online course forums, online discussion of applied problems and laboratory work, group research and projects contributed to increasing the involvement of students in online learning. It was also found that students completing distance courses, firstly, pursued higher educational goals and, secondly, devoted more time per week to their education than full-time students did (Simonson et al., 2019).

E.P. Belinskaya and N.V. Fedorova (2020) conducted a study on personality factors in the effectiveness of online learning among Russian students of online courses, who were divided into two groups: those who completed few (0–1) and many (10–70) such courses. To analyze the results, the authors used the following questionnaires and techniques:

(1) The Russian version of M. Berzonsky's *Identity Style Inventory* (Belinskaya, Bronin, 2014) for measuring three styles of identity: informational, norma-

tive, and diffuse (Berzonsky, 1989; Berzonsky, Kuk, 2000). M. Berzonsky and his colleagues established that the informational style contributed to faster mastering of the education program and good academic performance; the normative style prevented susceptibility to certain educational topics; and the diffuse style was associated with lower academic performance (Berzonsky, 1992; Kerpelman et al., 2008);

(2) *The Short Portrait Big Five Questionnaire* (BF-10) in Russian adaptation (Egorova, Parshikova, 2016);

(3) *The Student Learning and Satisfaction in Online Learning Environments Instrument* (SLS-OLE) (Gray, DiLoreto, 2016), which recorded the student involvement, performance and satisfaction with online learning; and

(4) *The Commitment Scale* was used, which demonstrated the propensity of individuals to defend their opinions about themselves: a low score on this scale indicated a tendency to frequently change them (Belinskaya, Bronin, 2014).

This study was conducted using online forms, and the respondents were asked to rate any online course they had recently taken. As a result, it was found that *Neuroticism* was negatively associated with involvement in the learning process; *Extraversion* and *Agreeableness* were positively associated with online learning satisfaction; *Commitment* was positively associated with involvement, satisfaction, performance, and perceptions of the future impact of learning online. *Openness* to new experience and the informational style of identity positively correlated with the students' perceptions of the impact of knowledge on the future, while the diffuse style of identity, on the contrary, negatively correlated with these perceptions. Based on these findings, the authors emphasized that, in the context of online learning, it was important that teachers contribute to the formation of horizontal connections between students, providing them with technical tools, organizational opportunities and reasons for such communication (Belinskaya, Fedorova, 2020).

It should be noted that in the above study, in addition to identifying the role of students' personality traits in online learning, data of numerous studies on the positive role of students' interaction and involvement in the distance learning process as factors of a positive attitude towards the use of DETs were confirmed.

At the previous stages of our study, which we mentioned above, we analyzed not only the changes in attitudes towards DETs during pandemic, but also their correlations with the FFM personality traits, academic motivation and academic achievements among Russian university students (Novikova et al., 2021a; Novikova, Bychkova, 2022). The findings of these studies showed that university students with more pronounced *Extraversion*, *Openness* and intrinsic academic motivation were generally more involved in the digital space and in the use of DETs, while less motivated students, in contrast, were less involved in the digital space and in the use of DETs (Novikova et al., 2021a; Novikova, Bychkova, 2022). At the same time, more successful students tended to be more involved in the digital space in general (Novikova, Bychkova, 2022). However, there was a specificity of these correlations among university students from different fields of study: for students of natural sciences and psychology, the attitudes towards DETs were more closely related to personality traits and academic motivation than for medical students (Novikova et al., 2021a; Novikova, Bychkova, 2022).

The **purpose of the present study** is to consider and to compare the impact of academic motivation and personality traits on the attitudes towards DETs among Russian university students of different fields of study.

Based on our previous studies, we assume that academic motivation has a greater impact on the attitudes towards DETs than personality traits; however, there is a specificity of these impacts among students of different fields of study.

Methods

Participants. A total of 173 (105 females and 67 males) university students, aged 17 to 26 ($M_{\text{age}} = 18.67$ years) took part in the research. All of them were first- and second-year students of three large Moscow universities (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), National University of Science and Technology (NUST) MISiS, and Pirogov Russian National Research Medical University (RNIMU University). The students represent different departments and, accordingly, different fields of study, namely:

- (1) Psychological Sciences: 48 second-year students of RUDN University (39 females and 9 males), aged 18 to 26 years ($M_{\text{age}} = 20.07$ years);
- (2) Medical Sciences: 62 first-year students of Pirogov RNIMU University (49 females and 13 males), aged 17 to 20 years ($M_{\text{age}} = 18.23$ years);
- (3) Natural Sciences – 63 first-year students of NUST MISiS (17 females and 45 males), aged 17 to 21 years ($M_{\text{age}} = 18.00$ years).

The research was conducted in February – early March 2020, before the lockdown in Russia due to the coronavirus pandemic. All the students participated in the study during classes in psychological disciplines, as one of the additional tasks, for which they received additional points. They were duly informed that participation would be free and voluntary.

Techniques. In accordance with the purpose and hypothesis of the study, we used the following three diagnostic tools.

1. To diagnose students' **attitudes towards DETs**, the authors' questionnaire was used. We developed the questionnaire based on the analysis of the results of previous studies on the use of digital technologies in education (Soldatova, Ras-skazova, 2018; Yuzefovich, 2018). We used Cronbach's alpha and MacDonal'd's omega coefficients and factor analysis for psychometric verification of the structure and internal consistency of this questionnaire (Bychkova, 2020). The final version of *The University Students' Attitudes toward DET Questionnaire* includes 21 questions and 4 indicators (some items can fall on two or three indicators):

- (a) *General involvement in the use of DETs* indicator characterizes the general interest in DETs (12 items, the raw scores can range from 2 to 39 points);
- (b) *Involvement in the digital space* indicator reflects the activity of using digital technologies in general, not only for educational purposes (8 items, the raw scores can range from 2 to 27 points);
- (c) *The use of digital technologies in education* indicator more specifically reflects the attitudes to digital technologies in the educational process (8 items, the raw scores can range from 0 to 24 points);
- (d) *Digital competence* indicator (4 tasks, the raw scores can range from 0 to 12 points). This indicator is additional, it does not reflect the "attitude" to digi-

tal technologies, but rather the knowledge and possession of certain rules of behavior in the digital space. The final version of the check for the consistency of the authors' questionnaire did not include tasks from this indicator (Bychkova, 2020). But in further studies, we used this indicator as a control one for more information (Novikova, Bychkova, 2022; Novikova et al., 2021, 2022).

2. **The FFM personality traits** were measured using the Russian version of *NEO-FFI* adapted by S. Biryukov and M. Bodunov (Biryukov, Vasilev, 1997; Bodunov, Biryukov, 1989; Costa, McCrae, 1992). The Russian version of *NEO-FFI* consists of 60 statements (direct and inverse) to which the respondent expresses the degree of consent by 5-point Likert scale (1 – “strongly disagree” to 5 – “strongly agree”). The values for each of the Five-Factor scales (*Neuroticism, Extraversion, Openness, Conscientiousness, and Agreeableness*) range from 12 to 60 points.

3. To determine the **motivation of students' educational activity**, the “Academic motivation scales” (*AMS*) questionnaire by T.O. Gordeeva et al. was used (Gordeeva et al., 2014). This questionnaire allowed us to diagnose seven qualitatively different types of educational motives of students: three types of intrinsic motivation (*Intrinsic cognition, Achievement, and Personal growth*), three types of extrinsic motivation (*Motivation for self-respect, Introjected, and External regulation*) and an *Amotivation*. This questionnaire consists of 28 direct statements to which the subject expresses the degree of consent on a 5-point Likert scale (from 1 – “strongly disagree” to 5 – “strongly Agree”). Each of the academic motivation scales (*Intrinsic cognition motivation, Achievement motivation, Motivation for personal growth, Motivation for self-respect, Introjected motivation, External regulation, Amotivation*) contains 4 statements, the raw scores can range from 1 to 20 points (Gordeeva et al., 2014).

Statistical analysis. Statistical analysis was carried out using the descriptive statistics methods, Mann – Whitney *U*-test, Spearman correlation analysis, and multiple regression analysis.

Regression analysis was performed by using the method of “backward” stepwise search. Independent variables were personality traits (five *NEO-FFI* subscales) and academic motivation (seven *AMS* scales); dependent variables were indicators of students' attitudes towards DETs (*General involvement in the use of DETs, Involvement in the digital space, and The use of digital technologies in education*). In the first step, full regression models with all possible predictors of three indicators of students' attitudes towards DETs were constructed for the total sample and separately for the students of different fields of study. The next step was to analyze all the input models by searching for all possible combinations of the predictors and evaluating the information contribution of each set using the Akaike information criterion (AIC). For further analysis, models having the highest information load for the smallest number of predictors (“a best predictor model”) were selected for further analysis. Statistical processing was carried out in the R software environment for statistical computing and graphics, version 4.1.1 (R Core Team, 2021; Revelle, 2019; The Jamovi Project, 2021; Epskamp et al., 2012).

Results and discussion

Table 1 presents the results of descriptive statistics (means and standard deviations) of all the variables studied.

Table 1

Means and standard deviations (SD) of all study variables, raw scores

Variables	Total sample (N = 173)		Natural sciences students (N = 63)		Medical students (N = 62)		Psychology students (N = 48)	
	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD
<i>Indicators of attitudes toward DET</i>								
General involvement in the use of DET	21.66	4.03	21.62	4.23	21.42	3.83	22.04	4.06
Involvement in the digital space	15.41	3.42	15.17	3.58	15.56	3.22	15.52	3.52
The use of digital technologies in education	13.28	2.99	14.08	2.40	11.73	2.94	14.25	2.97
Digital competence	9.78	2.23	10.00	2.13	10.40	1.68	8.69	2.59
<i>NEO-FFI factors</i>								
Neuroticism	34.25	7.31	32.90	7.99	36.55	6.60	33.04	6.62
Extraversion	39.92	7.23	39.11	8.23	40.27	6.97	40.54	6.11
Openness	39.82	5.60	38.97	5.89	40.08	5.65	40.58	5.08
Agreeableness	40.80	5.96	39.46	5.88	42.13	6.24	40.83	5.41
Conscientiousness	42.87	7.52	42.51	7.56	42.47	7.77	43.85	7.21
<i>Academic motivation scales</i>								
Intrinsic cognition motivation	16.17	3.07	15.67	3.16	16.89	3.13	15.90	2.76
Achievement motivation	14.21	3.60	14.29	3.92	14.29	3.53	14.00	3.30
Motivation for personal growth	15.45	3.03	14.71	3.59	16.29	2.63	15.31	2.42
Motivation for self-respect	13.86	4.14	12.59	4.76	15.05	3.67	13.98	3.37
Introjected motivation	11.79	4.11	10.6	4.35	12.48	4.16	12.46	3.38
External regulation	9.97	3.96	9.48	4.05	10.05	3.97	10.52	3.82
Amotivation	6.87	3.11	7.48	3.23	5.71	2.27	7.58	3.48

Pairwise comparison of the studied variables between students’ subgroups using the Mann – Whitney *U*-test showed as follows:

(1) among the personality traits, *Neuroticism* was significantly higher in the medical students than in the psychology and natural science students, whereas *Agreeableness* was significantly higher in the medical students than in the natural science students;

(2) according to the scales of academic motivation, the medical students had higher *Intrinsic cognition* and *Personal growth motivation* than the psychology and natural science students; the medical students had higher *Motivation for self-respect* and *Introjected motivation* than the natural science students; the medical students had lower *Amotivation* than the psychology and natural science students; the psychology students had higher *Introjected motivation* than the natural science students;

(3) among the Indicators of Attitudes towards DETs, *The use of digital technologies in education* was significantly lower in the medical students than in the psychology and natural science students, whereas *Digital competence* was significantly lower in the psychology students than in the medical and natural science students.

Summarizing the results of the comparison, we could note that the medical students, in general, were more motivated to study but had worse attitudes towards the use of digital technologies in education compared to the psychological

and natural science students. In our opinion, these differences corresponded to the peculiarities of medical education, which we noted in our previous publications (Novikova et al., 2021; Novikova, Bychkova, 2022).

Table 2

Spearman’s correlations between the variables studied in the total sample of students (N = 173)

Variables	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1. Neuroticism	—															
2. Extraversion	-.33***	—														
3. Openness	-.05	.18*	—													
4. Agreeableness	-.01	.28***	-.01	—												
5. Conscientiousness	-.37***	.39***	.16*	.18*	—											
6. Intrinsic cognition motivation	-.19*	.33***	.17*	.14	.37***	—										
7. Achievement motivation	-.22**	.31***	.22**	.04	.41***	.73***	—									
8. Motivation for personal growth	-.09	.31***	.11	.13	.26***	.65***	.63***	—								
9. Motivation for self-respect	.21**	.08	-.02	.23**	.10	.30***	.29***	.57***	—							
10. Introjected motivation	.35***	-.17*	-.06	.23**	-.06	-.06	-.08	.08	.43***	—						
11. External regulation	.27***	-.17*	-.12	.03	-.23**	-.20**	-.11	-.07	.17*	.63***	—					
12. Amotivation	.17*	-.12	-.12	-.13	-.13	-.48***	-.23**	-.33***	-.14	.09	.31***	—				
13. General involvement in the use of DET	-.07	.17*	.18*	-.01	.10	.21**	.14	.19*	.20**	.01	-.02	-.16*	—			
14. Involvement in the digital space	-.05	.16*	.19*	-.04	.09	.20**	.13	.18*	.19*	.01	.00	-.17*	.93***	—		
15. The use of digital technologies in education	-.11	.22**	.07	-.07	.17*	.06	.11	.09	.06	-.20**	-.15	.11	.46***	.29***	—	
16. Digital competence	-.12	-.11	.08	.02	.00	.08	.12	.12	-.04	-.20**	-.18*	-.12	-.01	.05	-.12	—

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

Table 2 presents Spearman’s correlations between the FFM personality traits, Academic motivation scales and Indicators of Attitudes towards DETs. Figure 1 visualize these correlations. From the correlation matrix (Table 2), we are most interested in the correlations of the DET indicators with personality traits and scales of academic motivation. Among the FFM personality traits, *Extraversion* is most positively associated with the DET indicators (3 main indicators), *Openness* is positively correlated with the two DET indicators (*General involvement in the use of DETs* and *Involvement in the digital space*), and *Conscientiousness* is positively correlated with only one indicator (*The use of digital technologies in education*). These data are partially consistent with the results of previous studies of the rela-

tionship between the FFM personality traits and different features of online learning (Bhagat et al., 2019; Belinskaya, Fedorova, 2020). Among the academic motivation scales, *Intrinsic cognition motivation*, *Motivation for personal growth* and *Motivation for self-respect* are positively associated with the DET indicators (*General involvement in the use of DETs* and *Involvement in the digital space*), while *Introjected motivation* is negatively associated with *The use of digital technologies in education* and *Digital competence*, *External regulation* is negatively associated with *Digital competence*, and *Amotivation* is negatively associated with *General involvement in the use of DETs* and *Involvement in the digital space*. These data generally confirm the important role of intrinsic academic motivation in the involvement of students in the digital space; however, as shown in our previous publications, the students' attitudes towards DETs are more closely related with the academic motivation in the natural sciences and psychological students than in the medical students (Novikova, Bychkova, 2022).

We also would like to note that the *Digital competence* indicator does not have significant correlations with personality traits, and is negatively associated with only two scales of extrinsic academic motivation. These results confirm that this indicator is a control one in our questionnaire: it does not reflect attitudes towards DETs and may be associated with different profiles of Internet activity (Soldatova, Nestik, 2016). Due to these facts, we did not include this indicator in further regression analysis.

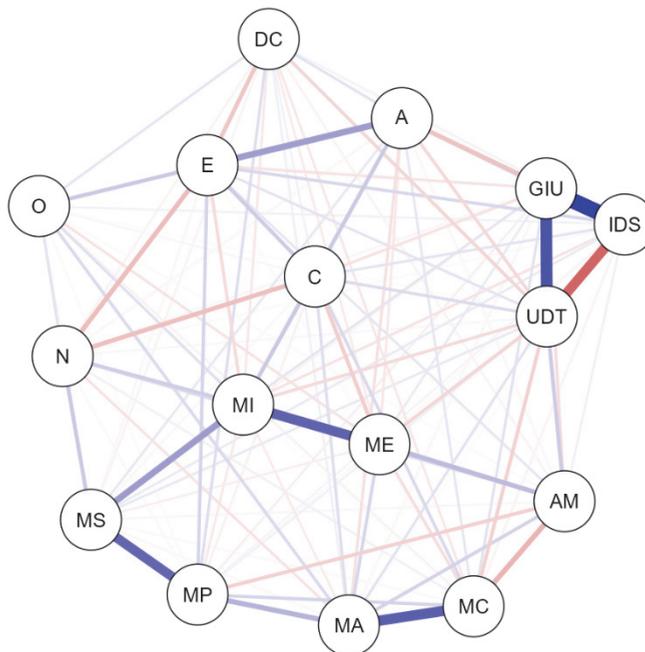

Figure 1. Graphical representation of the correlations between all the variables studied in the total sample of students (N = 173)

Note: the blue lines – positive correlations; the red lines – negative correlations; the line thickness corresponds to the value of the correlation coefficient; GIU – General involvement in the use of DETs; IDS – Involvement in the digital space; UDT – The use of digital technologies in education; DC – Digital competence; N – Neuroticism; E – Extraversion; O – Openness; A – Agreeableness; C – Conscientiousness; MC – Intrinsic cognition motivation; MA – Achievement motivation; MP – Motivation for personal growth; MS – Motivation for self-respect; MI – Introjected motivation; ME – External regulation; AM – Amotivation.

The results of multiple regression analysis (best predictor models) are presented in Tables 3–5. The multiple correlation coefficients between the dependent variables (Indicators of Attitudes towards DETs, except for *Digital competence*) and the predictors (FFM personality traits and Academic motivation scales) for most of the models are statistically significant according to the Fisher *F*-test, which confirms that there is a significant impact of some FFM personality traits and/or Academic motivation scales on Indicators of Attitudes towards DETs. At the same time, there is a large range of the adjusted determination coefficients (R^2_{adj}), which reflects different degrees of the impact of these predictors on different Indicators of Attitudes towards DETs.

Table 3

Best predictor regression models for *General involvement in the use of DETs*

Sample/variable	Summary of model			Coefficients			
	R^2_{adj}	<i>F</i>	<i>p</i> -value	Estimate	Standard error	<i>t</i> -value	<i>p</i> -value
<i>Total sample</i> <i>N = 173</i>)	.0661	5.06	.002				
(Intercept)				15.863	2.6155	6.07	< .001
Openness				.118	.0535	2.21	.028
Motivation for self-respect				.163	.0723	2.26	.025
Amotivation				-.171	.0972	-1.76	.080
<i>Natural sciences students</i> <i>(N = 63)</i>	.147	4.57	.006				
(Intercept)				8.495	4.0404	2.10	.040
Openness				.210	.0868	2.42	.019
Intrinsic cognition motivation				.897	.3009	2.98	.004
Achievement motivation				-.638	.2464	-2.59	.012
<i>Medical students</i> <i>(N = 62)</i>	.110	2.89	.030				
(Intercept)				11.412	4.2708	2.67	.010
Motivation for self-respect				.306	.1401	2.18	.033
Introjected motivation				-.371	.1602	-2.32	.024
External regulation				.357	.1596	2.24	.029
Openness				.161	.0838	1.92	.060
<i>Psychology students</i> <i>(N = 48)</i>	.211	5.20	.004				
(Intercept)				19.503	4.625	4.22	< .001
Agreeableness				-.277	.105	-2.63	.012
Intrinsic cognition motivation				.569	.196	2.91	.006
Motivation for self-respect				.344	.166	2.07	.045

Table 3 shows that the best predictor model for *General involvement in the use of DETs* predicts only 6.61% of the variance in the total sample, 21.1% in the psychology students, 14.7% in the natural sciences students and 11.0% in the medical students. *Openness* has a significant positive impact on *General in-*

involvement in the use of DETs in the total sample and in the natural sciences students. *Motivation for self-respect* has a significant positive impact on *General involvement in the use of DETs* in the total sample as well as in the medical and psychology students. *Intrinsic cognition motivation* has a significant positive impact on *General involvement in the use of DETs* in the natural sciences and psychology students. *External regulation* has a significant positive impact on *General involvement in the use of DETs* in the medical students. *Achievement motivation* has a significant negative impact on *General involvement in the use of DETs* in the natural sciences students. *Introjected motivation* has a significant negative impact on *General involvement in the use of DETs* in the medical students. *Agreeableness* has a significant negative impact on *General involvement in the use of DETs* in the psychology students.

Table 4

Best predictor regression models for *Involvement in the digital space*

Sample/variable	Summary of model			Coefficients			
	R ² _{adj}	F	p-value	Estimate	Standard error	t-value	p-value
<i>Total sample (N = 173)</i>	.0819	6.11	< .001				
(Intercept)				10.191	2.2049	4.62	< .001
Openness				.114	.0451	2.52	.013
Motivation for self-respect				.135	.0610	2.22	.028
Amotivation				-.172	.0819	-2.10	.037
<i>Natural sciences students (N = 63)</i>	.161	4.97	.004				
(Intercept)				2.735	3.3960	0.805	.424
Openness				.192	.0730	2.626	.011
Intrinsic cognition motivation				.714	.2529	2.823	.006
Achievement motivation				-.435	.2071	-2.100	.040
<i>Medical students (N = 62)</i>	.102	2.72	.038				
(Intercept)				15.219	1.929	7.89	< .001
Motivation for self-respect				.198	.117	1.70	.095
Introjected motivation				-.282	.135	-2.09	.041
External regulation				.298	.139	2.14	.036
Amotivation				-.371	.185	-2.00	.050
<i>Psychology students (N = 48)</i>	.210	4.11	.007				
(Intercept)				9.921	4.4906	2.21	.033
Extraversion				.189	.0888	2.13	.039
Agreeableness				-.288	.0962	-3.00	.005
Intrinsic cognition motivation				.374	.1824	2.05	.047
Introjected motivation				.302	.1451	2.09	.043

Summarizing these results, we can once again emphasize that personality and motivational predictors of attitudes towards DETs vary significantly among the students of different fields of study. Among the FFM personality traits, *Open-*

ness is in most cases a significant positive predictor of interest and positive attitudes towards the use of digital technologies in education, which is consistent with the data obtained by K.K. Bhagat and his colleagues (Bhagat et al., 2019). Among the scales of academic motivation, we can note the positive impact of *Motivation for self-respect* and the negative effect of *Amotivation* on the involvement of most students in the use of DET.

Table 4 shows that the regression models for *Involvement in the digital space* predict only 8.19% of the variance in the total sample, 21.0% in the psychology students, 16.1% in the natural sciences students, and 10.2% in the medical students. *Openness* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the total sample and in the natural sciences students. *Motivation for self-respect* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the total sample. *Intrinsic cognition motivation* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the natural sciences and psychology students. *External regulation* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the medical students. *Extraversion* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the psychology students. *Introjected motivation* has a significant positive impact on *Involvement in the digital space* in the psychology students, but in the medical students this impact is negative. *Agreeableness* has a significant negative impact on *Involvement in the digital space* in the psychology students. *Amotivation* has a significant negative impact on *Involvement in the digital space* in the total sample and in the medical students. *Achievement motivation* has a significant negative impact on *Involvement in the digital space* in the natural sciences students.

As in the previous case, we can note the positive impact of *Openness* and *Motivation for self-respect*, and the negative effect of *Amotivation* on the involvement of most students in the digital space in general. However, in Table 4 we can see more differences between the students of different fields of study. For example, if, for the natural science and psychological students, *Intrinsic cognition motivation* is a positive predictor of general interest and involvement in the digital space, then, for the medical students, it is *External regulation*. At the same time, as noted above, *Introjected (extrinsic) motivation* has the opposite impacts on the overall involvement of the psychological (positive) and medical (negative) students in the digital space. In addition, if, for *Digital involvement* in the natural science students, a positive impact of *Openness* is confirmed, then, for the psychological students, *Extraversion* has a positive impact but *Agreeableness* has a negative impact; whereas, in the medical students, none of the personality traits has a significant impact in this case.

Table 5 shows that the regression models for *The use of digital technologies in education* predict only 6.95% of the variance in the total sample, 28.1% in the psychology students, 26.1 in medical the students, and 11.1% in the natural sciences students. *Extraversion* has a significant positive impact on *The use of digital technologies in education* in the total sample and in the psychology students. *Motivation for self-respect* has a significant positive impact on *The use of digital technologies in education* in the total sample. *Neuroticism* and *Motivation for personal growth* have a significant positive impact on *The use of digital tech-*

nologies in education in the medical students. *Conscientiousness* has a significant positive impact on *The use of digital technologies in education* in the natural sciences students. *Achievement motivation* has a significant positive impact on *The use of digital technologies in education* in the psychology students, but in the natural sciences students this impact is negative. *Openness* has a significant negative impact on *The use of digital technologies in education* in the psychology students. *Introjected motivation* has a significant negative impact on *The use of digital technologies in education* in the total sample and in the medical students.

Table 5

Best predictor regression models for *The use of digital technologies in education*

Sample/variable	Summary of model			Coefficients			
	R^2_{adj}	F	p-value	Estimate	Standard error	t-value	p-value
<i>Total sample</i> (N = 173)	.0695	4.21	.003				
(Intercept)				10.1812	1.6496	6.17	< .001
Extraversion				.0639	.0313	2.04	.043
Motivation for self-respect				.1219	.0604	2.02	.045
Introjected motivation				-.1672	.0614	-2.72	.007
Amotivation				.1216	.0721	1.69	.093
<i>Natural sciences students</i> (N = 63)	.111	4.87	.011				
(Intercept)				10.966	1.6617	6.60	< .001
Conscientiousness				.136	.0447	3.05	.003
Achievement motivation				-.188	.0863	-2.17	.034
<i>Medical students</i> (N = 62)	.261	8.17	< .001				
(Intercept)				-0.547	3.0823	-0.177	.860
Neuroticism				.221	.0549	4.018	< .001
Motivation for personal growth				.444	.1271	3.498	< .001
Introjected motivation				-.243	.0847	-2.864	.006
<i>Psychology students</i> (N = 48)	.281	7.14	< .001				
(Intercept)				8.840	3.4058	2.60	.013
Extraversion				.200	.0665	3.00	.004
Openness				-.163	.0772	-2.11	.040
Achievement motivation				.281	.1241	2.26	.029

We can see more differences in the obtained regression models, both with the models obtained for the two previous indicators of attitudes to DETs and between the models obtained for different samples in this case for the use of digital technologies in education. In the total sample, only *Motivation for self-respect* is retained as a positive predictor, *Extraversion* and *Amotivation* (at the trend level) are added to it, and *Introjected motivation* is a negative predictor. In the sample of natural science students, only *Achievement motivation* remains as a negative predictor and *Conscientiousness* appears as a positive predictor (only one time). In the sample of medical students, *Introjected motivation* persists as a negative

predictor, while *Neuroticism* and *Motivation for personal growth* first appear as positive predictors. In the sample of psychological students, there is not a single predictor that would be repeated for all the three Indicators of Attitudes towards DETs. *Extraversion* is a positive predictor only in two cases: for *General involvement in the digital space* and for *The use of digital technologies in education*. In the latter case, *Achievement motivation* is a positive predictor (as compared to the natural sciences students), and *Openness* appears for the first time as a significant but negative predictor in this sample (in contrast to the positive impact of this personality trait in the other samples and for the other Indicators of Attitudes towards DETs).

Thus, we partially confirmed our assumption that the scales of academic motivation have a greater impact on attitudes towards DETs among university students as compared to personality traits. However, the differences in these impacts, which we have assumed in the samples of students of different fields of study, have turned out to be even larger than we have expected. In general, the impact of personality traits is more pronounced for the psychological students' attitudes, and the impact of scales of academic motivation is more pronounced for the medical students' attitudes.

Conclusion

The purpose of this exploratory study is to consider and to compare the impacts of the academic motivation and personality traits on attitudes toward DETs among Russian university students from different fields of study (Psychology Sciences, Medical Sciences, and Natural Sciences). Summarizing the results of the study, we can draw the following conclusions.

Firstly, the regression models using the FFM personality traits and scales of academic motivation as predictors can explain the different percentage of variance in attitudes towards DETs in the different student samples: from 6.61 to 8.19% in the total sample, from 11.1 to 16.1% in the natural science students, from 10.2 to 26.1% in the medical students, and from 21.0 to 28.1% in the psychology students. We are inclined to interpret the higher percentage of explained variance in the sample of psychological students by the fact that psychology belongs to the “person-to-person” professions, for which not only professional but also personal qualities of specialists are important.

Secondly, among the scales of academic motivation, *Motivation for self-respect* is most often a positive predictor of different Indicators of Attitudes towards DETs in all the studied samples. *Amotivation* is a negative predictor of all the studied Indicators of Attitudes towards DETs in the total sample, *Achievement motivation* is a negative predictor of all the studied indicators of attitudes towards DETs in the natural science students, *Introjected motivation* is a negative predictor of all the studied Indicators of Attitudes towards DETs in the medical students, and *Intrinsic cognition motivation* is a positive predictor of two of the three studied Indicators of Attitudes towards DETs in the psychology students. In this case, it should be noted that for the psychological students, unlike the other samples, only *Intrinsic academic motivation (Cognition and Achievement)* is a positive predictor of attitudes towards DETs.

Thirdly, among the personality traits, *Openness* is most often a positive predictor of general interest and involvement in digital technologies in all the samples, except for the psychological students, for whom, more often, *Extraversion* is a positive and *Agreeableness* is a negative predictor of various Indicators of Attitudes towards DETs.

The limitations of this study are due to: (1) the relatively small size of the samples and their female-to-male ratio; (2) the technique for measuring attitudes towards DETs, which needs to be improved in accordance with new data obtained in the process of online learning during the pandemic lockdowns; (3) a certain lack of prior research on personality and especially motivational predictors of university students' attitudes to DETs; therefore, it is difficult to compare our results with those obtained by other researchers and provide a more comprehensive outlook on the problem.

Accordingly, we see **the prospects** of the present study in overcoming these limitations, as well as in the development of psychological support programs for university students to improve the effectiveness of the use of DETs.

References

- Ahern, A., & López-Medina, B. (2021). Developing pre-service teachers' digital communication and competences through service learning for bilingual literacy. *Training, Language and Culture*, 5(1), 57–67. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-57-67>
- Aleshkovski, I.A., Gasparishvili, A.T., Krukhmaleva, O.V., Narbut, N.P., & Savina, N.E. (2021). Russian students about learning under the Covid-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning. *RUDN Journal of Sociology*, 21(2), 211–224. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>
- Aleshkovskiy, I.A., Gasparishvili, A.T., Krukhmaleva, O.V., Narbut, N.P., & Savina, N.E. (2020). Russian university students about distance learning: assessments and opportunities. *Higher Education in Russia*, 29(10), 86–100. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>
- Andrew, M., Taylorson, J., Langille, D.J., Grange, A., & Williams, N. (2018). Student attitudes towards technology and their preferences for learning tools/devices at two universities in the UAE. *Journal of Information Technology Education: Research*, 17, 309–344. <https://doi.org/10.28945/4111>
- Anourova, N.I. (2018). Digital technologies in education. *Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: Conference Proceedings* (pp. 29–32). Kholmna: State University of Humanities and Social Studies. (In Russ.)
- Baeva, L.V., Khrapov, S.A., Azhmukhamedov, I.M., Grigorev A.V., & Kuznetsova, V.Yu. (2020). Digital turn in Russian education: From problems to possibilities. *Tsennosti i Smyshly*, (5), 28–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10043>
- Bakhov, I., Opolska, N., Bogus, M., Anishchenko, V., & Biryukova, Y. (2021). Emergency distance education in the conditions of COVID-19 pandemic: Experience of Ukrainian universities. *Education Sciences*, 11(7), 364. <https://doi.org/10.3390/educsci11070364>
- Belinskaya, E.P., & Fedorova, N.V. (2020). Personal factors of evaluating the efficiency of distance education. *Obrazovanie Lichnosti*, (1–2), 44–53. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P., & Bronin, I.D. (2014). Adaptation of the Russian version of M. Berzonsky's Identity Style Inventory. *Psychological Studies*, 7(34), 12. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v7i34.630>

- Berzonsky, M.D. (1989). Identity style: Conceptualization and measurement. *Journal of Adolescent Research*, 4(3), 268–282. <https://doi.org/10.1177/074355488943002>
- Berzonsky, M.D. (1992). Identity style and coping strategies. *Journal of Personality*, 60(4), 771–788. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00273.x>
- Berzonsky, M.D., & Kuk, L.S. (2000). Identity status, identity processing style, and the transition to university. *Journal of Adolescent Research*, 15(1), 81–98. <https://doi.org/10.1177/0743558400151005>
- Bhagat, K.K., Wu, L.Y., & Chang, C.-Y. (2019). The impact of personality on students' perceptions towards online learning. *Australasian Journal of Educational Technology*, 35(4), 98–108. <https://doi.org/10.14742/ajet.4162>
- Biryukov, S.D., & Vasilev, O.P. (1997). Psychogenetic study of the temperament properties and personality characteristics: Analysis of the structure of the studied variables. *Works of the RAS Institute of Psychology*, 2, 23–51. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Bodunov, M.V., & Biryukov, S.D. (1989). *Big 5: Five-Factor Inventory. Adapted and reproduced by special permission of the Publisher, Psychological Assessment Resources from the NEO Five Factor Inventory by P. Costa, R. McCrae*. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Bychkova, P.A. (2020). *Psychological characteristics of students and their attitude to digital educational technologies* (MA in Psychology Thesis). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Chaturvedi, K., Vishwakarma, D.K., & Singh, N. (2021). COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: A survey. *Children and Youth Services Review*, 121, 105866. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105866>
- Corell-Almuzara, A., López-Belmonte, J., Marín-Marín, J.-A., & Moreno-Guerrero, A.-J. (2021). COVID-19 in the field of education: State of the art. *Sustainability*, 13(10), 5452. <https://doi.org/10.3390/su13105452>
- Costa, P.T., & McCrae, R.R. (1992). *Revised NEO Five Factor Inventory (NEO-PI-R) and the NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI). Professional Manual*. Odessa: Psychological Assessment Resources.
- De Martino, M., Gushchina, Y.S., Boyko, Z.V., Magnanini, A., Sandor, I., Guerrero Perez, B.A., & Isidori, E. (2020). Self-organisation in lifelong learning: Theory, practice and implementation experience involving social networks and a remote format. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(3), 373–389. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-373-389>
- Dixson, M.D. (2010). Creating effective student engagement in online courses: What do students find engaging? *Journal of the Scholarship of Teaching and Learning*, 10(2), 1–13.
- Drozdkikova-Zaripova, A.R., Valeeva, R.A., & Latypov, N.R. (2021). The impact of isolation measures during COVID-19 pandemic on Russian students' motivation for learning. *Education Sciences*, 11(11), 722. <https://doi.org/10.3390/educsci11110722>
- Duncan, D.G., & Barczyk, C.C. (2016). Facebook's* effect on learning in higher education: An empirical investigation. *Information Systems Education Journal*, 14(3), 14–28.
- Egorova, M.S., & Parshikova, O.V. (2016). Validation of the Short Portrait Big Five Questionnaire (BF-10). *Psychological Studies*, 9(45), 9. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Ellefsen, L. (2016). An investigation into perceptions of Facebook-use* in higher education. *International Journal of Higher Education*, 5(1), 160–172. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v5n1p160>
- Epskamp, S., Costantini, G., Haslbeck, J., Isvoranu, A., Cramer, A.O.J., Waldorp, L.J., Schmittmann, V.D., & Borsboom, D. (2012). *qgraph: Graph Plotting Methods, Psychometric Data Visualization and Graphical Model Estimation (R Package)*. Retrieved from <https://CRAN.R-project.org/package=qgraph>

* The social network *Facebook* is recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

- Gonçalves, S.P., Sousa, M.J., & Pereira, F.S. (2020). Distance learning perceptions from higher education students – the case of Portugal. *Education Sciences*, 10(12), 374. <https://doi.org/10.3390/educsci10120374>
- Gorbunova, T.N., & Leontiev, A.N. (2021). Research of transition processes to u-learning in education. *Baltic Humanitarian Journal*, 10(1), 75–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0017>
- Gordeeva, T., Sychev, O., & Osin, E. (2014). “Academic motivation scales” questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(4), 96–107. (In Russ.)
- Gray, J.A., & DiLoreto, M. (2016) The effects of student engagement, student satisfaction, and perceived learning in online learning environments. *International Journal of Educational Leadership Preparation*, 11(1).
- Guillén-Gámez, F.D., Romero Martínez, S.J., & Ordóñez Camacho, X.G. (2020). Diagnosis of the attitudes towards ICT of education students according to gender and educational modality. *Apertura*, 12(1). <https://doi.org/10.32870/ap.v12n1.1786>
- Kerpelman, J.L., Pittman, J.F., & Adler-Baeder, F. (2008). Identity as a moderator of intervention-related change: Identity style and adolescents' responses to relationships education. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 8(2), 151–171. <https://doi.org/10.1080/15283480801940073>
- Khangeldieva, I.G. (2018). Digital age: Is it possible to outstrip education? *Moscow University Pedagogical Education Bulletin*, (3), 48–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-3-48-60>
- Krouglov, A. (2021). Emergency remote teaching and learning in simultaneous interpreting: Capturing experiences of teachers and students. *Training, Language and Culture*, 5(3), 41–56. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-3-41-56>
- Li, D. (2022). The shift to online classes during the Covid-19 pandemic: Benefits, challenges, and required improvements from the students' perspective. *Electronic Journal of E-Learning*, 20(1), 1–18. <https://doi.org/10.34190/ejel.20.1.2106>
- Martha, A.S.D., Junus, K., Santoso, H.B., & Suhartanto, H. (2021). Assessing undergraduate students' e-Learning competencies: A case study of higher education context in Indonesia. *Education Sciences*, 11(4), 189. <https://doi.org/10.3390/educsci11040189>
- Narbut, N.P., Aleshkovski, I.A., Gasparishvili, A.T., & Krukhmaleva, O.V. (2020). Forced shift to distance learning as an impetus to technological changes in the Russian higher education. *RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 611–621. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-611-621>
- Nestik, T.A., Patrakov, E.V., & Samekin, A.S. (2017). The psychology of person's attitudes toward new technologies: Current state and further research directions. In A.L. Zhuravlev & V.A. Koltsova (Eds.), *Fundamental and Applied Research in Modern Psychology: Results and Development Prospects* (pp. 2041–2050). Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
- Novikova, I., & Bychkova, P. (2022). Attitudes towards digital educational technologies, academic motivation and academic achievements among Russian university students. In D.A. Alexandrov, A.V. Boukhanovsky, A.V. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov & S. Pashakhin (Eds.), *Digital Transformation and Global Society (DTGS-2021). Communications in Computer and Information Science* (vol. 1503, pp. 280–293). Springer: Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_20
- Novikova, I., Bychkova, P., & Zamaldinova, G. (2021a). Personality traits and attitude towards digital educational technologies in Russian university students. *Proceedings of the 15th International Technology, Education and Development Conference (INTED2021)* (pp. 9999–10005). Valencia: IATED. <https://doi.org/10.21125/inted.2021.2087>

- Novikova, I.A., Bychkova, P.A., & Novikov, A.L. (2021b). University students' attitudes towards digital educational technologies before and after outbreak of COVID-19 pandemic. *Tsennosti i Smysly*, (2), 23–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-2-23-44>
- Novikova, I.A., Bychkova, P.A., & Novikov, A.L. (2022). Attitudes towards digital educational technologies among Russian university students before and during the COVID-19 pandemic. *Sustainability*, 14(10), 6203. <https://doi.org/10.3390/Su14106203>
- Ozdamli, F. (2017). Attitudes and opinions of special education candidate teachers regarding digital technology. *World Journal on Educational Technology: Current Issues*, 9(4), 191–200. <https://doi.org/10.18844/wjet.v9i4.2581>
- Peruta, A., & Shields, A.B. (2017). Social media in higher education: understanding how colleges and universities use Facebook*. *Journal of Marketing for Higher Education*, 27(1), 131–143. <https://doi.org/10.1080/08841241.2016.1212451>
- Peytcheva-Forsyth, R., Yovkova, B., & Aleksieva, L. (2018). Factors affecting students' attitudes towards online learning – the case of Sofia University. *AIP Conference Proceedings*, 2048(1), e020025. Melville: AIP Publishing. <https://doi.org/10.1063/1.5082043>
- Popova, O.I. (2019). Digitalization of education and university brand: students' attitude to processes. *Management Issues*, (3), 245–250. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-3-245-250>
- R Core Team. (2021). *R: A Language and Environment for Statistical Computing. (Version 4.1.1) (Computer Software)*. Retrieved from <https://cran.r-project.org>
- Radu, M.-C., Schnakovszky, C., Herghelegiu, E., Ciubotariu, V.-A., & Cristea, I. (2020). The impact of the COVID-19 pandemic on the quality of educational process: A student survey. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(21), 7770. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217770>
- Revelle, W. (2019). *psych: Procedures for psychological, psychometric, and personality research (R package)*. Retrieved from <https://cran.r-project.org/package=psych>
- Rizun, M., & Strzelecki, A. (2020). Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6468. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186468>
- Romero Martínez, S.J., Ordóñez-Camacho, X.G., Guillen-Gamez, F.D., & Bravo Agapito, J. (2020). Attitudes towards technology among distance education students: Validation of an explanatory model. *Online Learning*, 24(2), 59–75. <https://doi.org/10.24059/olj.v24i2.2028>
- Simonson M., Zvacek S.M., & Smaldino S. (2019). *Teaching and learning at a distance: Foundations of distance education* (7th edition). Charlotte: IAP.
- Soldatova, G.U., & Nestik, T.A. (2016). Technophiles and technophobes. *Deti v Informatsionnom Obshchestve*, (25), 20–29. (In Russ.)
- Soldatova, G.U., & Rasskazova, E.I. (2018). Brief and screening versions of the Digital Competence Index: Verification and application possibilities. *National Psychological Journal* (3) 47–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>
- Strekalova, N.B. (2019). Risks of implementation of digital technologies into education. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 25(2), 84–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>
- The Jamovi Project. (2021). *Jamovi. (Version 2.2) (Computer Software)*. Retrieved from <https://www.jamovi.org>

* The social network *Facebook* is recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

- Tugrul, T.O. (2017). Perceived learning effectiveness of a course Facebook* page: Teacher-led versus student-led approach. *World Journal on Educational Technology: Current Issues*, 9(1), 35–39. <https://doi.org/10.18844/wjet.v9i1.1029>
- Unger, S., & Meiran, W.R. (2020). Student attitudes towards online education during the COVID-19 viral outbreak of 2020: Distance learning in a time of social distance. *International Journal of Technology in Education and Science*, 4(4), 256–266. <https://doi.org/10.46328/ijtes.v4i4.107>
- Vladova, G., Ullrich, A., Bender, B., & Gronau, N. (2021). Students' acceptance of technology-mediated teaching – how it was influenced during the COVID-19 pandemic in 2020: A study from Germany. *Frontiers in Psychology*, 12, 636086. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.636086>
- Yasmin, M. (2022). Online chemical engineering education during COVID-19 pandemic: Lessons learned from Pakistan. *Education for Chemical Engineers*, 39, 19–30. <https://doi.org/10.1016/j.ece.2022.02.002>
- Yuzefovich, T.S. (2018). *Relation between activity of using digital technologies and educational motivation and academic achievement in students of different areas of study* (MA in Psychology Thesis). Moscow: RUDN University. (In Russ.)

Article history:

Received 28 August 2022

Revised 11 October 2022

Accepted 15 October 2022

For citation:

Novikova, I.A., Bychkova, P.A., Novikov, A.L., & Shlyakhta D.A. (2022). Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 689–716. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>

Bio notes:

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor at the Psychology and Pedagogics Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-5831-1547, Scopus ID: 35766733000, Researcher ID: Q-5276-2016, eLIBRARY SPIN-code: 7717-2834. E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Polina A. Bychkova, MA in Psychology, is graduate student at the Psychology and Pedagogics Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6526-7262>, Scopus ID: 57222720667, Researcher ID: ACD-4333-2022. E-mail: bychkova.polina.97@mail.ru

Alexey L. Novikov, Ph.D. in Philology, Associate Professor, is Associate Professor at the General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-3482-5070, Scopus ID: 56005222400, Researcher ID: Q-5419-2016, eLIBRARY SPIN-code: 3416-1350. E-mail: Novikov-al@rudn.ru

Dmitriy A. Shlyakhta, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor at the Psychology and Pedagogics Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). Scopus ID: 57191998066, eLIBRARY SPIN-code: 6172-5460. E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

* The social network *Facebook* is recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716

УДК 159.923

Исследовательская статья

Личностные черты и академическая мотивация как предикторы отношения студентов к цифровым образовательным технологиям

И.А. Новикова , П.А. Бычкова , А.Л. Новиков , Д.А. Шляхта

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 novikova-ia@rudn.ru

Аннотация. В современную эпоху цифровизации разработка и внедрение цифровых образовательных технологий (ЦОТ) находятся в центре многочисленных дискуссий педагогов, психологов, социологов, медиков и т. д. Более того, пандемия COVID-19 мгновенно сделала ЦОТ неотъемлемой частью современной общественной жизни во всем мире. Однако как до, так и во время пандемии COVID-19 относительно мало внимания уделялось изучению мотивационных и личностных характеристик студентов вузов, связанных с их отношением к ЦОТ и эффективностью использования ЦОТ в обучении. В настоящем исследовании приняли участие 173 студента (61 % – девушки) российских вузов разных направлений обучения (естественные науки, медицина, психология) в возрасте от 17 до 26 лет. Отношение студентов к ЦОТ диагностировалось с помощью авторской методики «Опросник отношения студентов вузов к ЦОТ». Учебная мотивация студентов измерялась с помощью шкал академической мотивации Т.О. Гордеевой и др. Для диагностики черт личности применялся NEO Five-Factor Inventory в русскоязычной адаптации М.В. Бирюкова и С.Д. Бодунова. Для статистического анализа использовались методы описательной статистики, *U*-критерий Манна – Уитни и множественный регрессионный анализ. Результаты исследования показали, что шкалы учебной мотивации являются более значимыми предикторами отношения к ЦОТ по сравнению с личностными чертами студентов. Однако существуют особенности соотношения мотивационных и личностных предикторов ЦОТ у студентов разных направлений обучения, особенно у студентов-психологов. Выводы данного исследования свидетельствуют о том, что учет таких психологических факторов, как учебная мотивация и личностные черты студентов, может способствовать оптимальному внедрению ЦОТ в современный образовательный процесс.

Ключевые слова: цифровые образовательные технологии, отношение, цифровая компетентность, студенты, академическая мотивация, Пятифакторная модель личности, черты личности

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030», публикация подготовлена при поддержке научного проекта № 051320-0-000 на кафедре психологии и педагогики филологического факультета РУДН.

Список литературы

Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты России об обучении в период пандемии Covid-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме // Вестник Российского университета

- дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 211–224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>
- Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.* Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>
- Анурова Н.И.* Цифровые технологии в образовании // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 29–32.
- Баева Л.В., Храпов С.А., Ажмухамедов И.М., Григорьев А.В., Кузнецова В.Ю.* Цифровой поворот в российском образовании: от проблем к возможностям // Ценности и смыслы. 2020. № 5 (69). С. 28–44. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10043>
- Белинская Е.П., Бронин И.Д.* Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. С. 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v7i34.630>
- Белинская Е.П., Федорова Н.В.* Личностные факторы оценки эффективности дистанционного образования // Образование личности. 2020. № 1–2. С. 44–53.
- Бирюков С.Д., Васильев О.П.* Психогенетическое исследование свойств темперамента и личностных характеристик: анализ структуры изучаемых переменных // Труды Института психологии РАН / отв. ред. А.В. Брушлинский, В.А. Бодров. М.: ИП РАН, 1997. Т. 2. С. 23–51.
- Бычкова П.А.* Психологические особенности студентов и их отношение к цифровым образовательным технологиям: ВКР магистра. М.: РУДН, 2020. 105 с.
- Горбунова Т.Н., Леонтьев А.Н.* Исследование процессов перехода к u-learning в сфере образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 75–78. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2021-1001-0017>
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96–107.
- Егорова М.С., Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 611–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-611-621>
- Нестик Т.А., Патраков Э.В., Самекин А.С.* Психология отношения человека к новым технологиям: состояние и перспективы исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2041–2050.
- Новикова И.А., Бычкова П.А., Новиков А.Л.* Отношение студентов к цифровым образовательным технологиям до и после начала пандемии COVID-19 // Ценности и смыслы. 2021. № 2. С. 23–44. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-2-23-44>
- Попова О.И.* Цифровизация образования и бренд вуза: отношение студентов к процессам // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 245–250. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-3-245-250>
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Технофилы и технофобы // Дети в информационном обществе. 2016. № 25. С. 20–29.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 47–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>

- Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>
- Хангельдиева И.Г. Цифровая эпоха: возможно ли опережающее образование? // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2018. № 3. С. 48–60. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2018-3-48-60>
- Юзефович Т.С. Соотношение активности использования цифровых технологий с учебной мотивацией и академической успешностью у студентов разных направлений обучения: ВКР магистра. М.: РУДН, 2018. 114 с.
- Ahern A., López-Medina B. Developing pre-service teachers' digital communication and competences through service learning for bilingual literacy // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. No 1. Pp. 57–67. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-1-57-67>
- Andrew M., Taylorson J., Langille D.J., Grange A., Williams N. Student attitudes towards technology and their preferences for learning tools/devices at two universities in the UAE // Journal of Information Technology Education: Research. 2018. Vol. 17. Pp. 309–344. <https://doi.org/10.28945/4111>
- Bakhov I., Opolska N., Bogus M., Anishchenko V., Biryukova Y. Emergency distance education in the conditions of COVID-19 pandemic: experience of Ukrainian universities // Education Sciences. 2021. Vol. 11. No 7. P. 364. <https://doi.org/10.3390/educsci11070364>
- Berzonsky M.D. Identity style and coping strategies // Journal of Personality. 1992. Vol. 60. No 4. Pp. 771–788. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00273.x>
- Berzonsky M.D. Identity style: conceptualization and measurement // Journal of Adolescent Research. 1989. Vol. 4. No 3. Pp. 268–282. <https://doi.org/10.1177/074355488943002>
- Berzonsky M.D., Kuk L.S. Identity status, identity processing style, and the transition to university // Journal of Adolescent Research. 2000. Vol. 15. No 1. Pp. 81–98. <https://doi.org/10.1177/0743558400151005>
- Bhagat K.K., Wu L.Y., Chang C.-Y. The impact of personality on students' perceptions towards online learning // Australasian Journal of Educational Technology. 2019. Vol. 35. No 4. Pp. 98–108. <https://doi.org/10.14742/ajet.4162>
- Bodunov M.V., Biryukov S.D. Big 5: Five-Factor Inventory. Adapted and reproduced by special permission of the Publisher, Psychological Assessment Resources from the NEO Five Factor Inventory by P. Costa, R. McCrae. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 1989.
- Chaturvedi K., Vishwakarma D.K., Singh N. COVID-19 and its impact on education, social life and mental health of students: a survey // Children and Youth Services Review. 2021. Vol. 121. Article 105866. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105866>
- Corell-Almuzara A., López-Belmonte J., Marín-Marín J.-A., Moreno-Guerrero A.-J. COVID-19 in the field of education: state of the art // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 10. P. 5452. <https://doi.org/10.3390/su13105452>
- Costa P.T., McCrae R.R. Revised NEO Five Factor Inventory (NEO-PI-R) and the NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI). Professional Manual. Odessa: Psychological Assessment Resources, 1992.
- De Martino M., Gushchina Y.S., Boyko Z.V., Magnanini A., Sandor I., Guerrero Perez B.A., Isidori E. Self-organisation in lifelong learning: theory, practice and implementation experience involving social networks and a remote format // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17. No 3. Pp. 373–389. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-373-389>
- Dixson M.D. Creating effective student engagement in online courses: what do students find engaging? // Journal of the Scholarship of Teaching and Learning. 2010. Vol. 10. No 2. Pp. 1–13.
- Drozdikova-Zaripova A.R., Valeeva R.A., Latypov N.R. The impact of isolation measures during COVID-19 pandemic on Russian students' motivation for learning // Education Sciences. 2021. Vol. 11. No 11. P. 722. <https://doi.org/10.3390/educsci11110722>

- Duncan D.G., Barczyk C.C.* Facebook's* effect on learning in higher education: an empirical investigation // *Information Systems Education Journal*. 2016. Vol. 14. No 3. Pp. 14–28.
- Ellefsen L.* An investigation into perceptions of Facebook-use* in higher education // *International Journal of Higher Education*. 2016. Vol. 5. No 1. Pp. 160–172. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v5n1p160>
- Epskamp S., Costantini G., Haslbeck J., Isvoranu A., Cramer A.O.J., Waldorp L.J., Schmittmann V.D., Borsboom D.* qgraph: Graph Plotting Methods, Psychometric Data Visualization and Graphical Model Estimation (R Package). 2012. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=qgraph>
- Gonçalves S.P., Sousa M.J., Pereira F.S.* Distance learning perceptions from higher education students – the case of Portugal // *Education Sciences*. 2020. Vol. 10. No 12. P. 374. <https://doi.org/10.3390/educsci10120374>
- Gray J.A., DiLoreto M.* The effects of student engagement, student satisfaction, and perceived learning in online learning environments // *International Journal of Educational Leadership Preparation*. 2016. Vol. 11. No 1.
- Guillén-Gómez F.D., Romero Martínez S.J., Ordóñez Camacho X.G.* Diagnosis of the attitudes towards ICT of education students according to gender and educational modality // *Apertura*. 2020. Vol. 12. No 1. <https://doi.org/10.32870/ap.v12n1.1786>
- Jamovi (Version 2.2) (Computer Software). The Jamovi Project, 2021. URL: <https://www.jamovi.org>
- Kerpelman J.L., Pittman J.F., Adler-Baeder F.* Identity as a moderator of intervention-related change: identity style and adolescents' responses to relationships education // *Identity: An International Journal of Theory and Research* 2008. Vol. 8. No 2. Pp. 151–171. <https://doi.org/10.1080/15283480801940073>
- Krouglov A.* Emergency remote teaching and learning in simultaneous interpreting: capturing experiences of teachers and students // *Training, Language and Culture*. 2021. Vol. 5. No 3. Pp. 41–56. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-3-41-56>
- Li D.* The shift to online classes during the Covid-19 pandemic: benefits, challenges, and required improvements from the students' perspective // *Electronic Journal of E-Learning*. 2022. Vol. 20. No 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.34190/ejel.20.1.2106>
- Martha A.S.D., Junus K., Santoso H.B., Suhartanto H.* Assessing undergraduate students' e-Learning competencies: a case study of higher education context in Indonesia // *Education Sciences*. 2021. Vol. 11. No 4. P. 189. <https://doi.org/10.3390/educsci11040189>
- Novikova I., Bychkova P.* Attitudes towards digital educational technologies, academic motivation and academic achievements among Russian university students // *Digital Transformation and Global Society*. DTGS 2021. *Communications in Computer and Information Science* / ed. by D.A. Alexandrov, A.V. Boukhanovsky, A.V. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov, S. Pashakhin. Cham: Springer, 2022. Vol. 1503. Pp. 280–293. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_20
- Novikova I., Bychkova P., Zamaldinova G.* Personality traits and attitude towards digital educational technologies in Russian university students // *Proceedings of the 15th International Technology, Education and Development Conference (INTED2021)*. Valencia: IATED, 2021. Pp. 9999–10005. <https://doi.org/10.21125/inted.2021.2087>
- Novikova I.A., Bychkova P.A., Novikov A.L.* Attitudes towards digital educational technologies among Russian university students before and during the COVID-19 pandemic // *Sustainability*. 2022. Vol 14. No 10. P. 6203. <https://doi.org/10.3390/Su14106203>
- Ozdamli F.* Attitudes and opinions of special education candidate teachers regarding digital technology // *World Journal on Educational Technology: Current Issues*. 2017. Vol. 9. No 4. Pp. 191–200. <https://doi.org/10.18844/wjet.v9i4.2581>

* Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

- Peruta A., Shields A.B. Social media in higher education: understanding how colleges and universities use Facebook* // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2017. Vol. 27. No 1. Pp. 131–143. <https://doi.org/10.1080/08841241.2016.1212451>
- Peytcheva-Forsyth R., Yovkova B., Aleksieva L. Factors affecting students' attitudes towards online learning – the case of Sofia University // *AIP Conference Proceedings*. 2018. Vol. 2048. No 1. Article e020025. <https://doi.org/10.1063/1.5082043>
- R: A Language and Environment for Statistical Computing. (Version 4.1.1) (Computer Software). R Core Team, 2021. URL: <https://cran.r-project.org>
- Radu M.-C., Schnakovszky C., Herghelegiu E., Ciubotariu V.-A., Cristea I. The impact of the COVID-19 pandemic on the quality of educational process: a student survey // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 21. P. 7770. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217770>
- Revelle W. psych: Procedures for psychological, psychometric, and personality research (R package). 2019. URL: <https://cran.r-project.org/package=psych>
- Rizun M., Strzelecki A. Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No 18. P. 6468. <https://doi.org/10.3390/ijerph17186468>
- Romero Martínez S.J., Ordóñez-Camacho X.G., Guillen-Gamez F.D., Bravo Agapito J. Attitudes towards technology among distance education students: validation of an explanatory model // *Online Learning*. 2020. Vol. 24. No 2. Pp. 59–75. <https://doi.org/10.24059/olj.v24i2.2028>
- Simonson M., Zvacek S.M., Smaldino S. Teaching and learning at a distance: foundations of distance education. 7th ed. Charlotte: IAP, 2019. 366 p.
- Tugrul T.O. Perceived learning effectiveness of a course Facebook* page: teacher-led versus student-led approach // *World Journal on Educational Technology: Current Issues*. 2017. Vol. 9. No 1. Pp. 35–39. <https://doi.org/10.18844/wjet.v9i1.1029>
- Unger S., Meiran W.R. Student attitudes towards online education during the COVID-19 viral outbreak of 2020: distance learning in a time of social distance // *International Journal of Technology in Education and Science*. 2020. Vol. 4. No 4. Pp. 256–266. <https://doi.org/10.46328/ijtes.v4i4.107>
- Vladova G., Ullrich A., Bender B., Gronau N. Students' acceptance of technology-mediated teaching – how it was influenced during the COVID-19 pandemic in 2020: a study from Germany // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article 636086. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.636086>
- Yasmin M. Online chemical engineering education during COVID-19 pandemic: lessons learned from Pakistan // *Education for Chemical Engineers*. 2022. Vol. 39. Pp. 19–30. <https://doi.org/10.1016/j.ece.2022.02.002>

История статьи:

Поступила в редакцию 28 августа 2022 г.

Принята к печати 15 октября 2022 г.

Для цитирования:

Novikova I.A., Bychkova P.A., Novikov A.L., Shlyakhta D.A. Personality traits and academic motivation as predictors of attitudes towards digital educational technologies among Russian university students // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 4. С. 689–716. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-689-716>

* Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-5831-1547, Scopus ID: 35766733000, Researcher ID: Q-5276-2016, eLIBRARY SPIN-код: 7717-2834. E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Бычкова Полина Александровна, магистр психологии, аспирант, кафедра психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6526-7262, Scopus ID: 57222720667, Researcher ID: ACD-4333-2022. E-mail: bychkova.polina.97@mail.ru

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-3482-5070, Scopus ID: 56005222400, Researcher ID: Q-5419-2016, eLIBRARY SPIN-код: 3416-1350. E-mail: novikov-al@rudn.ru

Шляхта Дмитрий Александрович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологи и педагогики, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). Scopus ID: 57191998066, eLIBRARY SPIN-код: 6172-5460. E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743

УДК 159.923

Исследовательская статья

Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект

Т.Н. Банщикова¹, М.Л. Соколовский¹, Т.В. Коростелева²

¹Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

²Государственный университет управления,
Российская Федерация, 109542, Москва, Рязанский пр-кт, д. 99, стр. 1

 sevkav@mail.ru

Аннотация. Изучение социокультурной специфики субъективного благополучия, его детерминант и ресурсов является важной задачей современной психологии. Представлены результаты эмпирического исследования, цель которого – выявить особенности взаимосвязи осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности с субъективным благополучием у молодых людей разных этнических групп. В исследовании приняли участие 1435 респондентов в возрасте 18–35 лет из пяти регионов России (Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия – Алания, Ставропольского края, Москвы и Московской области), принадлежащие к доминирующим этносам исследуемых регионов. Дизайн эмпирического исследования включал оценку различий в показателях субъективного благополучия, толерантности/интолерантности к неопределенности и осознанной саморегуляции у представителей разных этнокультурных групп, а также анализ взаимосвязи данных показателей, в том числе с помощью структурного моделирования. Подтверждено влияние культурного контекста дохода на уровень субъективного благополучия. Менее благополучными считают себя молодые люди из этнических групп, где социально-экономическое положение региона не дает возможности для самореализации личности. Выявлены два типа регуляторных профилей: 1) профиль с гармоничной структурой при относительно выраженном общем уровне саморегуляции отмечается у русских респондентов из Москвы и Московской области; 2) для карачаевцев, черкесов, осетин и русских (из Ставропольского края) характерен относительно акцентуированный профиль – стремление к четкому программированию своих действий, соответствие их определенным нормам. Установлено, что менее толерантны к неопределенности молодые люди из южных республик, которые склонны в ситуации неопределенности решать задачи в «готовом», обусловленном традициями алгоритме. Раскрыта структура взаимосвязей между предикторами субъективного благополучия, которая представлена в виде моделей. Центральное место в моделях принадлежит осознанной саморегуляции и ее базовым когнитивно-регуляторным процессам и личностно-регуляторными свойствами, которые как непосредственно, так и опосредованно за счет медиаторной роли толерантности/интолерантности к неопределенности оказывают влияние на субъективное бла-

© Банщикова Т.Н., Соколовский М.Л., Коростелева Т.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

гополучие молодых людей. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию этнорегиональной специфики предикторов субъективного благополучия современной молодежи и могут послужить основой для оказания помощи в конструировании взаимодействия с представителями других культур и развитию стратегий активного преодоления трудностей в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: субъективное благополучие, осознанная саморегуляция, молодежь, толерантность, неопределенность, интолерантность, личностные ресурсы

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00975 «Регуляторные и личностные ресурсы субъективного благополучия молодых людей в условиях неопределенности».

Введение

Проблема субъективного благополучия (СБ) в кросс-культурном измерении лишь относительно недавно стала предметом специально-психологического анализа (Шамянов, 2014; Шамянов, Султаниязова, 2018; Бочарова, 2015; Соколовский, Банщикова, 2019;). В психологии на сегодняшний день выявлено влияние многочисленных социокультурных факторов на СБ (Esposito, Theuerkauf, 2021; Shi et al., 2022; Бочарова, 2015), проявляющихся как в различиях по уровню и структуре связей элементов СБ и их предикторов, так и по структуре компонентов самого СБ (Grob, 2020; Tov, Nai, 2017). В частности, выявлены различия в субъективном благополучии по западному типу, исходя из индивидуальных достижений и по восточному типу, когда критерием СБ является отношение с другими людьми (Shin, Lyubomirsky, 2017; Tov, Nai, 2017). Также при сравнении восточной и западной культур было установлено, что культурные нормы самосовершенствования/самокритики, сбалансированности различных аспектов жизни и гармонии, отношения к групповым ценностям и ценности различных аспектов жизни играют важную роль в различиях СБ (Kansky, Diener, 2021; Kushlev et al., 2022; Shin, Argenta, et al., 2020; Shin, Layous, et al., 2020).

Специфической особенностью этнической культуры является опора на традицию на воспроизведение принятых образцов жизненной активности (поведение, мышление, деятельность), поэтому вполне закономерен рост исследовательского интереса к психологическим измерениям этнокультурных индикаторов субъективного благополучия (Бочарова, 2015).

Нынешняя ситуация нестабильности, неопределенности в социальной сфере, политике, экономике, является стрессогенной и трансформирует прочный фундамент позитивного функционирования человека в обыденной жизни (Beatty et al., 2022; Dejonckheere et al., 2019; Sels et al., 2021). Особо остро ситуация неопределенности воспринимается молодежью (Burani et al., 2022; Gertel, Hexel, 2018; Махнач и др. 2022). Рост страха и тревоги снижает устойчивость молодого человека к неблагоприятным воздействиям, деформирует потребности в психологической безопасности, что в итоге приводит к дестабилизации уверенности в будущем, к трансформации целостности личности (Huang, Zhao, 2020).

В разных культурах неопределенность воспринимается людьми по-разному: как абсолютно нежелательное явление, либо почти нейтрально, принимая неопределенность как естественный атрибут жизни (Соколова, 2015; Мясоедов, Борисова, 2022; Sorrentino et al., 2008).

СБ как ценностная позиция человека, которая формируется в процессе социализации-инкультурации в конкретном регионе, в конкретных обстоятельствах, то вполне обоснованной является необходимость установления индикаторов СБ и ее ресурсов на выборке молодых людей разных этнокультурных групп (Шамионов, 2014). Этнокультурная идентичность во многом обуславливает различия в поведении, в переживании эмоциональных состояний, которые опосредованно находят свое отражение в характере СБ и способах его достижения (Бочарова, 2020; Григорьева, 2018).

Индивидуально-психологический уровень субъективного благополучия. В последние десятилетия понимание СБ стало конвергироваться на существенно индивидуальных критериях, вокруг личностной основы, стабильных личностных диспозициях, внутреннем мире субъекта, опосредованном социокультурными предпосылками образа жизни, что получило эмпирическое подтверждение (Kibalchenko, Eksakusto, 2020; Margolis et al., 2020, 2021; Morosanova et al., 2021).

В рамках концептуального подхода Р.М. Шамионова, СБ является синтетическим социально-психологическим образованием, отражающим благополучность различных сторон бытия человека и включающий ряд компонентов: эмоциональное (ЭБ), экзистенциально-деятельностное (Э-ДБ), эго-благополучие (ЭгоБ), гедонистическое (ГБ) и социально-нормативное благополучие (С-НБ) (Шамионов, Бескова, 2018). Выделенные компоненты в целом соответствуют представлениям о структуре СБ в российской психологии (Рикель, Тарасова, 2018; Журавлев, Юревич, 2014; Тихомирова и др., 2022).

Опираясь на положение о когнитивной и эмоциональной составляющих благополучия в представленной структуре можно выделить эмоциональные и смысловые составляющие. Экзистенциально-деятельностный и социально-нормативный компоненты отражают нормативно-ценностные и смысловые представления о «благополучии», смысловую определенность жизни, соответствие жизни (действий, поступков) социальным нормам, нравственным ценностям личности. Эмоциональное, гедонистическое и эго-благополучие можно отнести к эмоциональным составляющим СБ, так как эти шкалы отражают степень удовлетворения базовых потребностей личности: удовлетворенность собой, условиями проживания, переживание определенных эмоциональных состояний (радость, счастье, воодушевление и др.). Эти подходы позволяют сопоставить вклад личностных факторов в качество жизни и наметить подходы к активизации ресурсов субъективного благополучия в повышении качества жизни.

В рамках эвдемонистического подхода, благополучие характеризуется, как удовлетворенность собственной самореализацией, полнотой раскрытия своего потенциала, гармонией целей, ценностей, смыслов, создаваемых именно самим субъектом, его активностью (Ryff, Keyes, 1995), следовательно, в качестве важных психологических ресурсов субъективного благополучия ло-

гично рассмотреть осознанную саморегуляцию (Фомина, 2021) и толерантность к неопределенности как интегральные личностные характеристики, как систему установок и ценностей личности, определяющих способность активно взаимодействовать с собой и с окружающим миром (Корнилова, Чумакова, 2014).

Субъективное благополучие и саморегуляция. В последнее время проблема взаимосвязи СБ и саморегуляции активно разрабатывается (Фомина, Моросанова, 2019; Gestsdóttir, Lerner, 2007; Tian, Yu, Huebner, 2017; Klug, Maier, 2015; Morosanova et al., 2021). В исследованиях раскрывается положительная взаимосвязь показателей СБ с такими регуляторными характеристиками как самоконтроль (Гордеева и др., 2016), сильные стороны характера (Gillham et al., 2011), стремление к достижению цели (Леонтьев, Сучков, 2015; Моросанова, 2014; Brunstein, 1993; Klug, Maier, 2015; Tian, Yu, Huebner, 2017), стратегии саморегуляции (Фомина, Моросанова, 2019; Morosanova et al., 2021). Таким образом, к значимым ресурсам в достижении и поддержании СБ можно отнести саморегуляцию и различные ее проявления.

Ресурсность определяется через ее основные свойства: целесообразность, инструментальность, осознанность, распределяемость, истощаемость, восстанавливаемость. По мнению Т.В. Коростелевой, личностные ресурсы влияют на причинно-следственные связи и механизмы взаимодействия личности с окружающей средой, опосредованно оказывая влияние и на качество жизни (Коростелева, 2020). Теоретический и эмпирический анализ работ лаборатории психологии саморегуляции Психологического института Российской академии образования (Morosanova et al., 2021; Моросанова, Кондратюк, 2020; Фомина, 2021) показывает, что осознанной саморегуляции присущи все основные характеристики ресурсности. В рамках ресурсного подхода осознанная саморегуляция понимается как метасистема универсальных и специальных регуляторных ресурсов осознанного выдвижения целей и управления их достижением (Моросанова, 2014, 2017). Именно в этом смысле можно говорить, что саморегуляция является психологическим ресурсом решения разнообразных задач жизнедеятельности, в том числе и задач благополучия.

Индивидуальные особенности регуляторных процессов (планирование, моделирование, программирование и оценка результатов) и регуляторно-личностные свойства (надежность, гибкость, настойчивость) выступают предпосылками стиля регуляции (Моросанова, Кондратюк, 2020). При относительно равной развитости всех компонентов саморегуляции диагностируется гармоничный регуляторный стиль, при наличии выраженных компонентов принято говорить об акцентуированном регуляторном стиле. В этом контексте исследование регуляторных профилей отдельных этнических групп позволит осмыслить паттерны взаимосвязи осознанной саморегуляции и СБ.

Субъективное благополучие и толерантность к неопределенности. В контексте разработки представлений об осознанной саморегуляции как ресурсе СБ человека в современном мире, где неопределенность становится обычным условием его жизнедеятельности, толерантность к неопределенно-

сти является значимым конструктом. Обращение психологии к категории неопределенности связано с переосмыслением объективного и субъективно-го, причинности и свободы человека.

В ряде исследований отмечается, что способность «жить» с неопределенностью, взаимодействовать с неопределенностью, испытывать позитивные эмоции в новых, неструктурированных ситуациях и воспринимать их не как угрожающие, а как содержащие в себе вызовы, стремление к разнообразию формируют толерантность к неопределенности (Andronnikova, 2021; Bokhan et al., 2021; Hermans, Bartels, 2020; Kornilova et al., 2018; Смирнов et al., 2016). В то время как избегание условий неопределенности, нежелание действовать в отсутствии четких ориентиров, неготовность принять реальность во всей ее неоднозначности и сложности, установка воспринимать и интерпретировать неоднозначную ситуацию как угрозу, стремление к ясности соответствуют концепту интолерантности к неопределенности (Vadivel et al., 2022).

Феномен толерантности к неопределенности рассматривают во взаимосвязи с различными личностными факторами: со стилевой регуляцией поведения и деятельности, процессами принятия решений (Diggle et al., 2020; Kornilova et al., 2018; Белоусова et al., 2021; Шестова, 2021). Однако немногочисленны исследования, где толерантность к неопределенности рассматривается как ресурс благополучия (Попова, Фоменко, 2021; Вотинцева, Петренко, 2016).

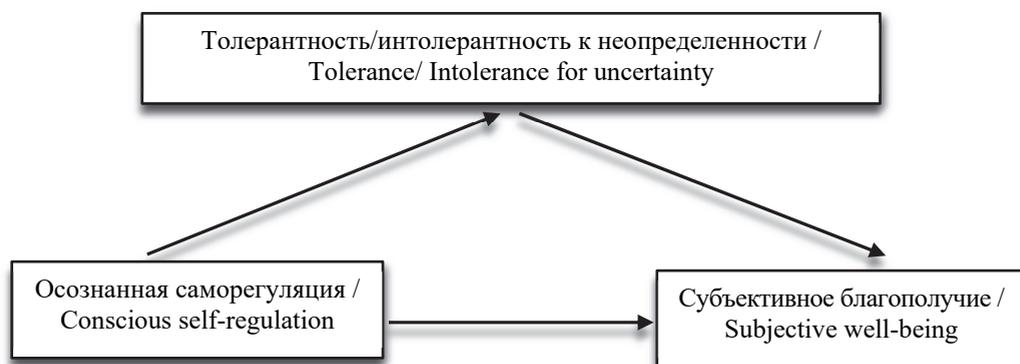

Рис. 1. Теоретическая модель предикторов субъективного благополучия молодых людей
Figure 1. Theoretical model of predictors of subjective well-being in young people

Несмотря на масштабность проводимых исследований СБ, осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности, в психологии остается не раскрытой взаимосвязь данных феноменов, ресурсная роль саморегуляции и толерантности в субъективном благополучии современной молодежи.

Теоретический анализ проблемы предикторов СБ позволяет выделить ключевые переменные и их взаимосвязь, которые предположительно могут влиять на СБ современной молодежи (Леонтьев. Качество жизни., 2020а). Для эмпирического исследования мы предположили теоретическую модель предикторов СБ, в которую включили, с нашей точки зрения, лишь значимые: осознанная саморегуляция, толерантность и интолерантности к неопределенности (рис. 1).

Таким образом, **цель исследования** состояла в выявлении особенностей взаимосвязи осознанной саморегуляции и толерантности к неопределенности с субъективным благополучием молодых людей разных этнических групп.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия в показателях субъективного благополучия, толерантности/интолерантности к неопределенности и осознанной саморегуляции у представителей разных этнокультурных групп.

В регионах, где выражен фактор экономического благополучия для возможностей самореализации, удовлетворения базовых потребностей, где ожидание и норма удовлетворения потребностей выдержаны показатели благополучия СБ будут более выражены.

В культурах с четко установленными традициями, правилами взаимодействия будут превалировать способности выдвигать цели жизнедеятельности, планировать поведение и деятельность с опорой на установленные нормы и правила, управлять их достижением на основе ресурсов личностно-регуляторного уровня (надежность, настойчивость).

Специфической особенностью этнической культуры является опора на традицию на воспроизведение принятых образцов жизненной активности, поэтому в ситуации неопределенности представители этносов будут прибегать к решению задач в готовом, обусловленном традициями алгоритме – технологии интолерантности к неопределенности.

2. Осознанная саморегуляция, выступая в роли метаресурса деятельности, будет положительно связана с субъективным благополучием молодежи различных этнорегиональных групп. Показатели толерантности/интолерантности к неопределенности также будут положительно связаны с субъективным благополучием, опосредуя связь саморегуляции, как метаресурса. Связь данных показателей с субъективным благополучием будет доказана методами структурного моделирования и/или путевого анализа для большинства этнорегиональных выборок.

Процедура и методы исследования

Сбор данных проводилось анонимно с использованием Google-form. В исследовании приняло участие 1797 респондентов, из ответов которых путем исключения недостоверных ответов по показателям: соответствия целевой аудитории исследования (молодежь до 35 лет) и невнимательность при заполнении опросника было отобрано 1435 ответов испытуемых. Для оценки этнорегиональных особенностей респондентов были отобраны испытуемые, принадлежащие к доминирующим этносам исследуемых регионов. Итого, для сравнительной оценки, использовались данные 1175 респондентов.

Выборка. В исследовании приняло участие 1435 респондентов (средний возраст 20,7 лет), из которых было отобрано 1175 респондентов доминирующих этнорегиональных групп (табл. 1), в том числе: 48 черкесов (44 % мужчин), 198 карачаевцев (34 % мужчин), 72 балкарца (43 % мужчин), 140 кабардинцев (57 % мужчин), 145 осетин (10 % мужчин), 313 русских из Ставропольского края (42 % мужчин) и 183 русских из Москвы и Московской области (41 % мужчин).

Таблица 1 / Table 1

**Этнокультурные и региональные особенности выборки /
Ethnocultural and regional features of the sample**

Национальность / Nationality	Регион / Region					Итого / Total
	КЧР / KChR	КБР / KBR	PCO / RNO-A	СК / ST	ММО / MMR	
Русский /Russian	22	30	24	313	183	572
Карачаевец / Karachay	198	0	0	0	0	198
Осетин / Ossetian	0	0	145	0	0	145
Кабардинец / Kabardian	0	140	0	0	0	140
Балкарец / Balkarian	0	72	0	0	0	72
Черкес / Circassian	28	17	1	2	0	48
Итого	248	259	170	315	183	1175

Примечание: КЧР – Карачаево-Черкесская Республика; КБР – Кабардино-Балкарская Республика; PCO-A – Республика Северная Осетия – Алания; СК – Ставропольский край; ММО – Москва и Московская область.

Note: KChR – Karachay-Cherkess Republic; KBR – Kabardino-Balkarian Republic; RNO-A – Republic of North Ossetia-Alania; ST – Stavropol Territory; MMR – Moscow and Moscow Region.

Методы. Для исследования СБ использовалась методика диагностики субъективного благополучия личности (Шамионов, Бескова, 2018). Методика включает 34 вопроса, составляющие пять шкал: эмоциональное (ЭБ), экзистенциально-деятельностное (Э-ДБ), эго-благополучие (ЭгоБ), гедонистическое (ГБ) и социально-нормативное благополучие (С-НБ), а также интегративную шкалу субъективного благополучия (СБ).

Для оценки развития осознанной саморегуляции использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» В.И. Моросановой (Моросанова, Кондратюк, 2020). Опросник состоит из 28 утверждений, составляющих шкалы: целеполагание, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, настойчивость, надежность и интегративная шкала «общий уровень саморегуляции».

Для оценки отношения к неопределенности использовался опросник толерантность/интолерантность к неопределенности (ТН/ИТН) (Корнилова, Чумакова, 2014), модификация опросника С. Баднера. Опросник содержит двенадцать утверждений, составляющих две шкалы: толерантность к неопределенности и интолерантность к неопределенности.

Корреляционный анализ и анализ различий между этно-региональными выборками и проводились с использованием программного обеспечения Statistica 12.0. и включали в себя: коэффициент корреляции рангов Спирмена, расчет описательных статистик, оценку гомогенности дисперсий сравниваемых выборок (Levene Test и Brown-Forsythe Test). Поскольку для большинства переменных гомогенность дисперсий была недостаточной, использовался непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа для независимых выборок (критерий Крускала – Уоллиса) с последующим множественным сравнением средних рангов для изучаемых групп с помощью критерия Kruskal – Wallis post-hoc test after Dunn.

Построение структурной модели и путевой анализ взаимосвязи между показателями СБ, осознанной саморегуляции, толерантности к неопределенности осуществлялся при помощи программного обеспечения IBM SPSS AMOS 23.

Результаты

Результаты анализа отдельных переменных

Субъективное благополучие. Критерий Крускала – Уоллиса позволил выявить значимые различия между этнорегиональными выборками по всем показателям субъективного благополучия (табл. 2). Установлено, что интегральный показатель СБ имеет относительно идентичный уровень выраженности у осетин, карачаевцев и черкесов. У русских из СК и русских из ММО интегральный показатель СБ несколько более выражен чем у представителей других этносов, а у респондентов из КБР (кабардинцы и балкарцы) статистически значимо ниже, чем у представителей других регионов.

Отмечается относительно низкие показатели эго-благополучия и гедонистического благополучия у всех респондентов, вне зависимости от этнокультурной специфики региона проживания.

Таблица 2 / Table 2

Средние значения показателей субъективного благополучия респондентов из исследуемых регионов России / Means for indicators of subjective well-being in the respondents from the Russian regions under study

Параметры благополучия / Well-being parameters	Этнорегиональные группы / Ethno-regional groups							p	Для всех групп / All the groups
	Черкесы / Circassians	Карачаевцы / Karachays	Балкарцы / Balkarians	Кабардинцы / Kabardians	Осетины / Ossetians	Русские СК / Russians ST	Русские ММО / Russian MMR		
Эмоциональное благополучие / Emotional well-being	3,59	3,66	3,29	3,25	3,70	3,71	3,74	0,000	3,61
Экзистенциально-деятельностное / Existential-activity	3,63	3,55	3,26	3,28	3,55	3,67	3,65	0,000	3,55
Эго-благополучие / Ego well-being	3,50	3,53	3,30	3,27	3,44	3,49	3,40	0,010	3,43
Гедонистическое благополучие / Hedonistic well-being	3,40	3,59	3,29	3,10	3,27	3,54	3,41	0,000	3,41
Социально-нормативное / Socio-normative	3,77	3,80	3,24	3,33	3,89	4,04	4,09	0,000	3,83
Интегральный показатель / Integral indicator	3,59	3,62	3,28	3,25	3,60	3,70	3,68	0,000	3,58

Примечание: СК – Ставропольский край; ММО – Москва и Московская область.

Note: ST – Stavropol Territory; MMR – Moscow and Moscow region.

Дальнейший детальный анализ полученных данных позволяет констатировать большую изменчивость социально-нормативного компонента СБ. Значения данного компонента СБ выше, чем значения других показателей. Наибольший размах вариации (0,85) отмечается для средних арифметических социально-нормативного благополучия по всей выборке.

Осознанная саморегуляция. Сравнительный анализ средних значений показателей осознанной саморегуляции у семи групп респондентов установил значимые различия по всем показателям (табл. 3). Исключением стал показатель «оценивание результатов», по которому значимые различия не установлены ($p = 0,099$).

Таблица 3 / Table 3

Средние значения показателей осознанной саморегуляции респондентов исследуемых этносов / Means of indicators of conscious self-regulation in the respondents of the ethnic groups under study

Показатели саморегуляции / Indicators of self-regulation	Этнорегиональные группы / Ethno-regional groups							p	Для всех групп / All the groups
	Черкесы / Circassians	Карачаевцы / Karachays	Балкарцы / Balkarians	Кабардинцы / Kabardians	Осетины / Ossetians	Русские СК / Russians ST	Русские ММО / Russian MMR		
Пл / PI	3,23	3,15	3,12	3,13	3,28	3,44	3,42	0,000	3,29
М / M	3,11	3,05	3,09	3,03	3,19	3,34	3,36	0,000	3,20
Пр / Pr	3,42	3,50	3,06	3,08	3,73	3,70	3,95	0,000	3,58
ОР / ER	3,18	3,18	3,02	3,00	3,18	3,21	3,18	0,099	3,16
Г / F	3,11	3,24	3,15	2,97	3,44	3,44	3,46	0,000	3,31
Нд / Re	2,93	2,74	2,77	2,98	2,67	2,69	2,65	0,002	2,74
Нс / Pe	3,69	3,53	3,28	3,23	3,80	3,78	3,75	0,000	3,63
ОУСР / CSR	3,24	3,20	3,07	3,06	3,33	3,37	3,40	0,000	3,27

Примечание: Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; ОР – оценка результатов; Г – гибкость; Нд – надежность; Нс – настойчивость; ОУСР – общий уровень осознанной саморегуляции; СК – Ставропольский край; ММО – Москва и Московская область.

Note: PI – planning; M – modeling; Pr – programming; ER – evaluation of results; F – flexibility; Re – reliability; Pe – perseverance; CSR – general level of conscious self-regulation; ST – Stavropol Territory; MMR – Moscow and Moscow Region.

Большинство показателей осознанной саморегуляции имеют тренд сходный с показателями СБ для этнорегиональных выборок, в частности: регуляторный процесс программирование, регуляторно-личностные свойства настойчивость, гибкость и интегральный показатель ОУСР имеет невыраженные значения у кабардинцев и балкарцев, а наиболее выраженные значения отмечаются у русских (ММО) и осетин. Сходный тренд наблюдается и для показателей планирования и моделирования.

Единственным показателем СР, кардинально не совпадающим с трендом СБ, является показатель надежности. Для кабардинцев и балкарцев, проживающих в одном регионе (КБР) показатели надежности и гибкости имеют разные значения. Для кабардинцев показатели надежности и регуляторной гибкости практически идентичны, для балкарцев регуляторная гибкость более выражена, чем надежность ($m = 3,15$ и $m = 2,77$ соответственно).

У карачаевской, черкесской, осетинской, кабардинской и русских (СК) этнических групп наиболее характерны маркеры профиля с выраженным процессом программирования по сравнению с моделированием и оцениванием результатов при среднем общем уровне осознанной саморегуляции. Профиль с гармоничной структурой при относительно выраженном общем уровне СР отмечается у русских (ММО). Представленные данные согласуются с результатами описательной статистики шкал методики ССПМ-2020 (Моросанова, Кондратюк, 2020).

Толерантность/интолерантность к неопределенности. Сравнительный анализ показателей толерантности/интолерантности к неопределенности позволяет сделать следующие выводы (табл. 4). Установлены значимые различия в показателях толерантности/интолерантности к неопределенности между респондентами семи этнорегиональных групп ($p < 0,001$). Молодые люди из этнокультурных регионов: черкесы, карачаевцы, балкарцы, кабар-

динцы – значимо менее толерантны к неопределенности, чем молодые люди из других регионов (разница в средних от 4,27 до 4,96).

Таблица 4 / Table 4

Средние значения показателей толерантности/интолерантности к неопределенности: этнорегиональный аспект / Means of indicators of tolerance/intolerance for uncertainty: ethno-regional aspect

Показатели / Indicators	Этнорегиональные группы / Ethno-regional groups							p	Для всех групп / All the groups
	Черкесы / Circassians	Карачаевцы / Karachays	Балкарцы / Balkarians	Кабардинцы / Kabardians	Осетины / Ossetians	Русские СК / Russians ST	Русские ММО / Russian MMR		
Интолерантность к неопределенности / Intolerance for uncertainty	4,61	4,65	4,39	4,27	4,58	4,57	4,37	0,000	4,50
Толерантность к неопределенности / Tolerance for uncertainty	4,33	4,33	4,40	4,27	4,84	4,76	4,96	0,000	4,62

Результаты анализа взаимосвязи показателей осознанной саморегуляции с показателями субъективного благополучия. Результаты взаимосвязи когнитивно-регуляторных и личностно-регуляторных компонентов осознанной саморегуляции с показателями СБ у молодых людей разных этнических групп показали: чем более развиты регуляторные компетенции молодых людей, тем выше уровень их СБ. Наибольшее число связей наблюдается у карачаевцев, русских из СК и ММО.

В трех этнических группах (осетины, карачаевцы, русские СК, ММО) установлена положительная связь когнитивных компонентов СБ со всеми когнитивно-регуляторными процессами ($r =$ от 0,33 до 0,40). У черкесов, балкарцев, кабардинцев установлена положительная связь когнитивных компонентов СБ с программированием. Таким образом, осознанное продумывание способов своих действий и поведения для достижения намеченных целей является значимым ресурсом осмысленности удовлетворенности жизнью.

Связь личностно-регуляторных компонентов осознанной саморегуляции с составляющими СБ неоднозначна. Не установлено значимой связи личностно-регуляторного показателя «надежность» с гедонистическим показателем СБ у большинства этнических групп за исключением кабардинцев и балкарцев. У них установлена значимая, но отрицательная связь надежности со всеми компонентами СБ.

Наиболее тесные связи показателей СБ обнаружены с функциональным показателем СР «программирование» ($r =$ от 0,35 до 0,45 при $p < 0,000$) и регуляторно-личностным свойством «настойчивость» ($r =$ от 0,50 до 0,57 при $p < 0,000$). Важность данной взаимосвязи в системе саморегуляции «благополучных» подтверждается исследованиями Е.Е. Бочаровой (2011) в которых были выявлено «сотрудничество» СБ со структурными компонентами системы регуляторного процесса.

Результаты анализа взаимосвязи показателей толерантности/интолерантности к неопределенности с показателями субъективного благополучия. На общей выборке показатели толерантности/интолерантности к неопределенности имеют значимую положительную связь со всеми показателями СБ. Анализ взаимосвязи через призму этнорегионального аспекта

показал: у осетин и русских (ММО) не установлено значимых связей показателей толерантности/интолерантности к неопределенности с показателями СБ. У черкесской этнической группы также не установлена значимая связь толерантности к неопределенности практически со всеми показателями благополучия за исключением эмоционального и эго благополучия

Структурные модели. В результате структурного моделирования установлено: теоретическая модель, которая демонстрирует вклад исследуемых параметров в СБ, соответствует эмпирическим данным построенной модели (рис. 2). Модель включает в себя показатели СБ, осознанной саморегуляции и толерантность/интолерантность к неопределенности. Все регрессионные коэффициенты в модели статистически значимы.

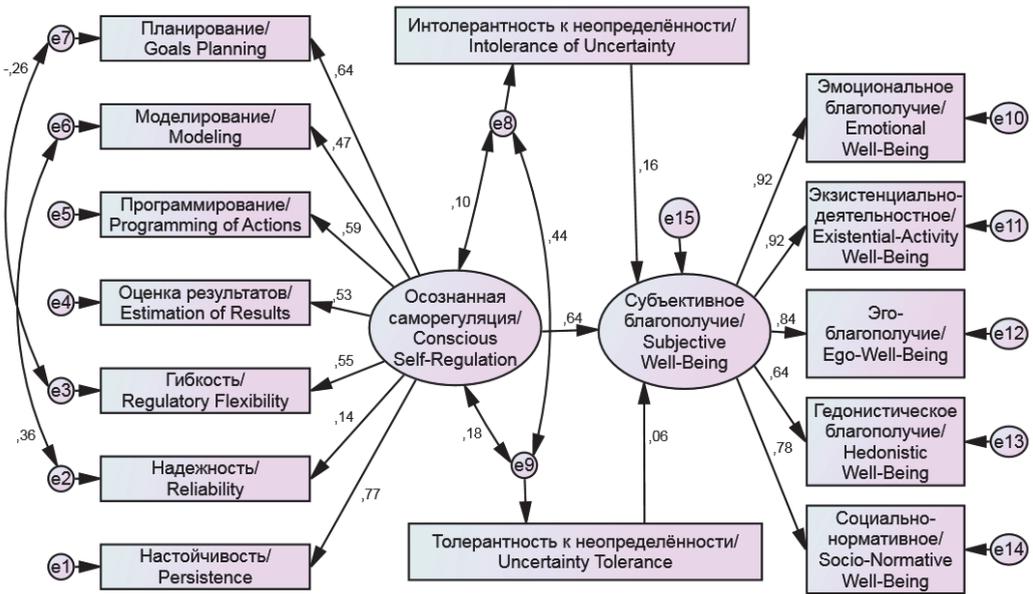

Рис. 2. Предикторы субъективного благополучия молодых людей
Figure 2. Predictors of subjective well-being in Russian youth

Согласно полученной модели, вклад осознанной саморегуляции в СБ наиболее высокий.

Особо отметим когнитивно-регуляторные процессы планирование, программирование и личностно-регуляторное свойство настойчивость, обеспечивающие способность четко ставить цели, планировать свою деятельности в достижении благополучия, проявлять настойчивостью в ситуации возникающих помех. Менее значимыми предикторами СБ выступают показатели толерантности/интолерантности к неопределенности.

Влияние осознанной саморегуляции на СБ ($\beta = 0,64$) выше, чем влияние интолерантности к неопределенности и толерантности к неопределенности. Осознанная саморегуляция оказывает влияние на СБ как непосредственно, так и опосредованного за счет медиаторной роли толерантности ($\beta = 0,06$) и интолерантности ($\beta = 0,16$) к неопределенности.

Структурное моделирование по этнорегиональным выборкам выявило незначимость влияния интолерантности и толерантности к неопределенности

на СБ для аналогичной структурной модели у осетин, черкесов, русских (СК, ММО). Для уточнения медиаторной роли интолерантности и толерантности к неопределенности был предпринят путевой анализ влияния отдельных компонентов осознанной саморегуляции на интегральный показатель СБ.

Таблица 5 / Table 5

Показатели моделей субъективного благополучия для этнорегиональных выборок по результатам путевого анализа / Indicators of subjective well-being models for the ethno-regional samples based on the results of path analysis

Пути влияния / Ways of influence		Этнорегиональные группы / Ethno-regional groups							Межгрупповая модель / Intergroup model	
		Черкесы / Circassians	Карачаевцы / Karachays	Балкарцы / Balkarians	Кабардинцы / Kabardians	Осетины / Ossetians	Русские СК / Russians ST	Русские ММО / Russian MMR		
		Стандартизированные регрессионные коэффициенты / Standardized regression coefficients								
ТН / UT	←	Нс / Pe	0,35		0,37				0,28	
ТН / UT	←	Пл / PI	-0,41						-0,08	
ИН / IU	←	Нд / Re		-0,18		-0,21	-0,21		-0,12	
ИН / IU	←	Нс / Pe		0,29		0,35	0,17		0,25	
СБ / SWB	←	Нс / Pe	0,50	0,33	0,42	0,39	0,35	0,56	0,27	0,36
СБ / SWB	←	Нд / Re	0,27				0,10	0,17	0,27	0,08
СБ / SWB	←	ТН / UT	0,30		0,274					0,07
СБ / SWB	←	ИН / IU		0,35		0,35	0,17			0,22
СБ / SWB	←	М / M		0,21		0,19				0,08
СБ / SWB	←	Пр / Pr			0,249				0,18	
СБ / SWB	←	Г / F					0,26		0,19	0,15
СБ / SWB	←	Пл / PI					0,13			0,10
СБ / SWB	←	ОР / ER							0,24	
		Параметры модели / Model parameters								
CMIN / DF		0,502	1,755	0,679	1,584	0,149	-	-	11,74	
GFI		0,991	0,993	0,995	0,991	1	1	1	0,978	
CFI		1	0,992	1	0,992	1	1	1	0,958	
SRMR		0,028	0,026	0,025	0,026	0,006	0	0	0,0509	

Примечание: ИН – интолерантность к неопределенности; ТН – толерантность к неопределенности; СБ – субъективное благополучие; Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; ОР – оценка результатов; Г – гибкость; Нд – надежность; Нс – настойчивость.

Note: IU – intolerance for uncertainty; UT – uncertainty tolerance; SWB – subjective well-being; PI – planning; M – modeling; Pr – programming; ER – evaluation of results; F – flexibility; Re – reliability; Pe – perseverance.

Для каждой этнорегиональной выборки были построены путевые модели, основные показатели которых представлены в табл. 5. При помощи путевого анализа было выявлено разнонаправленное влияние отдельных компонентов СР на СБ, что могло выступить причиной снижения медиаторной роли толерантности/интолерантности к неопределенности в структурной модели для черкесов и русских (СК).

При проведении путевого анализа влияния компонентов саморегуляции на СБ для региональных выборок установлено: во все модели вошла настойчивость с высоким показателями регрессионных коэффициентов. Исходя из медиаторной роли толерантности/интолерантности к неопределенности этнорегиональные выборки разделились на три группы: а) для черкесов и балкарцев доказана медиаторная роль толерантности к неопределенности; б) для карачаевцев, кабардинцев и русских (СК) влияние компонентов СР на

СБ осуществляется за счет медиаторного эффекта интолерантности к неопределенности; в) для осетин и русских (ММО) выявлена только непосредственная связь компонентов СР со шкалой СБ (табл. 5).

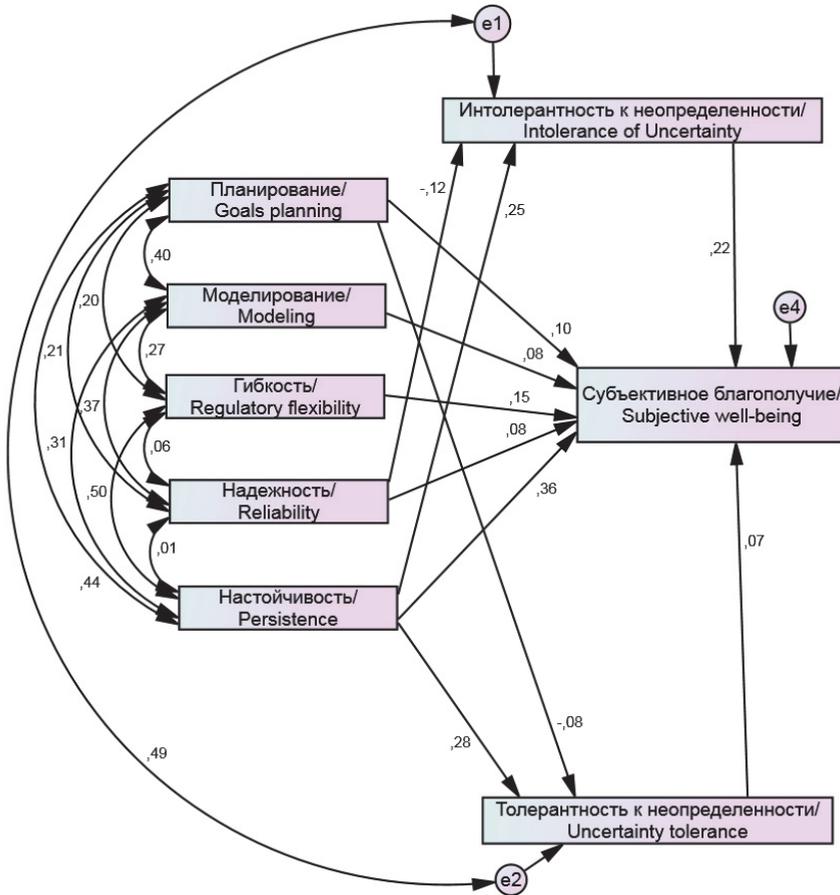

Рис. 3. Путь анализ влияния компонентов осознанной саморегуляции на субъективное благополучие
Figure 3. Path analysis of the influence of conscious self-regulation components on subjective well-being

На основе проведенного путевого анализа была построена межгрупповая модель связи компонентов СР и СБ для этносов Юга России (рис. 3, табл. 5). В межгрупповую модель не были включены этносы, для которых отсутствовал медиаторный эффект.

В данной модели представлены три пути влияния отдельных компонентов СР на СБ: 1) непосредственная связь компонентов СР с СБ; 2) путь влияния за счет медиаторного эффекта интолерантности к неопределенности, в котором присутствует разнонаправленная связь компонентов СР: настойчивость положительно связана с интолерантностью к неопределенности, а надежность – отрицательно связана; 3) путь влияния за счет медиаторного эффекта толерантности к неопределенности, где также присутствует разнонаправленная связь компонентов СР: настойчивость положительно связана с толерантностью к неопределенности, а планирование – отрицательно связано.

Обсуждение результатов

Выявлены значимые различия практически по всем показателям СБ у респондентов разных этнокультурных групп.

Относительно менее благополучными считают себя кабардинцы и балкарцы – молодые люди из южных регионов (КБР). Культурные традиции, нормы, религиозные обряды, уклад жизни и поведенческих паттерны в той или иной степени определяют критерии оценки жизнедеятельности человека, сквозь призму которых и происходит внутренняя эвальвация событий, ситуаций, достижений и других явлений, что и обуславливает субъективную оценку удовлетворенности жизнью (Шамионов, Султаниязова, 2018).

Кабардинцы и балкарцы дают более низкие оценки своего благополучия, чем респонденты из других регионов. Предполагаем, что одним из значимых факторов выступает уровень жизни в данном регионе. Согласно рейтингу регионов, по оценке социально-экономического положения регионов РФ на 2021 г., республика занимает низкие позиции¹. Эмоционально-оценочное отношение к благополучности различных сторон своего бытия, выступает внутренней инстанцией, регулирующей смысловые представления о субъективном благополучии. Представленные данные согласуются с результатами исследований Д. Канемана о влиянии материального достатка на переживание счастья (Kahneman, 2006).

Вне зависимости от этнокультурной специфики региона проживания, отмечается не выраженность значений показателей гедонистического и эго-благополучия у всех респондентов. Мы полагаем, что это может быть обусловлено тем, что центральным личностным новообразованием периода ранней взрослости (средний возраст респондентов 20,7) выступает обретение эго-идентичности, которая характеризуется стремлением подчеркнуть собственную индивидуальность, непохожесть на других, сомнениями в себе, своем характере, внешности, собственном выборе, обесцениванием прежних ценностей, что отражается в показателях удовлетворенности/неудовлетворенности собой (Солдатова, 2006).

Отмечается выраженность показателей осознанной саморегуляции у представителей русского этноса (СК, ММО). Жизнедеятельность в данных регионах характеризуется более интенсивными процессами взаимодействия культур, этносов, народов, что определяет необходимость поиска оптимальных путей сосуществования этих систем, побуждая молодых людей к принятию неопределенности, осознанному и обдуманному выбору форм активности в данных ситуациях. Осознанная саморегуляция выступает психологическим механизмом, с помощью которого человек координирует свои психологические ресурсы для выдвижения и достижения целей активности, целей существования в поликультурном пространстве (Моросанова, 2014).

Полученные групповые профили позволяют определить этнорегиональные стили СР. Этнокультурный регион транслирует и, в немалой степе-

¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021 // РИА Рейтинг. 2021. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 28.07.2022).

ни, обуславливает нормы социальной активности молодых людей, а также в определенной мере предопределяет процессы саморегуляции (Банщикова, Ширяева, 2019). Для представителей ряда этнических групп (карачаевцы, черкесы, осетины и русские (СК)) характерно стремление к планированию, к отбору способов и очередности действий, но из-за слабости моделирования большее значение придается деталям и мелочам. Эмоционально неустойчивы, в новых условиях чувствуют себя неуютно, стараются держаться обособленно, при принятии решений они нуждаются в опоре, поддержке окружающих, в совете, одобрении, что может выступать препятствием для самореализации (Моросанова, 2004).

Значимые различия в показателях толерантности/интолерантности к неопределенности свидетельствуют о том, что у молодых людей из этнокультурных регионов (КБР и КЧР) сложились архетипы ценностных и поведенческих установок в этническом пространстве и в ситуации неопределенности задачи ими решаются в готовом, обусловленном традициями алгоритме.

Взаимосвязь когнитивных компонентов СБ с когнитивно-регуляторными процессами осознанной саморегуляции показывает, что ориентация на достижение цели всегда связана с более высокими уровнями субъективного благополучия, что подтверждается и другими исследованиями (Brunstein, 1993; Kibalchenko, Eksakusto, 2020; Lyubomirsky, 2001).

Гедонистическое благополучие не предполагает принятия напряженных ситуаций и стремления с ними справиться, следовательно, не возникает потребность в осознанной саморегуляции психической активности, предполагающей достижения определенной цели в сложных жизненных ситуациях. Эти выводы подтверждены отсутствием или отрицательной связью регуляторно-личностной надежности с рядом показателей благополучия.

Нами установлено, что в ситуации активного преодоления трудностей, активных попыток разрешения проблемы неопределенности у русских (ММО) происходит значимое изменение в аффективном балансе, обусловленном соотношением желаемого (потребностей, целей, ожиданий) и фактического, происходит удовлетворение индивидуально специфических бытийных потребностей, как следствие – выраженные показатели СБ, толерантности к неопределенности, а показатели интолерантности – ниже в сравнении с респондентами других регионов.

Полученные в исследовании модели продемонстрировали, что СБ детерминировано всем спектром процессов и свойств осознанной саморегуляции, системой личностных установок, отвечающих на вызовы неопределенности. Акцент сделан в сторону личностно-регуляторного свойства осознанной саморегуляции настойчивости, которое, как непосредственно, так и опосредованно оказывают влияние на СБ молодых людей. Регуляторно-личностное свойство надежность выступает механизмом ослабления стратегий бездействия и избегания проблемной ситуации, неспособности личности действовать в отсутствии четких ориентиров (интолерантность к неопределенности). В этом случае у нас есть все основания рассматривать регуляторные компетенции как специальный ресурс СБ молодых людей.

Заключение

Новизна и значимость полученных в представленном исследовании результатов предопределена комплексным подходом, который применялся в изучении СБ молодых людей. Изучение этнокультурной специфики СБ и его детерминант является важной задачей современной психологии. В качестве предикторов рассматривались когнитивно-регуляторные и личностно-регуляторные компетенции,

Полученные результаты позволили изучить ресурсную роль осознанной саморегуляции, толерантности/интолерантности к неопределенности в достижении СБ современной молодежи. Установлена обусловленность регуляторно-личностных ресурсов, субъективного благополучия молодых людей этнокультурной спецификой региона их проживания.

Представленное исследование раскрыло структуру взаимосвязей между предикторами СБ. Эта структура представлена в виде моделей. Центральное место в модели принадлежит осознанной саморегуляции и ее базовым когнитивно-регуляторным процессам и личностно-регуляторными свойствам, которые, как непосредственно, так и опосредованно за счет медиаторной роли толерантности/интолерантности к неопределенности оказывают влияние на СБ молодых людей.

Ограничения исследования. Следует обратить внимание на ограничения данного исследования. Во-первых, мы изучали СБ молодых людей, проживающих в одном регионе (кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы), и не учитывали их взаимозависимое благополучие, их опыт групповой гармонии, коллективного благополучия, который может иметь решающее значение для СБ. Во-вторых, интерпретация полученных данных с точки зрения этнической принадлежности респондентов не позволила в полной мере учесть региональную специфику: некоторые отличия между этносами могут быть обусловлены регионами проживания. Требуются дальнейшие исследования для изучения причинно-следственных связей между переменными для подтверждения выводов данного исследования. В исследовании не учитывались половозрастные аспекты.

Практическая значимость исследования. Расширение представлений об этнорегиональной специфике и предикторах СБ молодых людей могут послужить основой для разработки психологических техник и программ, направленных на оказание помощи молодому человеку в конструировании им своего взаимодействия с представителями других культур, особенно в регионах с взаимозависимыми культурными нормами и ценностями, в образовательных организациях с выраженным поликультурным составом обучающихся. Из обнаруженных в данном исследовании фактов следует, что создание психологических условий осознанного активного отношения к окружающей действительности, развития стратегий активного преодоления трудностей в ситуации неопределенности, с учетом уникальных этнокультурных характеристик региона, может послужить основой повышения СБ молодежи.

Список литературы

- Баницкова Т.Н., Ширяева И.С. Кросс-культурные особенности саморегуляции и совладающего поведения как осознанные процессы преодоления трудных жизненных ситуаций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С. 136–145. <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2019-74-5-136-145>
- Белоусова А.К., Самарская А.В., Кряжкова Е.В. Взаимосвязь толерантности к неопределенности и креативности у старших школьников с критическим стилем мышления // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 18. № 2. С. 5–18. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.1>
- Бочарова Е.Е. Взаимосвязь дискриминационных установок и характеристик удовлетворенности жизнью, счастья у представителей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 2 (34). С. 162–169. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-162-169>
- Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8. С. 185–201. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-15>
- Бочарова Е.Е. Структурная организация саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 1. С. 64–69.
- Вотинцева Т.С., Петренко В.Р. Взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и психологического благополучия личности // Педагогика и психология образования. 2016. № 4. С. 145–149.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46–58. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120205>
- Григорьева М.В. Потребностно-мотивационные факторы социальной активности личности в разных условиях социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 11 (55). С. 35–41. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.11.6>
- Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
- Коростелева Т.В. Личностные ресурсы в управлении качеством жизни молодежи: стратегии, инструменты, измерения: монография. СПб.: Научное издание, 2020. 148 с.
- Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 86–95. <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>
- Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Леонтьев Д.А., Сучков, Д.Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 44. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i44.503>
- Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5. С. 90–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-90-121>

- Моросанова В.И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 41 с.
- Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 501–509.
- Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. № 4. С. 62–78.
- Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г.* Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // *Вопросы психологии*. 2020. № 4. С. 155–167.
- Мясоедов С.П., Борисова Л.Г.* Кросс-культурный менеджмент: учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд. М.: Юрайт, 2022. 314 с.
- Попова Ю.И., Фоменко Е.Н.* Динамика психологического благополучия и толерантности личности к неопределенности в период пандемии COVID-19 // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 12 (92). С. 198–203. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.29>
- Рикель А.М., Тарасова Л.В.* Феномен субъективного благополучия в психологии: классические и современные концепции исследования // *Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества: монография*. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 101–164.
- Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилова Т.В.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности // *Вопросы психологии*. 2016. № 4. С. 3–13.
- Соколова Е.Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 40. С. 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.560>
- Соколовский М.Л., Банщикова Т.Н.* Влияние аккультурационных установок иностранных студентов на восприятие ими вуза и собственного благополучия // *Евразийский союз ученых*. 2019. Т. 10. № 67. С. 36–38. <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.10.67.410>
- Солдатова Е.Л.* Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // *Вопросы психологии*. 2006. № 5. С. 74–84.
- Тихомирова М.А., Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.* Профессионально-личностные детерминанты психологического благополучия педагогов // *Образование и саморазвитие*. 2022. Т. 17. № 2. С. 188–202. <https://doi.org/10.26907/esd.17.2.15>
- Фомина Т.Г.* Взаимосвязь психологического благополучия и академической успеваемости младших подростков: медиаторная роль регуляторных характеристик // *Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкиной): сборник научных статей* / под ред. В.И. Моросановой, Ю.П. Зинченко. М.: Психологический институт РАО, 2021. С. 112–119. <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-112-119>
- Фомина Т.Г., Моросанова В.И.* Особенности взаимосвязи осознанной саморегуляции, субъективного благополучия и академической успеваемости у младших школьников // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 3. С. 164–175. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120313>
- Шамионов Р.М.* Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 4. С. 68–81.
- Шамионов Р.М., Бескова Т.В.* Методика диагностики субъективного благополучия личности // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11. № 60. С. 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>
- Шамионов Р.М., Султаниязова Н.Ж.* Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов //

- Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 1. С. 157–186. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.8>
- Шестова М.А.* Связи эмоциональной сферы и толерантности к неопределенности с продуктивными стратегиями принятия решений // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. Т. 18. № 3. С. 145–156. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10>
- Andronnikova O.O.* On the relationship between uncertainty tolerance and hardiness in adolescents // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14. No 3. Pp. 320–326. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>
- Beatty C.C., Ferry R.A., Nelson B.D.* Intolerance of uncertainty and psychophysiological reactivity in anticipation of unpredictable threat in youth // International Journal of Psychophysiology. 2022. Vol. 179. Pp. 110–118. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2022.06.017>
- Bokhan T.G., Galazhinsky E.V., Leontiev D.A., Rasskazova E.I., Terekhina O.V., Ulyanich A.L., Shabalovskaya M.V., Bogomaz S.A., Vidyakina T.A.* COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. No 2. Pp. 259–275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>
- Brunstein J.C.* Personal goals and subjective well-being: A longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. No 5. Pp. 1061–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.5.1061>
- Burani K., Brush C.J., Shields G.S., Klein D.N., Nelson B.D., Slavich G.M., Hajcak G.* Greater cumulative lifetime stressor exposure predicts blunted reward positivity in adolescent girls followed for 2 years // Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging. 2022. Vol. 7. No 10. Pp. 1017–1024. <https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2022.05.011>
- Coping with uncertainty: Youth in the Middle East and North Africa / ed. by J. Gertel, R. Hexel. London: Saqi Books, 2018. 390 p.
- Culture and well-being: the collected works of Ed Diener / ed. by E. Diener. Dordrecht: Springer, 2009. 300 p. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2352-0>
- Dejonckheere E., Mestdagh M., Houben M., Rutten I., Sels L., Kuppens P., Tuerlinckx F.* Complex affect dynamics add limited information to the prediction of psychological well-being // Nature Human Behaviour. 2019. Vol. 3. No 5. Pp. 478–491. <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0555-0>
- Diggle P.J., Gowers T., Kelly F., Lawrence N.* Decision-making with uncertainty // Significance. 2020. Vol. 17. No 6. Pp. 12–12. <https://doi.org/10.1111/1740-9713.01463>
- Esposito L., Theuerkauf U.G.* Economic well-being and self-placements on a Left-Right scale: evidence from undergraduate students in seven countries // Journal of Political Ideologies. 2021. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.1080/13569317.2021.2003974>
- Gestsdóttir S., Lerner R.M.* Intentional self-regulation and positive youth development in early adolescence: findings from the 4-h study of positive youth development // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43. No 2. Pp. 508–521. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.2.508>
- Gillham J., Adams-Deutsch Z., Werner J., Reivich K., Coulter-Heindl V., Linkins M., Winder B., Peterson C., Park N., Abenavoli R., Contero A., Seligman M.E.P.* Character strengths predict subjective well-being during adolescence // The Journal of Positive Psychology. 2011. Vol. 6. No 1. Pp. 31–44. <https://doi.org/10.1080/17439760.2010.536773>
- Grob A.* Adolescents' subjective well-being in fourteen cultural contexts // Adolescents, Cultures, and Conflicts / ed. by J.-E. Nurmi. New York: Routledge, 2020. Pp. 21–41. <https://doi.org/10.1201/9780203827734-3>
- Hermans H.J.M., Bartels R.* Tolerance of uncertainty: helpful or unhelpful? // Citizenship Education and the Personalization of Democracy. New York: Routledge, 2020. Pp. 41–51. <https://doi.org/10.4324/9781003031116>

- Huang Y., Zhao N. Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: a web-based cross-sectional survey // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 288. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112954>
- Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A.A. Would you be happier if you were richer? A focusing illusion // *Science*. 2006. Vol. 312. No 5782. Pp. 1908–1910. <https://doi.org/10.1126/science.1129688>
- Kansky J., Diener E. Science of well-Being: notable advances // *Positive Psychology: An International Perspective* / ed. A. Kostic, D. Chadee. Wiley Blackwell, 2021. Pp. 43–68.
- Kibalchenko I.A., Eksakusto T.V. Cognitive and style predictors of the students' psychological well-being // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 2020. Vol. 8. No 1. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2001001K>
- Klug H.J.P., Maier G.W. Linking goal progress and subjective well-being: a meta-analysis // *Journal of Happiness Studies*. 2015. Vol. 16. No 1. Pp. 37–65. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0>
- Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A. Tolerance and intolerance for uncertainty as predictors of decision making and risk acceptance in gaming strategies of the Iowa gambling task // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. Vol. 11. No 3. Pp. 86–95. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0306>
- Kushlev K., Radosic N., Diener E. Subjective well-being and prosociality around the globe: happy people give more of their time and money to others // *Social Psychological and Personality Science*. 2022. Vol. 13. No 4. Pp. 849–861. <https://doi.org/10.1177/19485506211043379>
- Lyubomirsky S. Why are some people happier than others? The role of cognitive and motivational processes in well-being // *American Psychologist*. 2001. Vol. 56. No 3. Pp. 239–249. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.56.3.239>
- Margolis S., Elder J., Hughes B., Lyubomirsky S. What are the most important predictors of subjective well-being? Insights from machine learning and linear regression approaches on the MIDUS Datasets // *PsyArXiv*. 2021. <https://doi.org/10.31234/osf.io/ugfjs>
- Margolis S., Stapley A.L., Lyubomirsky S. The association between Extraversion and well-being is limited to one facet // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. No 3. Pp. 478–484. <https://doi.org/10.1111/jopy.12504>
- Morosanova V.I., Fomina T.G., Bondarenko I.N. The dynamics of the interrelationships between conscious self-regulation, psychological well-being and school-related subjective well-being in adolescents: a three-year cross-lagged panel study // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. Vol. 14. No 3. Pp. 34–49. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0303>
- Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No 4. Pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Sels L., Tran A., Greenaway K.H., Verhofstadt L., Kalokerinos E.K. The social functions of positive emotions // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2021. Vol. 39. Pp. 41–45. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.12.009>
- Shi H., Zhao H., Ren Z., He M., Li Y., Pu Y., Li X., Wang S., Cui L., Zhao J., Liu H., Zhang X. Factors associated with subjective well-being of Chinese adolescents aged 10–15: Based on China family panel studies // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No 12. Pp. 6962. <https://doi.org/10.3390/ijerph19126962>
- Shin L.J., Armenta C.N., Kamble S.V., Chang S.-L., Wu H.-Y., Lyubomirsky S. Gratitude in collectivist and individualist cultures // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. Vol. 15. No 5. Pp. 598–604. <https://doi.org/10.1080/17439760.2020.1789699>

- Shin L.J., Layous K., Choi I., Na S., Lyubomirsky S.* Good for self or good for others? The well-being benefits of kindness in two cultures depend on how the kindness is framed // *The Journal of Positive Psychology*. 2019. Vol. 15. No 6. Pp. 795–805. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651894>
- Shin L.J., Lyubomirsky S.* Increasing well-being in independent and interdependent cultures // *Scientific advances in positive psychology* / ed. by M.A. Warren, S.I. Donaldson. Santa Barbara: Praeger, 2017. Pp. 11–36.
- Sorrentino R.M., Nezlek J.B., Yasunaga S., Kouhara S., Otsubo Y., Shuper P.* Uncertainty orientation and affective experiences: Individual differences within and across cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008. Vol. 39. No 2. Pp. 129–146. <https://doi.org/10.1177/0022022107312586>
- Tian L., Yu T., Huebner E.S.* Achievement goal orientations and adolescents' subjective well-being in school: the mediating roles of academic social comparison directions // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 37. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00037>
- Tov W., Nai Z.L.S.* Cultural differences in subjective well-being: how and why // *Subjective well-being and life satisfaction* / ed. by J.E. Maddux. New York: Routledge, 2017. Pp. 50–73. <https://doi.org/10.4324/9781351231879-3>
- Vadivel B., Azadfar Z., Talib M.A., Mutlak D.A., Suksatan W., Abbood A.A.A., Sultan M.Q., Al-len K.A., Patra I., Hammid A.T., Abdollahi A., Chupradit S.* Intolerance of Uncertainty Scale-12: psychometric properties of this construct among Iranian undergraduate students // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.894316>

История статьи:

Поступила в редакцию 19 сентября 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Баницкова Т.Н., Соколовский М.Л., Коростелева Т.В. Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 4. С. 717–743. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743>

Сведения об авторах:

Баницкова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, руководитель Научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития, факультет психологии и педагогики, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия). ORCID: 0000-0002-6694-6419, Scopus ID: 57205122147, Researcher ID: L-5997-2017, eLIBRARY SPIN-код: 3432-4381. E-mail: sevkav@mail.ru

Соколовский Максим Леонидович, ведущий научный сотрудник, Научно-образовательный центр психологического сопровождения личностно-профессионального развития, факультет психологии и педагогики, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Россия). ORCID: 0000-0003-2524-2500, Scopus ID: 57219340708, Researcher ID: L-5224-2018, eLIBRARY SPIN-код: 5029-0254. E-mail: msokolovskii@ncfu.ru

Коростелева Татьяна Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Государственный университет управления (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-2907-9202, eLIBRARY SPIN-код: 3253-1128. E-mail: atlastv@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743

UDC 159.923

Research article

Self-regulation and Tolerance for Uncertainty as Resources for the Subjective Well-being of Modern Youth: A Cross-cultural Aspect

Tatiana N. Banshchikova¹, Maksim L. Sokolovskii¹,
Tatiana V. Korosteleva²

¹North Caucasus Federal University,
1 Pushkina St, Stavropol, 355017 Russian Federation

²The State University of Management,
99 Ryazanskii Prospekt, bldg 1, Moscow, 109542; Russian Federation

 sevkv@mail.ru

Abstract. The study of the socio-cultural specifics of subjective well-being, its determinants and resources are an important task of modern psychology. The authors present the results of an empirical study, the purpose of which is to identify the features of the relationship between conscious self-regulation and tolerance for uncertainty and subjective well-being in young people of different ethnic groups. The study involved 1435 respondents aged 18–35 from five regions of Russia (Karachay-Cherkess Republic, Kabardino-Balkarian Republic, Republic of North Ossetia – Alania, Stavropol Territory, Moscow and the Moscow Region), belonging to the dominant ethnic groups in them. The design of the empirical study included an assessment of differences in indicators of subjective well-being, tolerance or intolerance for uncertainty and conscious self-regulation among various representatives of ethnocultural groups, as well as an analysis of the relationship between these indicators, in particular, using structural modeling. The results obtained confirm the influence of the cultural context of income on the level of subjective well-being. Less prosperous, as they consider themselves, are young people from ethnic groups where the socio-economic situation of the region does not provide opportunities for self-realization of the individual. The study has revealed two types of regulatory profiles: (1) a profile with a harmonious structure with a relatively pronounced general level of self-regulation, which is observed among the Russian respondents from Moscow and the Moscow region; and (2) a relatively accentuated profile, characteristic of Karachays, Circassians, Ossetians, and Russians (from the Stavropol Territory), expressed in the desire for a clear programming of their actions, their compliance with certain norms. It has been established that young people from the southern republics are less tolerant of uncertainty: they tend to solve problems in a situation of uncertainty in a ‘ready-made’ algorithm determined by traditions. Finally, the authors reveal the structure of relationships between the predictors of subjective well-being, which are presented in the form of models. The central place in these models belongs to conscious self-regulation and its basic cognitive-regulatory processes and personal-regulatory properties, which, both directly and indirectly, due to the mediator role of tolerance or intolerance for uncertainty, affect the subjective well-being of young people. The results of the study contribute to a deeper understanding of the ethno-regional specificity of the predictors of the subjective well-being of today’s youth and can serve as a basis for assisting in constructing interaction with representatives of other cultures and developing strategies for actively overcoming difficulties in a situation of uncertainty.

Key words: subjective well-being, conscious self-regulation, youth, tolerance for uncertainty, intolerance for uncertainty, resources

Acknowledgements and Funding. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) as part of the scientific project No. 22-28-00975 “Regulatory-personal resources of the subjective well-being of young people in conditions of uncertainty”.

References

- Andronnikova, O.O. (2021). On the relationship between uncertainty tolerance and hardiness in adolescents. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(3), 320–326. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0723>
- Banshchikova, T.N., & Shiryaeva, I.S. (2019). Cross-cultural features of self-regulation and related behavior as a conscious process of overcoming difficult life situations. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, (5), 136–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.37493/2307-907X-2019-74-5-136-145>
- Beatty, C.C., Ferry, R.A., & Nelson, B.D. (2022). Intolerance of uncertainty and psychophysiological reactivity in anticipation of unpredictable threat in youth. *International Journal of Psychophysiology*, 179, 110–118. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2022.06.017>
- Belousova, A.K., Samarskaya, A.V., & Kryazhkova, E.V. (2021). The relationship between tolerance for uncertainty and creativity among high school students with a critical style of thinking. *Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 18(2), 5–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.2.1>
- Bocharova, E.E. (2011). The structural organization of self-control depending on a level of subjective well-being of the person. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 11(1), 64–69. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2015). Correlations between the person's subjective well-being and ethno and cultural characteristics of contacting ethnic groups. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, (8), 185–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-15>
- Bocharova, E.E. (2020). Interrelation between discriminatory attitudes and characteristics of life satisfaction, happiness in young people. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 9(2), 162–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-162-169>
- Bokhan, T.G., Galazhinsky, E.V., Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I., Terekhina, O.V., Ulyanich, A.L., Shabalovskaya, M.V., Bogomaz, S.A., & Vidyakina, T.A. (2021). COVID-19 and subjective well-being: Perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(2), 259–275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>
- Brunstein, J.C. (1993). Personal goals and subjective well-being: A longitudinal study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(5), 1061–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.5.1061>
- Burani, K., Brush, C.J., Shields, G.S., Klein, D.N., Nelson, B.D., Slavich, G.M., & Hajcak, G. (2022). Greater cumulative lifetime stressor exposure predicts blunted reward positivity in adolescent girls followed for 2 years. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 7(10), 1017–1024. <https://doi.org/10.1016/j.bpsc.2022.05.011>
- Dejonckheere, E., Mestdagh, M., Houben, M., Rutten, I., Sels, L., Kuppens, P., & Tuerlinckx, F. (2019). Complex affect dynamics add limited information to the prediction of psychological well-being. *Nature Human Behaviour*, 3(5), 478–491. <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0555-0>
- Diener, E. (Ed.). (2009). *Culture and well-being: The collected works of Ed Diener*. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2352-0>
- Diggle, P.J., Gowers, T., Kelly, F., & Lawrence, N. (2020). Decision-making with uncertainty. *Significance*, 17(6), 12–12. <https://doi.org/10.1111/1740-9713.01463>

- Esposito, L., & Theuerkauf, U.G. (2021). Economic well-being and self-placements on a Left-Right scale: Evidence from undergraduate students in seven countries. *Journal of Political Ideologies*, 1–23. <https://doi.org/10.1080/13569317.2021.2003974>
- Fomina, T.G. (2021). Relationship between psychological well-being and academic performance in early adolescents: Mediating role of regulatory characteristics. *Psychology of Self-Regulation in the Context of Actual Tasks of Education (on the 90th Anniversary of the Birth of O.A. Konopkin): Conference Proceedings* (pp. 112–119). Moscow: Psychological Institute RAE. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/cl-36466-2021-1-112-119>
- Fomina, T.G., & Morosanova, V.I. (2019). Specifics of relationship between conscious self-regulation, subjective well-being, and academic achievement of primary schoolchildren. *Experimental Psychology (Russia)*, 12(3), 164–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120313>
- Gertel, J., & Hexel, R. (Eds.). (2018). *Coping with uncertainty: Youth in the Middle East and North Africa*. London: Saqi Books.
- Gestsdóttir, S., & Lerner, R.M. (2007). Intentional self-regulation and positive youth development in early adolescence: Findings from the 4-h study of positive youth development. *Developmental Psychology*, 43(2), 508–521. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.2.508>
- Gillham, J., Adams-Deutsch, Z., Werner, J., Reivich, K., Coulter-Heindl, V., Linkins, M., Winder, B., Peterson, C., Park, N., Abenavoli, R., Contero, A., & Seligman, M.E.P. (2011). Character strengths predict subjective well-being during adolescence. *The Journal of Positive Psychology*, 6(1), 31–44. <https://doi.org/10.1080/17439760.2010.536773>
- Gordeeva, T.O., Osin, E.N., Suchkov, D.D., Ivanova, T.Y., Sychev, O.A., & Bobrov, V.V. (2016). Self-control as a personality resource: Assessment and associations with performance, persistence and well-being. *Cultural-Historical Psychology*, 12(2), 46–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2016120205>
- Grigorieva, M.V. (2018). The needs-based and motivational factors in personality's social activity in different contexts of socialization. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, (11), 35–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2018.11.6>
- Grob, A. (2020). Adolescents' subjective well-being in fourteen cultural contexts. In J.-E. Nurmi (Ed.), *Adolescents, Cultures, and Conflicts* (pp. 21–41). New York: Routledge. <https://doi.org/10.1201/9780203827734-3>
- Hermans, H.J.M., & Bartels, R. (2020). Tolerance of uncertainty: Helpful or unhelpful? *Citizenship Education and the Personalization of Democracy* (pp. 41–51). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003031116>
- Huang, Y., & Zhao, N. (2020). Generalized anxiety disorder, depressive symptoms and sleep quality during COVID-19 outbreak in China: A web-based cross-sectional survey. *Psychiatry Research*, 288, 112954. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112954>
- Kahneman, D., Krueger, A.B., Schkade, D., Schwarz, N., & Stone, A.A. (2006). Would you be happier if you were richer? A focusing illusion. *Science*, 312(5782), 1908–1910. <https://doi.org/10.1126/science.1129688>
- Kansky, J., & Diener, E. (2021). Science of well-being: Notable advances. In A. Kostic & D. Chadee (Eds.), *Positive Psychology: An International Perspective* (pp. 43–68). Wiley Blackwell.
- Kibalchenko, A.I., & Eksakusto, V.T. (2020). Cognitive and style predictors of the students' psychological well-being. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 8(1), 1–13. <https://doi.org/10.5937/IJCRSEE2001001K>
- Klug, H.J.P., & Maier, G.W. (2015). Linking goal progress and subjective well-being: A meta-analysis. *Journal of Happiness Studies*, 16(1), 37–65. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9493-0>
- Kornilova, T.V., & Chumakova, M.A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 7(1), 92–110. (In Russ.)

- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., & Kornilov, S.A. (2018). Tolerance and intolerance for uncertainty as predictors of decision making and risk acceptance in gaming strategies of the Iowa gambling task. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(3), 86–95. <https://doi.org/10.11621/pir.2018.0306>
- Korosteleva, T.V. (2020). *Personal resources in managing the quality of life of young people: Strategies, tools, measurements*. St. Petersburg: Naukoemkie Tekhnologii Publ. (In Russ.)
- Kushlev, K., Radosic, N., & Diener, E. (2022). Subjective well-being and prosociality around the globe: Happy people give more of their time and money to others. *Social Psychological and Personality Science*, 13(4), 849–861. <https://doi.org/10.1177/19485506211043379>
- Leontiev, D.A. (2020a). Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 41(6), 86–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920012592-7>
- Leontiev, D.A. (2020b). Happiness and well-being: Toward the construction of the conceptual field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 14–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Leontiev, D.A., & Suchkov, D.D. (2015). Setting and achieving goals as a factor of psychological well-being. *Psychological Studies*, 8(44), 1. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v8i44.503>
- Lyubomirsky, S. (2001). Why are some people happier than others? The role of cognitive and motivational processes in well-being. *American Psychologist*, 56(3), 239–249. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.56.3.239>
- Makhnach, A.V., Laktionova, A.I., & Postylyakova, Yu.V. (2022). Resilience of student youth in Russia under uncertainty. *The Education and Science Journal*, 24(5), 90–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-90-121>
- Margolis, S., Elder, J., Hughes, B., & Lyubomirsky, S. (2021, November 11). *What are the most important predictors of subjective well-Being? Insights from machine learning and linear regression approaches on the MIDUS Datasets*. PsyArXiv. <https://doi.org/10.31234/osf.io/ugfjs>
- Margolis, S., Stapley, A.L., & Lyubomirsky, S. (2020). The association between extraversion and well-being is limited to one facet. *Journal of Personality*, 88(3), 478–484. <https://doi.org/10.1111/jopy.12504>
- Morosanova, V.I. (2004). *Questionnaire “Style of self-regulation of behavior” (SSBM): Manual*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.)
- Morosanova, V.I. (2014). Conscious self-regulation of a person’s voluntary activity as a psychological resource for achieving goals. *Theoretical and Experimental Psychology*, 7(4), 62–78. (In Russ.)
- Morosanova, V.I. (2017). Conscious self-regulation as a meta-system of psychological resources in goal achievement and self-development. In A.L. Zhuravlev & V.A. Koltsova (Eds.). *Fundamental and Applied Research in Modern Psychology: Results and Development Prospects* (pp. 501–509). Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Morosanova, V.I., & Kondratyuk, N.G. (2020). V.I. Morosanova’s “Self-regulation profile questionnaire – SRPQM 2020”. *Voprosy Psichologii*, (4), 155–167. (In Russ.)
- Morosanova, V.I., Fomina, T.G., & Bondarenko, I.N. (2021). The dynamics of the interrelationships between conscious self-regulation, psychological well-being and school-related subjective well-being in adolescents: A three-year cross-lagged panel study. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 34–49. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0303>
- Myasoedov, S.P., & Borisova, L.G. (2022). *Cross-cultural management* (3rd ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Popova, Yu.I., & Fomenko, E.N. (2021). Dynamics of psychological well-being and personality tolerance for uncertainty during the COVID-19 pandemic. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, (12), 198–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.29>
- Rikel, A.M., & Tarasova, L.V. (2018). The phenomenon of subjective well-being in psychology: Classical and modern research concepts. *Trust and Subjective Well-Being as*

- the Basis of the Psychological Security of Modern Society* (pp. 101–164). Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities. (In Russ.)
- Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Sels, L., Tran, A., Greenaway, K.H., Verhofstadt, L., & Kalokerinos, E.K. (2021). The social functions of positive emotions. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 39, 41–45. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.12.009>
- Shamionov, R.M. (2014). Ethno-cultural factors of person's subjective well-being. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(4), 68–81. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., & Beskova, T.V. (2018). Methods of diagnostics of subjective well-being of the person. *Psychological Studies*, 11(60), 8. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>
- Shamionov, R.M., & Sultaniyazova, N.Zh. (2018). Values and attitudes to ethnic culture and traditions as predictors of subjective well-being among Russians and Kazakhs. *Russian Psychological Journal*, 15(1), 157–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.1.8>
- Shestova, M.A. (2021). Relationship between emotional sphere, tolerance of uncertainty and productive decision-making strategies. *Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 18(3), 145–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.10>
- Shi, H., Zhao, H., Ren, Z., He, M., Li, Y., Pu, Y., Li, X., Wang, S., Cui, L., Zhao, J., Liu, H., & Zhang, X. (2022). Factors associated with subjective well-being of Chinese adolescents aged 10–15: Based on China family panel studies. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(12), 6962. <https://doi.org/10.3390/ijerph19126962>
- Shin, L.J., & Lyubomirsky, S. (2017). Increasing well-being in independent and interdependent cultures. In M.A. Warren & S.I. Donaldson (Eds.), *Scientific Advances in Positive Psychology* (pp. 11–36). Santa Barbara: Praeger.
- Shin, L.J., Armenta, C.N., Kamble, S.V., Chang, S.-L., Wu, H.-Y., & Lyubomirsky, S. (2020). Gratitude in collectivist and individualist cultures. *The Journal of Positive Psychology*, 15(5), 598–604. <https://doi.org/10.1080/17439760.2020.1789699>
- Shin, L.J., Layous, K., Choi, I., Na, S., & Lyubomirsky, S. (2019). Good for self or good for others? The well-being benefits of kindness in two cultures depend on how the kindness is framed. *The Journal of Positive Psychology*, 15(6), 795–805. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1651894>
- Smirnov, S.D., Chumakova, M.A., & Kornilova, T.V. (2016). The world image in dynamic control of uncertainty. *Voprosy Psichologii*, (4), 3–13. (In Russ.)
- Sokolova, E.T. (2015). Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty and ambiguity: Clinical approach. *Psychological Studies*, 8(40), 5. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.560>
- Sokolovskij, M.L., & Banshikova, T.N. (2019). Influence of acculturating installations of foreign students on the perception of the university and its own well-being. *Eurasian Union of Scientists*, 10(67), 36–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.10.67.410>
- Soldatova, E.L. (2006). Ego-identity in normal developmental crises. *Voprosy Psichologii*, (5), 74–84. (In Russ.)
- Sorrentino, R.M., Nezlek, J.B., Yasunaga, S., Kouhara, S., Otsubo, Y., & Shuper, P. (2008). Uncertainty orientation and affective experiences: Individual differences within and across cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 39(2), 129–146. <https://doi.org/10.1177/0022022107312586>
- Tian, L., Yu, T., & Huebner, E.S. (2017). Achievement goal orientations and adolescents' subjective well-being in school: The mediating roles of academic social comparison directions. *Frontiers in Psychology*, 8, 37. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00037>

- Tikhomirova, M.A., Bordovskaia, N.V., & Koshkina, E.A. (2022). Psychological well-being of teachers. *Education and Self Development*, 17(2), 188–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/esd.17.2.15>
- Tov, W., & Nai, Z.L.S. (2017). Cultural differences in subjective well-being: How and why. In J.E. Maddux (Ed.), *Subjective Well-Being and Life Satisfaction* (pp. 50–73). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351231879-3>
- Vadivel, B., Azadfar, Z., Talib, M.A., Mutlak, D.A., Suksatan, W., Abbood, A.A.A., Sultan, M.Q., Allen, K.A., Patra, I., Hammid, A.T., Abdollahi, A., & Chupradit, S. (2022). Intolerance of Uncertainty Scale-12: Psychometric properties of this construct among Iranian undergraduate students. *Frontiers in Psychology*, 13, 894316. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.894316>
- Votintseva, T.S., & Petrenko, V.R. (2016). The interdependence of the level of tolerance for uncertainty and personal psychological well-being. *Pedagogika i Psikhologiya Obrazovaniya*, (4), 145–149. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., & Yurevich, A.V. (2014). Collective meanings as a premise for personal happiness. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(1), 5–15. (In Russ.)

Article history:

Received 19 September 2022

Revised 20 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Banshchikova, T.N., Sokolovskii, M.L., & Korosteleva, T.V. (2022). Self-regulation and tolerance for uncertainty as resources for the subjective well-being of modern youth: A cross-cultural aspect. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 717–743. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743>

Bio notes:

Tatiana N. Banshchikova, PhD in Psychology, Associate Professor, is Head of Scientific and Educational Center for Psychological Support of Personal and Professional Development, Faculty of Psychology and Pedagogy, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). ORCID: 0000-0002-6694-6419, Scopus ID: 57205122147, Researcher ID: L-5997-2017, eLIBRARY SPIN-code: 3432-4381. E-mail: sevkv@mail.ru.

Maksim L. Sokolovskii, PhD in Psychology, is Leading Research Fellow, Scientific and Educational Center for Psychological Support of Personal and Professional Development, Faculty of Psychology and Pedagogy, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). ORCID: 0000-0003-2524-2500, Scopus ID: 57219340708, Researcher ID: L-5224-2018, eLIBRARY SPIN-code: 5029-0254. E-mail: msokolovskii@ncfu.ru

Tatiana V. Korosteleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, State University of Management (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-2907-9202, eLIBRARY SPIN-code: 3253-1128. E-mail: atlastv@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-744-764

УДК 159.9.072

Исследовательская статья

Взаимосвязь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками и субъективным благополучием

Г.В. Ожиганова

Институт психологии Российской академии наук,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

 symposium2016@ Rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с конструктами «духовность личности», «альтруизм», «субъективное благополучие». Приводятся и анализируются результаты двух эмпирических исследований взаимосвязи духовно-нравственных качеств: 1) с альтруистическими установками; 2) с субъективным благополучием. Всего в исследованиях приняли участие 262 студента из Уфы. В исследовании 1 – 141 человек (56 % – мужского пола) в возрасте 18–24 лет ($M = 19,86$; $SD = 1,579$). В исследовании 2 – 121 человек (26 % – мужского пола) в возрасте 18–22 лет ($M = 19,29$; $SD = 0,961$). Использовались: опросник «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса в русскоязычной адаптации Г.В. Ожигановой; методика измерения альтруистических установок М.И. Ясина; шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и шкала субъективного счастья С. Любомирски (обе методики адаптированы в России Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым). Исследование 1 направлено на выявление связи показателей духовно-нравственных качеств личности и альтруистических установок. Цель исследования 2 – выяснить существует ли связь показателей духовно-нравственных качеств личности с субъективным благополучием. Задачи: установить сопряженность показателей духовно-нравственных качеств личности с альтруистическими установками и субъективным благополучием; выявить связь различных показателей духовно-нравственных качеств с показателями субъективного благополучия. Результаты исследования 1 показали наличие значимой положительной связи духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками. В исследовании 2 выявлена значимая положительная связь показателей духовно-нравственных качеств с субъективным благополучием, а также с альтруистическими установками.

Ключевые слова: духовность, духовно-нравственные качества, альтруизм, альтруистические установки, психологическое благополучие, субъективное благополучие

Введение

В настоящее время в социуме, приоритетно ориентированном на материальное благополучие и потребление, особо остро ставится проблема дефицита духовных проявлений, высокой нравственности, человечности, бес-

корыстной помощи людям. Подчеркнем, что без духовной составляющей невозможно полноценное существование и развитие общества, кроме того, психологическое благополучие отдельного человека во многом определяется его духовно-нравственной ориентацией (Гостев, Борисова, 2012; Ильин, 1996). В этой связи в научной психологической среде повышается востребованность изучения духовной сферы личности и ее субъективного благополучия, выраженности духовно-нравственных качеств, стремления к проявлению альтруистического поведения.

Проведенные ранее психологические исследования духовности и альтруизма свидетельствуют о том, что между этими конструктами существует связь (Koenig et al., 2007; Huber, MacDonald, 2012; Saroglou, 2013; Bennett, Einolf, 2017), но их сложность и многомерность (например: существование как религиозной, так и нерелигиозной духовности, которые могут выступать в качестве важнейшего психологического ресурса (Arrey et al., 2016; Fry, 2000; King, and Boyatzis, 2015; Villani, 2019; Ozhiganova, 2021a); выделение и описание разных типов альтруизма – подлинный/неподлинный, а также таких его видов, как протоальтруизм, генеративный альтруизм, конфликтный альтруизм, псевдоальтруизм и психотический альтруизм (Seelig, Rosof, 2009); альтернативный альтруизм (Поддяков, 2007), установленные возрастные (Sparrow, 2021), гендерные (Knutsson et al. 2019) и прочие различия в выраженности духовности и альтруизма, их зависимость от разных факторов, заставляют углублять изучение особенностей их проявления, сопряженности и влияния друг на друга.

Рассмотрим подробнее используемые нами понятия духовности и альтруизма. Духовность в психологической науке рассматривается и исследуется в двух ипостасях: как религиозная и как секулярная. А. Эррей с соавт. пишет, что духовность и религия часто используются взаимозаменяемо, но это разные понятия. Некоторые авторы утверждают, что духовность связана с личным поиском смысла жизни, в то время как религия имеет отношение к организованному социальному институту, включающему ритуалы и практики, сосредоточенные на высшей силе или Боге (Arrey et al., 2016). В рамках изучения духовности рассматриваются разные ее аспекты и составляющие: духовные ценности, духовные познания, духовные способности, духовный опыт, духовные переживания, духовно-нравственная ориентация; в том числе исследуются и духовно-нравственные качества и др.

Духовно-нравственные качества определяются нами «как устойчивые свойства личности, которые связаны с высокоморальным отношением к людям и миру в целом, отражая ориентацию на высшие ценности» (Ожиганова, 2021, с. 855). В составе духовно-нравственных качеств выделяются такие качества, как доброта, великодушие, духовная сила, милосердие, сострадание, прощение, смирение, честность, чистота мыслей и поступков и др., что позволяет отнести их не просто к нравственной, но и духовной сфере личности. Согласно нашему мнению, эти качества имеют отношение к моральному компоненту психологической модели духовной личности, включающей моральный, ментальный и трансцендентный компоненты. «Моральный компонент связан с духовно-нравственной и ценностно-смысловой основой лю-

бых человеческих проявлений; ментальный компонент – с глубоким процессом осознания, самосознания, рефлексии, саморегуляции, самосовершенствования; а также с мудростью и творчеством; трансцендентный компонент понимается как выход за пределы „Я“ в служении людям и обществу в целом» (Ожиганова. *Духовная личность...*, 2020а, с. 195–196).

Изучение духовно-нравственных качеств свидетельствует о том, что они положительно коррелируют с религиозностью (Anas et al., 2015); связаны с мудростью (Мехтиханова, 2020); эмпатией (Ожиганова, 2020б) и смысловыми ориентациями (Ожиганова, 2021). Проведенные исследования показывают взаимосвязь духовно-нравственных качеств со многими положительными характеристиками личности, но сопоставление с таким конструктом, как альтруизм, до сих пор не проводилось, что и побудило нас обратиться к изучению возможности установления этой связи.

Исследование такого аспекта духовности, как духовно-нравственные качества в соотношении с альтруизмом, операционализированным как альтруистические установки, представляет собой новый ракурс в рассмотрении сопряженности духовности и альтруизма, потому что включаются в изучение ранее не использованные для сопоставления конструкты: духовно-нравственные качества и альтруистические установки.

При операционализации понятия «альтруизм», как правило, применяются три подхода: поведенческий, мотивационный, диспозиционный. Исследование альтруизма сквозь призму альтруистических установок имеет отношение к мотивационному подходу. Согласно М.И. Ясину: «Мотивационная операционализация ставит задачей определить намерение действовать на благо другого» (Ясин, 2020, с. 79). Он рассматривает альтруизм «как вид мотивационного состояния, конечной целью которого является улучшение состояния другого» и отмечает, что «определяя уровень установок на альтруистическое поведение, мы прогнозируем вероятность альтруистических действий со стороны человека» (Ясин, 2020, с. 79). Установка как готовность к действию задает вектор, по которому с наибольшей вероятностью будет развиваться поведение в ситуациях, где человеку предоставляется возможность выбора способа реагирования (Андреев, 2007).

Рассмотрим подробнее понятие альтруизма. Исследователи полагают, что альтруизм имеет отношение к справедливости, солидарности и др. (Engel, 2011), сотрудничеству (Pessôa et al., 2015), моральной интуиции (Haidt, Kesebir, 2010; Hamlin, 2013), эмпатии (Batson et al., 2015; Cameron et al., 2017), переживанию счастья (Dunn et al., 2014); поведению, затрагивающему совместное использование, моральное чувство, справедливость, сострадание (Büssing et al., 2013); может быть связан с совокупностью проявления таких черт, как доброжелательность, эмоциональность и честность (Hilbig et al., 2015).

Альтруизм определяется как «поведение, которое внутренне мотивировано интериоризированными ценностями, целями и самовознаграждением, и не связано с ожиданием конкретного или социального вознаграждения или желанием избежать наказания или санкций» (Eisenberg et al., 1999, p. 1360). Согласно К. Бэтсону, альтруизм имеет отношение к поведению, характеризующемуся такими проявлениями, как оказание помощи и эмоциональной

поддержки, сотрудничество, участие в общественно значимой деятельности, волонтерство, благотворительность, способность поделиться значимым ресурсом (Watson, 2014). Он рассматривается как поведение, направленное на бескорыстную помощь людям (Moura et al., 2020). Альтруизм ведет к непосредственному общению с людьми, которые нуждаются в поддержке, и последующим рефлексивным намерениям, а также конкретным действиям по оказанию помощи; предполагает «рассмотрение конкретных способов облегчения страданий и улучшения бедственного положения людей, эмпатическое отношение к нуждам других; включает предоставление денег» (Büssing et al., 2013, p. 347).

Важно отметить, что трактовка альтруизма не является однозначной. С одной стороны утверждается, что альтруистические действия все же совершаются ради будущей выгоды, с другой – считается, что люди в действительности склонны к искреннему проявлению альтруизма, даже в случае, когда какое-либо альтруистическое устремление подавляется (Andreoni et al., 2017). Можно говорить, как это ни парадоксально звучит, об альтруизме корыстном (ненастоящем) и подлинном бескорыстном альтруизме.

К первому относятся, например реципрокный альтруизм, предполагающий оказание помощи другим людям из расчета ожидания ответной услуги. Таким образом, оказывая друг другу поддержку, обе стороны получают выгоду, удовлетворяют личный (корыстный) интерес (Trivers, 1971). Сюда же можно причислить репутационный альтруизм. Для многих оказывает привлекательной и социально-одобряемая польза от проявления альтруизма (приводящая часто в дальнейшем и к материальной выгоде), например, благотворительность, укрепляющая репутацию и известность дарителей, имена, которых «высекаются на камне» (Haidt, Kesebir, 2010).

Во втором случае речь идет о наличии чистого, подлинного альтруизма, исключающего очевидную или скрытую возможность его эгоистической первопричины. В этой связи важнейшую роль играет конструкт альтруистической мотивации, раскрываемый в работе (Bar-Tal, 1986), описание специфики которого воспроизводится Т.В. Казанцевой так: это – «понятие альтруистической мотивации, при которой поведение должно отвечать строгим критериям: а) должно приносить пользу другому человеку; б) должно осуществляться добровольно (не в результате угроз или подчинения); в) намеренно; г) при этом польза должна быть самоцелью (а не быть услугой за услугу); д) должно осуществляться без ожидания каких-либо внешних вознаграждений (допустимы удовлетворенность и рост самооценки, которые являются подкреплением альтруистического поведения)» (Казанцева, 2016).

В нашем эмпирическом исследовании речь идет о подлинном альтруизме, который понимается как стремление приносить пользу другим, не ожидая вознаграждения.

Рассмотрим, как могут быть связаны духовность и альтруизм.

В исследовании Л. Кениг с коллегами (Koenig et al., 2007) было показано, что религиозная духовность отрицательно коррелирует с антиобщественным поведением и положительно коррелирует с альтруистическим поведением.

Исследование отношений между альтруизмом, эмпатией и духовностью на выборке из 186 студентов университета, проведенное Д.Т. Хюбером и Д.А. Макдональдом показало, что альтруизм был наиболее тесно связан с духовным опытом, за которым следовали духовные познания. Результаты регрессионного анализа свидетельствовали о том, что нерелигиозные духовные познания и духовные переживания являются наиболее мощными предикторами как эмпатии, так и альтруизма. Исходя из полученных результатов, ведущих к мысли, что духовность может предсказывать альтруизм и эмпатию, был проведен анализ пути на основе разработанной модели, в которой отражалось, что духовный опыт оказывает прямое влияние на альтруизм, а духовное познание оказывает косвенное влияние на альтруизм через эмпатию. Проверка этой модели показала, что она демонстрирует удовлетворительное соответствие (Huber, MacDonald, 2012).

В исследовании, проведенном в 10 странах на выборке из 6722 человек, выяснялось, является ли выраженность религиозности/духовности и показателей аффективного морального суждения у студентов – мусульман и не мусульман – предиктором их генеративного (подлинного) альтруизма. Результаты исследования показали, что уровень генеративного альтруизма у студентов-мусульман был статистически значимо выше, чем у их сверстников-немусульман. Был получен интересный результат: аффективные моральные суждения являются более сильным предиктором генеративного альтруизма как у студентов-мусульман, так и у студентов-не мусульман, чем религиозность/духовность (Özkan, 2021). Таким образом, установлена важная роль не только духовно-религиозного фактора, но и нравственного ориентира в альтруистическом поведении.

Эти исследования разных проявлений духовности (религиозной/нерелигиозной и ее составляющих: духовный опыт, нерелигиозные духовные познания, духовные переживания аффективные моральные суждения) показывают, что они могут выступать предикторами альтруизма. Возникает вопрос, будет ли такой аспект духовности, как духовно-нравственные качества, имеющие отношение к нерелигиозной духовности, также демонстрировать связь с альтруизмом. Необходимость поиска ответа на этот вопрос возникают также вследствие сложности изучаемых конструктов духовности и альтруизма, их многогранности, многоаспектности проявления и неоднозначности полученных данных об их сопряженности. Несмотря на существование данных о наличии связи духовности и альтруизма, исследования В. Сароглу с коллегами (Saroglou et al., 2005) показывают, что она не является непреложной. Показано, что религиозная духовность у студентов была положительно связана с желанием помогать знакомым и родственникам, но не связана с желанием помогать незнакомым людям в той же ситуации.

Вышеописанное разнообразие и неоднозначность результатов изучения связи духовности (ее различных аспектов и проявлений) с альтруизмом (его разными типами и видами) побуждает продолжить исследования и обратиться к решению проблемы сопряженности духовно-нравственных качеств (операционализация конструкта «духовность») и альтруистических установок (операционализация конструкта «альтруизм»). Это обусловило *необхо-*

димось проведения исследования 1, цель которого – выявить связь показателей духовно-нравственных качеств личности и альтруистических установок. **Гипотеза:** существует положительная связь между уровнем выраженности духовно-нравственных качеств личности и альтруистическими установками. Необходимо отметить, что духовно-нравственные качества, предполагающие ориентацию на благо других, по нашему мнению, могут способствовать благополучию личности.

Второе исследование, в котором также рассматривается связь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками, посвящено, главным образом, изучению субъективного благополучия личности в зависимости от выраженности духовно-нравственных качеств.

Мы исходим из того, что «можно определить субъективное благополучие как генерализованную квантифицируемую оценку самим субъектом того, насколько его жизнь в целом близка к максимально желательному состоянию. Именно парадигма субъективного оценивания, на которую он опирается, отличает конструкт субъективного благополучия от близких и часто смешиваемых с ним конструктов – «психологического благополучия», представляющего собой оценку выраженности личностных предикторов счастья (Ryff, Keyes, 1995; Леонтьев, 2011), и качества жизни, представляющего собой объективную оценку благоприятности внешних условий жизни для благополучия (Леонтьев, 2020). Сторонний наблюдатель не в состоянии оценить счастье другого, как не могут помочь оценить его и никакие объективные достоинства и блага, имеющиеся у человека» (Осин, Леонтьев, с. 119–120).

Роль духовного фактора в психологическом благополучии человека является мало исследованной областью в отечественной психологии, но связь духовности (религиозной и нерелигиозной) с разными видами благополучия (включая психологическое, субъективное и пр.) подробно изучалась за рубежом. Обратимся к исследованиям, которые проведены не так давно.

В исследовании А. Божек, П.Ф. Новака, М. Блукача установлена связь психологического благополучия и духовности, включающей как религиозную составляющую, так и секулярную (три шкалы: 1) религиозные взгляды; 2) моральные принципы; 3) состояние гармонии) (Vožek et al., 2020).

Другое исследование, проведенное Д. Вилани с колл., было направлено на изучение взаимосвязи духовности и религиозности с субъективным благополучием, последнее понимается как удовлетворенность жизнью и баланс между положительными и отрицательными эмоциями. Ставилась также задача – выяснить, существуют ли различия в зависимости от религиозного статуса людей (использовалась градация: религиозный, нерелигиозный и неопределенный). Данные были собраны у 267 итальянцев в возрасте от 18 до 77 лет ($M = 36,68$; $SD = 15,13$), респонденты женского пола (59,9 %). Конструкт «духовность» был операционализирован как «Цель», «Внутренний духовный мир», «Объединение» и «Трансцендентность». Конструкт «религиозность» был представлен как три измерения религиозной идентичности: 1) приверженность религии; 2) углубленное погружение в религию; 3) пересмотр религиозной приверженности. Результаты исследования свидетельствовали о том, что духовность оказывает положительное влияние на субъек-

активное благополучие (за исключением компонента «Объединение») и что эти результаты не зависят от религиозного статуса человека. Религиозность была проверена только на двух группах, имеющих статус: 1) религиозных; 2) неопределенных. Было показано, что связь между религиозностью и субъективным благополучием меняется в зависимости от религиозного статуса. В частности, основное отличие, которое было выявлено, заключалось в том, что приверженность религиозной идентичности положительно предсказывала удовлетворенность жизнью среди религиозных, но не среди неуверенных людей (Villani et al., 2019).

В связи с тем, что конструкты духовность и религиозность операционализируются исследователями разнообразно и по-разному соотносятся с различными видами благополучия (включая психологическое и субъективное благополучие), важным представляется рассмотреть будут ли связаны с субъективным благополучием духовно-нравственные качества (ориентированные на благо других людей), относимые нами к моральному компоненту духовной личности.

Таким образом, *цель исследования 2* – выяснить существует ли связь показателей духовно-нравственных качеств личности с субъективным благополучием.

Задачи:

- установить сопряженность показателей духовно-нравственных качеств личности с альтруистическими установками и субъективным благополучием;
- выявить связь различных показателей духовно-нравственных качеств с показателями субъективного благополучия.

Гипотеза: существует положительная связь уровня выраженности духовно-нравственных качеств личности с альтруистическими установками и показателями субъективного благополучия.

Процедура и методы исследования

Методики:

1. *Опросник «Духовная личность» А. Хусейна, М. Анаса* в русскоязычной адаптации Г.В. Ожигановой (Ожиганова, 2019). Эта методика направлена на выявление уровня выраженности духовно-нравственных качеств личности. Общий показатель α Кронбаха – 0,927. Используется пятибалльная шкала Ликерта. В методике пять шкал.

Шкала 1. Высокая нравственность и мудрость (α Кронбаха – 0,815). Отражает ориентацию личности на высшие ценности, предполагая такие нравственные качества, как человеколюбие, доброта, сострадание, великодушие, мудрость, чистота в мыслях, чувство священного, что имеет отношение к ключевым характеристикам духовности человека.

Шкала 2. Самоконтроль (α Кронбаха – 0,805). Связана с саморегулятивными характеристиками: противостояние вызовам судьбы, проявление выдержки в трудных ситуациях, а также смирения, что показывает наличие важных духовных качеств.

Шкала 3. Надежность и ответственность (α Кронбаха – 0,747). Свидетельствует о высокоморальных качествах: поступать праведно в соответ-

ствии с идеалом нравственной чистоты, проявлять верность, держать слово, что говорят о возможности брать на себя ответственность за окружающих людей и свидетельствуют о духовности личности.

Шкала 4. Духовность отношений (α Кронбаха – 0,803). Отражает ценности гуманизма, духовно-нравственную ориентацию личности, имеет отношение к таким качествам, как искренность, отсутствие эгоизма, милосердие, способность прощать, стремление к справедливости и жизнестойкости.

Шкала 5. Правдивость и удовлетворенность (α Кронбаха – 0,744). Показывает духовную силу личности, проявляющуюся в честности, прямоте, умении видеть позитивные стороны жизни, понимая, что истина всегда берет верх над тем, что не истинно. Человек, видящий все хорошее, испытывает глубокое духовное удовлетворение от жизни.

2. *Методика измерения альтруистических установок* (Ясин, 2020). Эта методика ориентирована на выявление установочных и поведенческих составляющих альтруизма. «Опросник позволяет оценить установку на альтруизм, под которой понимается стремление приносить пользу другим, активно включаться в ситуацию, когда другой человек страдает или испытывает трудности, тенденцию включаться в полезную для других деятельность, не размышляя над возможной выгодой или ущербом для себя лично» (Ясин, 2020), то есть показывает направленность на помогающее поведение, а также отражает понимание мира как полного добра, и того, что люди склонны помогать друг другу.

Ответы на 18 утверждений опросника оцениваются по 7-балльной шкале Ликерта. По результатам подсчитывается суммарный балл (α Кронбаха – 0,787).

3. *Методика мотивации одобрения* Марлоу – Крауна в адаптации Ю.Л. Ханина (Ханин, 1974). Опросник позволяет установить правдивость ответов респондентов, включает 20 пунктов.

4. *Шкала удовлетворенности жизнью* (ШУЖ) (англ. Satisfaction with Life Scale, SWLS) Э. Динера с колл. (Diener et al., 1985); адаптирована Е.Н. Осиным, Д.А. Леонтьевым (Осин, Леонтьев, 2020). Методика используется для изучения субъективного благополучия, она включает одну шкалу и пять вопросов.

5. *Шкала субъективного счастья* (ШСС) (англ. Subjective Happiness Scale, SHS) С. Любомирски (Lyubomirsky, Lepper, 1999); адаптирована Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым (Осин, Леонтьев, 2020). Методика применяется для изучения субъективного благополучия, она состоит из одной шкалы и четырех вопросов.

Шкала удовлетворенности жизнью и шкала субъективного счастья получили широкое распространение как надежные инструменты изучения субъективного благополучия. Обладая простой структурой, они имеют хорошие психометрические показатели (Осин, Леонтьев, 2020). «Первая методика в несколько большей степени отражает рефлексивно-оценочные компоненты субъективного благополучия, а вторая – его эмоционально-чувственные компоненты» (Леонтьев, 2020, с. 20).

Выборка:

Исследование 1. В исследовании приняли участие 141 человек: 79 человек – мужского пола (56 %) и 62 человека – женского пола (44 %); студенты, г. Уфа. Возраст: 18–24 года ($M = 19,86$; $SD = 1,579$).

Исследование 2. В исследовании участвовал 121 человек: 32 человека – мужского пола (26 %) и 89 человека – женского пола (74 %); студенты, г. Уфа. Возраст: 18–22 года ($M = 19,29$; $SD = ,961$).

Для проведения обоих исследований респондентам было предложено участвовать в психологическом исследовании личностных особенностей. Участие было добровольным.

Для *обработки результатов* применялись следующие статистические методы: критерий Колмогорова – Смирнова и ранговый корреляционный анализ Спирмена. Использовался статистический пакет IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

Правдивость ответов на вопросы используемых в исследовании методик, во многом отражающих социально желательные характеристики личности (духовно-нравственные качества, альтруизм, удовлетворенность жизнью, субъективное счастье), проверялась с помощью опросника мотивации одобрения Марлоу – Крауна. Для дальнейшего статистического анализа результатов, респонденты, чьи ответы свидетельствовали о неискренности (балл по шкале лжи > 14), были исключены (в первом исследовании 12 человек; во втором – 10 человек). Таким образом, в первом исследовании остался 141 человек, а во втором – 121 человек. Результаты этих респондентов использовались для дальнейшего анализа.

Исследование 1. Выяснение, является ли распределение изучаемых переменных нормальным по критерию Колмогорова – Смирнова, показало, что оно отличается от нормального. Только общий показатель опросника «Духовная личность» и суммарный балл методики измерения альтруистических установок имели нормальное распределение (асимптотическая значимость $p = ,200$; $p = ,200$). Показатели всех пяти шкал методики «Духовная личность» свидетельствовали об отклонении распределения от нормального (асимптотическая значимость Шк 1 – $p = ,008$; Шк 2 – $p = ,011$; Шк 3 – $p = ,000$; Шк 4 – $p = ,003$; Шк 5 – $p = ,007$).

Корреляционный анализ показал наличие значимой положительной связи показателей духовно-нравственных качеств по суммарному баллу и всем шкалам (опросник «Духовная личность») и альтруистическими установками (методика измерения альтруистических установок) (табл. 1).

Исследование 2. Проверка на нормальность распределения изучаемых переменных по критерию Колмогорова – Смирнова, показала, что оно отличается от нормального. Показатели шкал 1, 3, 5 методики «Духовная личность» свидетельствовали об отклонении распределения от нормального (асимптотическая значимость Шк 1 – $p = ,030$; Шк 3 – $p = ,000$; Шк 5 – $p = ,026$), а также показатели шкалы субъективного счастья (асимптотическая значимость $p = ,000$).

Корреляционный анализ выявил наличие значимой положительной связи показателей духовно-нравственных качеств (опросник «Духовная личность» –

суммарный балл) с альтруистическими установками (методика измерения альтруистических установок) и субъективным благополучием (шкала удовлетворенности жизнью и шкала субъективного счастья) (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Коэффициенты корреляций духовно-нравственных качеств (методика «Духовная личность» – суммарный балл и пять шкал) с альтруистическими установками (методика измерения альтруистических установок), N = 141 / Spearman's correlation coefficients between indicators of Spiritual Personality Inventory (the total score and all the scales) and altruistic attitudes (Altruistic Attitudes Questionnaire), N = 141

Показатели / Indicators	Духовно-нравственные качества / Spiritual and moral qualities					
	Суммарный балл / Total score	Высокая нравственность и мудрость / High morality and wisdom	Само-контроль / Self-control	Надежность и ответственность / Reliability and responsibility	Духовность отношений / Spirituality of relations	Правдивость и удовлетворенность / Truthfulness and satisfaction
Альтруистические установки / Altruistic attitudes	,483**	,479**	,269**	329**	,440**	,239**

Примечание / Note: ** $p < ,01$.

Таблица 2 / Table 2

Коэффициенты корреляций духовно-нравственных качеств (методика «Духовная личность» – суммарный балл) с альтруистическими установками (методика измерения альтруистических установок) и субъективным благополучием (ШУЖ, ШСС), N = 121 / Spearman's correlation coefficients between indicators of spiritual and moral qualities (Spiritual Personality Inventory, the total score) and altruistic attitudes (Altruistic Attitudes Questionnaire) and subjective well-being (SWLS, SHS), N = 121

Показатели / Indicators	Альтруистические установки / Altruistic attitudes	Субъективное благополучие / Subjective well-being	
		Удовлетворенность жизнью / Satisfaction with life (SWLS)	Субъективное счастье / Subjective happiness (SHS)
Духовно-нравственные качества Духовная личность (суммарный балл) / Spiritual-moral qualities Spiritual personality (total score)	,334**	,463**	,420**

Примечание / Note: ** $p < ,01$.

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляций духовно-нравственных качеств (методика «Духовная личность», пять шкал) и субъективного благополучия (ШУЖ и ШСС), N = 121 / Spearman's correlation coefficients between indicators of Spiritual Personality Inventory (all the scales) and Subjective Well-Being (SWLS, SHS), N = 121

Показатели субъективного благополучия / Indicators of subjective well-being	Духовно-нравственные качества / Spiritual and moral qualities				
	Высокая нравственность и мудрость / High morality and wisdom	Само-контроль / Self-control	Надежность и ответственность / Reliability and responsibility	Духовность отношений / Spirituality of relations	Правдивость и удовлетворенность / Truthfulness and satisfaction
Удовлетворенность жизнью / Satisfaction with life (SWLS)	,221*	,366**	,283**	,187*	,563**
Субъективное счастье / Subjective happiness (SHS)	,148	,326**	,222*	,196*	,598**

Примечание / Note: ** $p < ,01$; * $p < ,05$.

Была также установлена значимая положительная связь показателей духовно-нравственных качеств (всех пяти шкал опросника «Духовная личность») со шкалой удовлетворенности жизнью, а также показателей духовно-нравственных качеств (четырёх шкал опросника «Духовная личность») со шкалой субъективного счастья) (табл. 3).

Обсуждение результатов

Полученные в исследовании 1 результаты свидетельствуют о том, что существует взаимосвязь между выраженностью духовно-нравственных качеств и альтруистическими установками личности. В наибольшей мере показатели альтруизма связаны со шкалами «Высокая нравственность и мудрость» и «Духовность отношений», что отражает высоко моральную основу подлинного альтруизма. Значимые, но совсем невысокие корреляции альтруизма со шкалами «Самоконтроль» и «Правдивость и удовлетворенность» скорее всего можно объяснить возрастными особенностями респондентов ($M = 19,86$) и студенческим статусом. Такие качества, как проявление выдержки, смирения, терпеливости, спокойствия при встрече с невзгодами, связанные с самоконтролем, а также качества, имеющие отношение к духовной силе, способности видеть хорошие стороны жизни (шкала «Правдивость и удовлетворенность») могут быть еще недостаточно сформированы. Эти духовно-нравственные качества свидетельствуют о зрелости, которая в период студенчества только закладывается, начинает формироваться. Зрелость личности во многом обусловлена жизненным опытом, включением в активную профессиональную деятельность, созданием своей семьи и принятием ответственности за нее.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что духовность личности, проявляющаяся в ее духовно-нравственных качествах, непреложно включает ориентацию на благо других – духовную альтруистическую направленность.

Это особенно четко можно увидеть при сопоставлении духовности и религиозности в исследовании Л.Р. Саслоу с коллегами (Saslow et al., 2013), в котором изучалось независимое влияние духовности и религиозности на сострадание и альтруизм. Была выдвинута гипотеза, что несмотря на то, что духовность и религиозность тесно связаны, они будут по-разному связаны с состраданием и альтруизмом. В первых двух исследованиях было установлено, что более духовные люди испытывают и проявляют большее сострадание. Связь между религиозностью и состраданием перестала быть значимой после учета влияния фактора духовности. Сострадание способно мотивировать людей превзойти эгоистичные мотивы и действовать альтруистично по отношению к незнакомцам. Поэтому авторы пришли к выводу, что духовность (но не религиозность) предсказывает альтруистическое поведение и что сострадание поможет объяснить эту связь. Это было подтверждено в последующих трех исследованиях, результаты которых показали, что более духовные люди вели себя более альтруистично при экономическом выборе и принятии решений, и что склонность духовных людей испытывать большее сострадание опосредовала отношения духовности к альтруизму. Напротив, более религиозные участники не всегда чувствовали больше сострадания и не вели себя более альтруистично.

В исследовании Л.Р. Саслоу с коллегами (2013) были также получены очень важные для нас результаты, которые показывают значимость выделения такого конструкта, как «духовная личность» и характеризующих ее духовно-нравственных качеств, потому что оперирование понятиями «личность» и «личностные качества» для объяснения духовных проявлений человека не позволяет в полной мере раскрыть суть такого сложного феномена, как духовность (Ожиганова, 2019; Ожиганова. Духовная личность..., 2020a). Авторами (Saslow et al., 2013) было установлено, что черты личности, такие как доброжелательность, открытость и экстраверсия сами по себе, не помогают объяснить, почему более духовные люди ведут себя более альтруистично. Полученные ими результаты доказывают, что духовность однозначно связана с большим состраданием и повышенным альтруизмом. В их исследованиях показано, что религиозная духовность не является однозначным предсказателем альтруизма; а также то, что широкие черты личности не объясняют склонность к альтруизму.

В нашем исследовании установлено, что не просто положительные качества личности, имеющие в определенной мере отношение к нравственности, а именно духовно-нравственные качества, включающие, помимо доброжелательности, и милосердие, и сострадание, и прощение, и правдивость, и чувство священного и др., значимо положительно связаны с альтруистическими установками, что отражает новизну проведенного исследования.

В исследовании 2 на другой выборке получены результаты, сходные с результатами исследования 1, показывающие связь духовно-нравственных качеств личности с альтруистическими установками. Это подтверждает значимость и надежность этих результатов.

В исследовании 2 была установлена значимая положительная связь духовно-нравственных качеств с субъективным благополучием. Наиболее высокие корреляции духовно-нравственных качеств с двумя показателями субъективного благополучия ШУЖ и ШСС получены по шкале «Правдивость и удовлетворенность», включающей среди других пунктов и вопрос об удовлетворенности жизнью. Это подтверждает, что духовно-ориентированные люди испытывают счастье и удовлетворение от своей жизни. В исследовании 2 получены очень низкие корреляции с субъективным благополучием шкал «Высокая нравственность и мудрость» и «Духовность отношений», а между шкалой «Высокая нравственность и мудрость» и Шкалой субъективного счастья вообще не было установлено достоверной связи. Видимо, духовные ресурсы (обеспечивающие проявление входящих в эти шкалы качеств, таких как мудрость, чистота в мыслях и поступках, великодушие, прощение и пр.) не столь велики, чтобы с легкостью вызывать у человека ощущение счастья. Проявление этих духовно-нравственных качеств у студентов, средний возраст которых 19,29 лет, требует напряжения моральных сил и энергетических затрат и, видимо, не ассоциируется у них с легким радостным состоянием счастья.

Тем не менее, в целом, результаты нашего исследования свидетельствуют о значимой положительной связи духовно-нравственных качеств с показателями субъективного благополучия. Эти результаты подтверждают получен-

ные ранее данные о важной роли духовного аспекта личности в ее психологическом благополучии. Связь духовно-нравственных качеств с субъективным благополучием прежде не исследовалась, но можно соотнести наши результаты с исследованием О.Ю. Зотовой и ее коллег. Ими установлено, что чем выше уровень проявления недуховных отрицательных качеств личности (нарциссизм, макиавеллизм), тем ниже уровень субъективного благополучия (Зотова и др. 2017). Согласно Л.А. Головей, «направленность на себя без интереса к другому человеку (людям) недостаточна для ощущения общего психологического благополучия...» (Головей, 2020, с. 357).

Полученные нами результаты, отражающие связь духовно-нравственных качеств (основу которых составляют общечеловеческие ценности) с субъективным благополучием, согласуются с результатами, представленными в научной работе других авторов, в которой отмечается значимость для субъективного благополучия личных духовных ценностей. Речь идет о коллективистских ценностях, традиционно присущих восточной культуре. На примере китайских студентов показано, что такие ценности, как доброта, традиция и послушание способствуют достижению субъективного благополучия, а ценности, свидетельствующие об индивидуалистической ориентации, не ведут к улучшению качества жизни (Zhang et al., 2014).

Заключение

Проведенные нами два исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

Поставленные в исследованиях цели и задачи выполнены, выдвинутые гипотезы нашли подтверждение. В исследовании 1 установлена значимая положительная связь между уровнем выраженности духовно-нравственных качеств личности и альтруистическими установками. В исследовании 2 выявлена значимая положительная связь уровня выраженности духовно-нравственных качеств с показателями субъективного благополучия, а также с альтруистическими установками.

Духовно-нравственные качества, как отражение духовности личности, связаны с ориентацией на благо других людей – выраженностью альтруистических установок как проявления склонности к альтруизму.

Духовно-нравственные качества способствуют субъективному благополучию личности. Значимая положительная связь духовно-нравственных качеств с субъективным благополучием свидетельствует о важности духовного фактора для позитивного самоощущения и чувства полноценности собственного бытия в мире.

В целом, проведенные исследования отражают важную роль духовности личности, ее духовно-нравственных качеств в социальной сфере для продуктивного гуманистически-ориентированного взаимодействия людей. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что чем выше уровень выраженности духовно-нравственных качеств, тем больше склонность к проявлению альтруистических установок. Было также показано, что духовность, воплощенная в духовно-нравственных качествах, имеет большое значение не только для социального взаимодействия, но и выступа-

ет как внутриличностный фактор, способствующий субъективному благополучию, ощущению удовлетворенности жизнью и счастья. Об этом свидетельствует выявленная значимая положительная взаимосвязь духовно-нравственных качеств личности и ее субъективного благополучия.

Подчеркнем большое **практическое значение** полученных результатов, которые можно использовать как основу для психологического консультирования и разработки тренингов, направленных на улучшение психологического благополучия, качества жизни и психического здоровья в целом, фокусируя внимание на развитии духовных аспектов личности, включающих ее духовно-нравственные качества. **Ограничениями исследования** является то, что в исследовании 2 количество респондентов женского пола значительно превышает количество респондентов мужского пола; а также то, что оба исследования проведены с привлечением только одной возрастной категории респондентов (18–24 года). **Перспектива исследования** видится в расширении возрастного диапазона респондентов, включения возрастных групп от 25 лет до пенсионного возраста и далее. Необходимо углубленное исследование роли духовного фактора в продуктивной жизнедеятельности человека. Изучение духовных аспектов личности, ее духовно-нравственных качеств в связи с альтруистическими установками и субъективным благополучием является важной темой для современной психологии.

Список литературы

- Андреев П.В. Развитие представлений об альтруизме и взаимопомощи в зарубежной и отечественной психологии // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 3. С. 9–12.
- Головей Л.А. Заключение // Психоземotionalное благополучие: интегративный подход / под ред. Л.А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 351–357.
- Гостев А.А., Борисова Н.В. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.
- Зотова О.Ю., Рикель А.М., Тунияц А.А. Ситуационные и личностные факторы субъективного благополучия студентов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4 (10). С. 118–136.
- Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 39–282.
- Казанцева Т.В. Альтруизм: феномен и операционализация // Петербургский психологический журнал. 2016. № 14. С. 1–20.
- Леонтьев Д.А. Подход через позитивные черты личности: от психологического благополучия к добродетелям и силам характера // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 76–91.
- Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Мехтиханова Н.Н. О соотношении мудрости и духовности личности // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 938–946. <https://doi.org/10.38098/proc.2020.59.34.001>

- Ожиганова Г.В. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 160–176. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120413>
- Ожиганова Г.В. Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 288 с. <https://doi.org/10.38098/mng.2020.60.89.001>
- Ожиганова Г.В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020б. Т. 17. № 4. С. 637–655. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655>
- Ожиганова Г.В. Ценностно-смысловые составляющие морального компонента духовных способностей: исследование взаимосвязи на выборке российской студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 4. С. 849–868. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-849-868>
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Поддьяков А.Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 3. С. 98–107.
- Ясин М.И. Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77–85. <https://doi.org/10.31857/S020595920007898-3>
- Andreoni J., Rao J.M., Trachtman H. Avoiding the ask: a field experiment on altruism, empathy, and charitable giving // Journal of Political Economy. 2017. Vol. 125. No 3. Pp. 625–653. <https://doi.org/10.1086/691703>
- Annas J. Applying virtue to ethics // Journal of Applied Philosophy. 2015. Vol. 32. No 1. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1111/japp.12103>
- Arrey A.E., Bilsen J., Lacor P., Deschepper R. Spirituality/religiosity: a cultural and psychological resource among Sub-Saharan African migrant women with HIV/AIDS in Belgium // PLOS ONE. 2016. Vol. 11. No 7. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0159488>
- Bar-Tal D. Altruistic motivation to help: definition, utility and operationalization // Humboldt Journal of Social Relations. 1986. Vol. 13. No 1–2. Pp. 3–14.
- Batson C.D., Lishner D.A., Stocks E.L. The empathy – altruism hypothesis // The Oxford Handbook of Prosocial Behavior / ed. by D.A. Schroeder, W.G. Graziano. New York: Oxford University Press, 2015. Pp. 259–281. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.023>
- Bennett M.R., Einolf C.J. Religion, altruism, and helping strangers: a multilevel analysis of 126 countries // Journal for the Scientific Study of Religion. 2017. Vol. 56. No 2. Pp. 323–341. <https://doi.org/10.1111/jssr.12328>
- Božek A., Nowak P.F., Blukacz, M. The relationship between spirituality, health-related behavior, and psychological well-being // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1997. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01997>
- Büssing A., Kerk sieck P., Günther A., Baumann K. Altruism in adolescents and young adults: validation of an instrument to measure generative altruism with structural equation modeling // International Journal of Children's Spirituality. 2013. Vol. 18. No 4. Pp. 335–350. <https://doi.org/10.1080/1364436x.2013.849661>
- Cameron C.D., Spring V.L., Todd A.R. The empathy impulse: a multinomial model of intentional and unintentional empathy for pain // Emotion. 2017. Vol. 17. No 3. Pp. 395–411. <https://doi.org/10.1037/emo0000266>

- Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. No 1. Pp. 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dunn E.W., Aknin L.B., Norton M.I.* Prosocial spending and happiness: using money to benefit others pays off // *Current Directions in Psychological Science*. 2014. Vol. 23. No 1. Pp. 41–47. <https://doi.org/10.1177/0963721413512503>
- Eisenberg N., Guthrie I.K., Murphy B.C., Shepard S.A., Cumberland A., Carlo G.* Consistency and development of prosocial dispositions: a longitudinal study // *Child Development*. 1999. Vol. 70. No 6. Pp. 1360–1372. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00100>
- Engel C.* Dictator games: a meta study // *Experimental Economics*. 2011. Vol. 14. No 4. Pp. 583–610. <https://doi.org/10.1007/s10683-011-9283-7>
- Fry P.S.* Religious involvement, spirituality and personal meaning for life: existential predictors of psychological wellbeing in community-residing and institutional care elders // *Aging & Mental Health*. 2000. Vol. 4. No 4. Pp. 375–387. <https://doi.org/10.1080/713649965>
- Haidt J., Kesebir S.* Morality // *Handbook of Social Psychology* / ed. by S. Fiske, D. Gilbert, G. Lindzey. 5th ed. Hoboken: Wiley, 2010. Pp. 797–832. <https://doi.org/10.1002/9780470561119.socpsy002022>
- Hamlin J.K.* Moral judgment and action in preverbal infants and toddlers: evidence for an innate moral core // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22. No 3. Pp. 186–193. <https://doi.org/10.1177/0963721412470687>
- Hilbig B.E., Thielmann I., Hepp J., Klein S.A., Zettler I.* From personality to altruistic behavior (and back): evidence from a double-blind dictator game // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 55. Pp. 46–50. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.12.004>
- Huber J.T., MacDonald D.A.* An investigation of the relations between altruism, empathy, and spirituality // *Journal of Humanistic Psychology*. 2012. Vol. 52. No 2. Pp. 206–221. <https://doi.org/10.1177/0022167811399442>
- King P.E., Boyatzis C.J.* Religious and spiritual development // *Handbook of child psychology and developmental science: socioemotional processes* / ed. by M.E. Lamb, R.M. Lerner. Hoboken: John Wiley and Sons, 2015. Pp. 975–1021. <https://doi.org/10.1002/9781118963418.childpsy323>
- Knutsson M., Martinsson P., Persson E., Wollbrant C.* Gender differences in altruism: evidence from a natural field experiment on matched donations // *Economics Letters*. 2019. Vol. 176. Pp. 47–50. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2018.12.029>
- Koenig L.B., McGue M., Krueger R.F., Bouchard T.J., Jr.* Religiousness, antisocial behavior and altruism: genetic and environmental mediation // *Journal of Personality*. 2007. Vol. 75. No 2. Pp. 265–290. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00439.x>
- Lyubomirsky S., Lepper H.S.* A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation // *Social Indicators Research*. 1999. Vol. 46. No 2. Pp. 137–155. <https://doi.org/10.1023/A:1006824100041>
- Moura H.M. de, Filgueiras A., Figueiredo C.V. de.* Translation and content validation of the Generative Altruism Scale – Brazilian version // *Psicologia, Conocimiento y Sociedad*. 2020. Vol. 10. No 1. Pp. 125–141. <https://doi.org/10.26864/pcs.v10.n1.6>
- Ozhiganova G.V.* Spiritual capacities of personality and productive life activity // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021a. Vol. 18. No 1. Pp. 182–202. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-182-202>
- Özkan U.B.* Religiosity/spirituality, affective moral reasoning, and generative altruism: a study on Muslim societies // *Psycho-Educational Research Reviews*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 163–175. https://doi.org/10.52963/PERR_Biruni_V10.N2.11
- Pessôa L.F., Seidl-de-Moura M.L., Mendes D.M.L.F., Carvalho R.V.C.de, Stobäus L.C.* Cooperação e altruísmo no segundo ano de vida e crenças e práticas maternas:

- um estudo exploratório // *Psico*. 2015. Vol. 46. No 2. Pp. 217–225. <https://doi.org/10.15448/1980-8623.2015.2.17368>
- Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No 4. Pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Saroglou V. Religion, spirituality, and altruism // *APA handbook of psychology, religion, and spirituality: in 2 vols. Vol. 1. Context, theory, and research / ed. by K.I. Pargament, J.J. Exline, J.W. Jones. American Psychological Association, 2013. Pp. 439–457. <https://doi.org/10.1037/14045-024>*
- Saroglou V., Pichon I., Trompette L., Verschueren M., Dernelle V. Prosocial behavior and religion: new evidence based on projective measures and peer ratings // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. Vol. 44. No 3. Pp. 323–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2005.00289.x>
- Saslow L.R., John O.P., Piff P.K., Willer R., Wong E., Impett E.A., Kogan A., Antonenko O., Clark K., Feinberg M., Keltner D., Saturn S.R. The social significance of spirituality: new perspectives on the compassion altruism relationship // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2013. Vol. 5. No 3. Pp. 201–218. <https://doi.org/10.1037/a0031870>
- Seelig B., Rosof L. Altruism // *Good Feelings: Psychoanalytic Reflections on Positive Emotions and Attitudes / ed. by S. Akhtar. London: Routledge, 2009. Pp. 63–91. <https://doi.org/10.4324/9780429475313-5>*
- Sparrow E.P., Swirsky L.T., Kudus F., Spaniol J. Aging and altruism: A meta-analysis // *Psychology and Aging*. 2021. Vol. 36. No 1. Pp. 49–56. <https://doi.org/10.1037/pag0000447>
- Trivers R.L. The evolution of reciprocal altruism // *The Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46. No 1. Pp. 35–57. <https://doi.org/10.1086/406755>
- Villani D., Sorgente A., Iannello P., Antoniotti A. The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1525. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01525>
- Zhang K.C., Hui C.H., Lam J., Lau E.Y.Y., Cheung S., Mok D.S.Y. Personal spiritual values and quality of life: evidence from Chinese college students // *Journal of Religion and Health*. 2013. Vol. 53. No 4. Pp. 986–1002. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9686-1>

История статьи:

Поступила в редакцию 17 августа 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Ожиганова Г.В. Взаимосвязь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками и субъективным благополучием // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 4. С. 744–764. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-744-764>

Сведения об авторе:

Ожиганова Галина Валентиновна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов имени В.Н. Дружинина, Института психологии, Российская академия наук (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-6339-8640. E-mail: symposium2016@rambler.ru

The Relationship of Spiritual and Moral Qualities with Altruistic Attitudes and Subjective Well-Being

Galina V. Ozhiganova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
13 Yaroslavskaya St, Moscow, 129366, Russian Federation

✉ symposium2016@rambler.ru

Abstract. The author deals with issues related to such constructs, as ‘spirituality of the personality,’ ‘altruism,’ and ‘subjective well-being.’ The results of two empirical studies of the relationship of spiritual and moral qualities with (1) altruistic attitudes, and (2) with subjective well-being are presented and analyzed. In total, 262 people (students from Ufa) took part in both studies. The first study (Study 1) involved 141 people: 79 males (56%) and 62 females (44%), aged 18 to 24 years ($M = 19.86$; $SD = 1.579$). The second study (Study 2) involved 121 people: 32 males (26%) and 89 females (74%), aged 18 to 22 years ($M = 19.29$; $SD = 0.961$). The following techniques were used in the study: The Spiritual Personality Inventory by A. Husain and M. Anas (adapted in Russian by G.V. Ozhiganova); Altruistic Attitudes Questionnaire by M.I. Yasin; Satisfaction with Life Scale by E. Diener et al., and Subjective Happiness Scale by S. Lubomirsky (both of the latter techniques were adapted in Russian by E.N. Osin and D.A. Leontiev). Study 1 was aimed at identifying the relationship between indicators of the spiritual and moral qualities of a person and altruistic attitudes. The purpose of Study 2 was to find out a relationship (if any) between indicators of the spiritual and moral qualities of a person and subjective well-being. The research objectives were: (1) to establish the correlation of indicators of the spiritual and moral qualities of a person with altruistic attitudes and subjective well-being; and (2) to reveal the relationship of different indicators of the spiritual and moral qualities with indicators of subjective well-being. The results of Study 1 showed a significant positive relationship between the spiritual and moral qualities and altruistic attitudes. Study 2 revealed a significant positive relationship between indicators of the spiritual and moral qualities and subjective well-being as well as with altruistic attitudes.

Key words: spirituality, spiritual qualities, moral qualities, altruism, altruistic attitudes, psychological well-being, subjective well-being

References

- Andreev, P.V. (2007). Development of ideas about altruism and mutual assistance in international and Russian psychology. *Vestnik of Kostroma State University*, 13(3), 9–12. (In Russ.)
- Andreoni, J., Rao, J.M., & Trachtman, H. (2017). Avoiding the ask: A field experiment on altruism, empathy, and charitable giving. *Journal of Political Economy*, 125(3), 625–653. <https://doi.org/10.1086/691703>
- Annas, J. (2015). Applying virtue to ethics. *Journal of Applied Philosophy*, 32(1), 1–14. <https://doi.org/10.1111/japp.12103>
- Arrey, A.E., Bilsen, J., Lacor, P., & Deschepper, R. (2016). Spirituality/religiosity: A cultural and psychological resource among Sub-Saharan African migrant women with HIV/AIDS in Belgium. *PLOS ONE*, 11(7), e0159488. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0159488>

- Bar-Tal, D. (1986). Altruistic motivation to help: Definition, utility and operationalization. *Humboldt Journal of Social Relations*, 13(1–2), 3–14.
- Batson, C.D., Lishner, D.A., & Stocks, E.L. (2015). The empathy – altruism hypothesis. In D.A. Schroeder & W.G. Graziano (Eds.), *The Oxford Handbook of Prosocial Behavior* (pp. 259–281). New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195399813.013.023>
- Bennett, M.R., & Einolf, C.J. (2017). Religion, altruism, and helping strangers: A multilevel analysis of 126 countries. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 56(2), 323–341. <https://doi.org/10.1111/jssr.12328>
- Božek, A., Nowak, P.F., & Blukacz, M. (2020). The relationship between spirituality, health-related behavior, and psychological well-being. *Frontiers in Psychology*, 11, 1997. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01997>
- Büssing, A., Kerksieck, P., Günther, A., & Baumann, K. (2013). Altruism in adolescents and young adults: Validation of an instrument to measure generative altruism with structural equation modeling. *International Journal of Children's Spirituality*, 18(4), 335–350. <https://doi.org/10.1080/1364436x.2013.849661>
- Cameron, C.D., Spring, V.L., & Todd, A.R. (2017). The empathy impulse: A multinomial model of intentional and unintentional empathy for pain. *Emotion*, 17(3), 395–411. <https://doi.org/10.1037/emo0000266>
- Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dunn, E.W., Aknin, L.B., & Norton, M.I. (2014). Prosocial spending and happiness: Using money to benefit others pays off. *Current Directions in Psychological Science*, 23(1), 41–47. <https://doi.org/10.1177/0963721413512503>
- Eisenberg, N., Guthrie, I.K., Murphy, B.C., Shepard, S.A., Cumberland, A., & Carlo, G. (1999). Consistency and development of prosocial dispositions: A longitudinal study. *Child Development*, 70(6), 1360–1372. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00100>
- Engel, C. (2011). Dictator games: A meta study. *Experimental Economics*, 14(4), 583–610. <https://doi.org/10.1007/s10683-011-9283-7>
- Fry, P.S. (2000). Religious involvement, spirituality and personal meaning for life: Existential predictors of psychological wellbeing in community-residing and institutional care elders. *Aging & Mental Health*, 4(4), 375–387. <https://doi.org/10.1080/713649965>
- Golovei, L.A. (2020). Conclusion. In L.A. Golovei (Ed.), *Psycho-Emotional Well-Being: An Integrative Approach* (pp. 351–357). St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Gostev, A.A., & Borisova, N.V. (2012). *Psychological ideas in the creative heritage of I.A. Ilyina: On the ways of creating a psychology of the spiritual and moral sphere of human existence*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Haidt, J., & Kesebir, S. (2010). Morality. In S. Fiske, D. Gilbert & G. Lindzey (Eds.), *Handbook of Social Psychology* (5th ed., pp. 797–832). Hoboken: Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470561119.socpsy002022>
- Hamlin, J.K. (2013). Moral judgment and action in preverbal infants and toddlers: Evidence for an innate moral core. *Current Directions in Psychological Science*, 22(3), 186–193. <https://doi.org/10.1177/0963721412470687>
- Hilbig, B.E., Thielmann, I., Hepp, J., Klein, S.A., & Zettler, I. (2015). From personality to altruistic behavior (and back): Evidence from a double-blind dictator game. *Journal of Research in Personality*, 55, 46–50. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.12.004>
- Huber, J.T., & MacDonald, D.A. (2012). An investigation of the relations between altruism, empathy, and spirituality. *Journal of Humanistic Psychology*, 52(2), 206–221. <https://doi.org/10.1177/0022167811399442>
- Ilin, I.A. (1996). The path of spiritual renewal. *Collected works* (vol. 1, pp. 39–282). Moscow: Russkaya Kniga Publ. (In Russ.)
- Kazantseva, T.V. (2016). Altruism: The phenomenon and operationalization. *Peterburgskij Psihologičeskij Žurnal*, (14), 1–20. (In Russ.)

- King, P.E., & Boyatzis, C.J. (2015). Religious and spiritual development. In M.E. Lamb & R.M. Lerner (Eds.), *Handbook of Child Psychology and Developmental Science: Socioemotional Processes* (pp. 975–1021). Hoboken: John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118963418.childpsy323>
- Knutsson, M., Martinsson, P., Persson, E., & Wollbrant, C. (2019). Gender differences in altruism: Evidence from a natural field experiment on matched donations. *Economics Letters*, 176, 47–50. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2018.12.029>
- Koenig, L.B., McGue, M., Krueger, R.F., & Bouchard, T.J., Jr. (2007). Religiousness, antisocial behavior, and altruism: Genetic and environmental mediation. *Journal of Personality*, 75(2), 265–290. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00439.x>
- Leontiev, D.A. (2011). Approach through positive personality traits: From psychological well-being to virtues and strengths of character. In D.A. Leontiev (Ed.), *Personal Potential: Structure and Diagnostics* (pp. 76–91). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Leontiev, D.A. (2020). Happiness and well-being: Toward the construction of the conceptual field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 14–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H.S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155. <https://doi.org/10.1023/A:1006824100041>
- Mekhtikhanova, N.N. (2020). On the relationship between wisdom and spirituality of an individual. In A.L. Zhuravlev, M.A. Kholodnaya & P.A. Sabadosh (Eds.), *Abilities and Mental Resources in the World of Global Change* (pp. 938–946). Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/proc.2020.59.34.001>
- Moura, H.M. de., Filgueiras, A., & Figueiredo, C.V. de. (2020). Translation and content validation of the Generative Altruism Scale – Brazilian version. *Psicología, Conocimiento y Sociedad*, 10(1), 125–141. <https://doi.org/10.26864/pcs.v10.n1.6>
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2020) Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 117–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Ozhiganova, G.V. (2019). Adaptation of spiritual personality inventory on the Russian sample. *Experimental Psychology (Russia)*, 12(4), 160–176. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120413>
- Ozhiganova, G.V. (2020a). *Spiritual personality*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/mng.2020.60.89.001>
- Ozhiganova, G.V. (2020b) Personal spiritual-moral qualities and empathy as components of higher moral capacities: Verification of the relationship based on a Russian sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 637–655. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-637-655>
- Ozhiganova, G.V. (2021a). Spiritual capacities of personality and productive life activity. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(1), 182–202. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-182-202>
- Ozhiganova, G.V. (2021b). Value and life meaning aspects of the moral component of spiritual capacities: The relationship in Russian students sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(4), 849–868. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-849-868>
- Özkan, U.B. (2021). Religiosity/spirituality, affective moral reasoning, and generative altruism: A study on Muslim societies. *Psycho-Educational Research Reviews*, 10(2), 163–175. https://doi.org/10.52963/PERR_Biruni_V10.N2.11
- Pessôa, L.F., Seidl-de-Moura, M.L., Mendes, D.M.L.F., Carvalho, R.V.C. de, & Stobäus, L.C. (2015). Cooperação e altruísmo no segundo ano de vida e crenças e práticas maternas: Um estudo exploratório. *Psico*, 46(2), 217–225. <https://doi.org/10.15448/1980-8623.2015.2.17368>

- Poddiakov, A.N. (2007). Alter-altruism. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 4(3), 98–107. (In Russ.)
- Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Saroglou, V. (2013). Religion, spirituality, and altruism. In K.I. Pargament, J.J. Exline & J.W. Jones (Eds.), *APA Handbook of Psychology, Religion, and Spirituality (Vol. 1): Context, theory, and research* (pp. 439–457). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14045-024>
- Saroglou, V., Pichon, I., Trompette, L., Verschueren, M., & Dernelle, R. (2005). Prosocial behavior and religion: New evidence based on projective measures and peer ratings. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44(3), 323–348. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2005.00289.x>
- Saslow, L.R., John, O.P., Piff, P.K., Willer, R., Wong, E., Impett, E.A., Kogan, A., Antonenko, O., Clark, K., Feinberg, M., Keltner, D., & Saturn, S.R. (2013). The social significance of spirituality: New perspectives on the compassion – altruism relationship. *Psychology of Religion and Spirituality*, 5(3), 201–218. <https://doi.org/10.1037/a0031870>
- Seelig, B., & Rosof, L. (2009). Altruism. In S. Akhtar (Ed.), *Good Feelings: Psychoanalytic Reflections on Positive Emotions and Attitudes* (pp. 63–91). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429475313-5>
- Sparrow, E.P., Swirsky, L.T., Kudus, F., & Spaniol, J. (2021). Aging and altruism: A meta-analysis. *Psychology and Aging*, 36(1), 49–56. <https://doi.org/10.1037/pag0000447>
- Trivers, R.L. (1971). The evolution of reciprocal altruism. *The Quarterly Review of Biology*, 46(1), 35–57. <https://doi.org/10.1086/406755>
- Villani, D., Sorgente, A., Iannello, P., & Antonietti, A. (2019). The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status. *Frontiers in Psychology*, 10, 1525. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01525>
- Yasin, M.I. (2020). Methodology for measuring altruistic attitudes. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 41(1), 77–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920007898-3>
- Zhang, K.C., Hui, C.H., Lam, J., Lau, E.Y.Y., Cheung, S., & Mok, D.S.Y. (2013). Personal spiritual values and quality of life: Evidence from Chinese college students. *Journal of Religion and Health*, 53(4), 986–1002. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9686-1>
- Zotova, O.Yu., Rikel A.M., & Tuniyants A.A. (2017). Situational and personal factors of subjective well-being of students. *RSUH/ROGU Bulletin. Series Psychology, Pedagogics, Education*, (4), 118–136. (In Russ.)

Article history:

Received 17 August 2022

Revised 24 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Ozhiganova, G.V. (2022). The relationship of spiritual and moral qualities with altruistic attitudes and subjective well-being. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 744–764. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-744-764>

Bio note:

Galina V. Ozhiganova, PhD in Psychology, is Leading Researcher, Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-6339-8640. E-mail: symposium2016@rambler.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-765-780

UDC 159.922.1

Research article

Gender Features of Coping Strategies in Men and Women

Olga A. Ovsyanik^{ID}, Albina A. Nesterova^{ID}✉, Natalia V. Sidyacheva^{ID}Moscow Region State Pedagogical University,
24 Very Voloshinoy St, Mytishi, 141014, Russian Federation✉ anesterova77@rambler.ru

Abstract. The effectiveness of coping behavior depends not only on a successful strategy but also on the individual characteristics of a person. Age, sex, intelligence, social status, gender identity – all these influence the coping ability and resilience of an individual. In modern psychological research, there is some confusion between the concepts of ‘sex’ and ‘gender.’ Despite numerous studies on male and female coping strategies, gender differences in coping behavior are still poorly understood. The purpose of the study was to analyze gender-specific coping strategies of middle-aged men and women. Russian men and women (N = 286) were divided by gender (masculine, androgynous, feminine). The research was made using The Bem Sex-Role Inventory (BPRT) and Lazarus & Folkman’s Test Ways of Coping Questionnaire (WCQ). This study employed a cross-sectional design. Differences among the groups were assessed using the Kruskal – Wallis H test, Mann – Whitney U test and Student t-test. The specificity of coping behavior was found to be determined by the gender identity of the study participants. The results of the present study support the gender differences hypothesis, since people with differences in biological sexual identity (male and female) use gender-specific coping strategies (masculine, feminine, or androgynous) if their gender orientations are the same. The research of masculinity, androgyny and femininity can become an important step in the long-term study of coping behavior and the basis for a better understanding of the dynamics of human behavior in a stressful situation.

Key words: sex, gender, men, women, middle-age, masculine, feminine, androgynous

Introduction

Coping behavior has been extensively studied in modern scientific literature around the world. In particular, there have been fruitful discussions about the definition and conceptualization of ‘coping behavior’ (Villada et al., 2017; Van den Brande et al., 2016). Various concepts are based on the theory of situational approach, interactionism, theory of transactional analysis, etc. A significant contribution to the development of views on the coping behavior of a person have been made by both international and Russian scientists, such as: R. Lazarus и S. Folkman, N. Haan, A. Billing, R. Moos, H. Weber, K. Coplick, P. Vitaliano, S.K. Nar-

© Ovsyanik O.A., Nesterova A.A., Sidyacheva N.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

tova-Bochaver, I.G. Sizova, S.I. Filippchenkova, E.P. Belinskaya, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko and others.

Let us now consider some basic concepts of coping behavior.

N. Haan represents coping behavior as one of the methods of psychological defense that a person uses to relieve mental stress. In this case, coping behavior is identified with coping outcomes (Haan, 1982).

A. Billings and R. Moos suggest that coping behavior is a personality trait, a kind of response to stressful events, and it is constant (Moos, Billings, 1982). They argue that in crisis situations a person uses coping, which is aimed at:

- cognitive assessment (reassessment) of the situation;
- resolution of problems; and
- emotional disincentive.

R.S. Lazarus, A.D. Kanner and S. Folkman believe that coping behavior is a dynamic process. The peculiarity of this process is determined by real situations and the stage of conflict that arises when a person clashes with the world. Each form of coping behavior is a coping strategy aimed at solving specific goals (Lazarus et al., 1980). These authors identify two main coping functions that people use in various situations to cope with stress:

- problem-focused coping, aimed at relieving stress in relation to the person and the environment;
- emotion-focused coping, aimed at relieving emotional stress (it is used if a person is not able to change stressful situations).

The scientists believe that it is necessary to take into account both functions, since the emotional-behavioral and cognitive components of personality form different combinations (Lazarus, Folkman, 1984). They also distinguish between active and passive coping behaviors. For example, active coping behavior is aimed at eliminating or avoiding a threat (through fighting or retreating) and is designed to change a stressful relationship with the physical or social environment

In Russian psychological research, there is still no terminological consistency in the designation of this research area or the use of the definitions ‘coping’, ‘coping behavior’, ‘psychological coping’ and ‘coping strategy’. Psychologists use the terms ‘coping behavior’ and ‘coping’ interchangeably. It can be inconvenient in cases when psychologists do not study specific behavior. Most of Russian scientists understand ‘coping’ as a personal way of interacting with an uncomfortable situation (external or internal), which leads, in terms of a person, to the unity of subjective significance and psychological opportunity. The definition of ‘coping behavior’ can represent a very wide range of personal activity from unconscious psychological defenses to purposeful overcoming of crises. It can be interpreted as a process of psychological coping and overcoming of uncomfortable situations (Belinskaya, 2009).

In general, most researchers in the world adhere to a uniform classification of ways to cope with stress, namely:

- behavioral responses that influence the situation;
- cognitive strategy aimed at reassessing situations;
- efforts to control or relieve emotional stress (Mahmoudi, Yzkan, 2016).

The effectiveness of coping with adverse life events depends on the right strategy and the individual characteristics of the person. Age, sex, gender, intel-

lect, character, and social status can be predictors of the use of coping strategy. There may also be predictors of maladaptation and viability that affect coping behavior (Borisova, Gulakova, 2018; Nesterova, Suslova, 2014).

Different sex-dependent coping strategies were studied by L.K. Tamres, who proved that men and women had different coping strategies (Tamres, 2002). In coping processes, women were more likely than men to express negative feelings such as sadness, melancholy and depression (Zeman, Garber, 1996; Graves et al., 2021). Men, on the other hand, tended to express anger (Seidler et al., 2021).

In addition, R. Lippa argued that men and women perceived emotions differently. Men were more sensitive to internal signals; however, women were more sensitive to external signals. Usually, women showed their emotions in different ways: facial expression, verbal expression and physiological response (Lippa, 2005). This line of research suggests that women are more likely to cope with stress by using emotion-focused coping strategies than men.

At the same time, many researchers believe that our way of expressing emotions is not an innate quality; therefore, emotions can be characteristic of any sex group. Features of expressing emotions are the result of gender stereotypes in men and women, which they study during their lives. The gender stereotype demonstrates the expression of emotions.

Therefore, differences in the expression of emotions can be better explained by social role or gender role theory (Eagly, Wood, 2012). According to A. Eagly's theory, behavior is influenced by gender roles when a culture approves of gender stereotypes and forms firm expectations based on these stereotypes.

The authors suggest that gender differences in behavior derive from sex differences, and to the extent that the social roles of 'woman' and 'man' are defined in each culture. Using these social roles, people adapt better to the society in which they live and choose the most 'acceptable' behavior strategies for a given society and sex. A particularly crucial factor is the choice of a person's social role (gender identity).

Some women, for example, choose a masculine gender identity as a social criterion; therefore, we can assume that such women will use masculine coping strategies.

Sandra Bem insisted on the existence of 'androgynous identity' conception, which stated that people could use good masculine and feminine social roles. They would prefer the most appropriate and adaptive in each situation (Bem, 1993; Starr, Zurbriggen, 2017). It is important to note that, in the context of this study, S. Nolen-Hoeksema argued that "being active and ignoring one's moods are part of the masculine stereotypes", and that "adhering to the sex-typed behaviors or sex stereotype is socially reinforced" (Nolen-Hoeksema, 1987).

Psychological research has shown that masculine people (men and women) are more efficient and flexible in their ability to cope with different situations than feminine people (Bakhet, 2021; Spangenberg, Lategan, 1993). Scientists have found a link between gender identity and problem-focused coping: only masculinity, but not femininity, is associated with the 'problem-solving' strategy. Individuals with masculine orientation are more likely to use problem-solving coping and are also oriented toward active and effective problem solving (Brems, Johnson, 1989). A positive correlation has also been highlighted between feminine orientation and rumination (Broderick, Korteland, 2004).

In Russia, gender issues of coping behavior are studied by such scientists as A.A. Bakanova¹, E.R. Isaeva (2009), O.N. Volkova, E.G. Kossova, E.I. Chekhlaty (2005). But most of these scientists write about *gender* and do not see any difference between *sex* and *gender*. Moreover, they often confuse these concepts. In their gender studies, these authors refer to differences in coping behavior between men and women, but not between people with different gender identities: feminine, masculine and androgynous.

Most research in gender differences in stress and coping postulate that the concepts of ‘sex’ and ‘gender’ should be distinguished in relation to personal behavioral characteristics, including coping (Connell, 2011; Lipińska-Grobelny, 2011; Mayor, 2015; Ovsyanik, 2013; Sachkova, Timoshina, 2016; Sinnott, Shifren, 2001; Vafaei et al., 2014; Vafaei et al., 2016; and others).

According to S.K. Nartova-Bochaver, women (and feminine men) tend to use more emotion-focused strategies than men (and masculine women) (Nartova-Bochaver, 1997). L.B. Kuznetsova studied the coping behavior of older people and found them to be gender-sensitive. Older feminine people demonstrated the highest values of the *positive reassessment scale*. They might be more inclined to come to terms with the situation, accepting it, highlighting the positive side, the lessons to be learned from the episode.

Coping in androgynous people is characterized as more active, striving to change the problematic situation. This is reflected in the prevalence of active coping strategies such as ‘planful problems solving’, ‘seeking social support’ and ‘confrontative coping’ (Kuznetsova, 2015).

In their research of coping behavior among teenagers with different gender identities, A.V. Varabina and T.V. Egorova came to the conclusion that androgynous teenagers had a wider range of effective coping strategies and more effective resources to overcome stress and reduce its negative impact (Varabina, Egorova, 2016).

In a study of military personnel conducted by I. Bobnar, the masculine participants reported unproductive coping strategies such as aggression and emotional explosion. The masculine subjects (20.5%) suffered stress deeply in the form of a complex of somatic, behavioral and emotional experiences. The androgynous subjects (24%) tended to suppress emotions, 60.3% of them felt acutely stressed (which was three times more as compared to the masculine group). The feminine group of the subjects in situations of professional stress reported social support, suppression of emotions and altruism to a greater extent than in the other two groups. Most of this group (62.5%) had a high level of sensitivity and low level of *stress resistance* (Bodnar, Bodnar, 2016).

Thus, it is obvious that the gender aspect of coping strategies has been studied superficially. Moreover, a clear distinction between sex- and gender-specific coping behaviors will probably be required. This study analyses the gender specificity of coping. To fully understand how gender impacts experiences of stress and coping, more research is needed. Previous studies have used small samples from specific demographics, such as college students, teenagers, athletes, and oth-

¹ Bakanova, A.A. *Existential context of overcoming crisis situations in mature age*. Retrieved May 14, 2022, from <http://hpsy.ru/public/x1174.htm>

ers. The purpose of this study is to analyze how middle-aged people with different gender identities (feminine, androgynous and masculine) cope with stress.

Scientific novelty of our research lies in a new look at the different coping strategies used by men and women. We believe that the differences are determined by gender, but not sex, and show that gender prevails over sex.

Methods

The goal of our research is to define the gender-specific coping strategies of middle-aged men and women.

The research objectives are as follows:

- to determine the main coping strategies for men and women;
- to determine the main coping strategies of feminine, androgynous and masculine middle-aged men and women; and
- to perform a comparative analysis of coping strategies for the different gender groups of men and women.

Participants. The study involved 286 persons (144 men and 142 women) from the Moscow and Ulyanovsk regions (Russian Federation) aged 45 to 54 years (mean age = 48 years; SD = 7.10). The sample was equalized by the level of education and marital status and included only the indigenous people of Russia to exclude additional factors of adaptation in migration situations.

The participants were assessed for the normality of data distribution (using Pearson's chi squared test), which allowed us to use both non-parametric and parametric methods of comparative analysis. In smaller comparison groups, preference was given to the nonparametric test.

Research hypothesis. The coping strategies of men and women with masculine, feminine and androgynous gender identities differ.

Research procedure. At the first stage, the coping strategies were compared in the groups of men and women (biological sex). At the second stage, the diversification of the used coping strategies in the three groups of men and three groups of women (feminine, masculine, and androgynous) was considered.

Coping was assessed at the strategy level by using R. Lazarus and S. Folkman's *Ways of Coping Questionnaire (WCQ)* which was adapted in Russian by T.L. Hook, E.V. Kuftyak and M.S. Zamyshlyayeva, and further standardized at the St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute (Wasserman et al., 2008). We also used *The Bem Sex-Role Inventory (BSRI)* to measure gender roles (Ilin, 2010). This questionnaire included three scales: masculinity, femininity and androgyny.

The median was calculated for each coping strategy in the different groups, and Kruskal – Wallis tests were used to compare the results in the three sub-groups (feminine, masculine, androgynous). On larger samples (more than 100 people), Student's parametric test was used for comparison, since such samples allowed us to apply this method even without checking for a normal distribution (the law of large numbers, which says that the probability of deviation of the mean over a large sample from the mathematical expectation tends to zero). In smaller samples, the Mann – Whitney *U*-test was used to compare the two groups.

Results

In the first series of studies, the calculations were performed separately for the male and female participants. The mean values and standard deviations for the indicators of the sample characteristics are presented in Table 1. No significant differences were found between males and females, except for the levels of manifestation of ‘positive reappraisal’.

Table 1

Descriptive statistics and Mann – Whitney U-test for the coping strategies between women and men

Coping strategy	Total N = 286			
	Mean + σ Women n = 142	Mean + σ Men n = 144	t	p
Confrontative coping	14.8 + 2.8	10.8 + 2.5	1.07	>0.05
Distancing	9.5 + 2.6	15.5 + 2.3	-1.73	>0.05
Self-controlling	9.6 + 3.6	12.3 + 3.1	-0.57	>0.05
Seeking social support	14.7 + 3.6	10.6 + 1.9	1.01	>0.05
Escape – avoidance	13.6 + 2.8	12.6 + 2.2	0.28	>0.05
Accepting responsibility	9.9 + 3.4	11.2 + 3.6	-0.26	>0.05
Planful problem solving	9.6 + 2.1	15.2 + 3.1	-1.50	>0.05
Positive reappraisal	15.1 + 2.3	7.9 + 2.6	2.07	<0.05

Figures on the other scales do not have significant differences. The table shows that the female subjects more often resorted to such strategies as ‘positive reappraisal’, ‘confrontative coping’, ‘escape – avoidance’, and ‘seeking social support’. Other strategies were used by them with less frequency.

The male subjects were more likely to use ‘distancing’, ‘Planful problem solving’, ‘escape – avoidance’ and ‘self-controlling’. They tended to be in control of their emotions and put more effort into problem solving.

Thus, we can observe different preferences for coping strategies in the male and female subjects.

However, this division of coping strategies (based on sexual differences) is not very revealing, so we have identified particular gender coping strategies.

Comparison of the subjects by their gender identities confirms significant differences among the groups in their use of coping strategies (Mann – Whitney U-test; $p < 0.05$).

An analysis of the coping strategies used by the masculine men and women showed that the indicators of the scales ‘distancing’, ‘self-controlling’ and ‘escape – avoidance’ had no significant differences (Table 2).

Therefore, these coping strategies were gender-specific for the masculine group. Moreover, they were used in the masculine groups more often than all the others.

These characteristics were determined by the ‘sex’ of the participants. In particular, the women used the strategy of ‘positive reappraisal’ more often than men; whereas they resorted to the strategy of ‘planful problem solving’ to a lesser extent.

The masculine men were less likely to use the strategies of ‘positive reappraisal’ and ‘seeking social support’ but more likely to choose the general masculine strategies of ‘planful problem solving’.

Table 2

Descriptive statistics and Mann – Whitney U-test for the coping strategies in the masculine subjects

Coping strategy	Total N = 96		U	p
	Mean + σ Women n = 47	Mean + σ Men n = 49		
Confrontative coping	17.6 + 2.7	14.9 + 1.8	568	<0.05
Distancing	15.8 + 2.3	17.8 + 1.2	1020	>0.05
Self-controlling	13.9 + 4.5	11.3 + 1.7	612	>0.05
Seeking social support	11.2 + 2.3	6.0 + 1.3	332	<0.05
Escape – avoidance	17.9 + 2.0	15.1 + 2.6	1043	>0.05
Accepting responsibility	11.7 + 3.3	11.9 + 3.8	1181	>0.05
Planful problem solving	6.1 + 1.7	12.1 + 2.4	217	<0.05
Positive reappraisal	13.5 + 1.1	9.6 + 2.0	513	<0.05

Both masculine groups expressed the strategy of ‘confrontative coping’.

An analysis of coping strategies of the androgynous men and women revealed their gender patterns (Table 3).

Table 3

Descriptive statistics and Mann – Whitney U-test for the coping strategies in the androgynous people

Coping strategy	Total N = 100		U	p
	Mean + σ Women n = 49	Mean + σ Men n = 51		
Confrontative coping	13.8 + 2.6	8.9 + 2.1	416	<0.05
Distancing	6.5 + 2.1	12.8 + 2.3	322	<0.05
Self-controlling	9.2 + 2.4	14.9 + 3.0	511	<0.05
Seeking social support	16.5 + 5.3	11.2 + 2.3	613	>0.05
Escape – avoidance	14.8 + 3.3	6.9 + 2.0	482	<0.05
Accepting responsibility	10.7 + 4.2	11.2 + 3.3	1011	>0.05
Planful problem solving	13.6 + 2.5	16.5 + 4.0	988	>0.05
Positive reappraisal	14.7 + 2.3	7.6 + 2.7	489	<0.05

In particular, the androgynous men and women did not have significant differences in their use of coping strategies such as ‘seeking social support’, ‘planful problem solving’ and ‘accepting responsibility’. These strategies were chosen by them quite often.

However, on the other scales we can observe significant sex-dependent differences. For example, the androgynous women rarely used the strategy of ‘distancing’ while the androgynous men rarely used the strategy of ‘confrontative coping’. Most often, in addition to the general strategies, the androgynous women used the strategy of ‘positive reappraisal’ and the androgynous men preferred ‘self-controlling’.

An analysis of the coping strategies of the feminine men and women made it possible to conclude that they had no significant differences in their choice of the strategies of ‘confrontative coping’, ‘self-controlling’ and ‘accepting responsibility’ (Table 4).

Table 4

Descriptive statistics and Mann – Whitney U-test for the coping strategies in the feminine people

Coping strategy	Total N = 90			U	p
	Mean + σ Women n = 46	Mean + σ Men n = 44			
Confrontative coping	8.7 + 3.2	12.9 + 3.6		690	>0.05
Distancing	6.2 + 3.4	15.8 + 3.3		117	<0.05
Self-controlling	8.4 + 3.8	7.7 + 4.5		1064	>0.05
Seeking social support	16.3 + 3.2	8.7 + 2.1		376	<0.05
Escape – avoidance	8.1 + 3.2	15.9 + 2.1		428	<0.05
Accepting responsibility	7.2 + 2.6	10.4 + 3.7		1201	>0.05
Planful problem solving	9.1 + 2.2	16.7 + 3.0		511	<0.05
Positive reappraisal	17.2 + 3.3	6.5 + 3.1		96	<0.05

The feminine men and women rarely used the strategy of ‘self-controlling’ and ‘accepting responsibility’. The feminine women frequently used the strategy of ‘seeking social support’ and ‘positive reappraisal’ but they rarely resorted to ‘distancing’ and ‘escape – avoidance’. The feminine men often used the strategies of ‘distancing’ and ‘planful problem solving’ but they seldom used ‘positive reappraisal’.

Next, we used the Kruskal-Wallis *H* test to compare the three groups. Table 5 provides an overview of the coping preferences of the female participants, who had different gender identities. In particular, the androgynous and feminine women often used the strategy of ‘seeking social support’, which was not the case with the masculine women. The masculine and androgynous women often used the strategy of ‘escape – avoidance’ but the feminine women did not. The androgynous and feminine women rarely used the strategy of ‘distancing’ while the masculine women often did so. The strategy of ‘planful problem solving’ was frequently used by the androgynous women; however, it was rarely used by the masculine women. The androgynous women quite often chose the strategy of ‘confrontative coping’ but in the group of masculine women, the rates were even higher.

Table 5

Descriptive statistics and the Kruskal – Wallis H-test for the coping strategies used by the women

Coping strategy	Total N = 142			p
	Mean + σ Masculine n = 47	Mean + σ Androgynous n = 49	Mean + σ Feminine n = 46	
Confrontative coping	17.6 + 3.2	13.8 + 2.6	12.9 + 2.7	<0.05
Distancing	15.8 + 2.3	6.5 + 2.1	6.2 + 3.4	<0.05
Self-controlling	11.3 + 4.5	9.2 + 2.4	8.4 + 3.8	>0.05
Seeking social support	11.2 + 2.3	16.5 + 5.3	16.3 + 3.2	<0.05
Escape – avoidance	17.9 + 2.0	14.8 + 3.3	8.1 + 3.2	<0.05
Accepting responsibility	11.7 + 3.3	10.7 + 4.2	7.2 + 2.6	>0.05
Planful problem solving	6.1 + 1.7	13.6 + 2.5	9.1 + 2.2	<0.05
Positive reappraisal	13.5 + 1.1	14.7 + 2.3	17.2 + 3.3	<0.05

An analysis of the gender-dependent coping strategies among the men showed their uneven use (Table 6).

Table 6

Descriptive statistics and the Kruskal – Wallis *H*-test for the coping strategies used by the men

Coping strategy	Total N = 144			<i>p</i>
	Mean + σ Masculine N = 49	Mean + σ Androgynous N = 51	Mean + σ Feminine N = 44	
Confrontative coping	14.9 + 3.6	8.9 + 1.8	8.7 + 2.1	<0.05
Distancing	17.8 + 1.2	12.8 + 2.3	15.8 + 3.3	<0.05
Self-controlling	14.3 + 1.7	14.9 + 3.0	7.7 + 4.5	<0.05
Seeking social support	6.0 + 1.3	11.2 + 2.3	8.7 + 2.1	>0.05
Escape – avoidance	15.1 + 2.6	6.9 + 2.0	15.9 + 2.1	<0.05
Accepting responsibility	11.9 + 3.8	11.2 + 3.3	10.4 + 3.7	>0.05
Planful problem solving	12.1 + 2.4	16.5 + 4.0	16.7 + 3.0	<0.05
Positive reappraisal	9.6 + 2.0	7.6 + 2.7	6.5 + 3.1	>0.05

The masculine and androgynous men often used the strategy of ‘self-controlling’, but the feminine men did not. The masculine and feminine men often used the strategy of ‘escape – avoidance’, but this was not the case with the androgynous men. The masculine men were more likely to show ‘confrontative coping’ than the feminine and androgynous men, as had been expected.

The masculine men, unlike the androgynous and feminine ones, more often resorted to ‘planful problem solving’ ($p < 0.05$). At the same time, the feminine men reported lower levels of ‘positive reappraisal’ ($p < 0.05$). Throughout the sample of the men in the different gender groups, the strategy of ‘distancing’ is clearly expressed; however, in the masculine group, its mean value is statistically significantly higher. ‘Positive reappraisal’ is the least frequently used in the entire group of the men, regardless of their gender identities.

Discussion

The study has shown that dividing people by gender can be helpful in revealing significant qualitative differences in the coping strategies chosen by men and women. Dividing people by sex has outlined variations the coping strategies used.

As for the study participants, the masculine men and women were more likely to choose the strategies of ‘distancing’, ‘self-controlling’ and ‘escape – avoidance’, while the androgynous men and women mainly used such strategies as ‘seeking social support’ and ‘planful problem solving’. In the feminine group, there were the most differences in the use of the coping strategies between the men and women, which may indicate that this group was more susceptible to the effects of social stereotyping and attribution of certain roles and forms of social behavior. In today’s society, a man with feminine characteristics is in most cases viewed as having masculine behavior. This is in line with foreign studies that suggest that feminine men are more likely to be blamed and even abused for their behavior (Mayer, 2018). In the group of the feminine men, the strategies of ‘distancing’ and ‘escape – avoidance’ predominate (as in the group of masculine people), while this predominance is not observed in the group of the feminine women.

Thus, the data reviewed in this study suggest that understanding one’s gender role orientation (identity), rather than biological sex, can be helpful in under-

standing many of our perceptions and behaviors. The discrepancies between the concepts of ‘sex’ and ‘gender’ can be seen as evidence of not only biological but also cultural differences in coping and the role of social and psychological resources.

The representatives of the *masculine group* often use confrontation to cope with the situation. They also try to overcome negative experiences and problems by subjectively reducing their significance and the degree of emotional involvement in problems. They use the techniques of intellectual rationalization, switching attention, suspension, humor, depreciation etc. They also aim to suppress and restrain emotions, minimize their influence, when assessing the situation or choosing a behavioral strategy, and use highly controlling and self-controlling behaviors. The masculine people try to hide their experiences, motivations and emotions in crisis situation. Their experiences can also look like avoidance: denial of problems, dreams, unrealistic expectations, distractions, etc. In stressful situations, they use these strategies to deny or ignore the problem, evade responsibility and act to resolve the difficulties, demonstrating passivity, impatience or temper tantrums, immersing in fantasies, overeating or drinking alcohol to reduce the painful emotional stress.

The representatives of the *androgynous group* try to solve problems by attracting external (social) resources, research information, emotional and effective support. They use interaction with other people, seeking attention, advice, sympathy or recommendations from experts and friends who are more competitive. They need emotional support, which manifests the desire to be heard, to receive empathetic response, to distance themselves from their experiences with anyone. The androgynous people try to overcome the problem by analyzing the situation and possible behaviors; they develop strategies for solving the problem and plan their own actions, taking into account objective conditions, past experience and available resources.

The *feminine men and women* try to overcome negative experiences by positively rethinking the problem, addressing the problem as a stimulus for personal growth. However, they rarely exhibit purposeful behavioral activity. In this group, the men with a feminine gender identity still try to conform more to the stereotypical behavior of a ‘man’ accepted in society. The activities of this the representatives of this group can be aimed either at changing the situation or at acting out negative emotions in connection with the difficulties that have arisen. This may be accompanied by impulsive behavior (sometimes with elements of hostility and conflict), hostility, difficulties in planning actions, predicting their results, behavioral strategies, or unjustified persistence.

Conclusion

Our research has shown that it is not possible to fully explore coping strategies by considering men and women only as biological *sexes*. We should see their *gender*, which influences their coping behavior. For gender shows to a greater extent the cultural and social behavior of people.

It can also be concluded that the selected coping strategies for men and women should not be considered without taking into account their gender features.

The results of the study showed that the men and women of the same gender identity did not have large differences in their use of coping strategies. However, we noted differences in the coping strategies of the different gender groups. The feminine men and women more often used the coping strategies of ‘confrontation’ and ‘positive reappraisal’ compared to that of ‘self-controlling’. The masculine men and women were more likely to resort to the strategies of ‘distancing’, ‘self-controlling’ and ‘escape – avoidance’. And the androgynous men and women preferred the strategies of ‘seeking social support’ and ‘planful problem solving’.

The research of masculinity, androgyny and femininity can become an important step in the long-term study of coping behavior and the basis for a better understanding of the dynamics of human behavior in a stressful situation, taking into account socio-psychological characteristics.

Our data are consistent with the results of modern research in the field of gender psychology. Thus, scientists from Germany, Tristan Marhenke and Roland Imhoff, having studied 514 men and women of mature age, found that it was gender, but not sex, that was a more significant factor in determining various socio-psychological characteristics in human behavior (Marhenke, Imhoff, 2019).

Involving various methodological approaches of social psychology can be helpful in studying in more detail the influence of gender identity on the adaptive capacity and resilience of a person.

Practical significance of the study. The results confirm the need to take into account social gender in studies of coping behaviors. It is important for psychologists to have an idea of the specifics of coping strategies of people not only of different genders and ages, but also of different gender identities. Gender is culturally conditioned and determines how a person will cope with stressors, according to his or her ideas and social attitudes. Combining the use of both sex and gender factors in research will make it possible to more accurately present the scheme of assistance to people in difficult life situations. Knowing the gender identity of adults, a practical psychologist will be able to choose the right coping strategy when consulting a client.

In addition, this study suggests that the authors of other studies should not confuse the two concepts, ‘sex’ and ‘gender’, when considering both socio-cultural and biological predictors of social behavior of a modern person.

In the future, it is necessary to study the gender specificity of the response to stress as well as the resources of each gender group. Further research will be aimed at finding specific styles of necessary social support and internal resources for resilience.

Limitation of the study. We acknowledge the limited nature of our study. The limitation was caused by a small number of independent variables (only the coping strategies proposed by Lazarus and Folkman). Future research could try to explore the relationships between gender identity and outcome constructs such as coping, resilience, endurance, and so on.

The masculine, feminine and androgynous groups in our sample were almost equal, since we chose them from a larger general population. It was important for us that all the gender groups (masculine, feminine and androgynous) be represented equally. At the same time, it should be noted that our previous

studies, as well as studies of domestic and foreign authors, increasingly frequently show that the gender identification of modern men and women tends to androgyny. Usually, in large samples (especially in female populations), people identify themselves to a greater extent as representatives of the androgynous type (Antonova, Ivanova, 2016; García Vega et al., 2017; Lorenzi-Cioldi, 1996; Ovsyanik, 2013). This may have introduced some limitations to our study.

The limited sample size of our study did not allow us to include men and women of other age groups as well as representatives of various social strata of the population.

References

- Antonova, N.V., & Ivanova, N.L. (2016). Gender differences in identity features and self-determination process. *IAFOR Journal of Psychology & the Behavioral Sciences*, 2(2), 47–64. <https://doi.org/10.22492/ijpbs.2.2.04>
- Bakanova, A.A. Existential context of overcoming crisis situations in mature age. (In Russ.) Retrieved May 14, 2022, from <http://hpsy.ru/public/x1174.htm>
Баканова А.А. Экзистенциальный контекст преодоления кризисных ситуаций в зрелом возрасте. URL: <http://hpsy.ru/public/x1174.htm> (дата обращения: 14.05.2022).
- Bakhet, S.M.A. (2021). Responding to: Coping with stress among androgynous, and sextyped persons. *Open Access Library Journal*, 8(8), e7734. <https://doi.org/10.4236/oalib.1107734>
- Belinskaya, E.P. (2009). Coping as social-cultural problem. *Psychological Studies*, 2(3). (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1001>
Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1001>
- Bem, S.L. (1993). *The lenses of gender: Transforming the debate of sexual inequality.* New Haven: Yale University Press. <https://doi.org/10.12987/9780300154252>
- Bodnar, A.M., & Bodnar, E.L. (2016). Ways of coping with stress among service men with different gender identity. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 22(4), 108–114. (In Russ.)
Боднар А.М., Боднар Э.Л. Исследование способов преодоления стресса у военнослужащих с различной гендерной идентичностью // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 4 (154). С. 108–114.
- Bordean, O.N., Rácz, D.S., Ceptureanu, S.I., Ceptureanu, E.G., & Pop, Z.C. (2020). Gender diversity and the choice of conflict management styles in small and medium-sized enterprises. *Sustainability*, 12(17), 7136. <https://doi.org/10.3390/su12177136>
- Borisova, I.V., & Gulakova, E.S. (2018). Coping and protective behavior of residents of radioactive contaminated territories depending on age and gender. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(1), 79–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-79-93>
Борисова И.В., Гулакова Е.С. Совладающее и защитное поведение жителей радиоактивно загрязненных территорий в зависимости от возраста и пола // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 1. С. 79–93. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-79-93>
- Brems, C., & Johnson, M.E. (1989). Problem-solving appraisal and coping style: The influence of sex-role orientation and gender. *The Journal of Psychology*, 123(2), 187–194. <https://doi.org/10.1080/00223980.1989.10542975>
- Broderick, P.C., & Korteland, C. (2002). Coping style and depression in early adolescence: Relationships to gender, gender role, and implicit beliefs. *Sex Roles*, 46(7–8), 201–213. <https://doi.org/10.1023/A:1019946714220>
- Connell, R. (2011). Gender and social justice: Southern perspectives. *South African Review of Sociology*, 42(3), 103–115. <https://doi.org/10.1080/21528586.2011.621242>

- Eagly, A.H., & Wood, W. (2012). Social role theory. In P. Van Lange, A. Kruglanski & E. Higgins (Eds.), *Handbook of Theories of Social Psychology* (vol. 2, pp. 458–476). London: SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n49>
- García-Vega, E., Rico, R., & Fernández, P. (2017). Sex, gender roles and sexual attitudes in university students. *Psicothema*, 29(2), 178–183. <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.338>
- Graves, B.S., Hall, M.E., Dias-Karch, C., Haischer, M.H., & Apter, C. (2021). Gender differences in perceived stress and coping among college students. *PLOS ONE*, 16(8), e0255634. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255634>
- Haan, N. (1982). The assessment of coping, defense, and stress. In L. Goldberger & S. Breznitz (Eds.), *Handbook of Stress: Theoretical and Clinical Aspects* (pp. 258–273). New York: Free Press.
- Ilin, E.P. (2010). *Sex and gender*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
- Isaeva, E.R. (2009). Age and gender specialties of stress-coping behavior by the example of Russian population. Part I. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (6), 86–90. (In Russ.)
Исаева Е.Р. Возрастные и гендерные особенности стресс-преодолевающего поведения (копинга) на примере российской популяции // Вестник ТГПУ. 2009. № 6 (84). С. 86–90.
- Kuznetsova, L.B. (2015). Psychological features of aging process experience. *Scientific Bulletins. Humanitarian sciences*, (24), 173–181. (In Russ.)
Кузнецова Л.Б. Психологические особенности переживания процесса старения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 173–181.
- Lazarus, R., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer.
- Lazarus, R.S., Kanner, A.D., & Folkman, S. (1980). Emotions: A cognitive-phenomenological analysis. In R. Plutchik & H. Kellerman (Eds.), *Theories of Emotion* (pp. 189–217). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-558701-3.50014-4>
- Lipińska-Grobelny, A. (2011). Effects of gender role on personal resources and coping with stress. *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*, 24(1), 18–28. <https://doi.org/10.2478/s13382-011-0002-6>
- Lippa, R.A. (2005). *Gender, nature, and nurture* (2nd ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781410612946>
- Lorenzi-Cioldi, F. (1996). Psychological androgyny: A concept in search of lesser substance. Towards the understanding of the transformation of a social representation. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 26(2), 137–155. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1996.tb00526.x>
- Mahmoudi, F., & Ýzkan, Y. (2016). Practicum stress and coping strategies of pre-service English language teachers. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 232, 494–501. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.10.067>
- Marhenke, T., & Imhoff, R. (2019). Does Bem’s Psychological Androgyny map on gender or sex differences in faces? *Psychology, Society & Education*, 11(1), 99–112. <https://doi.org/10.25115/psye.v11i1.2071>
- Mayer, D.M. (2018, October 8). How men get penalized for straying from masculine norms. *Harvard Business Review*. Retrieved May 21, 2022, from <https://hbr.org/2018/10/how-men-get-penalized-for-straying-from-masculine-norms>
- Mayor, E. (2015). Gender roles and traits in stress and health. *Frontiers in Psychology*, 6, 779. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00779>
- Moos, R.H., & Billings, A.G. (1982). Conceptualizing and measuring coping resources and processes. In L. Goldberger & S. Breznitz (Eds.), *Handbook of Stress: Theoretical and Clinical Aspects* (pp. 212–230). New York: Free Press.
- Nartova-Bochaver, S.K. (1997). “Coping behavior” in the system of concepts of the psychology of personality. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 18(5), 20–30. (In Russ.)
Нартова-Бочавер С.К. “Coping behavior” в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.

- Nesterova, A.A., & Suslova, T.F. (2014). Study of families of migrants need in psychological help. *The International Conference on Social Science and Humanity. Conference Proceedings* (pp. 97–108). London: SCIEURO.
- Nolen-Hoeksema, S. (1987). Sex differences in unipolar depression: Evidence and theory. *Psychological Bulletin*, 101(2), 259–282. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.2.259>
- Ovsyanik, O.A. (2013). Gender differences in age perception by women aged 40–60 in Russia and Australia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6(2), 223–234.
- Sachkova, M.E., & Timoshina, I.N. (2016). Gender aspects of status in teenage student groups. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(2), 167–176. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0213>
- Seidler, Z.E., Rice, S.M., Kealy, D., Wilson, M.J., Oliffe, J.L., & Ogradniczuk, J.S. (2021). Men's shame and anger: Examining the roles of alexithymia and psychological distress. *The Journal of Psychology*, 156(1), 1–11. <https://doi.org/10.1080/00223980.2021.1977598>
- Sinnott, J.D., & Shifren, K. (2001). Gender and aging: Gender differences and gender roles. In J.E. Birren & K.W. Schaie (Eds.), *Handbook of the Psychology of Aging* (5th ed., pp. 454–476). San Diego: Academic Press.
- Spangenberg, J.J., & Lategan, T.P. (1993). Coping, androgyny, and attributional style. *South African Journal of Psychology*, 23(4), 195–203. <https://doi.org/10.1177/008124639302300406>
- Starr, C.R., & Zurbriggen, E.L. (2017). Sandra Bem's gender schema theory after 34 years: A review of its reach and impact. *Sex Roles*, 76(9–10), 566–578. <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0591-4>
- Tamres, L.K., Janicki, D., & Helgeson, V.S. (2002). Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review and an examination of relative coping. *Personality and Social Psychology Review*, 6(1), 2–30. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0601_1
- Vafaei, A., Ahmed, T., Freire, A.d.N.F., Zunzunegui, M.V., & Guerra, R.O. (2016). Depression, sex and gender roles in older adult populations: The International Mobility in Aging Study (IMIAs). *PLOS ONE*, 11(1), e0146867. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0146867>
- Vafaei, A., Alvarado, B., Tomás, C., Muro, C., Martínez, B., & Zunzunegui, M.V. (2014). The validity of the 12-item Bem Sex Role Inventory in older Spanish population: An examination of the androgyny model. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 59(2), 257–263. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2014.05.012>
- Van den Brande, W., Baillien, E., De Witte, H., Vander Elst, T., & Godderis, L. (2016). The role of work stressors, coping strategies and coping resources in the process of workplace bullying: A systematic review and development of a comprehensive model. *Aggression and Violent Behavior*, 29, 61–71. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.06.004>
- Varabina, A.V., & Egorova, T.V. (2016). Gender features of coping behavior among modern teenagers. *Psikhologiya Stressa i Sovladayushchego Povedeniya: Resursy, Zdorov'ye, Razvitiye: Conference Proceedings* (vol. 1, pp. 288–290). Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. (In Russ.)
Варабина А.В., Егорова Т.В. Гендерные особенности совладающего поведения современных подростков // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции (Кострома, 22–24 сентября 2016 г.): в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 288–290.
- Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., Isaeva, E.R., Trifonova, E.A., Shchelkova, O.Yu., & Novozhilova, M.Yu. (2009). *A questionnaire for psychological diagnosis of coping behavior in stressful and problematic situations for a person*. St. Petersburg: St. Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute. (In Russ.)
Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2009. 38 с.
- Villada, C., Espin, L., Hidalgo, V., Rubagotti, S., Sgoifo, A., & Salvador, A. (2017). The influence of coping strategies and behavior on the physiological response to social stress in women: The role of age and menstrual cycle phase. *Physiology & Behavior*, 170, 37–46. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2016.12.011>

Volkova, O.N., Kossova, E.G., & Chekhlaty, E.I. (2005). A study of the quality of life of healthy people and coping strategies in gender aspect. *Bulletin of Psychotherapy*, (13), 65–75. (In Russ.)

Волкова О.Н., Коссова Е.Г., Чехлатый Е.И. Исследование качества жизни здоровых людей и стратегий совладания в гендерном аспекте // Вестник психотерапии. 2005. № 13 (18). С. 65–75.

Zeman, J., & Garber, J. (1996). Display rules for anger, sadness, and pain: It depends on who is watching. *Child Development*, 67(3), 957–973. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1996.tb01776.x>

Article history:

Received 3 June 2022

Revised 12 September 2022

Accepted 15 September 2022

For citation:

Ovsyanik, O.A., Nesterova, A.A., & Sidyacheva, N.V. (2022). Gender features of coping strategies in men and women. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 765–780. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-765-780>

Bio notes:

Olga A. Ovsyanik, Dr.Sc. in Psychology, is Associate Professor, Department of Social Psychology, Moscow Region State Pedagogical University (Mytishi, Russia). ORCID: 0000-0003-0274-1702, Scopus ID: 57191878196, Researcher ID: S-8469-2016, eLIBRARY SPIN-code: 7718-3237. E-mail: Ovsianik@mail.ru

Albina A. Nesterova, Dr.Sc. in Psychology, is Associate Professor, Department of Social Psychology, Moscow Region State Pedagogical University (Mytishi, Russia). ORCID: 0000-0002-7830-9337, Scopus ID: 56719360200, Researcher ID: AAD-8250-2019, eLIBRARY SPIN-code: 2844-3800. E-mail: anesterova77@rambler.ru

Natalia V. Sidyacheva, PhD in Psychology, is Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Moscow Region State Pedagogical University (Mytishi, Russia). ORCID: 0000-0001-6454-964X, Researcher ID: AAK-6122-2020, eLIBRARY SPIN-code: 8064-3142. E-mail: sidna@bk.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-765-780

УДК 159.922.1

Исследовательская статья

Гендерные особенности копинг-стратегий мужчин и женщин

О.А. Овсяник , А.А. Нестерова , Н.В. Сидячева

Московский государственный областной педагогический университет,
Российская Федерация, 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

 anesterova77@rambler.ru

Аннотация. Эффективность совладающего поведения зависит от применения успешных стратегий, а также от индивидуальных особенностей человека. Возраст, пол, интеллект, социальный статус, гендерная идентичность – все эти факторы могут влиять

на способность справляться с трудностями и психологическую устойчивость каждого человека. В современных психологических исследованиях встречается путаница между понятиями «пол» и «гендер». Несмотря на существование множества исследований копинг-стратегий мужчин и женщин, различия копинг-поведения в зависимости от гендера мало изучены. Цель исследования – анализ гендерно-специфических копинг-стратегий мужчин и женщин среднего возраста. Выборка российских мужчин и женщин ($N = 286$) была разделена по гендерному признаку на три подгруппы: маскулинная, андрогинная, фемининная. Для диагностики использовались тест гендерных ролей С. Бем (The Bem Sex-Role Inventory, BPRT) и опросник копинг-стратегий Лазаруса и Фолкмана (Test Ways of Coping Questionnaire, WCQ) в русскоязычных адаптациях. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что гендерная идентичность может определять специфику копинг-поведения людей: люди с различиями в биологической половой идентичности (мужчины и женщины) используют гендерно-специфические стратегии совладания (маскулинная, андрогинная, фемининная), если их гендерные ориентации совпадают. Исследование маскулинности, андрогинности и фемининности может способствовать изучению особенностей копинг-поведения и стать основой для лучшего понимания динамики поведения человека в стрессовой ситуации.

Ключевые слова: пол, гендер, мужчины, женщины, средний возраст, маскулинность, фемининность, андрогинность

История статьи:

Поступила в редакцию 3 июня 2022 г.

Принята к печати 15 сентября 2022 г.

Для цитирования:

Ovsyanik O.A., Nesterova A.A., Sidyacheva N.V. Gender features of coping strategies in men and women // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 765–780. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-765-780>

Сведения об авторах:

Овсяник Ольга Александровна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной педагогический университет (Мытищи, Россия). ORCID: 0000-0003-0274-1702, Scopus ID: 57191878196, Researcher ID: S-8469-2016, eLIBRARY SPIN-код: 7718-3237. E-mail: ovsianik@mail.ru

Нестерова Альбина Александровна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной педагогический университет (Мытищи, Россия). ORCID: 0000-0002-7830-9337, Scopus ID: 56719360200, Researcher ID: AAD-8250-2019, eLIBRARY SPIN-code: 2844-3800. E-mail: anesterova77@rambler.ru

Сидячева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Московский государственный областной педагогический университет (Мытищи, Россия). ORCID: 0000-0001-6454-964X, Researcher ID: AAK-6122-2020, eLIBRARY SPIN-код: 8064-3142. E-mail: sidna@bk.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797

УДК 316.6

Исследовательская статья

Роль потребностей в поддержании легитимизирующих социально-политический статус-кво установок в российском контексте

И.С. Прусова^{ID}, Н.И. Богатырева^{ID}, Е.Р. Агадуллина^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
[✉ iprusova95@gmail.com](mailto:iprusova95@gmail.com)

Аннотация. В последнее время исследователи обращаются к широкому спектру разных конструкторов для изучения легитимизирующих оснований в общественно-политических отношениях. В качестве установок, содержащих различные основания для легитимизации существующих на данный момент социально-политических отношений (статус-кво), рассматриваются оправдание политической системы, ориентация на социальное доминирование (доминирование и антиэгалитаризм) и политический консерватизм. Поддержание данных установок связано с удовлетворением ряда психологических потребностей: эпистемических (например, потребность в когнитивной завершенности), экзистенциальных (например, потребности в безопасности) и потребности в поддержании отношений с другими людьми. Цель исследования – изучить вклад потребностей в поддержание различных установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво в российском контексте. Для реализации представленной цели эмпирически протестирована модель, в которой потребности рассматривались в качестве предикторов, легитимизирующие установки – зависимых переменных, а социально-демографические характеристики, связанные с поддержанием легитимизирующих установок (уровень дохода индивидов, субъективный социальный статус, возраст и пол респондентов), – контрольных переменных. В онлайн-исследовании приняли участие 387 жителей России в возрасте от 18 до 73 лет, которые заполняли методики на оценку потребности в когнитивной завершенности, страха смерти, потребности в поддержании отношений, ориентации на социальное доминирование, оправдания политической системы и политического консерватизма. Полученные данные обрабатывались при помощи моделирования структурными уравнениями. Результаты показали, что наиболее существенный и последовательный вклад в поддержании легитимизирующих установок вносят эпистемические потребности (в частности, потребность в когнитивной завершенности). При этом наличие в обыденных представлениях системы легитимизирующих установок позволяет в зависимости от контекста (например, наличие или отсутствие угроз) или социально-демографических характеристик индивида (например, возраст и социально-экономический статус) реализовывать разные потребности, что обеспечивает гибкость процесса социального познания.

Ключевые слова: оправдание, политическая система, политический консерватизм, антиэгалитаризм, доминирование, потребности

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00142.

© Прусова И.С., Богатырева Н.И., Агадуллина Е.Р., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Исследователи обратили внимание на то, что в ситуации несправедливого распределения власти и ресурсов, люди склонны «оправдывать» существующую систему отношений (Jost, 2020). Более того, общества с крайне выраженным неравенством продолжают функционировать достаточно долгое время. Одной из причин этого является широкое распространение в обществе установок, которые легитимизируют (придают «законность» в глазах людей) существующий социальный и политический порядок отношений между различными социальными группами (статус-кво). К числу важных легитимизирующих социально-политический статус-кво установок Дж. Джост относит оправдание системы, ориентацию на социальное доминирование (ОСД) и политический консерватизм (Jost, 2020). Согласно результатам исследований, в обыденных представлениях людей данные установки достаточно часто связаны между собой, так как, в итоге, обеспечивают поддержку существующих отношений между различными социальными группами (Azevedo et al., 2017; Kay et al., 2014; Napier, Jost, 2008; Wilson, Sibley, 2013). При этом основания для легитимизации социально-политического статуса-кво, заложенные в каждой установке, различаются, что имеет важное значения для прогнозирования и лучшего понимания социального поведения (Brandt, Reyna, 2012).

Оправдание системы определяется как склонность поддерживать и защищать статус-кво (Jost, Vanaji, 1994). В данном случае представление о легитимности статус-кво возникает благодаря тому, что оправдывающий систему человек рационализирует отношения между группами с разным социальным статусом, объясняя положение каждой группы в социальной иерархии количеством усилий, которые те прилагают для повышения/поддержания своего статуса. В результате положение групп в обществе считается справедливым, а следовательно, легитимным. На уровне поведения оправдание системы приводит к активному сопротивлению социальным изменениям, которые могли бы нарушить привычный статус-кво или к бездействию, которое также способствует сохранению существующих отношений (Агадуллина и др., 2021).

Ориентация на социальное доминирование (ОСД) выражается в предпочтении групповой иерархии (доминирование) и поддержке неравенства между группами (антиэгалитаризм) (Ho et al., 2012). Согласно теории социального доминирования, социальная иерархия сформировалась эволюционно, следовательно, статус и власть, которыми наделяются группы на разных ступенях социальной лестницы, рассматриваются как естественно заданные, что и определяет их легитимность в глазах людей (Pratto et al., 1994). В целом существующая система отношений сохраняется и поддерживается за счет принятия неравенства в обществе как неизбежного, и одобрения иерархических отношений между группами как исторически и культурно обоснованных.

Консерватизм включает в себя поддержку традиционалистских ценностей в социальной, культурной, политической и экономической сферах, а также представление о том, что именно такие ценности и являются «нормой» для общества (Jost et al., 2003). В данном случае представления о легитимности системы обеспечиваются как благодаря вере в справедливость традиционалистского устройства общества, где верхние позиции в иерархии

занимают люди, поддерживающие «правильные» ценности, так и благодаря принятию существующего неравенства как культурно обусловленного. Люди с высоким уровнем консерватизма активно противостоят «девиантным» группам и идеям, которые, с их точки зрения, несут угрозу традиционным ценностям (Jost et al., 2003), что и обеспечивает устойчивость и сохранность отношений, выстроенной на основе данных ценностей.

В силу того, что содержательно легитимизирующие установки отличаются, возникает закономерный вопрос о том, что способствует тому, что люди будут разделять и одобрять ту или иную установку и, следовательно, что может «запускать» определенный поведенческий механизм защиты статус-кво. Дж. Джост с коллегами высказали предположение, что широкое распространение в обыденном сознании и поддержание различных легитимизирующих установок могут быть связаны с тем, что они позволяют людям эффективно реализовывать целый ряд важных психологических потребностей, среди которых эпистемические потребности (epistemic needs), экзистенциальные потребности (existential needs) и потребность в поддержании отношений (relational needs) (Hennes et al., 2012; Jost et al., 2003).

К *эпистемическим потребностям* относятся потребность в порядке, структуре, когнитивной завершенности и познании, а также избегание неопределенности и двусмысленности. Легитимизирующие установки позволяют индивидам сформировать простое и понятное представление о системе социальных и политических отношений, в рамках которых можно эффективно использовать легко предсказуемые паттерны социального поведения (Jost et al. Getting closure., 2017a), что и способствует реализации эпистемических потребностей. *Экзистенциальные потребности* связаны с поиском смысла жизни и избегания смерти. В данном случае установки, легитимизирующие социально-политический статус-кво, усиливают восприятие мира (например, страны, где живет человек) как безопасного места, где люди, наделенные властью, защищают народ от внешних и внутренних угроз (страх смерти) (Jost et al. The politics., 2017b). Способность легитимизирующих установок усиливать чувство безопасности позволяет эффективно реализовать экзистенциальные потребности. И, наконец, *потребность в поддержании отношений* выражается в желании иметь частые, стабильные и эмоционально приятные взаимодействия с другими людьми (Stern et al., 2014). Легитимизирующие установки задают ориентиры «восприятия мира» (например, через отношение к различным группам или систему ценностей), что способствует формированию представлений об «общей реальности», а также возникновению чувства сопричастности и групповой сплоченности (Jost, Ledgerwood, Hardin, 2008; Jost et al. The politics., 2017b).

Предыдущие исследования показали, что реализация всех трех потребностей способствует оправданию системы, позволяя человеку «видеть» мир более структурированным, чувствовать себя более защищенным и единым с другими людьми (Jost, Ledgerwood, Hardin, 2008; Jost et al. Getting closure., 2017a; Jost et al. The politics., 2017b). В то же время консервативные установки в большей степени связаны с удовлетворением эпистемических потребностей. Многочисленные кросс-культурные данные подтвердили, что политический консерватизм положительно связан с нетерпимостью к двусмысленности и неопреде-

ленности; потребностями в когнитивной завершенности, структуре и порядке (Cichocka, Jost, 2014; De Zavala et al., 2010; Jost et al. Getting closure., 2017a; Kossowska, Van Hiel, 2003). Кроме этого, в некоторых условиях (например, политической нестабильности, экономического кризиса, войны или террористической угрозы) консерватизм может способствовать удовлетворению экзистенциальной потребности, усиливая чувство защищенности (Jost et al. The politics..., 2017b; Nail, McGregor, 2009). Относительно ОСД, имеющиеся эмпирические данные, указывают на то, что в целом данная установка негативно связана с потребностью в познании (Tam et al., 2008), в то время как подшкала ОСД «анти-эгалитаризм», не связана с данной потребностью (Federico et al., 2014; Ksiazkiewicz et al., 2016).

Таким образом, на настоящий момент существуют данные, которые позволяют говорить о связях между реализацией потребностей и поддержанием легитимизирующих установок в западноевропейском и североамериканском социально-политическом контекстах. При этом, как неоднократно подчеркивают исследователи, распространение и поддержание определенных легитимизирующих установок связаны с общим социальным и политическим контекстом страны и, например, закономерности, характерные для западных стран, не воспроизводятся в странах Восточной Европы (Cichocka, Jost, 2014; Kossowska, Van Hiel, 2003). В связи с чем **основной исследовательский вопрос** настоящей работы – соотносится ли предложенная Дж. Джостом с коллегами теоретическая модель роли потребностей в поддержании установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво, с данными, полученными в российском социально-политическом контексте? В этом случае новизна исследования состоит не только в проверке основного положения об оправдании системы через перспективу мотивированного социального познания в России, но и комплексном анализе роли рассматриваемых потребностей в представленности разных легитимизирующих установок в рамках одного исследования.

Цель исследования – изучить вклад потребностей в поддержании различных установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво в России. В общественном дискурсе любой страны представлены различные мнения о том, насколько легитимна существующая система социальных и политических отношений между разными группами (статус-кво). Степень согласия индивидов с тем, что статус-кво правильный, справедливый и законный в силу естественных или исторических причин, отражает уровень поддержания легитимизирующих установок в обществе.

Согласно данным, полученным Е. Агадуллиной с колл. (Agadullina et al., 2021), доли россиян, которые слабо, сильно или умеренно поддерживают политическую систему в России практически равны, что свидетельствует о высокой дифференциации представлений и делает особо актуальным анализ факторов, способствующих легитимизации в представлениях россиян социально-политической системы.

Для реализации представленной цели была эмпирически протестирована модель, в которой потребности (эпистемические, экзистенциальные и потребность в поддержании отношений) рассматривались в качестве предикторов, а легитимизирующие установки (оправдание политической системы, политический консерватизм, а также подшкалы ОСД «Доминирование» и «Анти-

эгалитаризм») – в качестве зависимых переменных. Данные кросс-культурных исследований демонстрируют, что уровень поддержки различных легитимирующих установок может зависеть от целого ряда социально-демографических переменных (уровень дохода, субъективный социальный статус, возраст и пол респондентов) (Vargas-Salfate et al., 2018), которые были добавлены в модель в качестве контрольных. Такой тип анализа позволит оценить в какой мере каждая исследуемая потребность при контроле роли других потребностей и социально-демографических характеристик респондентов объясняет поддержание различных легитимирующих установок.

Процедура и методы исследования

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 387 жителей России (50,3 % женщин; 49,7 % мужчин,) в возрасте от 18 до 73 лет ($M = 35,9$; $SD = 11,8$). Большинство респондентов имеют законченное высшее образование – 52,3 % ($n = 203$), идентифицируют себя как русских – 93,3 % ($n = 362$) и не считают себя религиозными людьми – 52,8 % ($n = 205$).

Процедура и методики исследования. Опрос был проведен в сентябре 2021 года на платформе «Яндекс.Толока». Участники исследования получали денежное вознаграждение. Респондентов знакомили с целью и процедурой опроса. После ознакомления с пунктами информированного согласия участники приступали к заполнению опроса, включающего следующие измерения.

Оправдание политической системы измерялось с помощью русскоязычной адаптации шкалы Дж. Джоста (Agadullina et al., 2021; Jost et al., 2010). Шкала включает девять утверждений (например, «Сегодня в России власть заслуженно пользуется поддержкой большинства»). Респонденты оценивали каждое суждение по шкале от 1 (*абсолютно не согласен*) до 9 (*абсолютно согласен*) (α Кронбаха = 0,96).

ОСД было измерено с помощью русскоязычной адаптации шкалы Дж. Сиданиуса и Ф. Пратто (Гулевич и др., 2018; Pratto et al., 1994). Шкала включает десять суждений, пять из которых составляют субшкалу «Доминирование» (например, «Одни группы людей лучше, чем другие») (α Кронбаха = 0,81), а пять – субшкалу «Антиэгалитаризм» (например, «Хорошо, когда существует равенство между разными группами людей») (α Кронбаха = 0,83). Респонденты выражали свое согласие или не согласие с каждым суждением по шкале от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*). При обработке данных суждения субшкалы «Антиэгалитаризм» перекодировались в обратные, так чтобы больший балл соответствовал большей поддержке антиэгалитаризма.

Политический консерватизм измерялся с помощью вопроса – «Укажите, пожалуйста, к какой части спектра политических предпочтений вы бы себя отнесли? Либералы поддерживают прогрессивные изменения, защиту прав и свобод человека, уравнивание в правах меньшинств, консерваторы выступают за поддержку традиций и устоявшегося порядка, считают, что резкие перемены вредны для общества» (Kroh, 2007). Респонденты отмечали свои политические предпочтения от 1 (*либеральные взгляды*) до 7 (*консервативные взгляды*). Распределение шкалы значительно отличается от нормального ($W = 0,93$; $p < 0,01$).

Потребность в когнитивной завершенности измерялась с помощью шкалы из двенадцати утверждений в адаптации М. Ясина и О. Хухлаева

(например: «Мне не нравится, когда чье-то высказывание можно трактовать по-разному») (Roets, Van Hiel, 2011). Респонденты отмечали степень согласия с утверждениями от 1 (*совершенно не согласен*) до 6 (*совершенно согласен*) (α Кронбаха = 0,82).

Страх смерти измерялся с помощью субшкалы «Страх смерти» из методики «Отношение к смерти» (Чистопольская и др., 2017; Wong et al., 1994). Субшкала включает четыре утверждения (например: «Перспектива собственной смерти вызывает у меня беспокойство»). Респонденты оценивали каждое суждение по шкале от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*) (α Кронбаха = 0,92).

Потребность в поддержании отношений измерялась с помощью шкалы из трех утверждений (например: «Я предпочитаю иметь собственное уникальное представление о мире») (Hennes et al., 2012). Респонденты отмечали степень согласия с утверждениями от 1 (*абсолютно не согласен*) до 7 (*абсолютно согласен*) (α Кронбаха = 0,70). При обработке данных суждения перекодировались в обратные, так чтобы большее значение соответствовало большей потребности в поддержании отношений.

Доход определялся с помощью выбора наиболее подходящего уровня обеспеченности респондента среди опций «Не хватает денег даже на еду», «Хватает на еду, но не хватает на покупку одежды и обуви», «Хватает на одежду и обувь, но не хватает на покупку мелкой бытовой техники», «Хватает денег на различные покупки, но покупка дорогих вещей (компьютера, стиральной машины, холодильника) требует кредита», «Хватает денег на все, а на покупку квартиры, машины, дачи необходимо накапливать денежные средства» или «Могу позволить себе все».

Субъективный статус измерялся с помощью вопроса «Где бы вы поместили себя на этой лестнице, чтобы проиллюстрировать свое социально-экономическое положение по сравнению с другими людьми в России в данный момент? 11 – на самом верху, 6 – где-то в середине, 1 – в самом низу» (Adler et al., 1994).

Образование измерялось с помощью выбора самого высокого полученного уровня образования из представленных опций: начальное, среднее (школа), среднее специальное (техникум), незаконченное высшее (обучаюсь в данный момент на программе бакалавриата/специалитета), законченное высшее, кандидат наук, два и более высших образования.

Обработка результатов осуществлялась в RStudio с помощью корреляционного анализа (критерий корреляции Спирмена) и регрессионного анализа. Для оценки роли различных потребностей в поддержании установок, легитимирующих социально-политический статус-кво, было проведено моделирование структурными уравнениями с помощью статистического пакета lavaan (версия 0.6–8). Для оценки качества модели использовались следующие показатели: отношение хи-квадрата к числу степеней свободы (χ^2/df), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA), сравнительный индекс соответствия (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI), стандартизованный коэффициент среднеквадратического остатка (SRMR). Оценка качества модели производилась, исходя из следующих значений показателей: $RMSEA < 0,06$ и $SRMR \leq 0,08$; $TLI \geq 0,90$; $CFI \geq 0,90$ и $X^2/df < 3$ (Schreiber et al., 2006).

Результаты

В табл. 1 представлена описательная статистика и корреляции между исследуемыми переменными. Полученные на этапе корреляционного анализа результаты в целом соответствуют теоретическим положениям и эмпирическим данным предыдущих исследований. В частности, наблюдается связь между двумя субшкалами ОСД («Антиэгалитаризм» и «Доминирование»), а также связь политического консерватизма с оправданием политической системы и субшкалами ОСД, что в целом подчеркивает схожесть конструкторов как легитимизирующих установок. При этом не было выявлено значимой корреляции между оправданием политической системы и субшкалами ОСД «Доминирование» и «Антиэгалитаризм». Последние данные могут свидетельствовать о том, что в исследуемом контексте оправдание политической системы и субшкалы ОСД могут иметь разные основания для легитимизации социально-политического статус-кво в России.

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика и интеркорреляции основных переменных /
Descriptive statistics and intercorrelations of main variables

Переменные/ Variables	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Оправдание / System justification	4,25 (2,16)										
2. Доминирование / Dominance	2,92 (1,36)	0,07									
3. Антиэгалитаризм / Anti-egalitarianism	2,97 (1,45)	-0,05	0,35***								
4. Консерватизм / Conservatism	3,68 (1,76)	0,49***	0,15**	0,14**							
5. Завершенность / Closure	3,69 (0,86)	0,26***	0,15**	-0,18***	0,16**						
6. Страх смерти / Fear of death	3,95 (2,01)	0,07	0,14**	-0,03	0,01	0,24***					
7. Отношения / Relational needs	3,04 (1,33)	0,02	-0,18***	0,12*	-0,02	-0,23***	-0,01				
8. Возраст / Age	35,76 (11,44)	0,18***	-0,06	-0,08	0,34***	0,17***	0,01	-0,06			
9. Образование / Education	4,27 (1,19)	0,06	-0,05	-0,07	0,11*	0,01	-0,04	-0,06	0,25***		
10. Доход / Income	3,47 (1,11)	0,07	0,12*	0,04	0,13**	-0,07	-0,04	-0,11*	0,06	0,14**	
11. Субъективный статус/ Subjective status	5,22 (1,67)	0,15**	0,05	0,08	0,02	-0,06	0,05	-0,07	-0,06	0,08	0,37***

Примечание: коэффициент корреляции Спирмена; *Оправдание* – оправдание политической системы; *Доминирование* – субшкала ОСД; *Антиэгалитаризм* – субшкала ОСД; *Завершенность* – потребность в когнитивной завершенности; *Отношения* – потребность в поддержании отношений; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Notes: Spearman's rank correlation coefficient; *System justification* – political system justification; *Dominance* – SDO subscale; *Anti-egalitarianism* – SDO subscale; *Closure* – need for cognitive closure; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Для оценки роли различных потребностей в поддержании легитимирующих социально-политический статус-кво установок было проведено моделирование структурными уравнениями. Все конструкты, измеренные более чем одним суждением, были введены в модель как латентные переменные, для повышения точности модели и уменьшения вероятности возникновения ошибки первого рода. Кроме этого, в модель включались выявленные на этапе корреляционного анализа связи между ключевыми переменными. Исследуемая модель показала хорошее соответствие данным $\chi^2(850) = 1527,760$; $RMSEA = 0,045$; $SRMR = 0,060$; $TLI = 0,913$; $CFI = 0,921$. Подробные результаты для каждой переменной представлены в табл. 2, а визуализация модели с указанием значимых связей – на рис. 1.

Таблица 2 / Table 2

Результаты проверки модели / Model fit

Переменные / Variables	Оправдание / System justification			Доминирование / Dominance			Антиэгалитаризм / Anti-egalitarianism			Консерватизм / Conservatism		
	B (SE)	CI	Bstd	B (SE)	CI	Bstd	B (SE)	CI	Bstd	B (SE)	CI	Bstd
Завершенность / Closure	0,88*** (0,17)	0,55; 1,22	0,34***	0,13 (0,11)	-0,09; 0,34	0,07	-0,25** (0,08)	-0,42; -0,09	-0,22**	0,31* (0,12)	0,06; 0,55	0,15*
Страх смерти / Fear of death	-0,07 (0,07)	-0,20; 0,06	-0,06	0,12** (0,05)	0,03; 0,22	0,15**	0,02 (0,03)	-0,05; 0,08	0,03	-0,02 (0,05)	-0,11; 0,08	-0,02
Отношения / Relational need	0,51** (0,17)	0,18; 0,85	0,19**	-0,36** (0,12)	-0,59; -0,12	-0,20**	0,10 (0,08)	-0,07; 0,26	0,08	0,08 (0,13)	-0,17; 0,33	0,04
Пол / Gender	0,13 (0,22)	-0,30; 0,56	0,03	-0,60*** (0,16)	-0,91; -0,29	-0,20***	-0,21 (0,11)	-0,43; 0,01	-0,11	-0,23 (0,17)	-0,56; 0,10	-0,07
Возраст / Age	0,03** (0,01)	0,01; 0,05	0,14**	-0,02** (0,01)	-0,03; -0,00	-0,12**	-0,01 (0,01)	-0,01; 0,00	-0,06	0,05*** (0,01)	0,03; 0,06	0,30***
Образование / Education	-0,01 (0,10)	-0,20; 0,18	-0,01	-0,05 (0,07)	-0,19; 0,08	-0,04	-0,03 (0,05)	-0,12; 0,06	-0,04	0,30 (0,07)	-0,12; 0,17	0,02
Доход / Income	0,10 (0,11)	-0,11; 0,30	0,05	0,20** (0,08)	0,05; 0,35	0,15**	0,01 (0,05)	-0,09; 0,11	0,01	0,18* (0,08)	0,03; 0,34	0,12*
Субъективный статус / Subjective status	0,25*** (0,07)	0,11; 0,39	0,19	0,07 (0,05)	-0,03; 0,17	0,08	0,06 (0,04)	-0,01; 0,13	0,13	0,02 (0,05)	-0,09; 0,12	0,01
R^2	0,17			0,09			0,17			0,14		

Примечание: Bstd – стандартизованный коэффициент; SE – стандартная ошибка; CI – доверительный интервал; Оправдание – оправдание политической системы; Доминирование – субшкала ОСД; Антиэгалитаризм – субшкала ОСД; Завершенность – потребность в когнитивной завершенности; Отношения – потребность в поддержке отношений; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Notes: Bstd – standardized coefficients; SE – standard error; CI – confidence interval; System justification – political system justification; Dominance – SDO subscale; Anti-egalitarianism – SDO subscale; Closure – need for cognitive closure; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Как видно из табл. 2 и рис. 1 при контроле социально-демографических переменных (пол, возраст, образование, доход и субъективный статус) эпистемические потребности, операционализируемые через потребность в когнитивной завершенности, являются наиболее последовательным предиктором легитимирующих установок, позитивно предсказывая оправдание политической системы ($\beta = 0,88$; $SE = 0,17$; $t(850) = 5,18$; $p < 0,001$) и политический

консерватизм ($\beta = 0,31$; $SE = 0,12$; $t(850) = 2,48$; $p = 0,013$), но негативно – антиэгалитаризм ($\beta = -0,25$; $SE = 0,08$; $t(850) = -3,01$; $p = 0,003$).

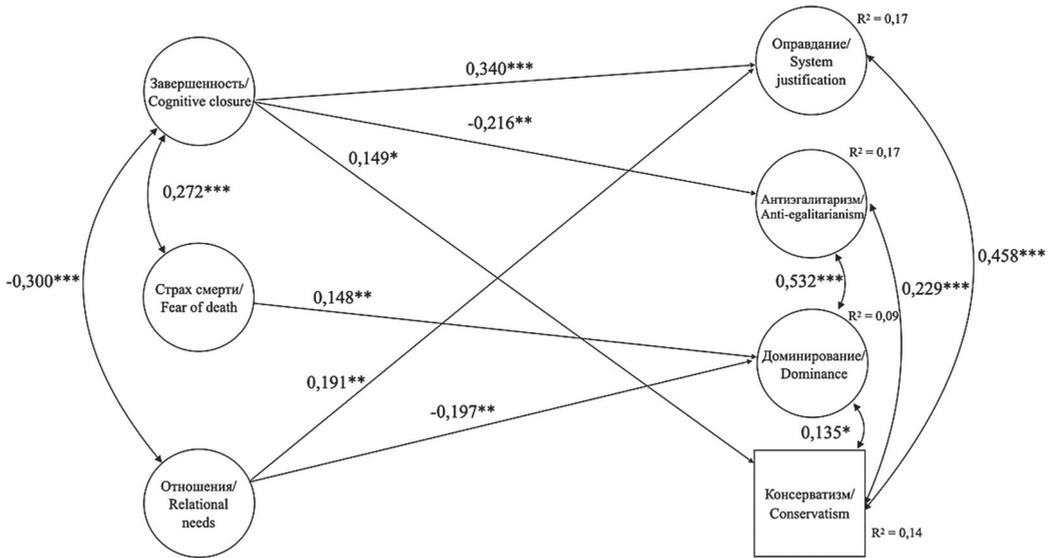

Рис. 1. Визуализация значимых результатов
Figure 1. Presentation of significant results

Примечание: *Оправдание* – оправдание политической системы; *Доминирование* – субшкала ОСД; *Антиэгалитаризм* – субшкала ОСД; *Завершенность* – потребность в когнитивной завершенности; *Отношения* – потребность в поддержании отношений; на рисунке приведены стандартизованные коэффициенты; кругом обозначены латентные переменные, квадратом – наблюдаемые; контрольные переменные на рисунке не отображены; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Notes: *System justification* – political system justification; *Dominance* – SDO subscale; *Anti-egalitarianism* – SDO subscale; *Cognitive closure* – need for cognitive closure; the picture illustrated the standardized coefficients; the circle means latent variables, the square – observables; control variables were not shown; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Экзистенциальная потребность в безопасности, измеренная через страх смерти, предсказывает только значение субшкалы ОСД «Доминирование» ($\beta = 0,12$; $SE = 0,05$; $t(850) = 2,68$; $p = 0,007$), то есть предпочтения групповой иерархии как способа организации общества. И наконец, потребность в поддержании отношений положительно предсказывает оправдание политической системы ($\beta = 0,51$; $SE = 0,17$; $t(850) = 2,98$; $p = 0,003$) и отрицательно – значение субшкалы ОСД «Доминирование» ($\beta = -0,36$; $SE = 0,12$; $t(850) = -2,95$; $p = 0,003$). В целом стоит отметить, что субшкала ОСД «Доминирование» слабее всего предсказывается различными потребностями (процент объясняемой дисперсии не превышает 9 %), что может свидетельствовать о наличии более сильных предикторов, которые способствуют поддержанию данной установки.

Выявленная роль социально-демографических переменных в поддержании легитимизирующих установок в целом повторяет результаты предыдущих исследований: готовность оправдывать политическую систему, поддержание установок на доминирование и консерватизм растут с увеличением возраста¹; оправдание политической системы увеличивается с ростом

¹ Доверие институтам / Левада-Центр*. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 20.04.2022).

* С 05.09.2016 г. «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

субъективного социального статуса (Agadullina et al., 2021); консерватизм и поддержание установок на доминирование увеличиваются с ростом объективного дохода (Jost et al. *Getting closure...*, 2017a); женщины по сравнению с мужчинами меньше поддерживают установки на «доминирование» (Pratto et al., 1994). В совокупности эти результаты позволяют утверждать, что при контроле социально-демографических переменных все исследуемые потребности вносят значимый и независимый вклад в поддержание легитимизирующих социально-политический статус-кво установок.

Обсуждение результатов

Цель данного исследования состояла в изучении вклада различных потребностей в поддержании установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво. Было показано, что наиболее существенный и последовательный вклад в поддержании легитимизирующих установок вносит потребность в когнитивной завершенности. Данная тенденция в полной мере соотносится с результатами, полученными на выборках из разных стран (см., например, Cichocka, Jost, 2014; Jost et al. *Getting closure...*, 2017a), и свидетельствуют о том, что вне зависимости от того, какое именно основание для легитимизации статус-кво заложено в установках (например, представления относительно естественных, «правильных» и/или справедливых отношениях между группами с разным социальным статусом), они позволяют индивидам поддерживать структурированную и непротиворечивую картину мира. Согласно полученным данным, если у человека выражена потребность видеть мир понятным и структурированным, то он в большей степени оправдывает политическую систему, демонстрирует политический консерватизм и меньше поддерживает антиэгалитарные установки. Последний результат характерен для посткоммунистических стран (Golec, 2002; Roets et al., 2015), где именно «равное» общество кажется наиболее структурированным и понятным, и в экономической сфере сохраняется ориентация на равенство (Kossowska, Van Hiel, 2003). В целом вклад потребности в когнитивной завершенности в поддержании установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво, может также отражать специфику российского общества. Согласно опросам общественного мнения, реализованным «Левада-Центром», большинство россиян рассматривают политику как непонятную сферу, заниматься которой должны профессионалы², вследствие чего они не интересуются политикой³, демонстрируют низкую политическую самоэффективность⁴ и в качестве участия в политической жизни предпочитают абсентеизм⁵. В результате

² Участие в политике / Левада-Центр*. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/24/uchastie-v-politike/> (дата обращения: 20.04.2022).

* С 05.09.2016 г. «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Политическое участие и отношения с государством в России / Левада-Центр*. 2021. URL: <https://www.levada.ru/en/2021/03/18/political-participation-and-relations-with-the-state-in-russia/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Ответственность и влияние / Левада-Центр*. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/13/chuvstvo-otvetstvennosti/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Участие в политике / Левада-Центр*. 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/24/uchastie-v-politike/> (дата обращения: 20.04.2022).

широкое распространение установок, легитимизирующих социально-политический статус-кво, позволяет упростить процесс познания и принятия решения в неинтересной и непонятной сфере жизни, что и способствует сохранению устоявшихся отношений между различными социальными группами.

Представленные результаты также демонстрируют, что актуализация экзистенциальной потребности в безопасности, вызванной мыслями о смерти, способствует предпочтению строгой иерархии как способа организации общества. Предыдущие исследования выявили, что реальная или воспринимаемая угроза связаны с поддержкой иерархической структуры общества, в которой власть концентрируется у ограниченного количества людей (Morrison, Ybarra, 2008). В контексте социально-политических отношений в России также было показано, что для населения характерно возлагать функцию защиты от политических угроз «на сильную руку власти»⁶. Как уже упоминалось выше, низкая включенность населения в политическую жизнь может компенсироваться поддержкой сильного руководителя и готовностью передать ему неограниченную власть, тем самым закрепляя строгую иерархическую структуру социально-политических отношений в стране. Интересно, что в отличие от результатов, полученных в зарубежных исследованиях (см., например, Jost et al. *The politics...*, 2017b), в представленном исследовании экзистенциальная потребность оказалась не связана с поддержкой консервативных идей. Различия в результатах могут свидетельствовать о разных уровнях угрозы (личный страх смерти и коллективный страх смерти). Вероятно, для «консервативного сдвига» большую роль играет переживание коллективной угрозы в сравнении с личным страхом смерти (Jost et al. *Getting closure...*, 2017a).

И наконец, потребность в поддержании отношений вносит позитивный вклад в готовность оправдывать политическую систему и негативный – в поддержку иерархического устройства общества (субшкала ОСД «доминирование»). Этот результат демонстрирует, что данные установки имеют разные основания для легитимизации социально-политического статуса-кво (Brandt, Reyna, 2012), так как они не только не связаны между собой, но и вносят противоположный вклад в реализацию потребности в поддержании отношений. Оправдывая устоявшуюся систему социально-политических отношений, люди формируют для себя простую и упорядоченную картину распределения власти, позволяющую соотнести свое видение мира с «нормативным представлением» большинства и, тем самым, поддерживать чувство принадлежности к общей структуре (Jost, Ledgerwood, Hardin, 2008). В то время как поддержка иерархического устройства общества не предполагает, что люди на разных ступенях социальной лестницы будут/должны стремиться к поддержанию хороших отношений друг с другом и формированию «общей реальности». Предыдущие исследования неоднократно де-

⁶ Три четверти россиян говорят о необходимости сильной руки в руководстве страны / Левада-Центр*. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/tri-chetverti-rossiyan-govoryat-o-neobkhodimosti-silnoj-ruki-v-rukovodstve-strany/> (дата обращения: 20.04.2022)

* С 05.09.2016 г. «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

монстрировали, что чем сильнее выражена иерархия в обществе, тем более напряженные межгрупповые отношения (Wilkinson, Pickett, 2010). Иными словами, поддержание отношений с другими людьми не является необходимым условием в иерархическом обществе, что и подтвердилось в данном исследовании. Таким образом, можно заключить, что актуализация различных потребностей может привести к различным основаниям для легитимизации социально-политического статус-кво. При этом наличие в обыденных представлениях целого ряда как связанных, так и независимых легитимизирующих установок может способствовать большей адаптивности и гибкости процесса социального познания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные **выводы**.

1. Теоретическая модель роли потребностей в поддержании различных легитимизирующих установок успешно воспроизводится на российских данных, демонстрируя, что реализация разных потребностей может вносить вклад как в поддержание одних и тех же, так и разных легитимизирующих установок.

2. По сравнению с данными, полученными в западноевропейском и североамериканском социально-политическом контекстах, у российских респондентов поддержание легитимизирующих социально-политический статус-кво установок, прежде всего, помогает индивидам сохранять структурированную и непротиворечивую картину отношений между группами с разным статусом, реализуя эпистемические потребности (в частности, потребность в когнитивной завершенности) и в меньшей степени снижать воспринимаемую угрозу и поддерживать отношения с другими людьми.

Представленное исследование имеет ряд **ограничений**, которые следует принять во внимание. Прежде всего сбор данных был осуществлен в период, связанный с актуализацией угроз на системном и индивидуальном уровнях (пандемия коронавирусной инфекции, общая политическая и социальная напряженность), что могло сказаться на полученных результатах, так как переживание угрозы могло дополнительно актуализировать готовность защищать статус-кво, поддерживая различные легитимизирующие установки. Еще одно ограничение связано с тем, что по шкале оценки политического консерватизма не было выявлено четкого разграничения людей на поддерживающих либеральную или консервативную повестку. Большинство респондентов отнесли себя к середине шкалы, что свидетельствует о том, что их представления о собственной политической позиции не сформированы достаточно однозначно. Несомненно, этот «сдвиг к центру» мог сказаться на результатах, которые были получены. Ряд исследователей отмечает, что в посткоммунистических странах у людей достаточно часто нет в представлениях устойчивой дихотомии политических ориентаций «либерализма-консерватизма», характерной для многих западных стран (Tavits, Letki, 2009). В результате для исследований, проводимых в России, может потребоваться специфический инструментарий, позволяющий оценить политические ориентации не в терминах дихотомии «либерализм-консерватизм». Учет пред-

ставленных ограничений в будущих исследованиях позволит получить более комплексное представление о природе социально-политических установок в российском социально-политическом контексте.

Список литературы

Ссылки на источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

История статьи:

Поступила в редакцию 17 августа 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Прусова И.С., Богатырева Н.И., Агадуллина Е.Р. Роль потребностей в поддержании легитимизирующих социально-политический статус-кво установок в российском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 781–797. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797>

Сведения об авторах:

Прусова Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-9298-2408. E-mail: iprusova95@gmail.com

Богатырева Наталья Игоревна, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория психологии социального неравенства, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-6024-2322. E-mail: bogatireva.natacha@yandex.ru

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-1505-1412. E-mail: eagadullina@hse.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797

UDC 316.6

Research article

The Role of Needs in Maintaining Attitudes That Legitimize the Socio-Political Status Quo in Russia

Irina S. Prusova , Natalia I. Bogatyreva , Elena R. Agadullina

HSE University,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

 iprusova95@gmail.com

Abstract. In recent years, researchers have been focusing on a wide range of different constructs to study legitimizing grounds in socio-political relations. Political system justification, social dominance orientation (dominance and anti-egalitarianism) and political conserva-

tism are considered as attitudes containing various grounds for legitimizing the currently existing socio-political relations (status quo). Maintaining these attitudes is associated with satisfying a number of psychological needs, including epistemic (e.g., the need for cognitive closure), existential (e.g., the need for security), and relational ones. The purpose of this research work was to study the contribution of needs in the maintenance of different attitudes legitimizing the socio-political status quo in the Russian context. With this in mind, we empirically examined the model, which considered needs as predictors, legitimizing attitudes as dependent variables, and sociodemographic characteristics associated with the maintenance of legitimizing attitudes (income, subjective social status, age, and gender) as control variables. The online study involved 387 Russian residents aged 18 to 73 who filled out questionnaires to assess the need for cognitive closure and fear of death as well as the relational need, social dominance orientation, political system justification and political conservatism. The data obtained were processed using structural equation modeling. The results of the study have shown that the most significant and consistent contribution in the maintenance of legitimizing attitudes is made by the epistemic needs (in particular, the need for cognitive closure). At the same time, the presence in everyday notions of a system of legitimizing attitudes makes it possible, depending on the context (e.g., the presence or absence of threats) or the socio-demographic characteristics of the individual (e.g., age and socio-economic status), to realize different needs, which ensures the flexibility of the process of social cognition.

Key words: political system, justification, political conservatism, anti-egalitarianism, dominance, needs

Acknowledgements and Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) as part of scientific project No. 20-18-00142.

References

- Adler, N.E., Boyce, T., Chesney, M.A., Cohen, S., Folkman, S., Kahn, R.L., & Syme, S.L. (1994). Socioeconomic status and health: The challenge of the gradient. *American Psychologist*, 49(1), 15–24. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.49.1.15>
- Agadullina, E., Ivanov, A., & Sarieva, I. (2021). How do Russians perceive and justify the status quo: Insights from adapting the system justification scales. *Frontiers in Psychology*, 12, 717838. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.717838>
- Agadullina, E.R., Ivanov, A.A., Sarieva, I.R., & Prusova, I.S. (2021). System justification theory: A new perspective on the problem of inequality. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 10(1), 132–141. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100113>
 Агадуллина Е.Р., Иванов А.А., Сариева И.Р., Прусова И.С. Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенства // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 132–141. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100113>
- Azevedo, F., Jost, J.T., & Rothmund, T. (2017). “Making America great again:” System justification in the U.S. presidential election of 2016. *Translational Issues in Psychological Science*, 3(3), 231–240. <https://doi.org/10.1037/tps0000122>
- Brandt, M.J., & Reyna, C. (2012). Social dominance or system justification? The acceptance of inequality and resistance to social change as unique system-relevant motivations. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2165690>
- Chistopolskaya, K.A., Mitina, O.V., Enikolopov, S.N., Nikolaev, E.L., Semikin, G.I., Ozol, S.N., & Chubina, S.A. (2017). Construction of short Russian versions of death attitude profile-revised and fear of personal death scale. *Suicidology*, 8(4), 43–55. (In Russ.)
 Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озол С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4 (29). С. 43–55.

- Cichocka, A., & Jost, J.T. (2014). Stripped of illusions? Exploring system justification processes in capitalist and post-Communist societies. *International Journal of Psychology*, 49(1), 6–29. <https://doi.org/10.1002/ijop.12011>
- De Zavala, A.G., Cislak, A., & Wesolowska, E. (2010). Political conservatism, need for cognitive closure, and intergroup hostility. *Political Psychology*, 31(4), 521–541. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00767.x>
- Federico, C.M., Ergun, D., & Hunt, C. (2014). Opposition to equality and support for tradition as mediators of the relationship between epistemic motivation and system-justifying identifications. *Group Processes & Intergroup Relations*, 17(4), 524–541. <https://doi.org/10.1177/1368430213517273>
- Golec, A. (2002). Need for cognitive closure and political conservatism: Studies on the nature of the relationship. *Polish Psychological Bulletin*, 33(4), 5–12.
- Gulevich, O.A., Agadullina, E.R., & Khukhlaev, O.E. (2018). Approval of group hierarchy: Russian version of social dominance orientation scale. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 15(3), 407–426. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-407-426>
Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р., Хухлаев О.Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 407–426. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-407-426>
- Hennes, E.P., Nam, H.H., Stern, C., & Jost, J.T. (2012). Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes. *Social Cognition*, 30(6), 669–688. <https://doi.org/10.1521/soco.2012.30.6.669>
- Ho, A.K., Sidanius, J., Pratto, F., Levin, S., Thomsen, L., Kteily, N., & Sheehy-Skeffington, J. (2012). Social dominance orientation: Revisiting the structure and function of a variable predicting social and political attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38(5), 583–606. <https://doi.org/10.1177/0146167211432765>
- Jost, J.T. (2020). *A theory of system justification*. Cambridge: Harvard University Press. <https://doi.org/10.4159/9780674247192>
- Jost, J.T., & Banaji, M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 33(1), 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x>
- Jost, J.T., Glaser, J., Kruglanski, A.W., & Sulloway, F.J. (2003). Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*, 129(3), 339–375. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.3.339>
- Jost, J.T., Ledgerwood, A., & Hardin, C.D. (2008). Shared reality, system justification, and the relational basis of ideological beliefs. *Social and Personality Psychology Compass*, 2(1), 171–186. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00056.x>
- Jost, J.T., Liviatan, I., van der Toorn, J., Ledgerwood, A., Mandisodza, A., & Nosek, B.A. (2010). System justification: How do we know it's motivated? In D.R. Bobocel, A.C. Kay, M.P. Zanna & J.M. Olson (Eds.), *The Psychology of Justice and Legitimacy* (pp. 173–203). New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203837658>
- Jost, J.T., Sterling, J., & Stern, C. (2017a). Getting closure on conservatism, or the politics of epistemic and existential motivation. In C.E. Koptez & A. Fishbach (Eds.), *The Motivation-Cognition Interface: From the Lab to the Real World: A Festschrift in Honor of Arie W. Kruglanski* (pp. 56–87). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315171388-4>
- Jost, J.T., Stern, C., Rule, N.O., & Sterling, J. (2017b). The politics of fear: Is there an ideological asymmetry in existential motivation? *Social Cognition*, 35(4), 324–353. <https://doi.org/10.1521/soco.2017.35.4.324>
- Kay, A.C., Laurin, K., Fitzsimons, G.M., & Landau, M.J. (2014). A functional basis for structure-seeking: Exposure to structure promotes willingness to engage in motivated action. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(2), 486–491. <https://doi.org/10.1037/a0034462>

- Kossowska, M., & Van Hiel, A. (2003). The relationship between need for closure and conservative beliefs in Western and Eastern Europe. *Political Psychology*, 24(3), 501–518. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00338>
- Kroh, M. (2007). Measuring left-right political orientation: The choice of response format. *Public Opinion Quarterly*, 71(2), 204–220. <https://doi.org/10.1093/poq/nfm009>
- Ksiazkiewicz, A., Ludeke, S., & Krueger, R. (2016). The role of cognitive style in the link between genes and political ideology. *Political Psychology*, 37(6), 761–776. <https://doi.org/10.1111/pops.12318>
- Morrison, K.R., & Ybarra, O. (2008). The effects of realistic threat and group identification on social dominance orientation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 44(1), 156–163. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2006.12.006>
- Nail, P.R., & McGregor, I. (2009). Conservative shift among liberals and conservatives following 9/11/01. *Social Justice Research*, 22(2–3), 231–240. <https://doi.org/10.1007/s11211-009-0098-z>
- Napier, J.L., & Jost, J.T. (2008). Why are conservatives happier than liberals? *Psychological Science*, 19(6), 565–572. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02124.x>
- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L.M., & Malle, B.F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.4.741>
- Roets, A., & Van Hiel, A. (2011). Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale. *Personality and Individual Differences*, 50(1), 90–94. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.09.004>
- Roets, A., Kruglanski, A.W., Kossowska, M., Pierro, A., & Hong, Y.yi. (2015). The motivated gatekeeper of our minds: New directions in need for closure theory and research. In J.M. Olson & M.P. Zanna (Eds.), *Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 52, pp. 221–283). <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2015.01.001>
- Schreiber, J.B., Nora, A., Stage, F.K., Barlow, E.A., & King, J. (2006). Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: A review. *The Journal of Educational Research*, 99(6), 323–338. <https://doi.org/10.3200/JOER.99.6.323-338>
- Stern, C., West, T.V., Jost, J.T., & Rule, N.O. (2014). “Ditto heads”: Do conservatives perceive greater consensus within their ranks than liberals? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40(9), 1162–1177. <https://doi.org/10.1177/0146167214537834>
- Tam, K.P., Leung, A.K.Y., & Chiu, C.Y. (2008). On being a mindful authoritarian: Is need for cognition always associated with less punitiveness? *Political Psychology*, 29(1), 77–91. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2007.00613.x>
- Tavits, M., & Letki, N. (2009). When left is right: Party ideology and policy in post-communist Europe. *American Political Science Review*, 103(4), 555–569. <https://doi.org/10.1017/S0003055409990220>
- Vargas-Salfate, S., Paez, D., Liu, J.H., Pratto, F., & Gil de Zúñiga, H. (2018). A comparison of social dominance theory and system justification: The role of social status in 19 nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(7), 1060–1076. <https://doi.org/10.1177/0146167218757455>
- Wilkinson, R., & Pickett, K. (2010). *The spirit level: Why equality is better for everyone*. London: Penguin.
- Wilson, S.M., & Sibley, C.G. (2013). Social dominance orientation and right-wing authoritarianism: Additive and interactive effects on political conservatism. *Political Psychology*, 34(2), 277–284. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2012.00929.x>
- Wong, P.T.P., Reker, G.T., & Gesser, G. (1994). Death Attitude Profile – Revised: A multi-dimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.), *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application* (pp. 121–148). New York: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9781315800813>

Article history:

Received 17 August 2022

Revised 18 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Prusova, I.S., Bogatyreva, N.I., & Agadullina, E.R. (2022). The role of needs in maintaining attitudes that legitimize the socio-political status quo in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 781–797. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-781-797>

Bio notes:

Irina S. Prusova, is Researcher, Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-9298-2408. E-mail: iprusova95@gmail.com

Natalia I. Bogatyreva, is Research Intern, Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-6024-2322. E-mail: bogatireva.natacha@yandex.ru

Elena R. Agadullina, PhD in Psychology, is Associate Professor, HSE University (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-1505-1412. E-mail: eagadullina@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-798-819

УДК 159.9

Исследовательская статья

Эмоциональные компетенции и психолингвистические характеристики текстов студентов в условиях ситуационного стрессирования: вопросы взаимосвязи

И.В. Белашева

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

✉ ibelasheva@ncfu.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы взаимосвязи психолингвистических характеристик текста как индикаторов психоэмоциональных состояний в условиях ситуационного стрессирования с уровнем сформированности эмоциональных компетенций – способностей к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Эмпирическое исследование проведено на студенческой выборке с использованием теста ЭМИн Д.В. Льюиса, шкалы ситуативной и личностной тревожности С.Д. Spielberger, анкеты оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2» В.Ю. Рыбникова. Психолингвистические показатели вычислялись для текстов, написанных студентами в экспериментальных условиях ситуационного стрессирования. Для статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты подтвердили положительную связь эмоциональных компетенций студентов в условиях ситуационного стрессирования с такими психолингвистическими характеристиками их письменных текстов, как коэффициент Трейгера, коэффициент опредмеченности действия, использование синтаксемы «субъект содействия», которые отражают эмоциональную и когнитивную напряженность, желание и решительность действовать, оказывать помощь другим, и отрицательную связь с коэффициентом агрессивности, количеством местоимений первого лица единственного числа, использованием синтаксем «предикат» и «каузатив», являющимися маркерами неконтролируемой агрессии, подозрительности, эгоцентрической позиции, поиска эмоциональной позитивной поддержки извне, реакций избегания. Предположение о связи эмоциональных компетенций с проявлениями ситуативной и личностной тревожности, а также вероятностью нервно-психических срывов в ситуации стрессирования не подтвердилось. В результате исследования определены общие психолингвистические индикаторы проявлений ситуативной тревожности и сформированности эмоциональных компетенций – это коэффициент опредмеченности действий и коэффициент агрессивности. Это позволяет предполагать, что и способности понимания и регуляции эмоций других людей, и ситуативная тревожность как реактивное состояние субъективного переживания беспокойства, напряжения, озабоченности при написании текста в ситуации стрессирования могут маркироваться увеличением глаголов и глагольных форм в тексте, синтаксической незавершенностью высказываний и снижением их социализированности.

Ключевые слова: эмоциональные компетенции, психолингвистические характеристики текста, нервно-психическая устойчивость, личностная тревожность, ситуативная тревожность

© Белашева И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Условия новой социально-политической и экономической реальности с лавинообразно происходящими событиями в стране и в мире, являясь мощными стрессогенными факторами, становятся вызовом к системе психологической безопасности, здоровья и благополучия каждого человека. Поэтому крайне важно определять и изучать индикаторы стрессовых состояний в их взаимосвязи с интегральной системой личностной регуляции, включающей и совокупность имеющихся гибких навыков эмоциональной регуляции, и показатели психологической устойчивости. Это позволит прогнозировать уровень деструктивности дальнейшего развития стрессовых состояний и, соответственно, определить возможности и особенности оказания адресной психологической помощи.

Развиваясь поэтапно, стрессовое состояние охватывает все аспекты психической деятельности и поведения (Бодров, 2000; Нестик, Журавлев, 2018), поэтому его корреляты (индикаторы, маркеры) могут обнаруживаться в течении и результатах познавательных и эмоциональных процессов, поведенческих паттернах, практической деятельности, в том числе в особенностях речевой деятельности (Литвинова, 2013; Гудовских, Молошников, Рыбка, 2015; Ениколопов и др., 2019) через влияние аффективности стрессового состояния на организацию языкового сознания, на процесс вербализации (Хандамова, 2002).

Сегодня речевые показатели психоэмоциональных состояний человека изучаются очень активно в связи с разработкой подходов к анализу больших данных (Big data) и созданием искусственного интеллекта (Pennebaker et al., 2015; Ениколопов и др., 2019), в связи с развитием средств выявления признаков психологического неблагополучия для текстов социальных сетей (Losada et al., 2017), а также в связи с оценкой предикторов психологического стресса во время пандемии COVID-19 и ее психотравматических последствий (корреляты посттравматического стрессового расстройства) (Boyras, Legros, 2020; Prout et al., 2020; Медведева, Ениколопов и др., 2021).

Поскольку эмоции проявляются в речи через «единицы» всех ее уровней (Ильюшина, 1999), то в их диагностике более адекватным является междисциплинарный психолингвистический подход, с акцентом на анализ тех лингвистических характеристик речи (особенно письменной), которые не контролируются и не осознаются человеком (Загоровская, 2012).

Еще Я. Рейковский, изучая «речевые последствия» эмоциогенных воздействий, обнаружил изменения структуры высказываний: изменяется используемый словарь слов, возрастает число слов, выражающих отрицательные эмоции и интеллектуальные действия, уменьшается число слов, отражающих социальные реакции (Рейковский, 1979). В ряде других исследований также была обнаружена связь между количественными показателями текстов и эмоциональным состоянием их авторов. В наибольшей степени отражают эмоциональную возбужденность и тревогу человека такие психолингвистические маркеры, как коэффициент Трейгера – соотношение количества глаголов к количеству прилагательных в единице текста; коэффициент определенности действия – соотношение количества глаголов к количе-

ству существительных в единице текста; коэффициент агрессивности – отношение количества глаголов и глагольных форм (причастий и деепричастий) к общему количеству всех слов (Гудовских и др., 2015); количество местоимений в речи (Дашкова, 1982; Zimmermann et al., 2013), чрезмерное использование абсолютистских слов (Al-Mosaiwi, Johnstone, 2018).

Важным источником данных о связи психолингвистических характеристик с психоэмоциональными состояниями являются исследования текстов людей с психическими расстройствами, всегда включающими мощный аффективный компонент. В этих исследованиях определена и общая специфика патологической речи (Белянин, 2003), и речевые нарушения и особенности, в том числе проявляющиеся количественными психолингвистическими показателями, при разных вариантах психической патологии: мании, паранойи, нарциссизме, шизофрении, депрессии, невротических расстройствах, суицидальном поведении (Микиртурмов, Завитаев, 2007; Ремесло, 2007; Ениколопов, Медведева, Воронцова и др., 2018, 2019; Corcoran, 2018; Al-Mosaiwi, Johnstone, 2018). Ряд исследований рассматривают психолингвистические показатели как маркеры психотических обострений у людей из группы риска (Bedi et al., 2015; Corcoran, 2018).

В настоящее время остается открытым вопрос о связи психоэмоциональных состояний человека в стрессовой ситуации, отражающихся на психолингвистических характеристиках речи, с его эмоциональными компетенциями – приобретенными способностями интеллектуального «использования» эмоций, а также с нервно-психической устойчивостью – интегральной совокупностью врожденных психофизиологических и приобретенных личностных свойств и навыков, обеспечивающих функционирование человека в условиях действия стрессоров (Берг, 2005).

По мнению Р. Лазаруса (Lazarus, 1993) изменение вербального поведения при эмоциогенном воздействии связано с проявлением защитных механизмов и копингов, или с потребностью ослабить неприятные эмоции через принятие интеллектуальной установки. Р. Моос и Дж. Шеффер (Moos, Schaefer, 1986) выделяют три стратегии поведения в стрессовой ситуации: 1) сфокусированная на оценке (установление значения ситуации для себя); 2) сфокусированная на проблеме (принятие решений и совершение конкретных действий по преодолению стресса); 3) сфокусированная на эмоциях (управление чувствами и поддержание эмоционального равновесия). А.Д. Ишков, Т.Н. Магера, Н.Г. Милорадова, Е.В. Романова (2010) утверждают, что действия по совладанию в стрессовой ситуации могут быть направлены и на регуляцию уже переживаемой эмоции, и на регуляцию поведения, связанного с переживанием эмоции, и на регуляцию контекста, который вызывал эмоцию. Все это дает нам основание предполагать, что *функционирование человека (его коммуникации, деятельность, речевая продукция) в условиях действия стрессоров будет более оптимальным (или незначительно отличаться от функционирования в нормативных условиях) при определенном уровне сформированности способностей понимания и управления эмоциями, составляющих основу эмоциональных компетенций.*

Вопросами изучения эмоциональных компетенций в разное время занимались Дж. Мэйер, П. Сэллоуэй (Salovey, Mayer, 1990), Д. Гоулман (Goleman,

2008), Р. Бар-Он (Bar-On, 2002), О.Л. Чуланова (2018) и др. Еще С.Л. Рубинштейн (2000) обратил внимание на то обстоятельство, что продуктивность и результативность различных видов деятельности человека зависят от уровня развития его способностей эмоционального плана, связанных с адекватной интерпретацией собственного внутреннего состояния или внешней деятельности, а также с подобными процессами, протекающими у окружающих людей. Ph.D. Voyatzis (2004), J. Shi, L. Wang (2007), Д. Гоулман (Goleman, 2008) рассматривают эмоциональные компетенции как приобретенные способности распознавать, понимать и использовать эмоциональную информацию о себе или других, основанные на эмоциональном интеллекте и являющиеся причиной высокоэффективной деятельности. И.Н. Андреева (2008) считает, что эмоциональные компетенции представляют собой детализированную структуру эмоционального интеллекта, с учетом влияния механизмов личностной регуляции и прожитого опыта.

В теории Д.В. Люсина (2006) эмоциональный интеллект (он выделяет внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект) – это психологическое образование, формирующееся в ходе жизни человека, которое нельзя трактовать только как когнитивную способность (например, как вербальный интеллект), поскольку способность к пониманию эмоций и управлению ими тесно связана с направленностью личности на эмоциональную сферу, склонностью к психологическому анализу собственного поведения и поведения других людей.

О.Е. Французова (2016) и Г.В. Юсупова (2006) говорят об эмоциональной компетентности как группе развивающихся способностей (компетенций) к саморегуляции и регуляции интерперсональных отношений путем понимания собственных эмоций и эмоций других людей через рефлекссию и эмпатическое переживание эмоций другого.

Эмоциональные компетенции относят к числу «мягких» навыков (soft skills), поскольку они поддаются развитию. По мнению С. Мамаевой (2015), soft skills помогают личности самостоятельно, не прибегая к посторонней помощи, управлять любой ситуацией, которая может возникнуть на жизненном пути.

В настоящее время еще идет исследовательская работа по разграничению понятий «эмоциональный интеллект», «эмоциональные компетенции», «эмоциональная компетентность» и разработка инструментария для диагностики социальных эмоциональных навыков (Shi et al., 2022), эмоциональных способностей и компетенций (Avsec et al., 2020). Мы исходим из представлений Д.В. Люсина о структуре эмоционального интеллекта, И.Н. Андреевой о соотношении эмоционального интеллекта и эмоциональных компетенций (см. выше) и Г.В. Юсуповой об эмоциональных компетенциях как структурных компонентах эмоциональной компетентности личности.

Таким образом, обобщая результаты анализа исследований и теоретических концепций, мы можем констатировать, что исследований психологических характеристик текстов людей, с учетом сформированности их способностей и навыков эмоциональной рефлексии и регуляции, практически не проводилось, несмотря на их очевидную практическую значимость и теоретическую обоснованность.

Целью нашего исследования является определение взаимосвязи психолингвистических особенностей текстов студентов в условиях ситуационного стрессирования с их эмоциональными компетенциями.

Гипотезы исследования:

1. Психолингвистические характеристики текстов студентов, отражающие уровень тревожности и эмоциональной напряженности в ситуации стрессирования, связаны с сформированностью способностей к пониманию и управлению эмоциональными состояниями (эмоциональными компетенциями).

2. Эмоциональные компетенции студентов связаны с проявлениями ситуативной и личностной тревожности, а также вероятностью нервно-психических срывов в ситуации стрессирования, что проявляется в «общих» психолингвистические индикаторах.

Процедура и методы

Характеристика выборки. Общая выборка респондентов составила 98 студентов 2–4 курсов ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (69 человек женского пола, 29 человек мужского пола), обучающихся на направлениях подготовки: «Психология служебной деятельности» (специалитет, 2–4 курсы), «Конфликтология» (бакалавриат, 2–3 курсы), «Экономическая безопасность» (специалитет, 2–4 курсы). Возраст респондентов: 17–22 года.

Психодиагностические методики:

– *тест эмоционального интеллекта* Д.В. Люсина (2006), включает пять субшкал (понимание своих эмоций (ВП), понимание чужих эмоций (МП), управление своими эмоциями (ВУ), управление чужими эмоциями (МУ), контроль экспрессии (ВЭ)), которые объединяются в четыре шкалы более общего порядка (понимание эмоций (ПЭ), управление эмоциями (УЭ), внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ));

– *методика оценки уровня тревожности* (Ч. Спилбергера в русскоязычной адаптации Ю.Л. Ханина (1976)), позволяет определить четыре уровня личностной (ЛТ) и ситуативной (реактивной) тревожности (СТ): низкий, умеренный, высокий, пограничный;

– *анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2»* (Рыбников, 1990), позволяет определить три уровня нервно-психической устойчивости (НПУ): 1 – низкая вероятность нервно-психических срывов (высокая НПУ); 2 – нервно-психические срывы вероятны, особенно в экстремальных условиях (средняя НПУ); 3 – высокая вероятность нервно-психических срывов (низкая НПУ).

Психолингвистические показатели текста, позволяющие оценить наличие эмоционального напряжения автора на момент написания текста (учитывались показатели лексико-морфологического уровня):

– *коэффициент Трейгера* (КТ) – отношение количества глаголов к количеству прилагательных в единице текста (в норме $1,34 \pm 0,05$), КТ связан с уровнем эмоциональной стабильности и характером эмоциональной регуляции и указывает на наличие стремления к активности и практическим дей-

ствиям, к рефлексии, причем повышение КТ свидетельствует о повышенном эмоциональном возбуждении и наличии переживаний стенического характера, а снижение КТ указывает на нерешительность, зависимость, тревожность (Самохвалов, 2002);

– *коэффициент опредмеченности действия* (КОД) – соотношение количества глаголов к количеству существительных в единице текста (в норме $1,08 \pm 0,04$); характеризует уровень синтаксической завершенности высказывания и его социализированности;

– *индекс прегнантности Эртеля* (КД – коэффициент директивности) – отношение количества слов и выражений А-экспрессии (с высоким уровнем прегнантности) к общему количеству слов в единице текста (слова и словосочетания А-экспрессии: «обязан», «должен», «не может быть никогда», «невозможно», «без возражений», «бесспорно», «абсолютно», «всегда», «езде», «никогда», «никто», «ничто», и т. п., в норме $0,42 \pm 0,03$);

– *коэффициент агрессивности или глагольности* (КА) – отношение в тексте количества глаголов и глагольных форм (причастий и деепричастий) к общему количеству всех слов (коэффициент рассчитывается по формуле глаголов; нормальное значение не превышает 0,6);

– *количество местоимений*, в том числе первого лица множественного числа, первого лица единственного числа, третьего лица множественного числа;

– синтаксема «*субъект содействия*» (СС) – лицо, оказывающее помощь;

– синтаксема «*предикат*» (П) – второй из двух организующих модель предложения компонентов, признак, приписываемый субъекту;

– синтаксема «*каузатив*» (К) – причина действия или появления признака, свойства (Ениколопов, 2018; Белянин, 2003; Самохвалов, 2002).

Для анализа структуры высказываний применялся синтаксемный анализ Г.А. Золотовой (2004). Подсчет коэффициентов проводился вручную.

Методы математической статистики: частотный анализ, анализ средних и стандартных отклонений, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Этапы эмпирического исследования

1 этап – диагностика сформированности эмоциональных компетенций и уровня нервно-психической устойчивости.

2 этап – создание экспериментальных условий ситуационного стрессирования: объявление студентам о незапланированной контрольной работе по профильной дисциплине, которая будет проведена через 1,5 часа; написание испытуемыми эссе на тему «Я, другие, мир» (объем – 1 стр. А4). Тема эссе задана, по аналогии с исследованием С.Н. Ениколопова, Т.И. Медведевой, О.Ю. Воронцовой, П.О. Ивановой (2019), как провоцирующая появление материала (текста), отражающего особенности восприятия испытуемыми себя и окружающих, социальную направленность личности, а также способность к интегрированию противоречивых и/или амбивалентных явлений в целостное представление о себе и мире; размер эссе в словоупотреблении составил от 121 до 142 слов. Данные использовались для последующих вычислений *психолингвистических характеристик текстов*; диагностика *личностной и ситуативной тревожности* (как индикаторов ситуационного стрессирования).

Результаты исследования

Анализ результатов диагностики эмоциональных компетенций у студентов показал (рис. 1), что по уровню сформированности способностей к пониманию и управлению эмоциями (ПЭ и УЭ) у них наблюдается значительная вариабельность. У 45,9 % студентов диагностирован низкий уровень сформированности способностей понимания эмоций; у 25,51 % студентов определен средний уровень сформированности этих способностей; у 28,57 % – высокий уровень. У половины студентов (48,98 %) не сформированы способности к управлению эмоциями; у 18,36 % студентов диагностирован средний уровень развития способностей управления эмоциями; у 32,65 % – высокий уровень.

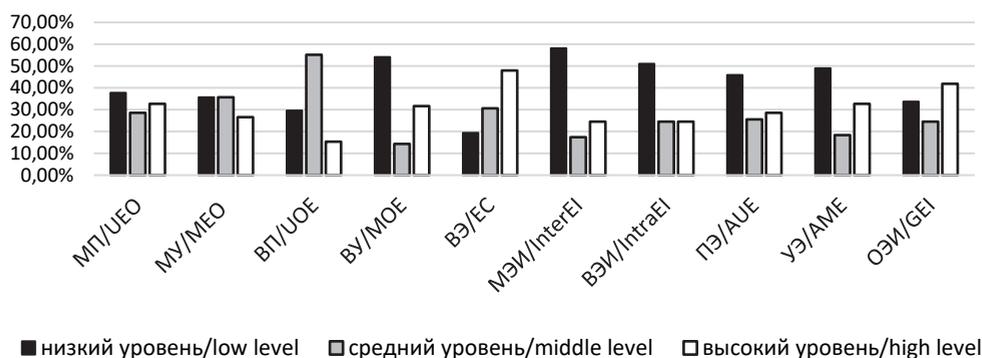

Рис. 1. Частотный анализ уровней сформированности ЭК
Figure 1. Frequency analysis of the levels of developed emotional competences

Примечание: МП – понимание эмоций другого; МУ – управление эмоциями другого; ВП – понимание своих эмоций; ВУ – управление своими эмоциями; ВЭ – контроль экспрессии; МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект; ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект; ПЭ – способность к пониманию своих и чужих эмоций; УЭ – способность к управлению своими и чужими эмоциями; ОЭИ – общий эмоциональный интеллект.

Note: UEO – understanding the emotions of others; MEO – managing the emotions of others; UOE – understanding one's own emotions; MOE – managing one's own emotions; EC – expression control; InterEI – interpersonal emotional intelligence; IntraEI – intrapersonal emotional intelligence; AUE – the ability to understand one's own and others' emotions; AME – the ability to manage one's own and others' emotions; GEI – general emotional intelligence.

Анализ развития у студентов эмоциональных компетенций, ориентированных только на собственные эмоции (ВЭИ), показал, что у 51,02 % студентов эти компетенции не сформированы; у 24,49 % диагностирован средний уровень их сформированности, у 24,49 % – высокий уровень сформированности. Относительно компетенций, ориентированных на эмоции других людей (МЭИ): более чем у половины студентов (58,16 %) они не сформированы; у 17,35 % диагностирован средний уровень их сформированности; у 24,49 % – высокий уровень сформированности (рис. 1). Учитывая, что комплексные способности понимания и управления эмоциями, внутрилично- и межлично-ориентированные, складываются из отдельных эмоциональных навыков, мы провели частотный анализ уровней их сформиро-

рованности в респондентской группе (рис. 1). Было обнаружено, что чаще низкие показатели сформированности встречаются у студентов:

– по показателю управления собственными эмоциями (ВУ) – 54,08 %, отражающему не только способности, но и потребности управлять своими эмоциями, актуализировать и поддерживать желательные эмоции, контролировать нежелательные эмоции;

– по показателю понимания эмоций других людей (МП) – 37,75 %, основанному на чуткости к внутренним состояниям других людей, на анализе внешних проявлений эмоций (мимика, жесты, параметры звучания голоса) и/или интуитивном их понимании.

Высокие показатели сформированности чаще встречаются по способности контролировать внешние проявления своих эмоций (ВЭ) – 47,96 %.

Полученные данные частотного анализа важны для понимания особенностей взаимосвязи эмоциональных компетенций с психолингвистическими индикаторами эмоционального состояния в ситуации стрессирования в студенческой выборке.

Результаты ранговой корреляции Спирмена, представленные в табл. 1, подтверждают наличие статистически достоверных, но не высоких связей между обобщенными показателями эмоционального интеллекта и некоторыми психолингвистическими показателями текста, написанного студентами в условиях ситуационного стресса. Способность к пониманию эмоций (ПЭ) положительно коррелирует на уровне $p \leq 0,05$ с коэффициентом Трейгера (КТ): высокий уровень сформированности способностей к пониманию эмоций связан в стрессовой ситуации с состоянием эмоциональной напряженности, порождающей желание действовать, что находит отражение в увеличении частоты использования глаголов в тексте по сравнению с прилагательными. С коэффициентом Трейгера положительно коррелирует способность понимания эмоций других людей (МП) на уровне $p \leq 0,01$ и не коррелирует способность к пониманию собственных эмоций (ВП) (табл. 1). Это позволяет уточнить характер взаимосвязи коэффициента Трейгера с компетенцией понимания эмоций: в стрессовой ситуации человек, способный понимать эмоциональное состояние других людей на основе считывания внешних проявлений и эмпатического сопереживания, вероятнее будет ощущать эмоциональную напряженность и готовность действовать. Примерно у трети студентов (37,75 %, рис. 1) с несформированной способностью понимания эмоций других людей вероятнее противоположное состояние нерешительности, зависимости, тревоги, маркирующееся снижением количества глаголов в тексте относительно прилагательных.

Способность к пониманию эмоций (ПЭ) также положительно коррелирует на уровне $p \leq 0,05$ с синтаксемой «субъект содействия» (СС) (табл. 1): сформированная способность человека к пониманию эмоций в ситуации стресса связана с желанием помогать другим; низкий уровень сформированности способности к пониманию эмоций связан с ощущением дефицита социальной поддержки и социальной изоляции и отсутствием представления о себе как помогающим другим.

**Результаты рангового корреляционного анализа
эмоциональных компетенций, психолингвистических
характеристик текста, показателей тревожности**

Способность к управлению эмоциями (УЭ) отрицательно коррелирует на уровне $p \leq 0,05$ с частотой использования в тексте местоимений 1-го лица единственного числа (М1) (табл. 1). Этот факт показывает, что у студентов с несформированными компетенциями управления собственными эмоциональными состояниями и состояниями других людей в стрессовой ситуации повышается в тексте количество местоимений 1-го лица единственного числа, связанное с сосредоточенностью (в стрессе) исключительно на себе, при этом образы других отсутствуют или присутствуют только для выражения их отношения к автору текста (Ениколопов и др., 2018), или с активным поиском (в стрессе) дружественного внимания и положительного отношения со стороны окружающих (Zimmermann et al., 2013). Способность к управлению эмоциями (УЭ) положительно коррелирует на уровне $p \leq 0,05$ с синтаксемой «субъект содействия» (табл. 1): студенты, компетентные в управлении своими и чужими эмоциями, в стрессовой ситуации способны оказывать помощь другим людям, не компетентные – не видят себя помогающими и чувствуют себя покинутыми.

Таблица 1 / Table 1

**Results of rank correlation analysis of emotional competences,
psycholinguistic characteristics of the text**

Показатели / Indicators	Среднее значение / Стандартное отклонение / Mean / Standard deviation	Кoeffи- циент Трейгера / Treiger index	Кoeffици- ент опред- меченности действия / Action objectifica- tion index	Кoeffици- ент агрессив- ности / Aggres- siveness index	Место- имения 1-го лица ед. ч. / Pro- nouns of the 1st person singular	Синтак- сема «Субъект содей- ствия» / “Subject of assis- tance” syntax- eme	Синтак- сема «Пре- дикат» / syntax “Pre- dicate” syn- taxeme	Синтак- сема «Кауза- тив» / “Causa- tive” syntax- eme
Понимание чужих эмоций / Understanding other people's emotions	24,510 / 4,842	,320**	,223*	,105	-,016	,172	,042	-,210*
Управление чужими эмоциями / Managing other people's emotions	19,326 / 4,519	,160	,247*	-,012	,007	,059	-,238*	-,067
Управление своими эмоциями / Managing one's own emotions	13,306 / 3,483	-,152	-,101	-,204*	-,068	,236*	,030	-,084
Понимание своих эмоций / Understanding one's own emotions	18,153 / 4,224	,191	,083	-,054	-,087	,230*	-,069	-,162
Контроль экспрессии / Expression control	12,061 / 2,809	,387**	,168	,170	-,147	,072	-,049	-,013
Межличностный ЭИ / Interpersonal EI	40,826 / 7,885	-,046	-,128	-,031	-,104	,277**	,107	-,031
Понимание эмоций / Understanding emotions	42,561 / 6,873	,293**	-,002	-,116	,032	,254*	,070	-,067
Управление эмоциями / Emotion management	41,377 / 8,483	-,022	-,183	-,076	-,261**	,245*	,127	-,044
Общий ЭИ / General EI	85,928 / 15,494	,186	,114	-,066	-,050	,232*	-,004	-,105
Ситуативная тревожность / Situational anxiety	36,683 / 10,227	,130	,250*	,207*	,071	,054	-,044	,061
Среднее значение / Mean		2,999	1,154	,197	4,214	,031	,296	,255
Стандартное отклонение / Standard deviation		1,754	,462	,053	3,450	,173	,613	,543

Примечание: ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05.

Note: ** – correlation is significant at the level of 0.01; * – correlation is significant at the level of 0.05.

Обращает на себя внимание тот факт, что существует совместная изменчивость отдельных эмоциональных способностей и навыков (субшкалы опросника ЭМИн) и психолингвистических показателей текста студентов, которая не была обнаружена для комплексных эмоциональных компетенций (табл. 1).

Контроль экспрессии (ВЭ), сформированный у большинства студентов (рис. 1) и входящий в структуру эмоциональной компетенции, ориентированной только на собственные эмоции (ВЭИ), положительно коррелирует на уровне $p \leq 0,01$ с коэффициентом Трейгера: высокий уровень контроля внешнего проявления эмоций у студентов в ситуации стрессирования связан с повышением частоты встречаемости в тексте глаголов по сравнению с прилагательными и, соответственно, с высокой эмоциональной напряженностью и желанием действовать. Способность понимать свои эмоции (ВП), равно как и способность управлять своими эмоциями (ВУ) положительно связаны ($p \leq 0,05$) с синтаксемой «субъект содействия», что позволяет говорить о том, что понимание и управление собственными эмоциональными состояниями в стрессовой ситуации способствуют желанию помочь другим. Показатель управления своими эмоция (ВУ) отрицательно коррелирует ($p \leq 0,05$) с психолингвистическим коэффициентом агрессивности (КА) или глагольности, отражающим отношение в тексте количества глаголов и глагольных форм (причастий и деепричастий) к общему количеству всех слов (Белянин, 2003). Это указывает на повышение возбудимости (психической и моторной) и агрессивности в стрессовой ситуации у студентов с низким уровнем сформированности способности управлять своими эмоциями, которые составляют более половины респондентской группы (54,8 %, рис. 1).

Способность управлять эмоциями других людей в совместном поле контакта (МУ) отрицательно коррелирует ($p \leq 0,05$) с синтаксемой «предикат» (П), указывающей на признак субъекта (предмета), его состояние и отношение к другим субъектам (предметам), и положительно коррелирует с коэффициентом опредмеченности действия (КОД). Это позволяет предположить понижение абстрактности высказываний относительно чего-либо или кого-либо в контексте действия, увеличение количества глаголов к количеству существительных в единице текста, сопряженное с синтаксической завершенностью высказывания и его социализированностью, а также готовностью активно действовать в стрессовой ситуации у студентов с сформированной способностью управления чужими эмоциями. Понимание эмоций других людей (МП) отрицательно коррелирует ($p \leq 0,05$) с синтаксемой «каузатив» (К), указывающей на наличие внимания к причинности, каузальной связности событий, и также положительно коррелирует с коэффициентом опредмеченности действия (КОД).

В нашем исследовании не были обнаружены связи эмоциональных компетенций студентов, находящихся в условиях ситуационного стрессирования, с тремя психолингвистическими показателями: коэффициентом директивности (КД); количеством местоимений 3-го лица единственного числа (МЗЕ); количеством местоимений 3-го лица множественного числа (МЗМ).

На формирование стрессового состояния оказывает влияние целый ряд факторов, среди которых особую роль играют нервно-психическая устойчи-

вость и личностная тревожность, связанные с темпераментальными показателями эмоциональности и механизмами личностной регуляции. Ситуативная тревожность (согласно всем теориям развития стресса) – это проявление (маркер) стрессового состояния на первых стадиях. Мы предположили, что существует связь показателей тревожности и нервно-психической устойчивости с психолингвистическими показателями текста, которые отражают эмоциональное состояние человека в момент его написания, а также эмоциональными компетенциями, ориентированными на управление эмоциональным состоянием, в том числе в ситуации стрессирования.

Частотный анализ встречаемости разных уровней ситуативной тревожности (рис. 2) у студентов, находящихся в ситуации стрессирования, показал, что примерно половина студентов находится в состоянии ситуативной тревожности от умеренного уровня (28,57 %) до высокого (20,41 %) и пограничного с дезадаптивным уровнем (2,04 %), 48,98 % студентов демонстрируют низкий уровень ситуативной тревожности. Личностная тревожность, как более постоянное свойство, является характерной для большего количества студентов из нашей выборки: у 40,82 % студентов диагностирован умеренный уровень личностной тревожности, у 31,63 % – высокий уровень, у 5,1 % – пограничный с дезадаптивным. У 22,45 % студентов диагностирован низкий уровень личностной тревожности (рис. 2).

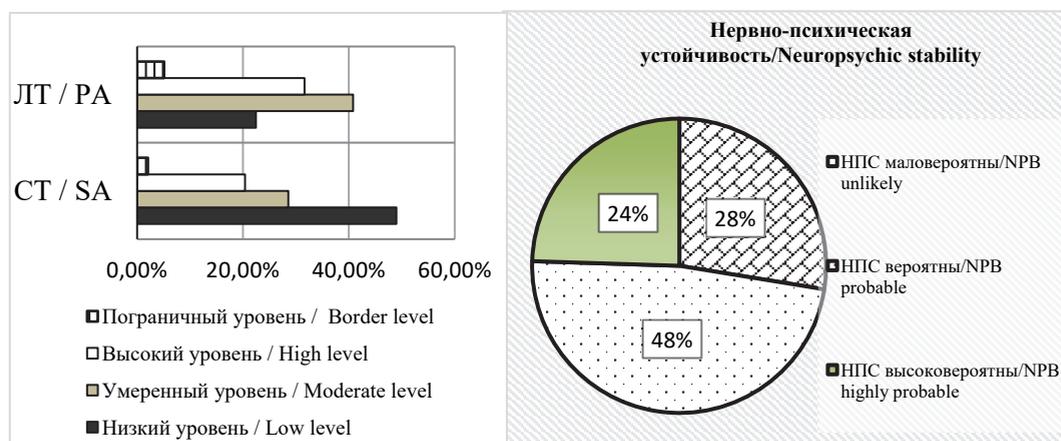

Рис. 2. Частотный анализ уровней тревожности и нервно-психической устойчивости
Figure 2. Frequency analysis of the levels of anxiety and neuropsychic stability

Примечание: СТ – ситуативная тревожность; ЛТ – личностная тревожность; НПС – нервно-психический срывы.

Note: SA – situational anxiety; PA – personal anxiety; NPS – neuropsychic stability; NPB – neuropsychic breakdowns.

Обнаружено следующее процентное распределение вероятности нервно-психических срывов в респондентской группе (рис. 2): у 24,49 % студентов нервно-психические срывы высоковероятны (низкий уровень НПУ); у 47,96 % – вероятны (средний уровень НПУ), у 27,55 % – маловероятны (высокий уровень НПУ).

Высокий процент студентов с низкой ситуативной тревожностью в экспериментальной ситуации стрессирования на фоне высоких и умеренных

показателей личностной тревожности и вероятности возникновения дезадаптивных реакций, может быть связан, с одной стороны, с неоднозначностью оценки студентами предложенного стрессогенного фактора (студенты по-разному реагируют на сообщение о внезапной контрольной работе в зависимости от уверенности в собственной подготовленности и личностной значимости текущей оценки знаний); с другой стороны, с сформировавшимися под влиянием опыта переживаний стратегиями компенсации базальной тревожности.

Результаты ранговых корреляций Спирмена, представленные в табл. 1, подтвердили наличие связей на уровне $p \leq 0,05$ между ситуативной тревожностью и такими психолингвистическими характеристиками как: коэффициент опредмеченности действия (КОД), психологическая интерпретация которого аналогична интерпретации коэффициента Трейгера (КТ), связанного с состоянием эмоциональной напряженности, порождающим желание действовать; коэффициент агрессивности или глагольности (КА).

Достоверных связей между личностной тревожностью и нервно-психической устойчивостью (НПУ), с одной стороны, и психолингвистическими показателями, с другой стороны, обнаружено не было.

Связи личностной и ситуативной тревожности, а также нервно-психической устойчивости с эмоциональными компетенциями не были подтверждены.

Обращают на себя внимание два психолингвистических показателя – коэффициент опредмеченности действия (КОД) и коэффициент агрессивности или глагольности (КА), которые коррелируют и с эмоциональными компетенциями, и с показателями тревожности: КОД положительно связан со способностями понимания и управления эмоциями других людей и с ситуативной тревожностью; КА отрицательно коррелирует со способностью к управлению собственными эмоциями и также положительно коррелирует с ситуативной тревожностью (табл. 1).

Обсуждение результатов исследования

Полученные данные несколько противоречивы, но это закономерно, поскольку психолингвистические характеристики текста отражают актуальное психическое состояние субъекта, которое в ситуации стрессирования формируется под воздействием целого ряда факторов. Это и самооценка, и уровень тревожности, и наличие социальной поддержки со стороны окружающих, и наличие опыта переживаний стрессовых ситуаций, и уровень сформированности эмоциональных компетенций и др. Причем эмоциональные компетенции, рассматриваемые большинством исследователей как «мягкие» навыки, то есть поддающиеся развитию и трансформации, опираются на некие устойчивые индивидуальные конструкции эмоционального интеллекта (Андреева, 2008). Комплексная детерминация психического состояния в стрессовой ситуации приводит к тому, что его индикаторы, представленные психолингвистическими характеристиками, обнаруживают разносторонние связи с

факторами детерминации, и эти связи из-за своей опосредованности не всегда высокие.

Результаты исследования показывают, что в условиях стрессирования у студентов увеличивается количество глаголов и глагольных форм в тексте и синтаксическая незавершенность высказываний, маркирующих:

- наличие возбуждения и переживаний стенического характера, связанных с готовностью к практическим действиям и рефлексии (Самохвалов, 2002);
- повышение ситуативной тревожности;
- сформированность межличностных эмоциональных компетенций;
- не достаточную сформированность способности управлять собственным эмоциональным состоянием.

Это частично соотносится с результатами исследований Ю.М. Кузнецовой (Кузнецова, 2019), которые выявили, что показатель «отношение числа инфинитивов к общему числу глаголов на текст» связан с показателями психологического благополучия личности, среди которых важную функцию выполняют эмоциональные компетенции (Avsec et al., 2020); с данными Д.А. Девяткина и Ю.М. Кузнецовой (Девяткин, Кузнецова, 2018) о связи эмпатии (одного из компонентов межличностных эмоциональных компетенций) с коэффициентом Трейгера, отражающем отношение количества глаголов к количеству прилагательных в единице текста.

Высокие показатели сформированности межличностных и внутриличностных эмоциональных компетенций связаны с желанием студентов в стрессовой ситуации оказывать помощь другим (синтаксема «субъект содействия»).

Такие показатели как: коэффициент агрессивности, количество местоимений 1-го лица единственного числа, использование синтаксемы «предикат» и синтаксемы «каузатив», находятся в обратных (отрицательных) связях с эмоциональными компетенциями, особенно направленными на управление эмоциями. Это дает основание предполагать, что несформированность этих эмоциональных компетенций связана с появлением у студентов в стрессовой ситуации неконтролируемых агрессивных тенденций, эгоцентрической позиции, поиском эмоционально позитивной поддержки со стороны окружающих, повышением отвлеченности высказываний, коррелирующей с реакциями избегания реальности, чувствительности к фрустрации и подозрительности. В исследованиях С.Н. Ениколопова с соавторами (Ениколопов и др., 2019) показана связь состояния фрустрации, актуального на момент написания текста, с синтаксемой «каузатив».

Обращает на себя внимание вариабельность сформированности эмоциональных компетенций у студентов, обнаруженная в исследованиях на студенческих выборках и других авторов (Гришина и др., 2018; Елькина, 2020). Учитывая положительную связь эмоциональных компетенций со стрессоустойчивостью (Родионова, Полякова, 2018; Носенко, Матвеева, 2019), полученные результаты позволяют уточнить вклад уровня сформированности эмоциональных компетенций в соответствующую вариабельность эмоциональных реакций и состояний студентов в условиях ситуационного стрессирования, коррелятами которых выступают психолингвистические показатели их текстов. Это требует дополнительных исследований.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно констатировать, что гипотеза о связи эмоциональных компетенции студентов с психолингвистическими характеристиками написанного ими текста в условиях ситуационного стрессирования, являющимися индикаторами эмоционального напряжения на момент написания текста, подтвердилась. Часть психолингвистических показателей находятся в положительных взаимосвязях с эмоциональными компетенциями (коэффициент Трейгера, коэффициент опредмеченности действия, синтаксема «субъект содействия»). В отрицательных связях с эмоциональными компетенциями находятся коэффициент агрессивности, количество местоимений 1-го лица единственного числа («Я»), использование синтаксемы «предикат» и синтаксемы «каузатив». Не обнаружены связи эмоциональных компетенций с коэффициентом директивности, количеством местоимений 1 лица множественного числа («Мы») и 3-го лица множественного числа («Они»), отражающих социальную направленность личности.

Наше предположение о связи эмоциональных компетенций с проявлениями ситуативной и личностной тревожности, а также вероятностью нервно-психических срывов в ситуации стрессирования не подтвердилось. Однако общие психолингвистические индикаторы проявлений ситуативной тревожности и сформированности эмоциональных компетенций были определены – это коэффициент опредмеченности действий и коэффициент агрессивности. Из чего следует предположение, что и способности понимания и регуляции эмоций других людей, и ситуативная тревожность, как реактивное состояние субъективного переживания беспокойства, напряжения, озабоченности, при написании текста в ситуации стрессирования могут маркироваться увеличением глаголов и глагольных форм в тексте, синтаксической незавершенностью высказываний и снижением их социализированности.

Таким образом, цель нашего исследования достигнута, поскольку нам удалось определить психолингвистические особенности текстов студентов в ситуации стрессирования, отражающие уровень их тревожности и эмоциональной напряженности, во взаимосвязи с их эмоциональными компетенциями.

Исследований, направленных на изучение связи психолингвистических показателей текста, доказано отражающих психоэмоциональные состояния в стрессовых ситуациях, с уровнем сформированности навыков и способностей «интеллектуального оперирования» эмоциями для обеспечения эффективности поведения и деятельности (эмоциональными компетенциями), не проводилось. Наше исследование мы рассматриваем как пилотажное.

Ограничения для выводов, полученных на основе анализа результатов исследования:

1) неоднозначность оценки студентами предложенной экспериментальной ситуации как стрессовой (объявление о непредусмотренной ранее контрольной работе по профильной дисциплине у 48,98 % студентов не привело к повышению ситуативной тревожности);

2) невысокие значения коэффициентов корреляции между показателями сформированности эмоциональных компетенций и психолингвистическими характеристиками текстов;

3) не учитывались гендерные различия в сформированности эмоциональных компетенций, доказанные в ряде исследований (Люсин, 2006; Avsec et al., 2020).

Список литературы

- Андреева И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83–95.
- Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2003. 232 с.
- Берг Т.Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток: МГУ имени адмирала Г.И. Невельского, 2005. 63 с.
- Бодров В.А. Информационный стресс: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ, 2008. 478 с.
- Гришина А.В., Исаева О.М., Савинова С.Ю. Эмоциональный интеллект студентов – HR-менеджеров // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 2 (23). С. 16. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-2-16>
- Гудовских Д.В., Молошиков И.А., Рыбка Р.Б. Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 92–97.
- Дашкова С.С. Устная речь как источник информации о человеке: дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1982. 324 с.
- Девяткин Д.А., Кузнецова Ю.М. Психолингвистические и лексические маркеры нарциссизма // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов (Светлогорск, 18–21 октября 2018 г.) / отв. ред. А.К. Крылов, В.Д. Соловьев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 324–326.
- Елькина И.Ю. Эмоциональный интеллект студентов-психологов и его взаимосвязь с самооценкой // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 4. С. 49–52.
- Ениколопов С.Н., Ковалёв А.К., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В., Старостина Е.В. Признаки, характерные для текстов, написанных в состоянии фрустрации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 3. С. 66–85. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.66>
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Смирнов И.В., Станкевич М.А., Чудова Н.В. Создание инструмента автоматического анализа текста в интересах социогуманитарных исследований. Часть 1. Методические и методологические аспекты // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 2. С. 28–38. <https://doi.org/10.14357/20718594190203>
- Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Лингвистические характеристики текстов при депрессии и шизофрении // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11. № 5 (58).
- Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Иванова П.О. Оценка текстов, написанных больными эндогенными психическими заболеваниями // Психиатрия. 2019. № 1. С. 56–64. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2019-81-56-64>
- Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М., Пенкина М.Ю., Минин А.Н., Станкевич М.А., Смирнов И.В., Любавская А.А. Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i61.258>
- Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Электронный корпус студенческих эссе на русском языке и его возможности для современных гуманитарных исследований // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 3 (34). С. 387–389.

- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.
- Ильюшина Е.С. Эмоции и их выражение в языковой картине мира // Филология и культура: тезисы II Международной конференции: в 3 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 1999. С. 48–50.
- Ишков А.Д., Магера Т.Н., Милорадова Н.Г., Романова Е.В. Адаптация научно-педагогических кадров строительной отрасли к структурным изменениям системы образования (в рамках интеграции в мировое образовательное пространство). М.: Московский государственный строительный университет: Изд-во АСВ, 2010. 176 с.
- Кузнецова Ю.М. Относительное количество инфинитивов как показатель текстовой диагностики личности // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 6–8 июня 2019 г.) / ред. колл.: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, У.М. Бахтикиреева, О.В. Баясникова, Е.С. Ощепкова, Л.С. Жукова, С.В. Дмитрюк. М.: Канцлер, 2019.
- Литвинова Т.А. Профилирование автора письменного текста // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 64–72.
- Литвинова Т.А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 132–135.
- Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИН // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Мамаева С. Предпринимательство как особый вид деятельности // Хелпикс. 2015, 9 октября. URL: <https://helpiks.org/5-63733.html> (дата обращения: 19.08.2022).
- Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Станкевич М.А. Лексический анализ высказываний о COVID-19 при высоком уровне соматизации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 3. С. 39–64. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.03>
- Микиртумов Б.Е., Завитаев П.Ю. Клинико-семантическое исследование аутизма // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2007. № 1. С. 19–20.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018. 402 с.
- Носенко Н.П., Матвеева И.С. Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта, тревожности и стрессоустойчивости у старшеклассников на разных этапах обучения // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 12 (178). С. 407–414. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2019.12.407-414>
- Ремесло М.Б. Клинико-лингвистические характеристики больных неврозами и их динамика в процессе психотерапии: дис. ... канд. мед. наук. СПб.: СПб НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2007. 174 с.
- Родионова Г.И. Полякова О.Б. Взаимосвязь стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта студентов-психологов // International innovation research: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 242–245.
- Рыбников В.Ю. Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в вуз // Тезисы докладов на I Всеармейском совещании. М.: Воениздат, 1990. С. 132–135.
- Самохвалов В.П. Психиатрия. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 324 с.
- Французова О.Е. Эмоциональная компетентность как фактор профессиональной успешности будущих дефектологов // Гаудеамус. 2016. Т. 15. № 3. С. 114–117. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2016-15-3-114-117>
- Хандамова Э.Ф. Вербализация психоэмоциональных состояний в речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. 140 с.

- Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Ленинград: ЛНИИФК, 1976. 40 с.
- Чуланова О.Л. Идентификация компонентов эмоциональной компетентности руководителя как базовой в структуре soft skills // Материалы Афанасьевских чтений. 2018. № 3 (24). С. 46–59.
- Юсупова Г.В. Состав и измерение эмоциональной компетентности: дис. ... канд. психол. наук. Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2006. 166 с.
- Al-Mosawi M., Johnstone T. In an absolute state: elevated use of absolutist words is a marker specific to anxiety, depression, and suicidal ideation // *Clinical Psychological Science*. 2018. Vol. 6. No 4. Pp. 529–542. <https://doi.org/10.1177/2167702617747074>
- Avsec A., Belasheva I., Cenek J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., Zager Kocjan G. Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire // *Psihologijske Teme*. 2020. Vol. 29 No 1. Pp. 167–190. <https://doi.org/10.31820/pt.29.1.10>
- Bar-On R. Emotional Quotient Inventory – Short Form (EQ-i:S). APA PsycTests, 2002. <https://doi.org/10.1037/t03760-000>
- Bedi G., Carrillo F., Cecchi G.A., Slezak D.F., Sigman M., Mota N.B., Ribeiro S., Javitt D.C., Copelli M., Corcoran C.M. Automated analysis of free speech predicts psychosis onset in high-risk youths // *Npj Schizophrenia*. 2015. Vol. 1. No 1. Article 15030. <https://doi.org/10.1038/npjSchz.2015.30>
- Boyatzis R.E., Sala F. Assessing emotional intelligence competencies // *The Measurement of Emotional Intelligence* / ed. by G. Geher. Hauppauge: Nova Science Publishers, 2004. Pp. 147–180.
- Boyras G., Legros D.N. Coronavirus disease (COVID-19) and traumatic stress: Probable risk factors and correlates of posttraumatic stress disorder // *Journal of Loss and Trauma*. 2020. Vol. 25. No 6–7. Pp. 503–522. <https://doi.org/10.1080/15325024.2020.1763556>
- Corcoran C. 26. Novel approaches to psychosis risk: movement, stress modulation, reward and language // *Schizophrenia Bulletin*. 2018. Vol. 44. suppl_1. S42. <https://doi.org/10.1093/schbul/sby014.105>
- Lazarus R.S. From psychological stress to the emotions: a history of changing outlooks // *Annual Review of Psychology*. 1993. Vol. 44. No 1. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.000245>
- Losada D.E., Crestani F., Parapar J. eRISK 2017: CLEF lab on early risk prediction on the internet: experimental foundations // *Experimental IR Meets Multilinguality, Multimodality, and Interaction. CLEF 2017. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 10456, pp. 346–360). Springer: Cham, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65813-1_30
- Moos R.H., Schaefer J.A. Life transitions and crises // *Coping with Life Crises: An Integrated Approach* / ed. by R.H. Moos. New York: Springer, 1986. Pp. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-7021-5_1
- Pennebaker J.W., Boyd R.L., Jordan K., Blackburn K. The development and psychometric properties of LIWC2015. Austin: University of Texas at Austin, 2015. <http://doi.org/10.15781/T29G6Z>
- Prout T.A., Zilcha-Mano S., Aaffes-van Doorn K., Békés V., Christman-Cohen I., Whistler K., Kui T., Di Giuseppe M. Identifying predictors of psychological distress during COVID-19: A machine learning approach // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article 586202. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.586202>
- Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9. No 3. Pp. 185–211. <https://doi.org/10.2190/dugg-p24e-52wk-6cdg>
- Shi J., Cheung A.C.K., Zhang Q., Tam W.W.Y. Development and validation of a social emotional skills scale: evidence of its reliability and validity in China // *International Journal of Educational Research*. 2022. Vol. 114. Article 102007. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102007>

- Shi J., Wang L. Validation of emotional intelligence scale in Chinese university students // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43. No 2. Pp. 377–387. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.12.012>
- Zimmermann J., Wolf M., Bock A., Peham D., Benecke C. The way we refer to ourselves reflects how we relate to others: associations between first-person pronoun use and interpersonal problems // Journal of Research in Personality. 2013. Vol. 47. No 3. Pp. 218–225. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.01.008>

История статьи:

Поступила в редакцию 20 сентября 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Белашева И.В. Эмоциональные компетенции и психолингвистические характеристики текстов студентов в условиях ситуационного стрессирования: вопросы взаимосвязи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 798–819. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-798-819>

Сведения об авторе:

Белашева Ирина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии и психологии личности, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, Ставрополь). ORCID: 0000-0002-1289-2224, Scopus Author ID: 57190427634. E-mail: ibelasheva@ncfu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-798-819

UDC 159.9

Research article

Emotional Competencies of Students and Psycholinguistic Characteristics of Their Texts Written under Conditions of Situational Stress: Relationship Issues

Irina V. Belasheva

North-Caucasus Federal University,
1 Pushkina St, Stavropol, 355017, Russian Federation

✉ ibelasheva@ncfu.ru

Abstract. The author deals with the relationship between the psycholinguistic characteristics of the text, as indicators of psycho-emotional states in conditions of situational stress, and the level of developed emotional competencies, i.e., the ability to understand and manage one's own and others' emotions. An empirical study was conducted on a student sample using the EmIn Questionnaire by D.V. Lyusin, the State-Trait Anxiety Inventory (STAI) by Ch.D. Spielberger and the Prognoz-2 Questionnaire by V.Yu. Rybnikov. The students who took part in the experiment wrote texts under situational stress, for which psycholinguistic indicators were calculated. The results of the study were analyzed using Spearman's rank cor-

relation coefficient. The data obtained confirmed the positive relationship between the emotional competencies of the students under conditions of situational stress and such psycholinguistic characteristics of their written texts as the Treiger index, the action objectification index, the use of the “subject of assistance” syntaxeme, which reflect emotional and cognitive tension, desire and determination to act and help others, as well as the negative relationship with the coefficient of aggressiveness, the first person singular pronouns, the use of the “predicate” and “causative” syntaxemes, which are markers of uncontrolled aggression, suspicion, egocentric position, search for emotional positive support from the outside, and avoidance reactions. The assumption about the relationship of emotional competences with manifestations of situational (“state”) and personal (“trait”) anxiety, as well as the likelihood of neuropsychic breakdowns in a stressful situation, was not confirmed. As a result of the study, general psycholinguistic indicators of the manifestations of situational anxiety and the formation of emotional competences were determined – these are the action objectification index and aggressiveness index. This suggests that both the ability to understand and regulate the emotions of other people, and situational anxiety, as a reactive state of the subjective experience of anxiety, tension, concern, when writing a text in a stressful situation, can be marked by an increase in number of verbs and verb forms used in the text, syntactic incompleteness of statements and a decrease in their socialization.

Key words: emotional competences, psycholinguistic characteristics, text, neuropsychic stability, personal anxiety, situational anxiety

References

- Al-Mosaiwi, M., & Johnstone, T. (2018). In an absolute state: Elevated use of absolutist words is a marker specific to anxiety, depression, and suicidal ideation. *Clinical Psychological Science*, 6(4), 529–542. <https://doi.org/10.1177/2167702617747074>
- Andreyeva, I.N. (2008). On the development of the notion “emotional intellect.” *Voprosy Psichologii*, (5), 83–95. (In Russ.)
- Avsec, A., Belasheva, I., Cenek, J., Khan, A., Mohorić, T., Takšić, V., & Zager Kocjan, G. (2020). Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire. *Psihologijske Teme*, 29(1), 167–190. <https://doi.org/10.31820/pt.29.1.10>
- Bar-On, R. (2002). *Emotional Quotient Inventory – Short Form (EQ-i:S)*. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t03760-000>
- Bedi, G., Carrillo, F., Cecchi, G.A., Slezak, D.F., Sigman, M., Mota, N.B., Ribeiro, S., Javitt, D.C., Copelli, M., & Corcoran, C.M. (2015). Automated analysis of free speech predicts psychosis onset in high-risk youths. *Npj Schizophrenia*, 1(1), 15030. <https://doi.org/10.1038/npjpsz.2015.30>
- Belyanin, V.P. (2003). *Psycholinguistics*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Berg, T.N. (2005). *Neuropsychic instability and methods of its detection*. Vladivostok: MSU named after admiral G.I. Nevelskoy. (In Russ.)
- Bodrov, V.A. (2000). *Information stress*. Moscow: PER SE Publ. (In Russ.)
- Boyatzis, R.E., & Sala, F. (2004). Assessing emotional intelligence competencies. In G. Geher (Ed.), *The Measurement of Emotional Intelligence* (pp. 147–180). Hauppauge: Nova Science Publishers.
- Boyras, G., & Legros, D.N. (2020). Coronavirus disease (COVID-19) and traumatic stress: Probable risk factors and correlates of posttraumatic stress disorder. *Journal of Loss and Trauma*, 25(6–7), 503–522. <https://doi.org/10.1080/15325024.2020.1763556>
- Chulanova, O.L. (2018). Identification of components of emotional competence of the leader as a basic in the structure of soft skills. *Materialy Afanas'evskikh Chtenii*, (3), 46–59. (In Russ.)

- Corcoran, C. (2018). 26. Novel approaches to psychosis risk: movement, stress modulation, reward and language. *Schizophrenia Bulletin*, 44(suppl_1), S42. <https://doi.org/10.1093/schbul/sby014.105>
- Dashkova, S.S. (1982). *Oral speech as a source of information about a person* (Ph.D. in Philology Thesis). Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.)
- Devyatkin, D.A., & Kuznetsova, Yu.M. (2018). Psycholinguistic and lexical markers of narcissism. *The Eight International Conference on Cognitive Science: Conference Proceedings* (pp. 324–326). Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Elkina, I.Yu. (2020). Emotional intelligence of psychology students and its relationship with self-esteem. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, (4), 49–52. (In Russ.)
- Enikolopov, S.N., Kovalev, A.K., Kuznetsova, J.M., Chudova, N.V., & Starostina, E.V. (2019). Features of texts written by a frustrated person. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 66–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.66>
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Y.M., Smirnov, I.V., Stankevich, M.A., & Chudova, N.V. (2019). Creating a text analysis tool for socio-humanitarian research. Part 1. Methodical and methodological aspects. *Iskusstvennyi Intellekt i Prinyatie Reshenii*, (2), 28–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.14357/20718594190203>
- Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., & Vorontsova, O.Yu. (2019). Linguistic text characteristics in depression and schizophrenia. *Meditsinskaya Psikhologiya v Rossii*, 11(5). (In Russ.)
- Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Y., Chudova, N.V., Kuznetsova, J.M., Penkina, M.Y., Minin, A.N., Stankevich, M.A., Smirnov, I.V., & Lubavskaya, A.A. (2018). Linguistic characteristics of texts of mentally ill and healthy people. *Psychological Studies*, 11(61), 1. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v11i61.258>
- Enikolopov, S.N., Medvedeva, T.I., Vorontsova, O.Yu., & Ivanova, P.O. (2019). Evaluation of texts written by patients with endogenous mental disorders. *Psychiatry*, (1), 56–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2019-81-56-64>
- Frantsuzova, O.E. (2016). Emotional competence as factor of professional success of future speech pathologists. *Gaudeamus*, 15(3), 114–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2016-15-3-114-117>
- Goleman, D. (2008). *Emotional Intelligence*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Grishina, A.V., Isaeva, O.M., & Savinova, S.Yu. (2018). Emotional intelligence of HR-management students. *Vestnik of Minin University*, 6(2), 16. (In Russ.) <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-2-16>
- Gudovskikh, D.V., Moloshnikov, I.A., & Rybka, R.B. (2015). Sentiment analysis based on morphologically analysed psycholinguistic markers. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 92–97. (In Russ.)
- Ilyushina, E.S. (1999). Emotions and their expression in the language picture of the world. *Philology and Culture: Conference Proceedings* (part 1, pp. 48–50). Tambov: Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)
- Ishkov, A.D., Magera, T.N., Miloradova, N.G., & Romanova, E.V. (2010). *Adaptation of the scientific and pedagogical personnel of the construction industry to structural changes in the education system (within the framework of integration into the world educational space)*. Moscow: Moscow State University of Civil Engineering, ASV Publ. (In Russ.)
- Khandamova, E.F. (2002). *Verbalization of psycho-emotional states in speech activity* (Ph.D. in Philology Thesis). Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)
- Khanin, Yu.L. (1976). *A brief guide to the use of the scale of reactive personal anxiety Ch.D. Spielberger*. Leningrad: LNI-IFK Publ. (In Russ.)
- Kuznetsova, Yu.M. (2019). Relative number of infinitives as an indicator of personality textual diagnostics. *Theory of Speech Activity: Challenges of Modernity: Conference Proceedings* (pp. 117–118). Moscow: Kantsler Publ. (In Russ.)
- Lazarus, R.S. (1993). From psychological stress to the emotions: A history of changing outlooks. *Annual Review of Psychology*, 44(1), 1–22. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.000245>

- Litvinova, T.A. (2013). Formal-grammatical correlates of author's personal characteristics of written text. *Philology. Theory & Practice*, (12–1), 132–135. (In Russ.)
- Litvinova, T.A. (2013). Written text author profiling. *Language and Culture*, (3), 64–72. (In Russ.)
- Losada, D.E., Crestani, F., & Parapar, J. (2017). eRISK 2017: CLEF lab on early risk prediction on the internet: Experimental foundations. *Experimental IR Meets Multilinguality, Multimodality, and Interaction. CLEF 2017. Lecture Notes in Computer Science, 10456* (pp. 346–360). Springer: Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65813-1_30
- Lyusin, D.V. (2006). Technique for measuring emotional intelligence: EMIN questionnaire. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, (4), 3–22. (In Russ.)
- Mamaeva, S. (2015, October 9). Entrepreneurship as a special type of activity. *Helpiks*. (In Russ.) Retrieved August 19, 2022, from <https://helpiks.org/5-63733.html>
- Medvedeva, T.I., Enikolopov, S.N., Boyko, O.M., Vorontsova, O.Yu., & Stankevich, M.A. (2021). Lexical analysis of statements about COVID-19 of people with a high level of somatization. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 39–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.03>
- Mikirtumov, B.E., & Zavitaev, P.Yu. (2007). Clinical and semantic research of autism. *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, (1), 19–20. (In Russ.)
- Moos, R.H., & Schaefer, J.A. (1986). Life transitions and crises. In R.H. Moos (Eds.), *Coping with Life Crises: An Integrated Approach* (pp. 3–28). New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-7021-5_1
- Nestik, T.A., & Zhuravlev, A.L. (2018). *Psychology of global risks*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Nosenko, N.P., & Matveeva I.S. (2019). Features of relationship of emotional intelligence, anxiety and stress resistance among the senior students at different stages of learning. *Uchenye Zapiski Universiteta Imeni P.F. Lesgafta*, (12), 407–414. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2019.12.407-414>
- Pennebaker, J.W., Boyd, R.L., Jordan, K., & Blackburn, K. (2015). *The development and psychometric properties of LIWC2015*. Austin: University of Texas at Austin. <http://doi.org/10.15781/T29G6Z>
- Prout, T.A., Zilcha-Mano, S., Aafjes-van Doorn, K., Békés, V., Christman-Cohen, I., Whistler, K., Kui, T., & Di Giuseppe, M. (2020). Identifying predictors of psychological distress during COVID-19: A machine learning approach. *Frontiers in Psychology*, 11, 586202. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.586202>
- Remeslo, M.B. (2007). *Clinical and linguistic characteristics of patients with neurosis and their dynamics in the process of psychotherapy* (Ph.D. in Medicine Thesis). St. Petersburg: St. Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute. (In Russ.)
- Rodionova, G.I., & Polyakova O.B. (2018). Interrelation of stress-resistance and emotional intelligence of students-psychologists. *International Innovation Research: Conference Proceedings* (pp. 242–245). Penza: MTsNS “Nauka i Prosveshchenie” Publ. (In Russ.)
- Rybnikov, V.Yu. (1990). Express-technique “Prognoz-2” for assessing the neuropsychic instability of candidates for study at a university. *Abstracts of reports at the 1st All-Army Conference* (pp. 132–135). Moscow: Voenizdat Publ. (In Russ.)
- Salovey, P., & Mayer, J.D. (1990). Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, 9(3), 185–211. <https://doi.org/10.2190/dugg-p24e-52wk-6cdg>
- Samokhvalov, V.P. (2002). *Psychiatry*. Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russ.)
- Shi, J., & Wang, L. (2007). Validation of emotional intelligence scale in Chinese university students. *Personality and Individual Differences*, 43(2), 377–387. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.12.012>
- Shi, J., Cheung, A.C.K., Zhang, Q., & Tam, W.W.Y. (2022). Development and validation of a social emotional skills scale: Evidence of its reliability and validity in China. *International Journal of Educational Research*, 114, 102007. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102007>
- Yusupova, G.V. (2006). *Composition and measurement of emotional competence* (Ph.D. in Psychology Thesis). Kazan: Tatar State University of Humanities and Education. (In Russ.)

- Zagorovskaya, O.V., Litvinova, T.A., & Litvinova, O.A. (2012). Electronic corpus of student essays in Russian and its potentials to modern human studies. *The World of Science, Culture and Education*, (3), 387–389. (In Russ.)
- Zimmermann, J., Wolf, M., Bock, A., Peham, D., & Benecke, C. (2013). The way we refer to ourselves reflects how we relate to others: Associations between first-person pronoun use and interpersonal problems. *Journal of Research in Personality*, 47(3), 218–225. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.01.008>
- Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., & Sidorova, M.Yu. (2004). *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Article history:

Received 20 September 2022

Revised 23 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Belasheva, I.V. (2022). Emotional competencies of students and psycholinguistic characteristics of their texts written under conditions of situational stress: Relationship issues. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 798–819. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-798-819>

Bio note:

Irina V. Belasheva, PhD in Psychology, Associate Professor, is Head of the Department of General Psychology and Personality Psychology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia). ORCID: 0000-0002-1289-2224, Scopus Author ID: 57190427634. E-mail: ibelasheva@ncfu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-820-838

УДК 159.9.072

Исследовательская статья

Короткая версия опросника импульсивности В.А. Лосенкова: разработка и валидизация

В.П. Шейнов¹, А.С. Девицын²

¹Республиканский институт высшей школы,
Республика Беларусь, 220001, Минск, Московская ул., д. 15

²Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, Минск, Независимости пр-кт, д. 4

 sheinov1@mail.ru

Аннотация. Импульсивность рассматривается как черта личности, противоположная целеустремленности и настойчивости, соответственно высокий уровень импульсивности присущ людям с недостаточным самоконтролем в общении и деятельности. Изучение и диагностика импульсивности интересны как с теоретической, так и с практической точек зрения, однако методики диагностики импульсивности в русскоязычной психологической литературе представлены слабо. Цель исследования – изучение факторной структуры, надежности и валидности короткой версии опросника импульсивности В.А. Лосенкова, разработанной авторами. В первой части исследования приняли участие 967 испытуемых ($M = 21,2$; $SD = 7,7$) в том числе 652 женщины ($M = 21,6$; $SD = 7,8$) и 315 мужчин ($M = 20,6$; $SD = 7,4$), во второй части – 233 респондента, в том числе 126 женщин ($M = 21,4$; $SD = 7,7$) и 107 мужчин ($M = 20,8$; $SD = 7,3$). В работе использованы: полная версия методики импульсивности В.А. Лосенкова, опросник импульсивности Барратта в русскоязычной адаптации С.Н. Ениколопова и Т.И. Медведевой, опросник волевого самоконтроля А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана, опросник агрессивности А. Ассингера и авторские опросники ассертивности, зависимости от смартфона и зависимости от социальных сетей. Короткая версия опросника импульсивности В.А. Лосенкова (Имп-15) включает 15 заданий, вошедших в четырехфакторную модель импульсивности, полученную посредством эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. По сравнению с исходной версией опросника короткая версия обладает лучшими психометрическими свойствами. Диагностируемая коротким опросником Имп-15 импульсивность положительно коррелирует с данными опросника импульсивности Барратта, с агрессивностью, зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей и отрицательно связана с самоконтролем и ассертивностью. Представлены данные психометрической проверки и стандартизации короткого опросника Имп-15, в приложении приводятся исходная и сокращенная версия опросника импульсивности и ключ к опроснику Имп-15.

Ключевые слова: импульсивность, опросник Лосенкова, короткая версия, самоконтроль, агрессивность, ассертивность, зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей

Введение

«Импульсивность – особенность поведения человека, заключающаяся в склонности действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций» (Большой психологический словарь, 2004, с. 195–196). Исследования показывают, что импульсивность отрицательно связана с самоконтролем (Palmen et al., 2020; Mao et al., 2018). Импульсивных и рефлексивных индивидов различает то, насколько тщательно они анализируют ситуацию в процессе принятия ими решения.

Была установлена важная роль импульсивности в периоды детства и юности: оказалось, что она связана с широким спектром патологий экстернализации и интернализации, таких как гиперактивность, агрессия, проблемы с обучением, тревожные расстройства, депрессия и т. д. (Chahin et al., 2010). При этом рефлексивные дети придерживаются более высоких моральных принципов, импульсивные же более агрессивны (Kozhevnikov, 2007).

Изучены типологические особенности лиц, склонных к проявлению импульсивности (Короленко и др., 2015). Ухудшение качества жизни может быть следствием более высокой импульсивности (Chamberlain, Grant, 2019). Исследования показали положительную связь между импульсивностью и академической неуспеваемостью (Vigil-Colet, Morales-Vives, 2014).

В зарубежных исследованиях показано, что импульсивность также положительно связана с высоко-рискованным поведением в интернете (Álvarez-García et al., 2019). Оба этих фактора положительно связаны с вероятностью стать жертвой киберагрессии. Действительно, установлено, что импульсивность является значимым положительным предиктором рискованного поведения в области кибербезопасности (Hadlington, 2017). Установлено, что с импульсивностью положительно коррелирует зависимость от смартфона (Gecaite-Stonciene et al., 2021; Peterka-Bonetta et al., 2019; Mei et al., 2018) и зависимость от социальных сетей (Sindermann et al., 2020), импульсивность является предиктором этой зависимости (Savci, Aysan, 2016).

В тоже время выявлено, что импульсивные дети и взрослые менее асертивны (Susman et al., 1980; Bernfeld, Peters, 1986; Long, 1987), то есть в меньшей мере обладают способностью «уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не попирая при этом прав других» (Шейнов, 2015, с. 35).

В силу сказанного, изучение импульсивности как черты характера и особенности поведения человека является весьма актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Проведению эмпирических исследований импульсивности способствует наличие удобных в применении средств ее диагностики, но методики диагностики импульсивности в русскоязычной литературе представлены слабо.

В русскоязычной психологии давно известен и широко используется опросник «Диагностика потенциала коммуникативной импульсивности» В.А. Лосенкова (Лосенков, 1979, 2013). С его помощью получено немало интересных результатов. У русскоязычных психологов имеется также апробация и валидизация опросника импульсивности Барратта (Ениколопов, Медведева, 2015).

В последнее время в российской психологии (см., например, Корниенко, Дериш, 2019; Сергеева и др., 2016; Татарко и др., 2020; Янышева, Сенке-

вич, 2021; Шейнов, 2021; Шейнов, Девицын, 2021) и в зарубежной психологии (см., например, Barrios-Fernandez et al., 2021; Bieleke et al., 2021; Cabral et al., 2018; Cliffe et al., 2016; Mirghafourvand et al., 2020; Mohamad et al., 2020; Jutten et al., 2017; Schrepp et al., 2017) получила развитие тенденция сокращать количество заданий в опросниках. Так, по ключевой фразе Short version of the questionnaire поисковая система научных публикаций Google Scholar выдает несколько тысяч статей последних лет. Причинами этого является то, что для больших опросников труднее набрать материал, к тому же при анонимном тестировании респонденты могут, устав от тестирования, отвечать кое-как. Эти соображения подтверждены проведенными исследованиями: при непосредственном контакте исследователя с испытуемыми (Herzog, Bachman, 1981, с. 549) и при тестировании в онлайн (Galesic, Bosnjak, 2009, с. 349).

Использование коротких опросников позволяет проверить большее количество рабочих гипотез, поскольку имеющиеся в настоящее время компьютерные программы дают возможность устанавливать связи одновременно между многими переменными, поэтому естественно желание исследователей использовать эти возможности. Имеющийся личный опыт (Шейнов, 2021; Шейнов, Девицын. Сокращенная версия., 2021a) показывает, что короткие опросники могут обладать лучшими психометрическими характеристиками, нежели их исходные варианты. Вместе с этим среди психологов находит поддержку следующая точка зрения: в связи с резко меняющейся жизнью, опросники нужно пересматривать и валидизировать каждые 10, а в современных условиях – может быть, и через 5 лет. Проверку надежности и валидности каждого проверяемого опросника можно совместить с попыткой найти его наиболее короткую форму.

В отношении опросника В.А. Лосенкова проверка его надежности и валидности еще более актуальна, поскольку в открытой печати не были представлены доказательства надежности и валидности этого опросника, как и анализ его факторной структуры, и это при том, что авторский текст его был издан дважды: в 1979 г. (Саморегуляция и прогнозирование., 1979, с. 230–232) и в 2013 г. (Лосенков, 2013, с. 286–289). Переиздание через 34 года текста с авторским описанием опросника может служить указанием на неослабевающий интерес к этой методике.

Относительно процесса построения своего опросника В.А. Лосенков пишет: «На основе литературных данных и консультаций были выделены следующие гипотетические проявления импульсивности (противоположное свойство – целеустремленность): а) *недостаточный* (в противоположность высокому) *самоконтроль* в межличностном общении; б) то же в профессиональной (деловой) сфере; в) *неустойчивость, неопределенность жизненных целей, ориентаций, интересов*» (Саморегуляция и прогнозирование., 1979, с. 230; Лосенков, 2013, с. 286).

Таким образом, при наличии достоинств опросника импульсивности В.А. Лосенкова – в частности, меньшего по сравнению с другими – количества заданий (что способствует его положительному восприятию респондентами), частотой его использования и множеством полученных с его помо-

щью результатов – отсутствуют публикации о результатах его проверки на валидность и надежность и об исследовании его факторной структуры.

В соответствии с вышесказанным, *целью исследования*, представленного в данной статье, является создание короткой версии опросника импульсивности В.А. Лосенкова и исследование его надежности, валидности и факторной структуры.

Процедуры и методы

Методики исследования. За основу анализа принят (представленный в прил. 1) опросник В.А. Лосенкова из 20 пунктов (Саморегуляция и прогнозирование..., 1979, с. 230–232; Лосенков, 2013, с. 286–289).

Ассертивность оценивалась опросником А26 (Шейнов, 2014), *зависимость от социальных сетей* – опросником ЗСС-15 (Шейнов, Девицын. Разработка надежного..., 2021b), *зависимость от смартфона* – короткой версией САС-16 (Шейнов, 2021) опросника «Шкала зависимости от смартфона» (Шейнов, 2020).

Использованы опросник импульсивности Барратта (Ениколопов, Медведева, 2015), «Опросник волевого самоконтроля» А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана (Ильин, 2000, с. 154–159) и опросник агрессивности А. Ассингера «Оценка агрессивности в отношениях»¹.

Участники исследования. В первой части исследования использованы результаты онлайн-тестирования 967 испытуемых, в том числе 652 женщин ($M_{\text{возраст}} = 21,6$; $SD = 7,8$) и 315 мужчин ($M_{\text{возраст}} = 20,6$; $SD = 7,4$). Во второй части исследования – ответы 233 испытуемых, в том числе 126 женщин ($M_{\text{возраст}} = 21,4$; $SD = 7,7$) и 107 мужчин ($M_{\text{возраст}} = 20,8$; $SD = 7,3$).

Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета SPSS-22, использовалась платформа R, пакет Jamovi, пакет jupyter notebooks и статистические модули в python. Принят уровень значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Все изучаемые переменные посредством критерия Колмогорова – Смирнова были оценены на их соответствие нормальному распределению в исследуемых выборках.

Полученные асимптотические значения для ассертивности (0,25), импульсивности (0,18) и зависимости от смартфона (0,24) показали, нормальность их распределений. Однако распределение зависимости от социальных сетей испытуемых отлично от нормального, поскольку соответствующее асимптотическое значение меньше 0,05 – заданного уровня значимости p . Ввиду достаточной симметричности распределений всех переменных (абсолютное значение коэффициента асимметрии A_s для них не превосходит единицы) для упрощения изложения результатов корреляционного анализа приводятся только коэффициенты корреляции Пирсона.

¹ Опросник Ассингера // А. Я. Психология. 2011, 29 мая. URL: http://azps.ru/tests/tests_assingier.html (29.05.2011).

Рабочей гипотезой исследования является предположение, что наилучшие психометрические характеристики опросника импульсивности можно получить, удалив из перечня заданий те из них, которые при факторном анализе показывают малые веса и потому не входят в факторную модель.

Факторная структура Имп-15

С целью получения первичного представления о факторной структуре и подтверждения гипотезы по сокращению количества заданий опросника, был проведен ряд исследований с использованием методов эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Факторный анализ проводился непараметрическими и параметрическими методами с оценками модели. Это допустимо, поскольку итоговый показатель опросника распределен нормально, а общепринятые оценки дают схожие результаты с несущественными отклонениями.

Для проведения факторного анализа использовалась платформа R, базирующийся на R пакет Jamovi с модулями, созданными или измененными самостоятельно. Также для некоторых задач использовались jupyter notebooks и статистические модули в python. Оценки в CFA проводились по FIML, а не по ML (хотя разница была бы только в остатках).

При этом количество факторов определялось посредством параллельного анализа и методов симуляции Монте-Карло с использованием метода минимальных невязок (minres) при косоугольном вращении (oblimin).

За основу создаваемого сокращенного опросника взяты результаты факторного анализа матрицы Имп-20 ответов 967 испытуемых на 20 вопросов, представленных в прил. 1.

Были созданы три факторные модели исходной матрицы Имп-20. Оказалось, что третья из них обладает значительно лучшими показателями надежности и совместности. Это факторная модель, состоящая из четырех факторов, включающих 15 пунктов опросника, при этом не вошедшие в нее пять пунктов являются малозначимыми. Рассмотренная в числе трех однофакторная модель обладает худшими показателями.

Четырехфакторная модель показана в табл. 1, причем номера пунктов в ней соответствуют их порядку в прил. 1.

Не вошедшие в эту факторную модель пять заданий (вопросов) были удалены из числа заданий опросника, представленных в прил. 1: это пункты (вопросы) с номерами: 6, 8, 9, 10, 13 (их дискриминативность к тому же ниже, чем у заданий, вошедших в факторную модель). Вошедшие в модель задания опросника представлены в прил. 2.

Проверка полученной факторной модели дала следующие показатели: по критерию Бартлетта: Хи-квадрат = 2471; Df = 105; $p < 0,001$; по RMSEA (90 % доверительный интервал) = 0,0284 (0,0386 верхн.). TLI = 0,970. Результаты проверки свидетельствуют, что полученная модель полностью соответствует данным, обладая хорошими показателями надежности.

Содержательная интерпретация вошедших в каждый фактор вопросов позволила дать им следующие названия: 1) *Сомнение*; 2) *Самоконтроль*; 3) *Целеустремленность*; 4) *Неорганизованность*. Полученная факторная структура

проверена посредством конфирматорного факторного анализа; его результаты показаны в табл. 2.

Таблица 1 / Table 1

**Факторная модель импульсивности с указанием весов /
Factor model of impulsiveness with weights**

№ пункта / Item	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2	Фактор 3 / Factor 3	Фактор 4 / Factor 4
14	0,667			
11	0,659			
18	0,559			
15	0,552			
17	0,391			
16		0,643		
2		0,538		
5		0,422		
20		0,415		
1			0,686	
3			0,497	
12				0,462
19			0,354	0,415
4		0,351		0,387
7				0,348

Таблица 2 / Table 2

**Результаты конфирматорного анализа факторной модели импульсивности /
Results of the confirmatory analysis of the factor model of impulsivity**

Фактор / Factor	Пункт опросника / Questionnaire item	Нагрузка / Weight	SE	Z	p
Сомнения / Doubts	14	0,635	0,0352	18,0	< 0,001
	11	0,675	0,0329	20,5	< 0,001
	18	0,414	0,0314	13,2	< 0,001
	15	0,547	0,0330	16,5	< 0,001
	17	0,402	0,0313	12,8	< 0,001
Самоконтроль / Self-control	16	0,469	0,0357	13,1	< 0,001
	2	0,409	0,0341	12,0	< 0,001
	5	0,454	0,0302	15,0	< 0,001
	20	0,498	0,0358	13,9	< 0,001
Целеустремленность / Purposefulness	1	0,681	0,0497	13,7	< 0,001
	3	0,280	0,0275	10,2	< 0,001
Неорганизованность / Unorganizedness	12	0,501	0,0313	16,0	< 0,001
	19	0,611	0,0327	18,7	< 0,001
	4	0,448	0,0319	14,1	< 0,001
	7	0,428	0,0314	13,6	< 0,001

Показатели модели: по критерию Бартлетта: Хи-квадрат = 283; Df = 84; $p < 0,001$; по RMSEA (90 % доверительный интервал) = 0,0529 (0,0597 верхн.); TLI = 0,896; CFI = 0,917.

Представленные результаты показывают, что предположение о виде факторной структуры подтвердилось и найдено устойчивое решение.

Необходимо отметить, что В.А. Лосенков выделил два фактора, характеризующие импульсивность: 1) «Уверенность в общении»; 2) «Целеустремленность» (Лосенков. 2013, с. 289). Авторы опросника импульсивности Барратта выделили три фактора: 1) «Самоконтроль»; 2) «Последовательность и настойчивость»; 3) процессы, связанные с вниманием.

Сопоставление факторов Имп-15 со сходными факторами опросника импульсивности Барратта и исходной методики Лосенкова дало следующие результаты: фактор-3 «Целеустремленность» из факторной структуры Имп-15 положительно коррелирует с фактором II «Целеустремленность» методики Лосенкова ($R = 0,534$; $p \leq 0,01$), а фактор-2 Имп-15 «Самоконтроль» положительно коррелирует с одноименным фактором опросника импульсивности Барратта ($R = 0,438$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, выявленная факторная структура короткой версии (Имп-15) опросника В.А. Лосенкова положительно соотносится с представлениями о природе импульсивности/самоконтроля, отраженными в факторных структурах опросника импульсивности Барратта и опросника Лосенкова.

Проверка надежности Имп-15

Опросник был проверен: 1) на дискриминативность его заданий; 2) внутреннюю согласованность; 3) ретестовую надежность.

Дискриминативность всех 15 оставленных в опроснике заданий оказалась высокой: все корреляции в Имп-15 высоко статистически значимы и находятся в пределах от $R = 0,366$; $p \leq 0,001$ до $R = 0,599$; $p \leq 0,001$. Это справедливо и для общей выборки, и для ее мужской и женской подвыборок.

Таким образом, обоснованность произведенного сокращения подтверждается и тем, что удаленные задания опросника имеют наиболее низкую дискриминативность.

Мера **внутренней согласованности** опросника α Кронбаха у сокращенной матрицы Имп-15 для 967 испытуемых оказалась равной 0,733, для женской части выборки ($n = 652$) равна 0,734, для мужской части выборки ($n = 315$) – 0,729. При этом α Кронбаха матрицы Имп-20 ответов 967 испытуемых на 20 вопросов ниже (она равна 0,623). Таким образом, короткая версия опросника импульсивности обладает большей внутренней согласованностью, нежели ее полная версия.

Доказательством оправданности и эффективности присутствия в опроснике Имп-15 каждого из 15 включенных в короткую версию опросника заданий является то, что удаление любого из 15 сохраненных пунктов опросника уменьшает α Кронбаха, то есть ухудшает его однородность. Это положение имеет место как для объединенной выборки, так и ее женской и мужской подвыборок. Тем самым получаем свидетельство того, что сокращать далее количество заданий в опроснике импульсивности нецелесообразно.

Ретестовая надежность оценена посредством повторного тестирования через полтора месяца. На просьбу еще раз ответить на вопросы короткой версии опросника откликнулись 314 испытуемых. Ретестовая корреляция показала высокое значение: $R = 0,903$; $p \leq 0,001$ (что в полтора раза выше, чем для исходной версии опросника: $R = 0,624$; $p \leq 0,001$). Таким образом, ретестовая надежность подтверждена.

Проверка валидности Имп -15

Валидность короткой версии опросника импульсивности (Имп-15) была проверена по ключевым критериям валидности: валидизации в процессе конструирования опросника; валидности содержательной; «очевидной»; текущей и прогностической; конструктивной и конвергентной валидности. Все они показали соответствие Имп-15 указанным критериям. Ради краткости приведем только проверку конвергентной валидности.

Короткая версия опросника импульсивности высоко коррелирует с исходным опросником В.А. Лосенкова: в общей выборке ($n = 967$) женщин и мужчин: $R = 0,971$; $p \leq 0,001$; в выборке женщин ($n = 652$): $R = 0,973$; $p \leq 0,001$; у мужчин ($n = 315$): $R = 0,968$; $p \leq 0,001$.

С опросником импульсивности Барратта обнаружены следующие положительные корреляции короткой версии опросника импульсивности В.А. Лосенкова: в общей выборке ($n = 233$) женщин и мужчин: $R = 0,587$; $p \leq 0,01$; в выборке женщин ($n = 126$): $R = 0,595$; $p \leq 0,01$; у мужчин ($n = 107$): $R = 0,577$; $p \leq 0,01$.

В предыдущих исследованиях показано, что с импульсивностью положительно коррелируют зависимость от смартфона (Gecaitė-Stonciene et al., 2021; Peterka-Bonetta et al., 2019; Mei et al., 2018) и зависимость от социальных сетей Facebook*, WhatsApp и Instagram* (Sindermann et al., 2020; Savci, Aysan, 2016) и отрицательно коррелирует ассертивность (Susman et al., 1980; Bernfeld, Peters, 1986; Long, 1987).

Табл. 3 показывает, что подобные связи имеют место и для опросника импульсивности Имп-15, а также и для формирующих ее факторов).

Таблица 3 / Table 3

Корреляции короткой версии опросника импульсивности (Имп-15) и его факторов ($n = 967$) с результатами опросников ассертивности, зависимости от смартфона и социальных сетей / Correlations the abridged version of the Impulsivity Questionnaire (Imp-15) and its factors ($n = 967$) with questionnaires on assertiveness, smartphone addiction and social media addiction

Опросники / Questionnaires	Имп-15 / Imp-15				
	Фактор 1 / Factor 1	Фактор 2 / Factor 2	Фактор 3 / Factor 3	Фактор 4 / Factor 4	Имп-15 / Imp-15
Зависимость от смартфона / Smartphone addiction	,374**	,297**	,221**	,382**	,458**
Зависимость от соцсетей / Social media addiction	,230**	,242**	,158**	,289**	,326**
Ассертивность / Assertiveness	-,483**	-,306**	-,269**	-,241**	-,470**

Примечание / Note: ** $p \leq 0,01$.

Из табл. 3 следует, что результаты Имп-15 положительно связаны с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей и отрицательно – с ассертивностью. При этом высокие корреляции Имп-15 с указанными переменными имеют место и у всех формирующих ее факторов.

* Социальные сети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ.

Выявлены также отрицательные связи Имп-15 с самоконтролем ($R = -0,425$; $p \leq 0,01$) и положительные – с агрессивностью ($R = 0,276$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, подтверждается предположение о надежности и валидности короткой версии опросника В.А. Лосенкова (Имп-15). Ввиду очень сильной связи ($R = 0,971$; $p \leq 0,001$) короткой версии опросника В.А. Лосенкова (Имп-15) с ее авторской версией можно утверждать о надежности и валидности исходной (полной) версии опросника В.А. Лосенкова.

Стандартизация Имп-15

Сравнение средних значений Имп-15 для мужской и женской выборок с помощью t -критерия выявила статистически значимое ($p \leq 0,001$, значимость двусторонняя) различие средних значений импульсивности у мужчин и женщин.

Таблица 4 / Table 4

Нормативные значения импульсивности мужчин и женщин для Имп-15 /
Normative values of impulsivity in men and women (Imp-15)

Группы / Groups	Среднее значение / M	Стандартное отклонение / SD
Мужчины / Men	35,0	6,56
Женщины / Women	36,9	6,66

При этом импульсивность с возрастом снижается: у женщин корреляция с возрастом $R = -0,190$; $p \leq 0,001$; у мужчин $R = -0,146$; $p = 0,030$. Поэтому представленные в табл. 4 нормативные значения импульсивности справедливы для возрастного диапазона, вычисленного по исследованным выборкам. В соответствии с правилом $[Q1-IQR*1.5, Q3+IQR*1.5]$ указанные нормативные значения действительны для женщин 17–27 лет, для мужчин – 15–26 лет.

Представленные в табл. 4 нормативные значения импульсивности позволяют получить для конкретного испытуемого оценку его результата в единицах стандартного отклонения от среднего значения.

Заключение

Разработанная короткая версия опросника импульсивности (Имп-15), надежна, валидна и обладает лучшими (по сравнению с исходной полной версией В.А. Лосенкова) психометрическими характеристиками,

Имп-15 положительно коррелирует с исходной версией опросника Лосенкова, с опросником импульсивности Барратта, с агрессивностью, зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей и отрицательно связана с самоконтролем и ассертивностью.

Построенная четырехфакторная модель импульсивности имеет хорошие показатели надежности и в полной мере соответствует данным.

Произведена стандартизация короткого опросника.

Короткий опросник Имп-15 и ключ к нему приведены в прил. 2.

Список литературы

- Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «Шкала импульсивности Барратта» (BIS-11) // Психология и право. 2015. Т. 5. № 3. С. 75–89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050307>

- Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
- Корниенко Д.С., Дерши Ф.В. Психометрические характеристики «Короткого опросника Темной триады» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 525–538. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538>
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Левина Л.В., Перевозкина Ю.М. Психология и психотерапия импульсивности // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2015. Т. 23. № 1. С. 16–19.
- Лосенков В.А. Импульсивность // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд., расширенное / В.А. Ядов, А.А. Семенов, В.В. Водзинская, В.Н. Каюрова, А.А. Киссель, Г.И. Саганенко, Л.В. Бозрикова, В.Н. Узунова, В.С. Магун, А. Гоштаутас, В.А. Лосенков, Е.Э. Смирнова, Л.Д. Докторова. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 286–289.
- Лосенков В.А. Импульсивность // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. С. 230–232.
- Сергеева А.С., Кириллов Б.А., Джумагулова А.Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Шейнов В.П. Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума // Системная психология и социология. 2020 № 3 (35). С. 75–84. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.35.3.6>
- Шейнов В.П. Детерминанты асертивного поведения // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 28–37.
- Шейнов В.П. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 1 С. 97–115. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005>
- Шейнов В.П. Разработка теста асертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 107–116.
- Шейнов В.П., Девыцын А.С. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // Системная психология и социология. 2021. № 2(38). С. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Шейнов В.П., Девыцын А.С. Сокращенная версия опросника асертивности // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 557–565. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70>
- Янышева В.А., Сенкевич Л.В. Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: краткая версия // Системная психология и социология. 2021. № 1 (37). С. 95–108. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.37.1.8>
- Álvarez-García D., Núñez J.C., González-Castro P., Rodríguez C., Cerezo R. The effect of parental control on cyber-victimization in adolescence: the mediating role of impulsivity and high-risk behaviors // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 1159. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01159>
- Barrios-Fernandez S., Gozalo M., Amado-Fuentes M., Carlos-Vivas J., Garcia-Gomez A. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children // *Children*. 2021. Vol. 8. No 9. P. 799. <https://doi.org/10.3390/children8090799>
- Bernfeld G.A., Peters R. DeV. Social reasoning and social behavior in reflective and impulsive children // *Journal of Clinical Child Psychology*. 1986. Vol. 15. No 3. Pp. 221–227. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp1503_4
- Bieleke M., Gogol K., Goetz T., Daniels L., Pekrun R. The AEQ-S: a short version of the Achievement Emotions Questionnaire // *Contemporary Educational Psychology*. 2021. Vol. 65. Article 101940. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101940>

- Cabral A.C., Castel-Branco M., Caramona M., Fernandez-Llimos F., Figueiredo I.V.* Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16 // *The Journal of Clinical Hypertension*, 2018. Vol. 20. No 1. Pp. 118–124. <https://doi.org/10.1111/jch.13137>
- Chahin N., Cosi S., Lorenzo-Seva U., Vigil-Colet A.* Stability of the factor structure of Barrat's Impulsivity Scales for children across cultures: a comparison of Spain and Colombia // *Psicothema*. 2010. Vol. 22. No 4. Pp. 983–989.
- Chamberlain S.R., Grant J.E.* Relationship between quality of life in young adults and impulsivity/compulsivity // *Psychiatry Research*. 2019. Vol. 271. Pp. 253–258. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.11.059>
- Cliffe T., Beinart H., Cooper M.* Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2016. Vol. 23. No 1. Pp. 77–86. <https://doi.org/10.1002/cpp.1935>
- Galesic M., Bosnjak M.* Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // *Public Opinion Quarterly*. 2009. Vol. 73. No 2. Pp. 349–360. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp031>
- Gecaite-Stonciene J., Saudargiene A., Pranckeviciene A., Liaugaudaite V., Griskova-Bulanova I., Simkute D., Naginiene R., Dainauskas L.L., Ceidaite G., Burkauskas J.* Impulsivity mediates associations between problematic internet use, anxiety, and depressive symptoms in students: a cross-sectional COVID-19 study // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article 634464. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.634464>
- Hadlington L.* Human factors in cybersecurity; examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky cybersecurity behaviours // *Heliyon*. 2017. Vol. 3. No 7. Article e00346. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2017.e00346>
- Herzog A.R., Bachman J.G.* Effects of questionnaire length on response quality // *Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. No 4. Pp. 549–559. <https://doi.org/10.1086/268687>
- Jeong S.H., Kim H.J., Yum J.Y., Hwang Y.* What type of content are smartphone users addicted to?: SNS vs. games // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 54. Pp. 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.035>
- Jutten R.J., Peeters C.F.W., Leijdesdorff S.M.J., Visser P.J., Maier A.B., Terwee C.B., Scheltens P., Sikkes S.A.M.* Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire // *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017. Vol. 8. No 1. Pp. 26–35. <https://doi.org/10.1016/j.dadm.2017.03.002>
- Kozhevnikov M.* Cognitive styles in the context of modern psychology: toward an integrated framework of cognitive style // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. No 3. Pp. 464–481. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.3.464>
- Long N.M.F.* *The effects of assertiveness training on the social-emotional adjustment, assertiveness and impulsivity of deaf adults (social skills, personality)* (Ph.D. Thesis). Chicago: Northern Illinois University, 1987.
- Mao T., Pan W., Zhu Y., Yang J., Dong Q., Zhou G.* Self-control mediates the relationship between personality trait and impulsivity // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 129. Pp. 70–75. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.013>
- Mei S., Chai J., Wang S.-B., Ng C., Ungvari G., Xiang Y.-T.* Mobile phone dependence, social support and impulsivity in Chinese university students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. Vol. 15. No 3. P. 504. <https://doi.org/10.3390/ijerph15030504>
- Mirghafourvand M., Jafarabadi M.A., Ghanbari-Homayi S.* Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020. Vol. 20. No 1. P. 616. <https://doi.org/10.1186/s12884-020-03317-9>
- Mohamad E.M.W., Kaundan M.K., Hamzah M.R., Azlan A.A., Ayub S.H., Tham J.S., Ahmad A.L.* Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20. No 1. P. 580. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08704-7>

- Palmen D.G.C., Derksen J.J.L., Kolthoff E.* High self-control may support 'success' in psychopathic leadership: self-control versus impulsivity in psychopathic leadership // *Aggression and Violent Behavior*. 2020. Vol. 50. Article 101338. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101338>
- Peterka-Bonetta J., Sindermann C., Elhai J. D., Montag C.* Personality associations with smartphone and internet use disorder: a comparison study including links to impulsivity and social anxiety // *Frontiers in Public Health*. 2019. Vol. 7. Article 127. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>
- Savci M., Aysan F.* Relationship between impulsivity, social media usage and loneliness // *Educational Process: International Journal*. 2016. Vol. 5. No 2. Pp. 106–115. <https://doi.org/10.12973/edupij.2016.52.2>
- Schrepp M., Hinderks A., Thomaschewski J.* Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S) // *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017. Vol. 4. No 6. Pp. 103–108. <https://doi.org/10.9781/ijimai.2017.09.001>
- Shin M., Lee J., Chyung Y.J., Kim P.W., Jung S.Y.* Integrating psychosocial and cognitive predictors of social networking service addiction tendency using structural equation modeling // *Psychologia*. 2016. Vol. 59. No 4. Pp. 182–201. <https://doi.org/10.2117/psysoc.2016.182>
- Sindermann C., Elhai J.D., Montag C.* Predicting tendencies towards the disordered use of Facebook's* social media platforms: on the role of personality, impulsivity, and social anxiety // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 285. Article 112793. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112793>
- Susman E.J., Huston-Stein A., Friedrich-Cofer L.* Relation of conceptual tempo to social behaviors of head start children // *The Journal of Genetic Psychology*. 1980. Vol. 137. No 1. Pp. 17–20. <https://doi.org/10.1080/00221325.1980.10532798>
- Vigil-Colet A., Morales-Vives F.* How impulsivity is related to intelligence and academic achievement // *The Spanish Journal of Psychology*. 2005. Vol. 8. No 2. Pp. 199–204. <https://doi.org/10.1017/s1138741600005072>

История статьи:

Поступила в редакцию 13 марта 2022 г.

Принята к печати 15 сентября 2022 г.

Для цитирования:

Шейнов В.П., Девицын А.С. Короткая версия опросника импульсивности В.А. Лосенкова: разработка и валидизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 820–838. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-820-838>

Сведения об авторах:

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы (Минск, Беларусь). ORCID: 0000-0002-2191-646X, eLIBRARY-SPIN-код: 7605-9100. E-mail: sheinov1@mail.ru

Девицын Антон Сергеевич, старший преподаватель, кафедра веб-технологии и компьютерного моделирования, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). ORCID: 0000-0002-2804-4107. E-mail: devitsin@gmail.com

* Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Полная версия опросника импульсивности В.А. Лосенкова

Как Вы поступите в предлагаемых ситуациях?

1. Если вы беретесь за какое-то дело, то всегда доводите его до конца?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Нет, не всегда.

2. Вы всегда спокойно реагируете на резкие или неудачные замечания в свой адрес?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

3. Вы всегда выполняете свои обещания?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

4. Вы часто говорите и действуете под влиянием минутного настроения?

1. Очень часто. 2. Довольно часто. 3. Довольно редко. 4. Почти никогда.

5. В критических, напряженных ситуациях вы хорошо владеете собой?

1. Да, всегда владею. 2. Пожалуй, всегда. 3. Пожалуй, нет. 4. Нет, не владею.

6. У вас часто без видимых или достаточно веских причин меняется настроение?

1. Такое случается очень часто. 2. Бывает время от времени. 3. Такое случается редко. 4. Такого вовсе не бывает.

7. Вам часто приходится делать что-то наспех, когда поджимают сроки?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

8. Вы могли бы назвать себя целеустремленным человеком?

1. Да, определенно мог бы. 2. Пожалуй, мог бы. 3. Скорее всего, не мог бы. 4. Нет, определенно не мог бы.

9. В словах и поступках вы придерживаетесь пословицы «Семь раз отмерь, один раз отрежь»?

1. Да, всегда. 2. Часто. 3. Редко. 4. Нет, почти никогда.

10. Вы подчеркнуто равнодушны к тем, кто несправедливо ворчит и задирает вас, например, у автобуса или трамвая?

1. Так я реагирую почти всегда. 2. Так я реагирую довольно часто. 3. Я редко так реагирую. 4. Я никогда так не реагирую.

11. Вы сомневаетесь в своих силах и способностях?

1. Да, часто. 2. Иногда. 3. Редко. 4. Почти никогда.

12. Вы легко увлекаетесь новым делом, но можете быстро к нему охладеть?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

13. Вы умеете сдерживаться, когда кто-либо из начальства незаслуженно вас упрекает?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

14. Вам кажется, что вы еще не нашли себя?

1. Согласен, именно так оно и есть. 2. Скорее всего это так. 3. С этим я вряд ли соглашусь. 4. Я с этим определенно не согласен.

15. Может ли под влиянием каких-либо обстоятельств ваше мнение о самом себе не раз измениться?

1. Наверняка так. 2. Весьма вероятно. 3. Маловероятно. 4. Почти невероятно.

16. Обычно вас трудно вывести из себя?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

17. У вас возникают желания, которые по разным обстоятельствам неосуществимы?

1. Такие желания возникают у меня часто. 2. Такие желания возникают время от времени. 3. У меня редко возникают подобные желания. 4. Заведомо неосуществимых желаний у меня не возникает.

18. Обсуждая с кем-либо важные жизненные проблемы, вы замечаете, что ваши собственные взгляды еще не вполне определились?

1. Да, часто замечаю. 2. Иногда замечаю. 3. Замечаю довольно редко. 4. Нет, никогда не замечаю.

19. Случается ли, что какое-то дело вам так надоедает, что, не закончив его, вы беретесь за новое?

1. Да, так часто случается. 2. Иногда так бывает. 3. Так бывает довольно редко. 4. Так почти никогда не случается.

20. Вы несколько неуравновешенный человек?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Короткий опросник импульсивности Имп-15

Как Вы поступите в предлагаемых ситуациях?

1. Если вы беретесь за какое-то дело, то всегда доводите его до конца?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Нет, не всегда.

2. Вы всегда спокойно реагируете на резкие или неудачные замечания в свой адрес?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

3. Вы всегда выполняете свои обещания?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

4. Вы часто говорите и действуете под влиянием минутного настроения?

1. Очень часто. 2. Довольно часто. 3. Довольно редко. 4. Почти никогда.

5. В критических, напряженных ситуациях вы хорошо владеете собой?

1. Да, всегда владею. 2. Пожалуй, всегда. 3. Пожалуй, нет. 4. Нет, не владею.

7. Вам часто приходится делать что-то наспех, когда поджимают сроки?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

11. Вы сомневаетесь в своих силах и способностях?

1. Да, часто. 2. Иногда. 3. Редко. 4. Почти никогда.

12. Вы легко увлекаетесь новым делом, но можете быстро к нему охладеть?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

14. Вам кажется, что вы еще не нашли себя?

1. Согласен, именно так оно и есть. 2. Скорее всего это так. 3. С этим я вряд ли соглашусь. 4. Я с этим определенно не согласен.

15. Может ли под влиянием каких-либо обстоятельств ваше мнение о самом себе не раз измениться?

1. Наверняка так. 2. Весьма вероятно. 3. Маловероятно. 4. Почти невероятно.

16. Обычно вас трудно вывести из себя?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

17. У вас возникают желания, которые по разным обстоятельствам неосуществимы?

1. Такие желания возникают у меня часто. 2. Такие желания возникают время от времени. 3. У меня редко возникают подобные желания. 4. Заведомо неосуществимых желаний у меня не возникает.

18. Обсуждая с кем-либо важные жизненные проблемы, вы замечаете, что ваши собственные взгляды еще не вполне определились?

1. Да, часто замечаю. 2. Иногда замечаю. 3. Замечаю довольно редко. 4. Нет, никогда не замечаю.

19. Случается ли, что какое-то дело вам так надоедает, что, не закончив его, вы беретесь за новое?

1. Да, так часто случается. 2. Иногда так бывает. 3. Так бывает довольно редко. 4. Так почти никогда не случается.

20. Вы несколько неуравновешенный человек?

1. Определенно да. 2. Пожалуй, да. 3. Пожалуй, нет. 4. Определенно нет.

Ключ к опроснику Имп-15 – сумма ответов. При этом за ответы на вопросы 1, 2, 3, 5, 16 принимается указанное в ответе количество баллов, то есть 1, 2, 3 или 4; за ответы на вопросы 4, 7, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 20 баллы подсчитываются в обратном порядке, то есть 1 заменяется на 4; 2 – на 3 балла, 3 – на 2 балла, 1 – на 4 балла. Таким образом, показатель импульсивности может варьировать у разных людей от 20 до 80 баллов.

Анализ результатов тестирования:

– если полученная сумма находится в пределах 46–60, то импульсивность высокого уровня, то есть, выражена сильно;

– если сумма в пределах от 15 до 45, то уровень средний, импульсивность умеренная;

– если 14 и менее – то импульсивность низкого уровня.

Short Version of V.A. Losenkov's Impulsivity Questionnaire: Development and Validation

Viktor P. Sheinov¹ , Anton S. Dziavitsyn²

¹National Institute of Higher Education,
15 Moskovskaya St, Minsk, 220001, Republic of Belarus

²Belarusian State University,
4 Prospekt Nezavisimosti, Minsk, 220030, Republic of Belarus

 sheinov1@mail.ru

Abstract. Impulsivity is considered as a personality trait opposite to purposefulness and perseverance; accordingly, a high level of impulsivity is inherent in people with insufficient self-control in communication and activity. Impulsivity as a subject of research is of both theoretical and practical interest; however, methods for diagnosing it are poorly represented in the Russian-language psychological literature. The purpose of the research is to study the factor structure, reliability and validity of the short version of V.A. Losenkov's impulsivity questionnaire developed by the authors. The first part of the study involved 967 respondents ($M = 21.2$, $SD = 7.7$), including 652 women ($M = 21.6$, $SD = 7.8$) and 315 men ($M = 20.6$, $SD = 7.4$); in the second part, 233 respondents participated, including 126 women ($M = 21.4$, $SD = 7.7$) and 107 men ($M = 20.8$, $SD = 7.3$). The study was conducted using: (1) the full version of V.A. Losenkov's impulsivity questionnaire; (2) Barratt's impulsiveness questionnaire (adapted in Russian by S.N. Enikolopov and T.I. Medvedeva); (3) A.V. Zverkov and E.V. Eidman's volitional self-control questionnaire; (4) A. Assinger's aggressiveness questionnaire; and (5) questionnaires on assertiveness, smartphone addiction and social media addiction developed by the authors. The short version of V.A. Losenkov's impulsivity questionnaire (Imp-15) includes 15 items that make up a four-factor model of impulsivity obtained through exploratory and confirmatory factor analysis. Compared with the original version of the questionnaire, the short version has better psychometric properties. The Imp-15 satisfies the standard requirements for questionnaires in terms of their reliability, namely: internal consistency, high task distinguishability and retest reliability. The questionnaire also meets key validity criteria in terms of its design, content, "obviousness," actual and predictive credibility, constructability and convergence. Impulsivity diagnosed by the Imp-15 questionnaire positively correlates with the data of the Barratt Impulsivity Scale (BIS-11), with aggressiveness, smartphone addiction and social media addiction; however, it is negatively associated with self-control and assertiveness. The resulting four-factor model of impulsivity has good reliability indicators and is in full agreement with the obtained data. The authors present the data of psychometric testing and standardization of the Imp-15 questionnaire; the appendix provides the original and short versions of the impulsivity questionnaire and the keys to the Imp-15 questionnaire.

Key words: impulsivity, Losenkov's questionnaire, factor structure, reliability, validity, self-control, aggressiveness, assertiveness, smartphone addiction, social media addiction

References

- Álvarez-García, D., Núñez, J.C., González-Castro, P., Rodríguez, C., & Cerezo, R. (2019). The effect of parental control on cyber-victimization in adolescence: The mediating role of impulsivity and high-risk behaviors. *Frontiers in Psychology*, *10*, 1159. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01159>

- Barrios-Fernandez, S., Gozalo, M., Amado-Fuentes, M., Carlos-Vivas, J., & Garcia-Gomez, A. (2021). A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children. *Children*, 8(9), 799. <https://doi.org/10.3390/children8090799>
- Bernfeld, G.A., & Peters, R.DeV. (1986). Social reasoning and social behavior in reflective and impulsive children. *Journal of Clinical Child Psychology*, 15(3), 221–227. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp1503_4
- Bieleke, M., Gogol, K., Goetz, T., Daniels, L., & Pekrun, R. (2021). The AEQ-S: A short version of the Achievement Emotions Questionnaire. *Contemporary Educational Psychology*, 65, 101940. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2020.101940>
- Cabral, A.C., Castel-Branco, M., Caramona, M., Fernandez-Llimos, F., & Figueiredo, I.V. (2018). Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16. *The Journal of Clinical Hypertension*, 20(1), 118–124. <https://doi.org/10.1111/jch.13137>
- Chahin, N., Cosi, S., Lorenzo-Seva, U., & Vigil-Colet, A. (2010). Stability of the factor structure of Barrat's Impulsivity Scales for children across cultures: A comparison of Spain and Colombia. *Psicothema*, 22(4), 983–989.
- Chamberlain, S.R., & Grant, J.E. (2019). Relationship between quality of life in young adults and impulsivity/compulsivity. *Psychiatry research*, 271, 253–258. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.11.059>
- Cliffe, T., Beinart, H., & Cooper, M. (2016). Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 23(1), 77–86. <https://doi.org/10.1002/cpp.1935>
- Enikolopov, S.N., & Medvedeva, T.I. (2015). Approbation of the Russian-language version of the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11). *Psychology and Law*, 5(3), 75–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050307>
- Galesic, M., & Bosnjak, M. (2009). Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*, 73(2), 349–360. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp031>
- Gecaite-Stonciene, J., Saudargiene, A., Pranckeviciene, A., Liaugaudaite, V., Griskova-Bulanova, I., Simkute, D., Naginiene, R., Dainauskas, L.L., Ceidaite, G., & Burkauskas, J. (2021). Impulsivity mediates associations between problematic internet use, anxiety, and depressive symptoms in students: A cross-sectional COVID-19 study. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 634464. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.634464>
- Hadlington, L. (2017). Human factors in cybersecurity; examining the link between Internet addiction, impulsivity, attitudes towards cybersecurity, and risky cybersecurity behaviours. *Heliyon*, 3(7), e00346. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2017.e00346>
- Herzog, A.R., & Bachman, J.G. (1981). Effects of questionnaire length on response quality. *Public Opinion Quarterly*, 45(4), 549–559. <https://doi.org/10.1086/268687>
- Ilin, E.P. (2000). *Psychology of will*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Jeong, S.H., Kim, H.J., Yum, J.Y., & Hwang, Y. (2016). What type of content are smartphone users addicted to?: SNS vs. games. *Computers in Human Behavior*, 54, 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.035>
- Jutten, R.J., Peeters, C.F.W., Leijdesdorff, S.M.J., Visser, P.J., Maier, A.B., Terwee, C.B., Scheltens, P., & Sikkes, S.A.M. (2017). Detecting functional decline from normal aging to dementia: Development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire. *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*, 8(1), 26–35. <https://doi.org/10.1016/j.dadm.2017.03.002>
- Kornienko, D.S., & Derish, F.V. (2019). Psychometric properties of the Short Dark triad measure. *Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, (4), 525–538. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538>
- Korolenko, Ts.P., Dmitriyeva, N.V., Levina, L.V., & Perevozskina, Yu.M. (2015). Psychology and psychotherapy of impulsivity. *Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 23(1), 16–19. (In Russ.)

- Kozhevnikov, M. (2007). Cognitive styles in the context of modern psychology: Toward an integrated framework of cognitive style. *Psychological Bulletin*, 133(3), 464–481. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.133.3.464>
- Long, N.M.F. (1987). *The effects of assertiveness training on the social-emotional adjustment, assertiveness and impulsivity of deaf adults (social skills, personality)* (Ph.D. Thesis). Chicago: Northern Illinois University.
- Losenkov, V.A. (1979). Impulsivity. In V.A. Yadov (Eds.), *Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: Dispositional Concept* (pp. 230–232). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Losenkov, V.A. (2013). Impulsivity. In V.A. Yadov, A.A. Semenov, V.V. Vodzinskaya, V.N. Kayurova, A.A. Kissel', G.I. Saganenko, L.V. Bozrikova, V.N. Uzunova, V.S. Magun, A. Goshtautas, V.A. Losenkov, E.E. Smirnova & L.D. Doktorova. *Self-Regulation and Prediction of Individual Social Behavior: Dispositional Concept* (2nd ed., pp. 286–289). Moscow: TsSPiM Publ. (In Russ.)
- Mao, T., Pan, W., Zhu, Y., Yang, J., Dong, Q., & Zhou, G. (2018). Self-control mediates the relationship between personality trait and impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 129, 70–75. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.013>
- Mei, S., Chai, J., Wang, S.-B., Ng, C., Ungvari, G., & Xiang, Y.-T. (2018). Mobile phone dependence, social support and impulsivity in Chinese university students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(3), 504. <https://doi.org/10.3390/ijerph15030504>
- Mirghafourvand, M., Jafarabadi, M.A., & Ghanbari-Homayi, S. (2020). Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture. *BMC Pregnancy Childbirth*, 20(1), 616. <https://doi.org/10.1186/s12884-020-03317-9>
- Mohamad, E.M.W., Kaundan, M.K., Hamzah, M.R., Azlan, A.A., Ayub, S.H., Tham, J.S., & Ahmad, A.L. (2020). Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context. *BMC Public Health*, 20(1), 580. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08704-7>
- Palmen, D.G.C., Derksen, J.J.L., & Kolthoff, E. (2020). High self-control may support 'success' in psychopathic leadership: Self-control versus impulsivity in psychopathic leadership. *Aggression and Violent Behavior*, 50, 101338 <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101338>
- Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Elhai, J.D., & Montag, C. (2019). Personality associations with smartphone and internet use disorder: A comparison study including links to impulsivity and social anxiety. *Frontiers in Public Health*, 7, 127. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>
- Savci, M., & Aysan, F. (2016). Relationship between impulsivity, social media usage and loneliness. *Educational Process: International Journal*, 5(2), 106–115. <https://doi.org/10.12973/edupij.2016.52.2>
- Schrepp, M., Hinderks, A., & Thomaschewski, J. (2017). Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S). *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*, 4(6), 103–108. <https://doi.org/10.9781/ijimai.2017.09.001>
- Sergeeva, A.S., Kirillov, B.A., & Dzhumagulova, A.F. (2016). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): Convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Experimental Psychology (Russia)*, 9(3), 138–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Sheinov, V.P. (2014). On development of an assertiveness test answering requirements of reliability and validity. *Voprosy Psichologii*, (2), 107–116. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2015). Determinants of assertive behavior. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(3), 28–37. (In Russ.)
- Sheinov, V.P. (2020). Adaptation and validization of the questionnaire “Scale of dependence on the smartphone” for the Russian-speaking society. *Systems Psychology and Sociology*, (3), 75–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.35.3.6>

- Sheinov, V.P. (2021). Short version of the questionnaire “Scale of dependence on the smartphone.” *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Work*, 6(1), 97–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005>
- Sheinov, V.P., & Devitsyn, A.S. (2021b). The development of a reliable and valid social media dependence questionnaire. *Systems Psychology and Sociology*, (2), 41–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Sheinov, V.P., & Dziavitsyn, A.S. (2021a). Abridged assertiveness questionnaire. *The Herzen University Studies: Psychology in Education*, (4), 557–565. (In Russ.) <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70>
- Shin, M., Lee, J., Chyung, Y.J., Kim, P.W., & Jung, S.Y. (2016). Integrating psychosocial and cognitive predictors of social networking service addiction tendency using structural equation modeling. *Psychologia*, 59(4), 182–201. <https://doi.org/10.2117/psychoc.2016.182>
- Sindermann, C., Elhai, J.D., & Montag, C. (2020). Predicting tendencies towards the disordered use of Facebook's* social media platforms: On the role of personality, impulsivity, and social anxiety. *Psychiatry Research*, 285, 112793. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112793>
- Susman, E.J., Huston-Stein, A., & Friedrich-Cofer, L. (1980). Relation of conceptual tempo to social behaviors of head start children. *The Journal of Genetic Psychology*, 137(1), 17–20. <https://doi.org/10.1080/00221325.1980.10532798>
- Tatarko, A.N., & Lebedeva, N.M. (2020). Developing and testing a short version of the Social Axioms questionnaire by M. Bond and K. Leung. *Cultural-Historical Psychology*, 16(1), 96–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
- Vigil-Colet, A., & Morales-Vives, F. (2005). How impulsivity is related to intelligence and academic achievement. *The Spanish Journal of Psychology*, 8(2), 199–204. <https://doi.org/10.1017/s1138741600005072>
- Yanysheva, V.A., & Senkevich, L.V. (2021). The questionnaire “The experience of existential crisis:” A short version. *Systems Psychology and Sociology*, (1), 95–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.37.1.8>

Article history:

Received 13 March 2022

Revised 4 September 2022

Accepted 15 September 2022

For citation:

Sheinov, V.P., & Dziavitsyn, A.S. (2022). Short version of V.A. Losenkov's impulsivity questionnaire: Development and validation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 820–838. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-820-838>

Bio notes:

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sociology, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, is Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Skills, Republican Institute of Higher Education (Minsk, Belarus). ORCID: 0000-0002-2191-646X. E-mail: sheinov1@mail.ru

Anton S. Dziavitsyn, is Senior Lecturer, Department of Web Technology and Computer Modeling, Belarusian State University (Minsk, Belarus). ORCID: 0000-0002-2804-4107. E-mail: devitsin@gmail.com

* The social network *Facebook* is recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-839-861

УДК 159.9.072.59

Исследовательская статья

Разработка русскоязычной методики диагностики мудрости

Н.Н. Мехтиханова

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14

 natnik1@list.ru

Аннотация. Мудрость – это древний феномен, который приобрел новый статус в современной психологии. Доказано, что она способствует и оптимальному саморазвитию, и благополучию других. Вместе с тем для ее изучения необходим надежный методический арсенал. В отечественной науке работа по созданию методов изучения мудрости только начинается. Предметом исследования стал методический инструментарий эмпирического изучения мудрости. Цель работы – анализ и оценка различных методов, накопленных в зарубежной психологии в последние годы, а также создание усовершенствованной русскоязычной авторской методики диагностики мудрости (опросника). Рассматриваются различные классификации методов диагностики мудрости, в частности Р. Стернберга, У. Стаудингер и Дж. Глук, И. Гроссмманна, указываются их достоинства и ограничения. Отмечается, что среди них правомерно присутствует большое количество самооценочных методик (опросников). Эмпирическая часть работы посвящена выявлению факторной структуры первоначальной версии авторского опросника и ее верификации. В исследовании приняли участие 1078 человек: 621 женщина и 457 мужчин в возрасте 18–72 лет, жители различных городов России, имеющие высшее или среднее специальное образование. Для вычислений использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 18.0 и Amos 18.0. Проведенный эксплораторный факторный анализ позволил выявить четырехфакторную структуру разработанной методики диагностики мудрости. Адекватность полученной модели доказана методом конфирматорного факторного анализа. Эмпирическая структура методики, образованная из четырех коррелирующих факторов, обладающих высокой внутренней согласованностью, соответствует теоретической модели, включающей четыре показателя: когнитивная сфера, поведенческие характеристики, гуманистическая направленность, спонтанность эмоциональной сферы. В соответствии с данной моделью разработан модифицированный вариант методики диагностики мудрости, представленный в приложении. В практическом плане это позволит расширить возможности диагностики и последующего развития способностей личности к мудрым решениям критических социальных или межличностных проблем.

Ключевые слова: мудрость, измерение мудрости, классификации методов, самооценочные методы, методика диагностики мудрости

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено без какой-либо финансовой поддержки. Искреннюю благодарность автор выражает доктору психологических наук, профессору А.Н. Воронину.

Введение

Мудрость – это древний феномен, который приобрел новый статус в современной психологии. С 70-х годов XX века количество эмпирических исследований мудрости неуклонно растет. Мудрость оказалась характеристикой, связанной с общим физическим и психическим здоровьем (Ardelt, 2003), благополучием (Grossmann et al., 2020), счастьем (Bergsma, Ardel, 2012; Thomas et al., 2019; Zacher et al., 2013), удовлетворенностью жизнью (Thomas et al., 2019). Мудрость важна не только для отдельных людей, но и для общества в целом, она способствует и оптимальному саморазвитию, и благополучию других.

Понятие практической (в отличие от теоретической) мудрости обсуждается со времен Аристотеля. В последние годы оно используется для обозначения комплекса когнитивных, социальных и эмоциональных процессов, участвующих в повседневном реальном принятии решений, а не для описания абстрактного «мудрого» человека.

В отечественной науке работа по созданию надежных и валидных методов изучения мудрости только начинается (Никитина, 2021). Успешно переведены и адаптированы методики М. Ардельт 3D-WS и SAWS Дж. Вебстера (Дровосеков и др., 2019). В то же время зарубежными учеными неоднократно доказывалось, что в различных культурах компоненты мудрости и особенно их выраженность существенно различаются (Asadi et al., 2019; Grossmann et al., 2020 и др.). Предметом нашего исследования стал методический инструментарий эмпирического изучения мудрости.

Цель исследования – анализ и оценка различных методов, накопленных в зарубежной психологии в последние годы, а также создание усовершенствованной версии русскоязычной методики диагностики мудрости (опросника).

Обзор литературы

В последнее десятилетие наблюдается значительный рост работ по психологии мудрости. В них было предложено множество определений этого феномена (Мехтиханова, Кутузова, 2019; Никитина, 2021; Bangen et al., 2013; Grossmann et al., 2020; Sternberg, Glück, 2019). Тем не менее единого, общепризнанного определения до сих пор не существует.

В эмпирических исследованиях мудрости используются самые разнообразные методики. Рассмотрим три наиболее известные классификации существующих процедур измерения мудрости.

1. **В теории Стернберга** все психологические работы (Sternberg, 1998) разделены на две категории. «Имплицитные» исследования изучают концепции мудрости обычного человека и основаны на непрофессиональном, житейском понимании термина.

Цель исследования имплицитных теорий – наметить общие черты мудрости, хранящиеся в умах групп людей, определить, как люди понимают конструкцию мудрости для самих себя. Методы, используемые в рамках данного подхода очень разнообразны, начиная с анкет с формулировками «Назовите наиболее важные характеристики мудрого человека» и кончая методом глубинного интервью, методом репертуарных решеток Келли, методами когни-

тивной лингвистики (Горянова, 2012; Никитина, 2019; Огнев, 2005; Clayton, 1975 и др.).

При этом возникает вопрос к результатам этих исследований: житейские представления о психологическом феномене исчерпывают его научное понимание?

Второй группой, выделенной Стернбергом, являлись «эксплицитные» исследования. Эти теории мудрости понимаются как производные экспертного мнения и знаний ученых. Они часто основаны на теоретических моделях. Для их подтверждения исследователи используют традиционные эмпирические методы – анализ философской и религиозной литературы о мудрости, интервью, в том числе с людьми, признанными их окружением мудрыми, биографический и автобиографический метод, метод решения задач, опросники (Анцыферова, 2004; Журавлев, Харламенкова, 2014; Знаков, 2019; Никитина, 2021; Ожиганова, 2019; Baltes, Staudinger, 2000 и др.) .

Учитывая, что каждый измерительный инструмент разработан в тандеме с гипотетическим определением мудрости, предполагается, что метод включает в себя оценку конкретных субкомпонентов, предложенных в соответствующем определении. К сожалению, у науки о мудрости всегда есть угроза повторить судьбу тестологического направления в исследованиях интеллекта и попасть в разряд двусмысленных и неинтересных тем. Здесь уместно вспомнить известное определение Э.Г. Боринга – интеллект – это то, что измеряют тесты интеллекта.

Среди эксплицитных теорий наиболее известной является так называемая Берлинская парадигма мудрости, разработанная под руководством П. Балтеса (Baltes, Staudinger, 2000). Критическая оценка этой теории подтолкнула многих ученых к созданию собственных моделей мудрости (Ardelt, 2003; Sternberg, 1998, Webster, 2003 и др.).

2. *У. Штаудингер и Ю. Глюк* (Staudinger, Glück, 2011) предложили свою классификацию методов измерения мудрости. Они считают, что надо разделять и по-разному исследовать «личную мудрость» и «общую мудрость».

Личная мудрость – это понимание человеком своей собственной жизни; то есть мудрость, которую человек проявляет, когда имеет дело с личными неопределенными событиями и проблемами. Общую мудрость – человек демонстрирует, когда сталкивается с жизненными проблемами других людей.

Шкалы самоотчета Ардельт (3D-WS), Вебстера (SAWS), Левенсона (ASTI), Бременская парадигма мудрости измеряют личную мудрость, в то время как Берлинская парадигма мудрости является устоявшейся оценкой общей мудрости (Staudinger and Glück, 2011).

3. *Международная целевая группа исследователей мудрости* разработала новую классификацию методов. Отмечается, что основные существующие операционализации мудрости руководствуются теоретическими предположениями о том, что доминирует в структуре мудрости: 1) знания и рассуждения, выборы или действия, следующие за такими рассуждениями; 2) личностные черты; и/или 3) психологические процессы (Grossmann et al., 2020). Рассмотрим каждую группу методов.

Первая, и весьма распространенная, точка зрения предполагает, что мудрость отражает то, что человек знает о жизни и как он решает жизнен-

ные проблемы. Это понимание легло в основу Берлинской парадигмы мудрости П. Балтеса. Основным методом изучения мудрости в этой теории стал метод решения испытуемыми нескольких жизненных проблем, представленных в описательной форме (Анцыферова, 2004; Paul, Baltes, 2003).

В Бременской парадигме мудрости Mickler и Staudinger (2008) акцент делался на показателях эффективности личной мудрости – глубокое самопознание (о своих сильных и слабых сторонах, приоритетах в жизни), эвристики роста и саморегуляции (знание – как справляться с вызовами и развиваться позитивно), самоидентичность (осознание контекстной и социальной укорененности), саморелятивизм (самокритика и саморефлексия, сбалансированная с самооценкой) и терпимость к неопределенности (признание и управление неопределенностью и неуправляемостью). Для измерения личной мудрости, испытуемых просят подумать о себе как о друге и ответить на вопросы относительно типичного поведения, решая трудные ситуации. Два оценщика по критериям оценки расшифровывают ответы. Бременская парадигма (BrWP) концептуально совпадает с Берлинской парадигмой мудрости.

Решение сложных личностных проблем рассматривается в теории И. Гроссмманна. Совместно с коллегами он разработал метод оценки «мудрых рассуждений», в котором опросная часть сочетается с интервью. Испытуемые размышляют о предложенных им сценариях межличностных или межгрупповых конфликтов, отвечая на ряд вопросов экспериментатора (Brienza, Grossmann, 2017).

Несмотря на то, что у П. Балтеса и И. Гроссмманна схожие процедуры исследования, оценка решения сложной проблемы происходит по разным критериям. П. Балтес в большей мере делает акцент на том, какую именно информацию в своем ответе испытуемый указывает как важную для решения. У И. Гроссмманна оценивается, скорее, сам характер решения – гибкость, компромиссность и признание ограниченности своих знаний. При этом в обоих случаях исследователи анализируют, ставит ли себя испытуемый на место участников ситуации, рассматривает ли проблему с разных позиций, предлагает ли варианты ее решения

В модели «Больше жизненного опыта» (MORE Life Experience Model) Ю. Глюк (2022), утверждается, что знания, связанные с мудростью, развиваются через взаимодействие жизненного опыта с психологическими ресурсами. Поэтому мудрость должна манифестироваться в том, что люди думают о прошлом опыте, как они описывают разнообразные и особенно негативные события в своей жизни, как вспоминают и размышляют о них. Согласно этой концепции, пять личных ресурсов способствуют развитию мудрости: *Мастерство (Управление неопределенностью и неконтролируемостью), Открытость, Рефлексивность, Регулирование эмоций и Сопереживание.*

Новые и интересные возможности исследований мудрости открываются благодаря использованию современных технических средств. Так, С. Томас и У. Кунцманн (Thomas, Kunzmann, 2013) разработали методику измерения мудрости на основе видеороликов, в которых реальные молодые пары обсуждали серьезные семейные конфликты. Испытуемых просили подумать вслух о причинах и путях разрешения конфликтов. Показ людей, говорящих о реальных проблемах, повышает экологическую обоснованность исследо-

вания, поскольку вовлекает участников эмоционально гораздо больше, чем обычное прочтение ситуаций.

Методы, основанные на интервью и размышлении вслух при решении задачи, менее всего подвержены предвзятости, но они не отвечают ряду важных требований. Прежде всего, требованию оперативности – это очень громоздкие процедуры. Испытуемым предлагается решить до 5–8 ситуаций, что занимает более одного часа без учета последующей экспертной оценки протоколов. Кроме того, в идеале участники должны заниматься тренировками «мышления вслух» перед исследованием. Поэтому большинство ученых предлагают испытуемым решить не более трех проблем.

Методики не универсальны – с испытуемыми, не склонными к вербализации, их проведение невозможно, а индивидуальные особенности вербализации могут внести существенные искажения в результаты оценки. Кроме того, процедура обработки данных предусматривает привлечение экспертов – специалистов высокого уровня в области исследований мудрости, которые, в свою очередь, могут проявлять предвзятость при оценке протоколов.

Более того, методы «мышления вслух» часто не в состоянии уловить аспекты мудрости, касающиеся моральных устремлений и эмоциональных характеристик (Ardelt, 2003; Glück, 2018).

Серьезным ограничением в использовании методов интервью и решения задач является их невысокая экологическая валидность. Решение задач в естественных условиях может кардинально отличаться от решения в лаборатории. Как отмечает Ю. Глюк (Glück, 2022), когнитивные способности, связанные с мудростью, которые позволяют индивиду мудро реагировать на теоретические проблемы в лабораториях психологов, необходимы, но недостаточны для мудрого поведения в очень сложных ситуациях реальной жизни. В этих случаях не менее важными, например, оказываются забота о других и регулирование эмоций. Для испытуемых предлагаемые ситуации могут быть совсем неактуальными, а говорить о других людях гораздо легче и проще, чем проявлять собственную мудрость в обычной жизни (Grossmann et al., 2020).

С этической и эмоциональной точек зрения оказывается проблематичным разработать стимульные ситуации, близкие к реальности. Отмечается также невысокая предсказательная способность таких методов. Наконец, проблема показателей решения при оценке протоколов экспертами также однозначно не решена.

Вторая группа ученых предполагает, что мудрость воплощается в виде совокупности личностных характеристик на нескольких уровнях функционирования, а ее измерение возможно, прежде всего, с помощью опросных методов. Они представлены одиннадцатью методиками, которые различаются составом компонентов и количеством вопросов. В основе этих методик лежит конкретная модель мудрости, а экспликация мудрости испытуемого производится путем самоотчета (Glück et al., 2013; Grossmann et al., 2020).

Кратко рассмотрим самые известные самооценочные методики (опросники) для диагностики мудрости.

На основе модели самопревосхождения М. Левенсона и соавт. (Levenson et al., 2005) создан опросник самопревосхождения для взрослых (Adult Self-Transcendence Inventory, ASTI). Самопревосхождение – это независимость от

внешних влияний и разрушение жестких границ между собой и другими. В опроснике 35 пунктов, например: «Я могу многому научиться у других», «Мой душевный покой нелегко нарушить».

Трехмерная модель мудрости лежит в основе трехмерной шкалы мудрости (Three-Dimensional Wisdom Scale, 3D-WS) и является самой известной моделью. В ней мудрость рассматривается как сочетание личностных качеств. Методика состоит из трех шкал: 1) когнитивный аспект; 2) рефлексивный; 3) аффективный. В методике 39 пунктов. Например: «У меня часто все идет наперекосяк не по моей вине», «Невежество – это блаженство» (Ardelt, 2003; Thomas et al., 2017; Thomas et al., 2019).

Самооценочная шкала мудрости Вебстера (Self-Assessed Wisdom Scale, SAWS) измеряет: 1) критический жизненный опыт; 2) открытость; 3) эмоциональную регуляцию; 4) воспоминания и рефлексивность; 5) юмор. Автор понимает мудрость как компетентность. В шкале 40 пунктов. Например: «Мне пришлось принять много важных жизненных решений», «Я могу контролировать свои эмоции, когда того требует ситуация» (Webster, 2003).

Опросные методы признаются достаточно эффективными, так как они удобны и экономичны, надежны и валидны с точки зрения психометрики, но они также не лишены серьезных недостатков. Прежде всего, это теоретическая ограниченность моделей, лежащих в основе такого сложного, тонкого и неуловимого конструкта, каковым является мудрость. Трудно представить, что несколько вопросов могут охарактеризовать ее наличие у испытуемых.

В опросниках нужно оценить себя по социально-желательным характеристикам, в силу чего ответы искажаются, так как многие люди хотят предстать в наиболее выгодном свете как сознательно, так и бессознательно. Ответы зависят также от особенностей памяти. Испытуемые могут быть просто не способны к рефлексии, плохо осознают свои особенности, не умеют оценивать себя.

Как отмечают многие исследователи, измерение понятий, включающих самокритику, создает важный парадокс: относительно неразумные люди могут назвать себя мудрее, чем мудрые люди, которые остро осознают свои ограничения. Мудрый человек рассматривается как скромный человек, и поэтому может не выставлять напоказ свою мудрость (Glück et al., 2013). В 3D-WS М. Ардельт (Ardelt, 2003) попыталась устранить эту проблему, формулируя большинство пунктов отрицательно, предполагая, что мудрый человек не согласится, например, с тем, что «невежество – это блаженство», в то время как неразумный человек может согласиться.

Третья группа методик направлена не на установление индивидуальных различий, а на изучение психологических процессов, лежащих в основе мудрых решений. В ней подчеркивается роль социального контекста, личных предрасположенностей, переживаний и связанных с культурой ситуационных факторов (Brienza, Grossmann, 2017).

В шкале обоснованного мудрого рассуждения (SWiS) учитывается динамичность мудрости (например, рассуждения человека различаются в зависимости от времени и контекста). В этой методике испытуемым предлагается задуматься над ситуацией из своей жизни (например, межличностным, рабочим или социальным конфликтом), а затем ответить на 21 вопрос.

Например: «Поставь себя на место другого человека». SWiS является гибридным методом, сочетающим преимущества самоотчета, автобиографии и «мышления вслух».

Авторы метода признают: основная его слабость заключается в том, что разовые оценки менее информативны в отношении общих тенденций и требуют обобщения нескольких замеров для выявления мудрости как черты (Grossmann et al., 2020).

Изучение поведения человека в течение длительного периода времени в естественных условиях было бы оптимальным методом оценки мудрости, однако, это чрезвычайно затратно и практически неосуществимо.

Процедура и методы исследования

Ввиду отсутствия в российской психологии инструментария для эмпирического изучения мудрости в 2009 году нами была разработана опросная методика, создание которой включало описание конструкта «мудрость» в русскоязычном социокультурном контексте и процедуру психометрической проверки. Методика была апробирована во многих исследованиях (Мехтиханова и др., 2020; Мехтиханова, Смульсон, 2015).

Опросник состоит из 63 пунктов, с которыми респондент должен выразить степень своего согласия по 5-балльной шкале Ликерта. Подсчет баллов производится с помощью ключа простым суммированием. Все утверждения составляют единственную шкалу, формирующую один итоговый показатель.

Методика прошла необходимые психометрические процедуры: стандартизацию, проверку надежности и валидности. Было доказано, что она обладает достаточно хорошими психометрическими показателями. Надежность определялась, в частности, через меру согласованности результатов. Результаты проведения методики на разных выборках ($n = 382$) показали высокую надежность-согласованность пунктов опросника: α Кронбаха = 0,91.

Современные процедуры анализа измерительных инструментов в психологии позволяют улучшить их качество, сократить объем опросников, что делает их более удобными и оперативными для масштабных исследований. Кроме этого, в нашем случае для анализа данных по опроснику нами использовалась модель с одним обобщенным показателем, хотя априорно подразумевались три категории характеристик: когнитивные, личностные и поведенческие. Поэтому *задачами данного исследования* было установление факторной структуры опросника и ее эмпирическая верификация.

В исследовании приняли участие 1078 человек: 621 женщина и 457 мужчин в возрасте 18–72 лет. Респонденты – жители различных городов России. Опрошенные имели высшее и среднее специальное образование и работали в различных областях (педагогика, медицина, психология, экономика, право и др.).

Для вычислений использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 18.0. Для проведения конфирматорного факторного анализа (КФА) и проверки соответствия моделей исходным данным использовался пакет Amos 18.0. Применялся метод максимального правдоподобия с последующей коррекцией модели (Вугне, 2011).

Результаты исследования

На предварительном этапе был проведен анализ пригодности пунктов методики. Первоначально был подсчитан индекс сложности и коэффициент дискриминативности для каждого пункта методики. Индекс сложности традиционно определялся на уровне 20 и 80 %. Его применение показало, что все 63 пункта укладываются в заданные границы.

Для анализа структуры данных методики использовался эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с последующим варимакс-вращением). При использовании критерия Кайзера выделилось тринадцать факторов с собственными значениями большими 1, объясняющими 53,47 %. При использовании критерия «каменистой осыпи» очевидно выделяются пять факторов (рис. 1), объясняющих 37 % дисперсии.

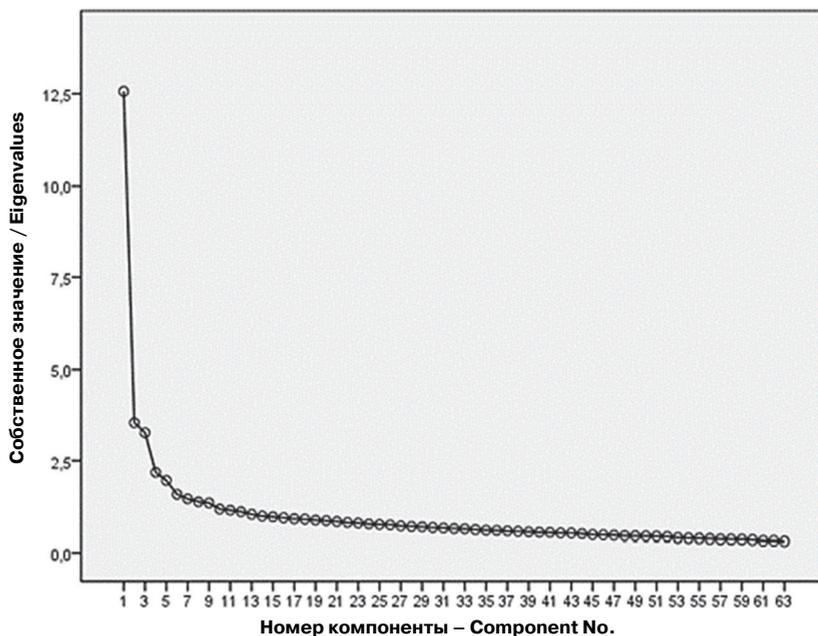

Рис. 1. График собственных значений по выборке
Figure 1. Graph of eigenvalues for the sample

Именно эти пять факторов рассматривались как базовые при формировании шкал опросника:

шкала 1 (% объясненной дисперсии – 19,94 %): *Спонтанность эмоциональной сферы*;

шкала 2 (% объясненной дисперсии – 5,62 %): *Когнитивная сфера*;

шкала 3 (% объясненной дисперсии – 5,18 %): *Склонность к конфликтам*;

шкала 4 (% объясненной дисперсии – 3,45 %): *Поведенческие проявления*;

шкала 5 (% объясненной дисперсии – 3,11 %): *Гуманистическая направленность*.

Третья шкала «Склонность к конфликтам» содержательно не вписывалась в априорную структуру конструкта «мудрость». Кроме того, некоторые ее пункты были близки к пунктам шкалы 1. Например, пункт 29 – «В критических ситуациях мне очень сложно сдерживать эмоции». На этом основании третья шкала была исключена из рассмотрения.

Дальнейшая модификация методики заключалась в формировании шкал путем отбора пунктов в соответствии со следующими критериями. Выбирались пункты, вносящие максимальный вклад в диагностируемый конструкт, в минимальной степени понижающие согласованность шкалы (в идеале – повышающие), имеющие минимальные корреляции с другими шкалами. Не выбирались пункты, вносящие значимый вклад в другие шкалы.

На завершающем этапе формирования шкал опросника была проведена оценка согласованности пунктов шкалы и отбраковка пунктов с низкими показателями. Коэффициент α Кронбаха составил для: шкалы 1 – 0,889; шкалы 2 – 0,861; шкалы 4 – 0,804; шкалы 5 – 0,787.

В итоговом варианте методика была сокращена до 32 пунктов, распределенных по четырем шкалам:

- шкала 1 – *Когнитивная сфера* (8 пунктов);
- шкала 2 – *Поведенческие характеристики* (9 пунктов);
- шкала 3 – *Гуманистическая направленность* (8 пунктов);
- шкала 4 – *Спонтанность эмоциональной сферы* (7 пунктов).

Проверка анализа структуры методики проводилась с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент с последующим варимакс-вращением). При использовании критерия Кайзера выделилось восемь факторов с собственными значениями большими 1, объясняющими 53,17 % (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Полная объясненная дисперсия по выборке /
Full explained sample variance

Компонента / Component	Начальные собственные значения / Initial eigenvalues		
	Итого / Total	Дисперсия, % Variance, %	Кумулятивный % дисперсии / Cumulative % of variance
1	6,375	19,922	19,922
2	2,503	7,821	27,743
3	1,853	5,791	33,534
4	1,650	5,158	38,692
...			
32	,398	1,244	100,000

На основании критерия «каменистой осыпи» отчетливо выделяются четыре фактора, объясняющих 38,69 % дисперсии, подтверждая четырехфакторную структуру опросника (табл. 2).

Анализ корреляций между шкалами выявил слабые связи между ними, что позволяет вводить в предполагаемую модель латентные переменные первого и второго уровня. При этом 1-я, 2-я и 3-я шкалы коррелируют между собой слабо положительно, а 4-я шкала со всеми – слабо отрицательно. Содержательно первые три шкалы описывают различные аспекты мудрости, а 4-я шкала предполагает отвержение спонтанности проявлений эмоциональной сферы.

Это позволяет рассмотреть четыре априорные модели:

– модель 4: четыре латентных фактора (*Когнитивная сфера, Поведенческие характеристики, Гуманистическая направленность, Спонтанность эмоциональной сферы*);

- модель **1+4**: один вторичный и четыре указанных латентных;
- модель **3**: три латентных фактора (*Когнитивная сфера, Поведенческие характеристики, Гуманистическая направленность*);
- модель **1+3**: один вторичный и три указанных последними латентных.

Таблица 2 / Table 2

**Матрица факторных решений для пунктов методики /
Matrix of factor solutions for the items of the questionnaire**

Название шкалы / Name of the scale	Номер пункта в исходной версии / Item number in the original version	Компонента / Component			
		1	2	3	4
1. Когнитивная сфера / Cognitive sphere	п_49			,708	
	п_26			,695	
	п_61			,649	
	п_47	,207		,616	
	п_25	,247		,241	
	п_32			,232	
	п_44			,221	
	п_10			,202	
2. Поведенческие особенности / Behavioral features	п_41		,670		
	п_22		,475		
	п_16		,636		
	п_11		,430		
	п_31		,602	,296	
	п_15		,232		
	п_60		,548		–,254
	п_55	,353	,210		
3. Гуманистическая направленность / Humanistic orientation	п_35	,224	,253		
	п_53	,710		,246	
	п_30	,684			
	п_58	,635		,280	
	п_1	,667			
	п_24	,684			
	п_23	,324			–,328
	п_63	,375			
4. Спонтанность эмоциональной сферы / Spontaneity of the emotional sphere	п_42	,207			
	п_12			–,294	,617
	п_46			–,210	,670
	п_8				,351
	п_17				,477
	п_40		–,240		,610
	п_29		–,317		,492
п_48				,442	

Примечание: метод выделения – анализ методом главных компонент; метод вращения – Вари-макс с нормализацией Кайзера.

Note: the extraction method – principal component analysis; the rotation method – Varimax with Kaiser normalization.

Для проверки соответствия моделей исходным данным был проведен конфирматорный факторный анализ (использовался пакет Amos 18.0). Первоначально использовался метод максимального правдоподобия с последующей коррекцией модели (Burne, 2011). Однако проверка нормальности мо-

делей показала крайне высокие уровни критического коэффициента для многомерного эксцесса (с.г. > 60). Вследствие этого был выбран метод оценки Asymptotically distribution-free (Приблизительно свободный от распределения), рекомендованный для больших выборок (n > 500) (Наследов, 2013).

Все четыре модели без коррекции оказались с неудовлетворительными показателями, однако их условно удалось скорректировать путем освобождения фиксированных нулевых параметров между латентными ошибками. Ниже приведены показатели соответствия конфирматорных моделей и критерии согласия исходным данным (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Соответствие различных моделей КФА исходным данным / Compliance of various CFA models with the initial data

Модели КФА / CFA models	4	1+4	3	1+3
<i>Проверка нормальности / Normality check</i>				
Критический коэффициент для многомерного эксцесса с.г. / Critical ratio (c.r.) for multivariate kurtosis	76,01	76,01	71.59	71.59
<i>Оценка приемлемости объема выборки / Sample size acceptability assessment</i>				
HOELTER .05	408	405	553	566
HOELTER .01	427	424	585	600
<i>Показатели соответствия модели / Model compliance indicators</i>				
CMIN P	1265 .000	1228 .000	559 .000	543 .000
CMIN/DF	2.94	2.87	2.24	2.193
RMSEA	0.42	0.42	0.34	0.33
NFI	0.916	0.651	0.70	0.709
PNFI	0.742	0.561	0.582	0.586
BIC	1950.3 1.80	1933.47 1.79	1090.17 1.01	1081.47 1.00

Оценка приемлемости объема выборки осуществлялась по критическому N Хеултера (HOELTER .01). Размер выборки признается адекватным, если Hoelter's N > 200. Это условие выполняется во всех оцениваемых моделях.

Для оценки качества соответствия моделей, основанного на сопоставлении прогнозируемых ковариаций с наблюдаемыми (абсолютные показатели соответствия), использовалось два наиболее популярных показателя: CMIN, P и CMIN/DF. χ^2 всех моделей крайне мал – < 0,05. Однако, поскольку χ^2 слишком консервативен (склонен к ошибке II типа), его можно не учитывать, если модель поддерживают другие показатели соответствия. При этом было показано, что способность χ^2 обнаруживать скрытое несоответствие между теорией и данными в значительной степени зависит от размера выборки (Cochran, 1952). Если выборка небольшая, то χ^2 показывает, что данные «незначительно отличаются от довольно широкого круга самых разных теорий, в то время как, если выборка большая, тест покажет, что данные значительно отличаются от тех, которые ожидаются, даже если это отличие незначимо и не фиксируется по другим критериям» (Gulliksen, Tukey, 1958, p. 95–96). В нашем случае выборка n = 1078 позволяет игнорировать крайне низкий P при CMIN. Относительный χ^2 (CMIN/DF) всех моделей находится в диапазоне от 2 до 3, что по Э. Карминесу и Дж. Макайверу (Carmines, McIver,

1981) вполне приемлемо, а по Р. Клайну (Kline, 2011) – $CMIN/DF \leq 3$ отражает хорошее соответствие. RMSEA всех моделей $< 0,05$, что говорит о хорошем соответствии. Байесовский информационный критерий для всех моделей < 2 , что является слабым свидетельством исключения модели. При использовании тестов сравнения с нулевой моделью (показатель NFI) и тестов качества соответствия, наказывающего за недостаточную экономичность (показатель PNFI), только модель с четырьмя латентными факторами демонстрирует приемлемое соответствие (PNFI $> 0,60$; NFI $> 0,90$).

Таким образом, именно ее следует принять более соответствующей исходным данным. Модель приведена на рис. 2.

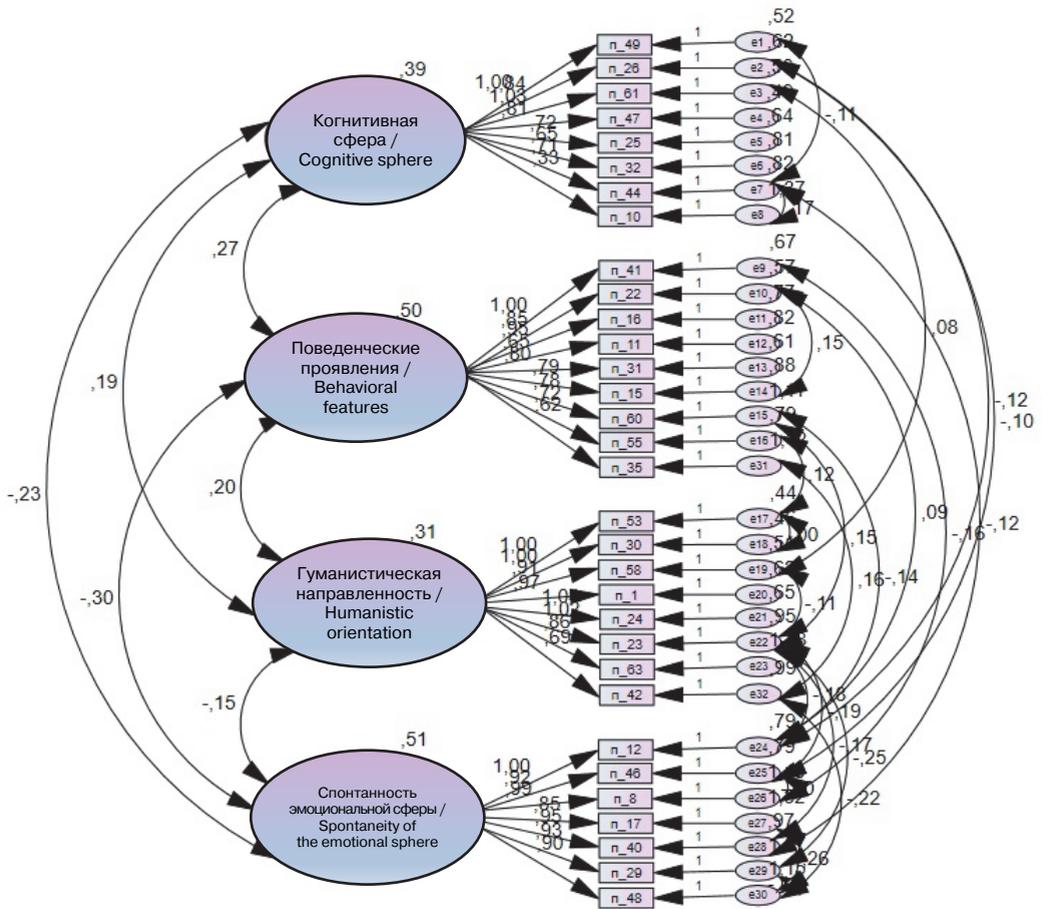

Рис. 2. Структурная модель самооценки мудрости (4 фактора – 32 пункта)
Figure 2. Structural model of wisdom self-assessment (4 factors – 32 points)

Эмпирическая структура методики, образованная из четырех коррелирующих факторов, обладающих высокой внутренней согласованностью, соответствует теоретической модели, включающей четыре показателя: когнитивная сфера, поведенческие характеристики, гуманистическая направленность, спонтанность эмоциональной сферы. Каждый пункт опросника отнесен к одному из четырех коррелирующих факторов, соответствующих шкалам методики. В соответствии с данной моделью разработан модифицированный вариант методики диагностики мудрости (МДМ), представленный в приложении.

Обсуждение результатов

В наших исследованиях мудрость рассматривается как интегральная характеристика личности и интеллекта, не сводимая к ним и появляющаяся в результате их взаимодействия. В этом смысле мудрость может считаться метасистемной характеристикой субъекта жизнедеятельности. Под термином мудрость мы понимаем особое когнитивное образование субъекта, формирующееся в ходе его жизненного пути, отражающее результаты функционирования практического интеллекта во взаимосвязи с личностными чертами, направляющее и оптимизирующее индивидуальное развитие и обеспечивающее успешность в практической стороне жизни.

В самом общем структурном плане мудрость состоит из когнитивных, личностных и поведенческих подструктур. Если две первые подструктуры включаются в понимание мудрости большинством исследователей, то поведенческая, как правило, не учитывается.

На основании этих представлений нами был создан первоначальный вариант методики диагностики мудрости, включающий 63 пункта. При этом мы исходили из анализа неявных теорий мудрости (качества мудрого человека, отраженные в русских пословицах, поговорках и сказках, а также взятые из современных представлений о мудрости в российском обществе) и явных теорий (существующие авторские концепции мудрости). Полученные характеристики мудрого человека были классифицированы на три самые общие категории: когнитивные, личностные и поведенческие, что послужило основой утверждений, составляющих методику.

Наши априорные представления о трехфакторной структуре мудрости не подтвердились. В ходе математического анализа были выявлены четыре фактора. Рассмотрим их.

Как и в большинстве современных теорий мудрости в нашей модели присутствует *когнитивная подструктура* (Ardelt, 2003; Baltes, Staudinger, 2000; Glück, 2018; Grossmann et al., 2020; Sternberg, 1998). Она является центральным образованием мудрости. Причем часто, но, по нашему мнению, далеко не всегда, это метапознание (Grossmann, et al., 2020).

Наше понимание когнитивного аспекта мудрости не совпадает с мнением М. Ардельт (Ardelt, 2003). Она разделяет когнитивную и рефлексивную составляющие мудрости, хотя содержательно в их основе лежат единые познавательные процессы. Так, способности осмысливать глубокое значение явлений и событий, осознавать пределы человеческого знания, рассматривать события с разных точек зрения, воспринимать жизнь как она есть, а не через свои страхи и прогнозы, импульсы, являются, по сути, однопорядковыми. Кроме того, рефлексия, выделяемая Ардельт в самостоятельную подструктуру, безусловно, является важнейшей характеристикой, но ее роль в мудром поведении, особенно в крайних проявлениях, не однозначна.

Мудрость предполагает наличие определенных личностных качеств. Это подтверждается всеми существующими концепциями (Grossmann et al., 2020). В нашей первоначальной модели их совокупность была достаточно обширна. Математический анализ показал, что в отдельный обобщенный фактор мудрости личностные черты выделить нельзя. Необходимо диффе-

ренцировать все многообразие личностных характеристик, как произошло в нашем случае. Было выделено два фактора – гуманистическая направленность и спонтанность эмоциональной сферы. Оба содержательно мы относим к личностным параметрам.

Гуманистическая направленность мудреца является, наряду с когнитивной составляющей, важнейшей чертой. Именно она отличает мудрого от просто высоко интеллектуального человека (Grossmann et al., 2020). Это означает уважение к достоинству и признание ценности других людей, высокий уровень сострадания, доброе отношение к ближнему. Мудрый человек старается замечать в окружающих прежде всего положительные качества. Он верит в хороших людей, и, хотя и замечает недостатки, но старается относиться к окружающим терпимо и с пониманием. Ему чужды такие черты как эгоизм и самовлюбленность (Анцыферова, 2004; Ожиганова, 2019; Ardel, 2003; Levenson et al., 2005).

Фактор *Спонтанность эмоциональной сферы* содержательно совпал с фактором *Склонность к конфликтам*. Фактически, они дублируют друг друга. Очевидно, что, чем выше импульсивность, раздражительность, эмоциональная неустойчивость, тем с большей вероятностью личность будет вступать в конфликт.

Связь мудрости и эмоциональной сферы личности подтверждают многие ученые (Clayton, 1975; Grossmann et al., 2020). Так, Арделт отмечала среди основных качеств мудрого человека уравновешенность, управление своими эмоциями, сострадание (Ardelt, 2003; Thomas et al., 2017). Значимость регуляции эмоций подчеркивает в своей теории Дж. Вебстер (Webster, 2003). В опроснике он выделяет специальную шкалу, измеряющую умение тонко понимать и дифференцировать весь спектр человеческих эмоций, принимать свои и чужие эмоции, способность регулировать их (Дровосеков и др., 2019; Webster, 2003).

Нами выявлена отрицательная взаимосвязь фактора *Спонтанность эмоциональной сферы* со всеми остальными факторами. Это объясняется тем, что в фактор вошли все пункты методики с обратным знаком. Поэтому чем меньше показатель по этой шкале, тем выше уровень мудрости.

Поведенческая подструктура, впервые выделенная в нашей работе, связана с использованием знаний на практике (их превращением в средства решения задач), готовностью давать советы (и не давать их, то есть молчать) (Ожиганова, 2019), воплощать новые идеи. Кроме деятельной стороны эта подструктура включает целеустремленность, умение найти подход к каждому человеку.

Описанные факторы легли в основу модифицированного варианта методики диагностики мудрости, представленной в приложении.

Заключение

Мудрость является традиционной теоретической и практической проблемой для психологической науки на протяжении многих лет, но вопрос о том, как систематически изучать ее с помощью научных методов остается открытым. Нами предпринята попытка осмысления и оценки различных методов, накопленных в зарубежной психологии в последние годы. Несмотря

на многообразии измерительных инструментов для оценки мудрости, в России их явно недостаточно. Нами была проведена работа по проверке факторной структуры ранее созданной авторской методики диагностики мудрости. На основании этого были сделаны следующие **выводы**:

1) накопленный методический арсенал психологических исследований мудрости достаточно разнообразен и надежен. В отечественной науке работа в этом направлении только начинается. Анализ существующих методов показал присущие им достоинства и недостатки. Это необходимо учитывать при выборе оптимального методического комплекса, ориентируясь, прежде всего, на цель исследования;

2) принимая во внимание многомерность конструкта мудрости и недостатки отдельных методов измерения, измерительный инструмент может быть составлен из нескольких частей. Сочетание количественных данных опросных методов, качественных данных интервью с использованием как гипотетических ситуаций, так и ситуаций из собственной жизни человека, представляется наиболее эффективным способом исследования мудрости;

3) априорно предложенная трехфакторная модель самооценки мудрости не подтверждена. Проведенный эксплораторный факторный анализ позволил выявить четырехфакторную структуру разработанной нами самооценочной методики диагностики мудрости. Адекватность полученной модели была доказана методом конфирматорного факторного анализа. Это позволило принять данную модель, состоящую из факторов: когнитивная сфера, поведенческие характеристики, гуманистическая направленность, спонтанность эмоциональной сферы (с обратным знаком).

Вместе с тем необходимо отметить некоторую ограниченность полученных выводов. В статье не представлены результаты следующих этапов стандартизации и валидации полученной версии методики. Это планируется сделать в отдельных публикациях.

Необходимо также продолжить разработку других потенциальных средств измерения сложного феномена мудрости. Согласованность в отношении основных характеристик мудрости, а также создание нового надежного измерительного инструмента будет способствовать росту эмпирических исследований, а также сравнению и обобщению их результатов.

Это позволит расширить возможности диагностики и последующего развития способностей личности к мудрым решениям критических социальных или межличностных проблем в повседневной жизни.

Список литературы

- Анциферова Л.И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Горянова Л.Н. Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2012. 25 с.
- Дровосеков С.Э., Митина О.В., Низовских Н.А. Шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (SAWS): психометрический анализ русскоязычной версии // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3. С. 160–171. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.047>

- Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Мудрость личности (к 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
- Знаков В.В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 27–34. <https://doi.org/10.31857/S020595920006073-6>
- Мехтиханова Н.Н., Кутузова А.Б. Проблема определения феномена мудрости в психологической науке // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47). С. 97–100.
- Мехтиханова Н.Н., Мурзина Ю.С., Русакова Ю.Е. Мудрость как фактор предотвращения эмоционального выгорания медицинских работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 4. С. 685–704. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704>
- Мехтиханова Н.Н., Смольсон М.Л. О взаимосвязи мудрости и успешности // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 1. С. 124–128.
- Наследов А.Д. IBM SP SS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
- Никитина Е.А. Представления людей разного возраста о мудрости // Методология, теория, история психологии личности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 425–432.
- Никитина Е.А. Современные исследования мудрости: состояние и перспективы // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 15–24. <https://doi.org/10.31857/S020595920014228-6>
- Огнев А.С., Гончаров Ю.Н., Постникова Н.В. Мудрость как акмеологический феномен // Акмеология. 2002. № 3 (4). С. 17–22.
- Ожиганова Г.В. Психология молчания и продуктивная жизнедеятельность в контексте мудрости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 3. С. 51–55. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-51-55>
- Ardelt M. Empirical assessment of a three-dimensional wisdom scale // *Research on Aging*. 2003. Vol. 25. No 3. Pp. 275–324. <https://doi.org/10.1177/0164027503025003004>
- Asadi S., Khorshidi R., Glück J. Iranian children's knowledge about wisdom // *Cognitive Development*. 2019. Vol. 52. Article 100814. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2019.100814>
- Baltes P.B., Staudinger U.M. Wisdom: a metaheuristic (pragmatic) to orchestrate mind and virtue toward excellence // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 No 1. Pp. 122–136. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.122>
- Bangen K.J., Meeks T.W., Jeste D.V. Defining and assessing wisdom: a review of the literature // *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2013. Vol. 21. No 12. Pp. 1254–1266. <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2012.11.020>
- Bergsma A., Ardel M. Self-reported wisdom and happiness: an empirical investigation // *Journal of Happiness Studies*. 2012. Vol. 13. No 3. Pp. 481–499. <https://doi.org/10.1007/s10902-011-9275-5>
- Brienza J.P., Grossmann I. Social class and wise reasoning about interpersonal conflicts across regions, persons and situations // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2017. Vol. 284. No 1869. Article 20171870. <https://doi.org/10.1098/rspb.2017.1870>
- Byrne B.M. Structural equation modeling with Mplus: basic concepts, applications, and programming. New York: Routledge, 2011. 432 p. <https://doi.org/10.4324/9780203807644>
- Carmines E.G., McIver J.P. Analyzing models with unobserved variables: analysis of covariance structures // *Social measurement: current issues* / ed. by G.W. Bohrnstedt, E.F. Borgatta. Beverly Hills: Sage Publications, Inc, 1981. Pp. 65–115.
- Clayton V. Erikson's theory of human development as it applies to the aged: wisdom as contradictory cognition // *Human Development*. 1975. Vol. 18. No 1–2. Pp. 119–128. <https://doi.org/10.1159/000271479>
- Cochran W.G. The χ^2 test of goodness of fit // *Annals of Mathematical Statistics*. 1952. Vol. 23. No 3. Pp. 315–345. <https://doi.org/10.1214/aoms/1177729380>

- Glück J. How MORE life experience fosters wise coping // Post-Traumatic Growth to Psychological Well-Being. Lifelong Learning Book Series / ed. by M. Munroe, M. Ferrari. Cham: Springer, 2022. Vol. 30. Pp. 131–149. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15290-0_14
- Glück J. Measuring wisdom: existing approaches, continuing challenges, and new developments // The Journals of Gerontology: Series B. 2018. Vol. 73. No 8. Pp. 1393–1403. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbx140>
- Glück J., König S., Naschenweng K., Redzanowski U., Dorner L., Straßer I., Wiedermann W. How to measure wisdom: content, reliability, and validity of five measures // Frontiers in Psychology. 2013. Vol. 4. P. 405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00405>
- Grossmann I., Weststrate N.M., Ardelt M., Brienza J.P., Dong M., Ferrari M., Fournier M.A., Hu C.S., Nusbaum H.C., Vervaeke J. The science of wisdom in a polarized world: knowns and unknowns // Psychological Inquiry. 2020. Vol. 31. No 2. Pp. 103–133. <https://doi.org/10.1080/1047840x.2020.1750917>
- Gulliksen H., Tukey J.W. Reliability for the law of comparative judgment // Psychometrika. 1958. Vol. 23. No 2. Pp. 95–110. <https://doi.org/10.1007/bf02289008>
- Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2011. 427 p.
- Levenson M.R., Jennings P.A., Aldwin C.M., Shiraishi R.W. Self-transcendence: conceptualization and measurement // The International Journal of Aging and Human Development. 2005. Vol. 60. No 2. Pp. 127–143. <https://doi.org/10.2190/xrxm-fyra-7u0x-grc0>
- Mickler C., Staudinger U.M. Personal wisdom: validation and age-related differences of a performance measure // Psychology and Aging. 2008. Vol. 23. No 4. Pp. 787–799. <https://doi.org/10.1037/a0013928>
- Paul U.K., Balte B. Wisdom-related knowledge: affective, motivational, and interpersonal correlates // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. No 9. Pp. 1104–1119. <https://doi.org/10.1177/0146167203254506>
- Schmit D.E., Muldoon J., Pounders K. What is wisdom? The development and validation of a multidimensional measure // Journal of Leadership, Accountability and Ethics. 2012. Vol. 9. No 2. Pp. 39–54.
- Staudinger U.M., Glück J. Psychological wisdom research: commonalities and differences in a growing field // Annual Review of Psychology. 2011. Vol. 62. No 1. Pp. 215–241. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.121208.131659>
- Sternberg R.J. A balance theory of wisdom // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2. No 4. Pp. 347–365. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.4.347>
- The Cambridge handbook of wisdom / ed. by R.J. Sternberg, J. Glück. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 828 p. <https://doi.org/10.1017/9781108568272>
- Thomas M.L., Bangen K.J., Ardelt M., Jeste D.V. Development of a 12-item abbreviated Three-Dimensional Wisdom Scale (3D-WS-12): item selection and psychometric properties // Assessment. 2017. Vol. 24. No 1. Pp. 71–82. <https://doi.org/10.1177/1073191115595714>
- Thomas M.L., Bangen K.J., Palmer B.W., Sirkin Martin A., Avanzino J.A., Depp C.A., Glorioso D., Daly R.E., Jeste D.V. A new scale for assessing wisdom based on common domains and a neurobiological model: The San Diego Wisdom Scale (SD-WISE) // Journal of Psychiatric Research. 2019. Vol. 108. Pp. 40–47. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2017.09.005>
- Thomas S., Kunzmann U. Age differences in wisdom-related knowledge: does the age relevance of the task matter? // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2013. Vol. 69. No 6. Pp. 897–905. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbt076>
- Webster J.D. An exploratory analysis of a self-assessed wisdom scale // Journal of Adult Development. 2003. Vol. 10. No 1. Pp. 13–22. <https://doi.org/10.1023/A:1020782619051>
- Zacher H., McKenna B., Rooney D. Effects of self-reported wisdom on happiness: not much more than emotional intelligence? // Journal of Happiness Studies. 2013. Vol. 14. No 6. Pp. 1697–1716. <https://doi.org/10.1007/s10902-012-9404-9>

История статьи:

Поступила в редакцию 3 сентября 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Мехтиханова Н.Н. Разработка русскоязычной методики диагностики мудрости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 839–861. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-839-861>

Сведения об авторе:

Мехтиханова Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). ORCID: 0000-0002-1531-6265, eLIBRARY SPIN-код: 4878-2248. E-mail: natnik1@list.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Методика диагностики мудрости (МДМ)

Инструкция: Внимательно прочитайте предложенные высказывания, которые, так или иначе, отражают различные стороны вашей жизни. Пожалуйста, напротив каждого утверждения обведите кружком тот ответ, который наилучшим образом отражает ваше мнение.

1 – абсолютно не согласен, это не про меня; 2 – скорее нет, чем да; 3 – нечто среднее; 4 – скорее да, чем нет; 5 – абсолютно согласен, точно про меня.

Не задумывайтесь подолгу над ответами. Помните, что правильных или неправильных ответов в данном случае быть не может. Старайтесь как можно реже выбирать промежуточный вариант (цифра 3 – нечто среднее).

№	Утверждение	Ответ
1.	Доброта – одно из моих главных качеств	1 2 3 4 5
2.	Необходимость сделать что-то сложное и важное тяготит меня	1 2 3 4 5
3.	Я не считаю, что в споре может быть только одна правильная точка зрения	1 2 3 4 5
4.	Мне достаточно легко дается усвоение новых знаний	1 2 3 4 5
5.	Я часто действую необдуманно	1 2 3 4 5
6.	Я хорошо разбираюсь в жизни	1 2 3 4 5
7.	Обычно мне несложно перейти от замыслов к делу	1 2 3 4 5
8.	Мне бывает сложно понять, что я чувствую в данный момент	1 2 3 4 5
9.	Мне легко найти выход из сложной ситуации	1 2 3 4 5
10.	Я считаю себя терпеливым человеком	1 2 3 4 5
11.	Мне нравится заботиться о других людях	1 2 3 4 5
12.	Я умею признавать свои ошибки	1 2 3 4 5
13.	Прежде чем принять решение, я задумываюсь о его возможных последствиях	1 2 3 4 5

14.	В критических ситуациях мне очень сложно сдерживать эмоции	1 2 3 4 5
15.	Я доброжелательно отношусь к людям	1 2 3 4 5
16.	Приняв решение, я не отступаю от своей цели	1 2 3 4 5
17.	Обычно мне не сложно понять других людей и их поступки	1 2 3 4 5
18.	Обычно я не жалею о том, что уже сделано	1 2 3 4 5
19.	Меня легко раздражают люди, которые спорят со мной	1 2 3 4 5
20.	Я не боюсь препятствий в достижении цели	1 2 3 4 5
21.	Я принимаю жизнь такой, какая она есть	1 2 3 4 5
22.	Мне не сложно принять мнение другого человека, даже если оно отлично от моего собственного	1 2 3 4 5
23.	Я часто ссорюсь с людьми по различным причинам	1 2 3 4 5
24.	Обычно я стараюсь понять причину того или иного события, поступка	1 2 3 4 5
25.	Я во многом недоволен своей жизнью	1 2 3 4 5
26.	Когда я озадачен проблемой, одно из первых, что я делаю, это анализ всей имеющейся информации	1 2 3 4 5
27.	Если я вижу, что человеку нужна помощь, я пытаюсь ему помочь	1 2 3 4 5
28.	Я могу найти общий язык с большинством людей	1 2 3 4 5
29.	Обычно я стараюсь утешить и успокоить человека, когда тот нуждается в этом	1 2 3 4 5
30.	Обычно мне не сложно сконцентрироваться на главном, не отвлекаясь по пустякам	1 2 3 4 5
31.	Я всегда пытаюсь рассмотреть проблему со всех сторон	1 2 3 4 5
32.	Обычно я не могу долго таить зла на человека и прощаю его, даже если он меня сильно обидел	1 2 3 4 5

В соответствии с «ключом» определяется сумма баллов. Принцип подсчета баллов следующий:

Шкалы:

Когнитивная сфера (К) – присвоенный балл сохраняется: 3, 12, 13, 17, 22, 24, 26, 31.

Поведенческие характеристики (П) – присвоенный балл сохраняется: 4, 6, 7, 9, 16, 18, 20, 28, 30.

Гуманистическая направленность (Г) – присвоенный балл сохраняется: 1, 10, 11, 15, 21, 27, 29, 32.

Спонтанность эмоциональной сферы (С) – присвоенный балл меняется на противоположный за ответы по пунктам: 2, 5, 8, 14, 19, 23, 25 (1 меняется на 5; 2 на 4; 4 на 2; 5 на 1; 3 остается).

В соответствии с принятой моделью шкалы 1, 2 и 3 коррелируют между собой слабо положительно, а шкала 4 со всеми – слабо отрицательно. Поэтому подсчитываются обратные ответы по этой шкале.

Общий балл подсчитывается по формуле $M = K + П + Г + С$, где М – Мудрость; К – Когнитивная сфера (F1); П – Поведенческие проявления (F2); Г – Гуманистическая направленность (F3); С – Спонтанность эмоциональной сферы (F4).

**Сведения о распределении оценок
по латентным факторам на выборке $n = 1078$**

Шкалы	Среднее	Стандартное отклонение
Когнитивная сфера	30,8469	4,52823
Поведенческие проявления	30,6187	5,80480
Гуманистическая направленность	31,4276	4,80558
Спонтанность эмоциональной сферы	19,3970	5,44032
Мудрость	73,4963	15,59246

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-839-861

UDC 159.9.072.59

Research article

Developing a Russian-Language Wisdom Diagnostics Questionnaire

Natalya N. Mekhtikhanova

Yaroslavl Demidov State University,
14 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150003, Russian Federation

✉ natnik1@list.ru

Abstract. Wisdom is an ancient concept that has acquired a new status in modern psychology. Wisdom has been proven to promote both optimal self-development and the well-being of others. However, its study requires a reliable methodological arsenal. In Russian science, work on creating methods for studying wisdom is just beginning. The subject of this study is a methodological toolkit for the empirical study of wisdom. The purpose of the study is to analyze and evaluate various methods accumulated in international psychology in recent years, as well as to create an improved version of the author's questionnaire for diagnosing wisdom. The author discusses various classifications of methods for diagnosing wisdom proposed, in particular, by such authors as R. Sternberg, W. Staudinger & J. Glück, I. Grossmann. The advantages and limitations of the available methods are considered. It should be noted that quite reasonably there are a large number of self-assessment methods (questionnaires) among them. The empirical part of the work is concerned with identifying the factor structure of the original version of the author's questionnaire and its verification. The study involved 1,078 persons, including 621 women and 457 men aged 18–72. The respondents were residents of various Russian cities with higher or secondary specialized education. The IBM SPSS Statistics 18.0 and Amos 18.0 software packages were used for calculations. The conducted exploratory factor analysis revealed the four-factor structure of the developed wisdom diagnostics questionnaire (WDQ). The adequacy of the obtained model feature was proved by the confirmatory factor analysis. The empirical structure of the WDQ, formed from four correlating factors with high internal consistency, corresponds to the theoretical model, which includes four indicators: (1) cognitive sphere, (2) behavioral features, (3) humanistic orientation, and (4) spontaneity of the emotional sphere. In accordance with this model, a modified

version of the WDQ has been developed. In practical terms, this will expand the possibilities of diagnosing and subsequently developing the individual's abilities to find wise solutions to critical social or interpersonal problems.

Key words: wisdom, wisdom measurement, method classifications, self-reporting methods, wisdom diagnostics questionnaire, WDQ

Acknowledgements and Funding. The study was carried out without any financial support. The author expresses sincere gratitude to Professor A.N. Voronin, Doctor of Psychology.

References

- Antsiferova, L.I. (2004). Wisdom and its manifestations during the course of life. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 25(3), 17–24. (In Russ.)
- Ardelt, M. (2003). Empirical assessment of a three-dimensional wisdom scale. *Research on Aging*, 25(3), 275–324. <https://doi.org/10.1177/0164027503025003004>
- Asadi, S., Khorshidi, R., & Glück, J. (2019). Iranian children's knowledge about wisdom. *Cognitive Development*, 52, 100814. <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2019.100814>
- Baltes, P.B., & Staudinger, U.M. (2000). Wisdom: A metaheuristic (pragmatic) to orchestrate mind and virtue toward excellence. *American Psychologist*, 55(1), 122–136. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.122>
- Bangen, K.J., Meeks, T.W., & Jeste, D.V. (2013). Defining and assessing wisdom: A review of the literature. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 21(12), 1254–1266. <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2012.11.020>
- Bergsma, A., & Ardelt, M. (2012). Self-reported wisdom and happiness: An empirical investigation. *Journal of Happiness Studies*, 13(3), 481–499. <https://doi.org/10.1007/s10902-011-9275-5>
- Brienza, J.P., & Grossmann, I. (2017). Social class and wise reasoning about interpersonal conflicts across regions, persons and situations. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 284(1869), 20171870. <https://doi.org/10.1098/rspb.2017.1870>
- Byrne, B.M. (2011). *Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203807644>
- Carmines, E.G., & McIver, J.P. (1981). Analyzing models with unobserved variables: Analysis of covariance structures. In G.W. Bohrnstedt & E.F. Borgatta (Eds.), *Social Measurement: Current Issues* (pp. 65–115). Beverly Hills: SAGE Publications, Inc.
- Clayton, V. (1975). Erikson's theory of human development as it applies to the aged: Wisdom as contradictive cognition. *Human Development*, 18(1–2), 119–128. <https://doi.org/10.1159/000271479>
- Cochran, W.G. (1952). The χ^2 test of goodness of fit. *Annals of Mathematical Statistics*, 23(3), 315–345. <https://doi.org/10.1214/aoms/1177729380>
- Drovosekov, S.E., Mitina, O.V., & Nizovskikh, N.A. (2019). The scale of self-assessment of wisdom by J. Webster (SAWS): Psychometric analysis of the Russian version. *Herald of Vyatka State University*, (3), 160–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.047>
- Glück, J. (2018). Measuring wisdom: Existing approaches, continuing challenges, and new developments. *The Journals of Gerontology: Series B*, 73(8), 1393–1403. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbx140>
- Glück, J. (2022). How MORE life experience fosters wise coping. In M. Munroe & M. Ferrari (Eds.), *Post-Traumatic Growth to Psychological Well-Being. Lifelong Learning Book Series* (vol. 30, pp. 131–149). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-15290-0_14
- Glück, J., König, S., Naschenweng, K., Redzanowski, U., Dorner, L., Straßer, I., & Wiedermann, W. (2013). How to measure wisdom: Content, reliability, and validity of five measures. *Frontiers in Psychology*, 4, 405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00405>
- Goryanova, L.N. (2012). *Structures of the concepts 'MUDROST' and 'WISDOM' and ways of objectifying their features in the Russian and English language worldviews* (Ph.D. in Philology Thesis abstract). Kemerovo: Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS. (In Russ.)

- Grossmann, I., Weststrate, N.M., Ardelt, M., Brienza, J.P., Dong, M., Ferrari, M., Fournier, M.A., Hu, C.S., Nusbaum, H.C., & Vervaeke, J. (2020). The science of wisdom in a polarized world: Knowns and unknowns. *Psychological Inquiry*, 31(2), 103–133. <https://doi.org/10.1080/1047840x.2020.1750917>
- Gulliksen, H., & Tukey, J.W. (1958). Reliability for the law of comparative judgment. *Psychometrika*, 23(2), 95–110. <https://doi.org/10.1007/bf02289008>
- Kline, R.B. (2011). *Principles and practice of structural equation modeling* (3rd ed.). New York: The Guilford Press.
- Levenson, M.R., Jennings, P.A., Aldwin, C.M., & Shiraiishi, R.W. (2005). Self-transcendence: Conceptualization and measurement. *The International Journal of Aging and Human Development*, 60(2), 127–143. <https://doi.org/10.2190/xrxm-fyra-7u0x-grc0>
- Mekhtikhanova, N.N., & Kutuzova, A.B. (2019). The problem of defining the phenomenon of wisdom in psychological science. *Vestnik Yaroslavskegos Gosudarstvennogo Universiteta Imeni P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*, (1), 97–100. (In Russ.)
- Mekhtikhanova, N.N., & Smulson, M.L. (2015). About interrelation of wisdom and success. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2(1), 124–128. (In Russ.)
- Mekhtikhanova, N.N., Murzina, J.S., & Rusakova, J.E. (2020). Wisdom as a factor in preventing emotional burnout among medical professionals. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(4), 685–704. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-4-685-704>
- Mickler, C., & Staudinger, U.M. (2008). Personal wisdom: Validation and age-related differences of a performance measure. *Psychology and Aging*, 23(4), 787–799. <https://doi.org/10.1037/a0013928>
- Nasledov, A.D. (2013). *IBM SP SS Statistics 20 and AMOS: Professional statistical data analysis*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Nikitina, E.A. (2019). Ideas about wisdom of people of different age. In A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina & N.E. Kharlamenkova (Eds.), *Methodology, Theory, History of Personality Psychology* (pp. 425–432). Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Nikitina, E.A. (2021). Modern research of wisdom: State and prospects. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 42(2), 15–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920014228-6>
- Ognev, A.S., Goncharov, Yu.N., & Postnikova, N.V. (2002). Wisdom as an acmeological phenomenon. *Akmeologiya*, (3), 17–22. (In Russ.)
- Ozhiganova, G.V. (2019) Psychology of silence and productive life activity in the context of wisdom. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 25(3), 51–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-51-55>
- Paul, U.K., & Baltes, B. (2003). Wisdom-related knowledge: Affective, motivational, and interpersonal correlates. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(9), 1104–1119. <https://doi.org/10.1177/0146167203254506>
- Schmit, D.E., Muldoon, J., & Pounders, K. (2012). What is wisdom? The development and validation of a multidimensional measure. *Journal of Leadership, Accountability and Ethics*, 9(2), 39–54.
- Staudinger, U.M., & Glück, J. (2011). Psychological wisdom research: Commonalities and differences in a growing field. *Annual Review of Psychology*, 62(1), 215–241. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.121208.131659>
- Sternberg, R.J. (1998). A balance theory of wisdom. *Review of General Psychology*, 2(4), 347–365. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.4.347>
- Sternberg, R.J., & Glück, J. (Eds.). (2019). *The Cambridge handbook of wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108568272>
- Thomas, M.L., Bangen, K.J., Ardelt, M., & Jeste, D.V. (2017). Development of a 12-item abbreviated Three-Dimensional Wisdom Scale (3D-WS-12): Item selection and psychometric properties. *Assessment*, 24(1), 71–82. <https://doi.org/10.1177/1073191115595714>
- Thomas, M.L., Bangen, K.J., Palmer, B.W., Sirkin Martin, A., Avanzino, J.A., Depp, C.A., Glorioso, D., Daly, R.E., & Jeste, D.V. (2019). A new scale for assessing wisdom based on

- common domains and a neurobiological model: The San Diego Wisdom Scale (SD-WISE). *Journal of Psychiatric Research*, 108, 40–47. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2017.09.005>
- Thomas, S., & Kunzmann, U. (2013). Age differences in wisdom-related knowledge: Does the age relevance of the task matter? *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 69(6), 897–905. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbt076>
- Webster, J.D. (2003). An exploratory analysis of a self-assessed wisdom scale. *Journal of Adult Development*, 10(1), 13–22. <https://doi.org/10.1023/A:1020782619051>
- Zacher, H., McKenna, B., & Rooney, D. (2013). Effects of self-reported wisdom on happiness: Not much more than emotional intelligence? *Journal of Happiness Studies*, 14(6), 1697–1716. <https://doi.org/10.1007/s10902-012-9404-9>
- Zhuravlev, A.L., & Charlamenkova, N.E. (2014). Wisdom of a person (to 90th anniversary of L.I. Antsiferova). *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(5), 99–101. (In Russ.)
- Znakov, V.V. (2019). Dynamic approach to the research of the personality and the procedural analysis in psychology of the subject. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 40(5), 27–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020595920006073-6>

Article history:

Received 3 September 2022

Revised 23 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Mekhtikhanova, N.N. (2022). Developing a Russian-language wisdom diagnostics questionnaire. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 839–861. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-839-861>

Bio note:

Natalya N. Mekhtikhanova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor of the General Psychology Department, Yaroslavl Demidov State University (Yaroslavl, Russia). ORCID: 0000-0002-1531-6265, eLIBRARY SPIN-code: 4878-2248. E-mail: natnik1@list.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-862-878

УДК 159.9.07

Обзорная статья

Объективные методы изучения детского языкового развития в естественных условиях и в рамках тестирования

М.А. Жукова^{1,2,3} , В.А. Манасевич¹ , И.В. Голованова^{1,2} ,
П.И. Летягин⁴ , Т.А. Ульянова^{5,6} , С.С. Тихонова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

²Научно-технологический университет «Сириус»,
Российская Федерация, 354340, пгт. Сириус, Олимпийский пр-кт, д. 1

³Хьюстонский университет,
Соединенные Штаты Америки, 77004, Хьюстон, Калхун Роуд, 4800

⁴Институт физиологии имени И.П. Павлова, Российская академия наук,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6

⁵Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 192148, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2

⁶Потсдамский университет,
Федеративная Республика Германия, 14469, Потсдам, Ам Нойен Палэс, 10

 mzhukova@times.uh.edu

Аннотация. Представлены особенности применения различных подходов к анализу языкового развития ребенка на примере наиболее часто используемых в исследовании и клинической практике методов. Описаны преимущества и ограничения лонгитюдного метода изучения языковых навыков, ведения звукозаписей, анализа корпусных данных и транскриптов. Обсуждаются технические возможности регистрации языковой среды ребенка (технология LENA), позволяющей с помощью диктофонных записей приблизиться к наиболее экологически валидной оценке языкового окружения ребенка. Приводятся сведения об анализе корпусных данных посредством транскрибирования диалогов ребенка и взрослого, а также об изучении лингвистических показателей речи ребенка в сравнении их с группой того же возраста. Предлагается обзор наиболее распространенных в мировой практике опросных методов, оценивающих коммуникацию, лексическое развитие, а также тестов непосредственной оценки языкового развития. Среди инструментов, доступных для использования в русскоязычной популяции, рассматриваются Макартуровский опросник CDI и методика PLS-5. При этом видится актуальным процесс интеграции отечественных исследований в мировую научную среду путем адаптации методов, применяемых на различных выборках, для оценки языкового развития детей.

Ключевые слова: языковое развитие, лонгитюдный метод, LENA, языковая среда ребенка, опросные методы, анализ корпусных данных, Макартуровский опросник, Preschool Language Scales-5

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-4217.2021.2 (руководитель М.А. Жукова).

© Жукова М.А., Манасевич В.А., Голованова И.В., Летягин П.И., Ульянова Т.А., Тихонова С.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Языковое развитие является неотъемлемой частью общего когнитивного созревания ребенка, оказывая влияние на процессы социальной адаптации и овладения бытовыми навыками, способности к обучению, академическую успешность и долгосрочные перспективы жизнеустройства. Как в исследовательском, так и в прикладном значениях, в рамках языкового развития рассматривается не только язык и речь ребенка, но и предпосылки к их формированию (Ягунова, Гайнетдинова, 2018). Они включают в себя биологические (развитие центральной нервной системы, целостность и сохранность речевого аппарата), социальные (языковая среда, в которой развивается ребенок, наличие и качество контакта с близким взрослым) и когнитивные (уровень слухового и зрительного восприятия, внимание, память) факторы (Кабушко, 2015). Перечисленные факторы изучаются специалистами различных областей знаний (медицины, физиологии, лингвистики, психологии и других), при этом сферу особого интереса в психологии представляет роль социальных и когнитивных предпосылок в развитии языка и речи ребенка.

Одновременно с этим необходимо отметить возрастающий на протяжении последних десятилетий интерес к вопросу диагностики и коррекции языковых нарушений у детей (Горлова, 2012). Это обусловлено статистическими данными о том, что на территории России количество детей с различными нарушениями языка и речи по некоторым оценкам достигает до 10 % популяции (Делягин, 2013). Такую тенденцию поддерживают и зарубежные эпидемиологические исследования в англоязычных странах, где около 7 % детского населения имеют речевые и языковые нарушения (Tomblin и др., 1997). В зависимости от степени нарушений такие дети нуждаются в коррекции или сопровождении специалистами в рамках образовательного процесса. В этом случае одним из существенных аспектов является ранняя диагностика нарушений, которая позволяет интенсифицировать коррекционную помощь, что прогностически влияет на ее эффективность. Второй аспект касается комплексного подхода к рассмотрению процесса формирования речи ребенка со стороны различных предпосылок. В этой связи крайне важным представляется использование объективных методов, имеющих научно обоснованную теоретическую базу, достаточную степень валидности и надежности, а также возрастные нормы, позволяющие сделать выводы о языковом развитии ребенка.

В данной статье нами будет представлен обзор методов объективной оценки языкового развития детей как в исследовательском, так и в прикладном контекстах. Описываемые ниже инструменты актуальны как для задач онтолингвистических исследований, так и для практиков в области психологии и дефектологии: классический лонгитюдный метод, анализ корпусных данных, опросные методы, а также стандартизированные методики тестирования языкового развития. При этом каждая группа методов имеет свою специфику, ряд преимуществ и ограничений.

Цель исследования – рассмотреть каждый методический подход к изучению и оценке языкового развития детей с примерами, актуальными для мировых научной и клинической практик, а также в контексте применения отечественными исследователями и специалистами. Приведенные в статье

методы иллюстрируют наиболее распространенные подходы к объективному анализу языкового развития и лингвистической среде ребенка, при этом представленный в работе перечень не является исчерпывающим. Выбор методов, включенных в данный обзор, был продиктован их распространенностью, а также наличием данных о надежности и валидности. В работе сделан акцент на методиках специфичных для оценки языка и речи, в связи с чем в обзоре отсутствуют батареи, включающие анализ интеллектуального функционирования и нейропсихологическую оценку. Сравнительное описание дополняет существующую отечественную литературу в области изучения языкового развития детей представлением методических аспектов двух основных подходов к диагностике: исследованиям языка и речи в естественной среде и использованию тестов.

Изучение языкового развития детей в естественной среде

Дневниковые записи

Фундаментом для современных исследований в области онтолингвистики – науки, изучающей специфику усвоения языка ребенком и эволюцию всех языковых компонентов в онтогенезе, стало ведение детских биографий родителями. Работы Стенли Холла и Вильяма Прейера вдохновили многих ученых во второй половине XIX века на изучение и описание типичного развития ребенка путем ведения дневника, в котором фиксировались все этапы развития. Как правило, описание языкового развития было лишь частью интереса исследователей. Например, Прейер наряду с языковым развитием своего ребенка фиксировал также моторное развитие и музыкальные способности (Ingram, David, 1989). Позже систематические исследования детской речи на основе дневниковых записей в России осуществили Н.А. Рыбников в 1920-х годах (Рыбников, 1926), а также отечественный лингвист А.Н. Гвоздев в работе «От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений» (Гвоздев, 1981), опубликованной впервые в 1949 году. Текст представляет собой систематическую запись речи сына автора. Дневниковые записи А.Н. Гвоздева включают в себя комментарии о речевом развитии ребенка от года до 8–9 лет и содержат систематический анализ усвоения ребенком языка, охватывающий все стороны развития речи: синтаксис, морфологию, процессы словообразования и словоизменения.

Такие родительские дневниковые записи являются информативными с точки зрения рассмотрения отдельного случая: фиксируется спонтанная речь ребенка, последовательно отмечаются любая динамика ребенка в освоении языка, в том числе, появление в речи новых звуков, слов и форм, синтаксических конструкций (Цейтлин, 2007). Данный метод отличается простотой применения, также преимуществами дневниковых записей состоят в том, что наблюдателем чаще всего является родитель, который хорошо знаком с объектом наблюдения (Nippold, 2020). Следовательно, в записях не будет фиксироваться случайное поведение, а лишь те языковые проявления, которые или имеют систематический характер или же являются новообразованиями для данного ребенка. Однако этот факт является и ограничением метода (прежде всего с исследовательской точки зрения), привнося высокий уровень субъективности.

Дневники также имеют разный уровень подробности, представляя собой неомогенный исследовательский материал. Сам же метод лонгитюдных исследований в данном случае несет в себе и ряд ограничений, среди которых, временная протяженность, высокий риск выхода из проекта участников исследования, техническая сложность в сборе и обработке материала.

На смену записям и родительским дневникам с развитием технических возможностей звукозаписи пришла регистрация фрагментов речи ребенка, записываемых с заранее назначенными временными интервалами¹. Этот способ ведения записей, как и дневники, относится к лонгитюдному методу, но в нем не прослеживаются фрагментарности, случайности и субъективности записей, которые были свойственны дневникам. С последующим развитием способов звуко- и видеозаписи, методов автоматического сбора языкового материала, менялись и методы наблюдения за речью ребенка. Таким образом произошел практически полный переход от письменных записей к аудио регистрации языка и речи ребенка.

Аудиозаписи образцов речи

В современных лонгитюдных исследованиях, изучающих спонтанную детскую речь, метод аудиозаписей применяется повсеместно. Необходимо отдельно отметить специально разработанную систему анализа языковой среды (Language ENvironment Analysis, LENA), передовую технологию распознавания речи, разработанную Фондом LENA Foundation для последовательной записи взаимодействия детей и взрослых в естественных условиях (Gilkerson, Richards, 2008).

Технология включает в себя цифровой языковой процессор (Digital Language Processor) и программное обеспечение для автоматизированного анализа голоса. Цифровой языковой процессор представляет собой небольшой безопасный для детей диктофон, который способен вести запись аудиоданных до 16 часов. После завершения записи ее можно загрузить в программу, которая с помощью специальных алгоритмов автоматически сегментирует запись (Greenwood и др., 2018). В зависимости от громкости и частотных характеристик звукового сигнала алгоритм программы классифицирует сегмент в одну из категорий с указанием процентного соотношения различных индикаторов среды, включающих речь взрослых, речь ребенка, неразборчивый шум, а также звук телевизора и радио. Смысловые категории включают в себя количество слов взрослого, высказываний ребенка и диалогов. Таким образом, программа позволяет построить профиль языковой среды, в которую погружен ребенок. Данный инструмент не предоставляет информации о содержательных характеристиках языковой среды, однако они могут быть получены после транскрибирования и качественного анализа аудиозаписей.

Методика LENA обладает высокой валидностью и надежностью (Wang и др., 2020), степень ее точности была оценена для американского английского языка. Для проверки корректности сегментации, выполненной системой сравнивались сегменты записи, идентифицированные людьми и сегмен-

¹ Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.

ты, идентифицированные программой LENA. Степень согласованности для количества слов взрослого составила 82 %, для вокализаций ребенка – 76 % и для телевизионного шума – 71 % (Ху и др., 2009), что дает основания для использования такого инструмента в исследованиях языкового окружения.

С помощью технологии LENA также можно собирать аудиоданные у детей с различными нарушениями развития, например с задержками речи, сенсорными нарушениями или с расстройствами аутистического спектра (РАС) (Cristia и др., 2021). К преимуществам этого подхода стоит отнести его экологическую валидность, то есть возможность охватывать естественное повседневное поведение детей. Более того предоставление системой LENA подробной обратной связи помогает в формировании клинических рекомендаций и способствует увеличению интерактивного общения родителей с детьми (Ganek, Eriks-Brophy, 2018). Ограничениями LENA при этом являются невозможность разграничить речь, обращенную к ребенку, и речь, которую ребенок слышит в своем окружении, трудности в идентификации «ключевого» ребенка, участвующего в исследовании, при наличии нескольких говорящих (Greenwood и др., 2011), возможность ошибки в присвоении категории голосовому отпечатку человека (например, сегмент аудиозаписи с голосом взрослой женщины, которая повышает тон голоса, может быть закодирован как ребенок) (Gilkerson и др., 2015; Lehet и др., 2021).

Другой подход – метод корпусных данных – также можно отнести к эволюционирующему варианту дневниковых записей (Hellwig и др., 2021). Его развитие стало возможным благодаря современным технологиям записи языкового материала, последующего его транскрибирования и автоматического анализа (McEneaney и др., 2019). Корпусными данными в онтолингвистике называют массив данных с записями детской речи, а наиболее известным корпусом данных на сегодняшний день является система CHILDES (Children Language Database Exchange System) (MacWhinney, 2014). Она была разработана в 1980-х годах К. Сноу и Б. Мак-Винни в Питтсбургском университете для анализа разговорной спонтанной речи детей и их родителей, а также для исследований билингвизма. Система CHILDES содержит уже собранный и обработанный массив детской речи более чем на 40 языках, что позволяет ставить новые исследовательские вопросы и задачи. Большинство стенограмм взяты из спонтанных взаимодействий и разговоров ребенка с его окружением. Транскрипции записываются в формате CHAT (Codes for the Human Analysis of Transcripts), который обеспечивает стандартизированный вид для создания разговорных транскриптов (MacWhinney, 2014). Система содержит в себе материалы (включая аудиофайлы общения родителя с ребенком) и на русском языке. Материалы являются свободно доступными, а система ежедневно дополняется новыми данными. Создание подобного общедоступного корпуса данных способствовало увеличению проводимых исследований в области детского речевого развития. Однако и у корпусных данных можно наблюдать недостатки, среди которых сложность получения и фиксации достаточно полных данных, а также дискуссионным в таком подходе становится вопрос о естественности полученных данных (Смульская, 2016), то есть экологической валидности полученного материала.

Иным подходом, ориентированным на анализ собранных в естественной среде образцов речи, является метод определения средней длины высказываний ребенка (Mean Length of Utterance, MLU). Это один из самых популярных критериально-ориентированных показателей лингвистического развития ребенка. Полученные образцы могут быть оценены и сопоставлены с данными детей той же возрастной группы, а оценка происходит по заранее выделенным критериям. Метод впервые был описан в 1973 году Роджером Брауном, который определил шесть последовательных стадий развития экспрессивной речи и обозначил примерные соответствия показателя MLU возрасту ребенка (Brown, 1973). MLU подходит в основном для ранних ступеней языкового развития ребенка. Суть метода состоит в транскрипции спонтанных высказываний ребенка и расчете среднего количества морфем на одно высказывание. Как правило, для определения средней длины высказывания собирается материал для анализа в расчете 100 высказываний на ребенка и общее количество морфем во всем собранном материале делится на количество высказываний (Gabig, 2021; Rice и др., 2010). Показатель MLU, измеренный в морфемах, отражает сложность морфологической структуры слов, которыми владеет ребенок, а также синтаксическую структуру высказывания (Klee, Fitzgerald, 1985). Таким образом, метод определения средней длины высказываний ребенка можно также назвать индексом грамматической сложности. Иногда, однако, средняя длина высказываний ребенка измеряется не в морфемах, а в словах (Parker, Brorson, 2005; Rice и др., 2010). MLU может использоваться как индекс языкового развития не только у типично развивающихся детей, но и детей с нарушениями развития, например, с РАС. Как правило, таких детей отличает меньшая длина высказывания и меньшее количество морфем в высказываниях (Gabig, 2021; Tager-Flusberg и др., 2009).

Другими примерами критериально-ориентированных показателей языкового развития являются количество уникальных слов (Number of Different Words, NDW) и общее количество слов (Total Number of Words, TNW) (Dollaghan и др., 1999). Количество уникальных слов рассчитывается из 100 первых полных и понятных высказываний ребенка в стенограмме, подсчет которых производится по корням слов. Общее количество слов обычно рассчитывается по 12 минутам стенограммы речи ребенка, включая неразборчивые и неполные высказывания. Можно предположить, что каждый из этих показателей отражает одну из сторон развития речи ребенка: MLU – синтаксические компетенции, NDW – семантическое разнообразие, а TNW – общую беглость речи (Miller, Leadholm, 1992).

Изучение и оценка языкового развития детей с помощью тестов

Альтернативой методам анализа естественных образцов детской речи являются тесты языкового развития, которые позволяют оценить сформированность языковых компетенций по сравнению с определенной группой, то есть в кросс-секционном формате. Отличительной особенностью тестов является стандартизация, то есть наличие четкой инструкции, единообразие процедуры проведения и характеристик оценивания. Золотым стандартом тестов являются стандартизованные и нормированные тесты, позволяющие оценить языковые компетенции ребенка по сравнению с возрастной группой (Menken и др., 2014). Так, в нормированных тестах важно не абсолютное ко-

личество правильных ответов, а соответствие возрастной норме, которая выводится эмпирически. Тесты оценки языкового развития можно условно разделить на методы опосредованной (опрос родителей) и непосредственной оценки (оценки языка и речи ребенка).

Методы опроса родителей. Использование опросов и анкет для родителей является распространенным способом оценки языковых компетенций ребенка ввиду относительной доступности в получении данных. Хотя ряд исследований указывает на возможность расхождения данных дневниковых записей и родительских опросов (Robinson, Mervis, 1999), конкурентная валидность анкетирования родителей достаточно высока по сравнению с методами непосредственного тестирования ребенка (Dale и др., 1989). Кроме того, родители или иной близкий взрослый контактируют с ребенком ежедневно, что, как и в случае с дневниковыми записями, делает их хорошими информантами относительно языкового развития ребенка. Среди наиболее распространенных методик анкетирования отдельно отметим Children's Communication Checklist-2 (Bishop, 2021) и McArthur-Bates Communication Inventories (Макаруровский опросник CDI; Fenson et al., 2006). Данные опросники переведены на многие языки и пользуются популярностью во всем мире в первую очередь из-за надежности и психометрических свойств, а последний был переведен и адаптирован для работы с русскоязычными детьми.

Методика Children's Communication Checklist-2 (CCC-2), разработанная Д. Бишоп для английского языка (Bishop, 2021), позволяет выявить прагматическое нарушение у детей (расстройство развития, характеризующееся трудностями в понимании и использовании языка). CCC-2 используется для диагностики детей в возрасте от 4 до 16 лет, предполагает скрининг языковых навыков и помогает выявить симптомы РАС для дальнейшего обследования и постановки диагноза. Методика представляет собой анкету для родителя (или близкого взрослого) с 70 вопросами, которые разбиты на 10 шкал, которые, в свою очередь, объединены в три группы оцениваемых доменов. Шкалы А–D оценивают артикуляцию, фонологические способности, языковую структуру и словарный запас. Шкалы Е–Н касаются прагматических аспектов общения. Шкалы I и J оценивают поведение, которое обычно свойственно детям с РАС. Клинически значимые результаты определяются посредством суммы баллов по шкалам А–Н. Пороговое значение – 55 баллов, соответственно, показатель ниже порогового значения указывает на языковое или коммуникативное нарушение. В клинически ориентированных исследованиях такой инструмент, как CCC-2, полезен для количественной оценки степени нарушения коммуникации в различных областях. К преимуществам методики можно отнести комбинированную коммуникативную шкалу (GCC) для выявления трудностей с общением, а комбинированная шкала социальных взаимодействий (SIDC) позволяет выявить неравномерное развитие коммуникативных навыков и нарушения прагматического аспекта общения. Ограничением данной методики является невозможность выявления подтипов нарушений языка и речи, так как профиль оценок по различным субшкалам недостаточно надежен, чтобы использовать его в диагностических целях. Отметим, что CCC-2 может быть полезен в скрининге РАС, но при этом не является диагностическим инструментом для этих целей.

Опросник McArthur-Bates Communication Inventories (Fenson et al., 2006) – методика, которая позволяет оценить коммуникацию, лексическое развитие и грамматику. CDI был переведен и адаптирован на десятки языков (Dale, Penfold, 2011), в том числе и на русский исследователями из РГПУ имени Герцена (Елисеева, Вершинина, 2007, 2009). Данная методика представляет из себя анкету с вопросами, которая заполняется родителем (или близким взрослым) ребенка. CDI используется в двух версиях: для диагностики детей возрастных периодов от 8 до 18 месяцев (CDI – слова и жесты) и от 19 до 36 месяцев (CDI – слова и предложения). Заполняющий методику взрослый, указывает понимает и произносит ли ребенок определенное слово. Так, для детей более младшего возраста оценивается понимание и произношение, для более старших – только произношение. При этом все слова в данной методике организованы в соответствии с семантическими категориями (например, животные, игрушки, мебель и другие). Границей нормы лексического развития в США принято считать 10-й перцентиль, в России – 15-й в общем распределении данных.

Как и у других методик оценки развития ребенка посредством анкет для заполнения взрослым, CDI имеет свои погрешности, главная из которых – неточность данных, обусловленная высокой степенью субъективности (Law, Roy, 2008). Она связана с тем, что родитель ребенка может переоценивать языковые навыки ребенка, в то время как ряд родителей наоборот будут недооценивать развитие в определенных категориях (Bennetts и др., 2016). Также стоит отметить, что опросник объемный и время его прохождения занимает в среднем 30 минут, что может повлиять на невнимательность при заполнении. Напротив, преимуществом методики CDI является формат узнавания, когда заполняющему необходимо выбирать из предложенных вариантов слова, а не самостоятельно формулировать информацию о лингвистическом развитии ребенка, что облегчает процесс предоставления информации о ребенке.

Методы непосредственного тестирования. Получение нормативного показателя в непосредственном тестировании языкового уровня ребенка производится с помощью существующих стандартизированных инструментов. Такое тестирование оценивает развитие ребенка при прохождении набора заданий, привязанных к возрастной норме (Hoff, 2009).

Одним из наиболее распространенных стандартизированных тестов исследования пассивного словарного запаса ребенка является «Картиночный словарный тест Пибоди» (Peabody Picture Vocabulary Test, PPVT) (Dunn, Dunn, 2007). Тест предназначен для оценивания пассивного лексического запаса у детей от 2 лет 6 месяцев, верхняя возрастная граница отсутствует, то есть тест может использоваться и для взрослых. PPVT может оценивать не только лексический запас родного языка, но и иностранного языка, а также определять степень языковых нарушений (Dunn, Dunn, 2007). Преимущество теста в том, что он занимает около 15 минут, представляя собой 175-страничный буклет, на каждой странице которого изображены иллюстрации часто встречающихся в бытовой жизни объектов. При тестировании задача ребенка показать на соответствующую картинку, названную экспериментатором. Тест находится в процессе перевода и адаптации для русского языка (Ощепкова, 2020). Ограничением использования теста является то, что он отражает только рецептивную сторону речи ребенка.

Примером теста, направленного, напротив, на экспрессивную лексику и активный словарь, является The Expressive Vocabulary Test, EVT (Williams, 1997). Методика была разработана для измерения активного словарного запаса и способности подбора слов в стандартном американском английском. Проведение теста занимает примерно 10–15 минут в зависимости от возраста и словарного запаса испытуемого. В данной методике ребенку показывают картинку и зачитывают вопрос, на который следует дать конкретный ответ или подобрать синоним, подходящий к изображению. Тест может использоваться как часть более крупной батареи тестов или как общий показатель устной лексики. Тест EVT-3 со-нормирован с «Картиночным словарным тестом Пибоди» в его пятой редакции, чтобы провести прямое сравнение активного и пассивного словарного запаса ребенка. Методика предназначена для детей в возрасте от 2 лет 6 месяцев. Отсутствие верхней возрастной границы представляет преимущество в использовании данного теста. При этом, как и вышеупомянутый тест Пибоди, данный инструмент в настоящий момент тест не был переведен на русский язык, что ограничивает его использование на русскоязычной выборке. Исследования показывают, что стандартизированные тесты следует использовать с учетом разных культурных, языковых и этнических особенностей изучаемых групп (Zhu, Gonzalez, 2017).

Перечисленные выше тесты языкового развития имеют существенное ограничение для описания картины развития речи ребенка, позволяя обследовать либо рецептивную, либо экспрессивную речь. При этом одновременная оценка двух компонентов языкового развития ребенка дает наиболее полные данные как в рамках исследования, так и в прикладной диагностике. Одной из методик, учитывающей оба аспекта языкового функционирования ребенка является методика *Preschool Language Scales (PLS)* (Zimmerman и др., 2011). Методика состоит из двух шкал: Слухового восприятия (*Auditory Comprehension*), которая оценивает понимание ребенком речи на слух, и шкала *Экспрессивной коммуникации (Expressive Communication)*, которая оценивает речевую продукцию или – у более младших детей – предпосылки к ней. Тестирование данной методикой могут проходить дети от рождения до 7 лет 11 месяцев. Методика *PLS-5* (в пятой редакции) переведена и адаптирована на русский язык исследователями из Санкт-Петербургского государственного университета (Жукова и др., 2016; Talantseva и др., 2022). Инструментарий *PLS-5* представляет собой набор игрушек и руководство с картинками, тест проводится в полуструктурированной игровой форме (Жукова и др., 2016). Задания обеих шкал предъявляются по мере усложнения языковой задачи для ребенка и разделены по возрастам. Данная методика в настоящее время не имеет норм для русскоязычной выборки и зарекомендовала себя как исследовательский инструмент. Однако получаемые результаты могут быть информативны для описания зон ближайшего развития ребенка и информировать взрослых о соотношении понимания речи и непосредственно речевой продукции ребенка.

Заключение

Исследования языкового развития детей имеют длинную традицию и изначально находятся в зоне интересов различных наук, в частности медицины, лингвистики и психологии. С точки зрения психологической науки оценка раз-

вития языка и речи ребенка имеет колоссальное прикладное значение, поскольку нескорректированные нарушения языковой сферы влекут за собой ряд когнитивных дефицитов и социальных эффектов, в том числе отсроченных.

Описаны особенности применения различных подходов к анализу языкового функционирования ребенка. Хронологически первое появление дневниковых записей, как лонгитюдного метода изучения формирования языковых навыков, ставило целью описание отдельных случаев (кейсов) развития детей, а язык и речь составляли часть наблюдений. Его преимущество состоит в простоте реализации, однако дневники имеют различную степень детализации и могут быть подвержены субъективности, что генерирует неомогенный исследовательский материал. Ключевым ограничением в сборе дневниковых записей является временная протяженность и сложность в систематическом сборе и обработке материала. Метод дневниковых записей с быстрым развитием технических возможностей звукозаписи сменила регистрация речи ребенка с фиксированными периодами. Несмотря на то, что лонгитюдный метод имеет ряд ограничений и технически сложен в исполнении для исследований, полученные данные внесли вклад в описание периодизации развития языка и речи ребенка наряду с другими когнитивными функциями.

Технические возможности регистрации языковой среды ребенка были использованы в технологии LENA, позволяющей с помощью диктофонных записей приблизиться к наиболее экологически валидной оценке языкового окружения ребенка и его собственной речевой продукции. Современное переосмысление метода дневниковых записей – анализ корпусных данных посредством транскрибирования диалогов ребенка и взрослого, что позволяет создавать крупные библиотеки стенограмм спонтанной речи ребенка и использовать такие данные для решения различных исследовательских вопросов. Материалы являются свободно доступными, что способствует приросту научных знаний в области детского речевого развития. Однако и у корпусных данных можно наблюдать недостатки, среди которых дискуссия о полноте и репрезентативности получаемого материала. Данную сложность преодолевает методика LENA, позволяющая получать до 16 часов непрерывной записи языковой среды ребенка. Однако, ключевым ограничением LENA является отсутствие качественных данных о языковой среде, получение которых возможно лишь при дополнительном транскрибировании собранного материала. Помимо этого критика метода состоит в невозможности разграничить речь, обращенную к ребенку, и речь, которую ребенок слышит в своем окружении и возможность ошибки в присвоении категории голосовому впечатку.

Альтернативным подходом анализу образцов речи являются непосредственное тестирование ребенка и опосредованное анкетирование взрослого о языковых и речевых навыках. Среди опросных методов, оценивающих коммуникацию, лексическое развитие, грамматику и другие показатели, отдельного внимания заслуживают Children's Communication Checklist-2 (Bishop, 2003) и McArthur-Bates Communication Inventories, или Макаптуровский опросник CDI (Fenson, 2007), последний из которых доступен для использования на русскоязычной выборке. Их преимущества состоят в наличии систематической фиксации языковых компетенций и наличии хороших психометрических

показателей, однако опора на оценку родителей чревата потенциальной субъективностью в ответах. Тесты непосредственной оценки языкового развития ребенка представляют собой и исследовательский, и диагностический инструмент. Такие тесты сосредоточены на изучении экспрессивного компонента речи ребенка, рецептивного компонента или одновременно обоих. Их преимущество состоит в возможности выявления сильных сторон и зон ближайшего развития ребенка и соотношения понимания речи с экспрессивным компонентом языкового развития ребенка. Ограничением является отсутствие на сегодняшний день норм языкового развития для русскоязычных выборок.

На современном этапе изучение формирования и развития языковых навыков носит междисциплинарный характер, что позволяет получать новые данные. Однако для целей отечественных исследований и прикладной диагностики наблюдается дефицит инструментов, имеющих достаточную методическую базу, надежность и валидность. В этой связи существует необходимость перевода, адаптации и проверки психометрических параметров широко распространенных в мире инструментов оценки языка и речи. Среди инструментов, доступных на сегодняшний день для использования в русскоязычной популяции, необходимо выделить Макартуровский опросник CDI и методику PLS-5. При этом видится актуальным процесс интеграции отечественных исследований в мировую научную среду путем адаптации существующих методик, применяемых на различных языковых выборках, для оценки языкового развития детей.

Список литературы

Ссылки на источники см. в разделе References после англоязычного блока.

История статьи:

Поступила в редакцию 27 августа 2022 г.

Принята к печати 25 октября 2022 г.

Для цитирования:

Жукова М.А., Манасевич В.А., Голованова И.В., Летягин П.И., Ульянова Т.А., Тихонова С.С. Объективные методы изучения детского языкового развития в естественных условиях и в рамках тестирования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2022. Т. 19. № 4. С. 862–878. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-862-878>

Сведения об авторах:

Жукова Марина Андреевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, лаборатория междисциплинарных исследований развития человека, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник, Центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус» (пгт. Сириус, Россия); ассистент-исследователь, департамент психологии, Хьюстонский университет (Хьюстон, США). ORCID: 0000-0002-3069-570X, eLIBRARY SPIN-код: 2734-9240. E-mail: marina.zhukova@times.uh.edu

Манасевич Виктория Алексеевна, аспирант, Научно-технологический университет «Сириус» (пгт. Сириус, Россия). ORCID: 0000-0002-7423-3734, eLIBRARY SPIN-код: 8646-3808. E-mail: vremeni@yandex.ru

Голованова Ирина Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус» (пгт. Сириус, Россия); научный сотрудник, лаборатория междисциплинарных исследований развития человека, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-0826-6386, eLIBRARY SPIN-код: 2852-7406. E-mail: ir.golovanova@gmail.com

Летягин Павел Игоревич, старший лаборант, лаборатория физиологии слуха, Институт физиологии имени И.П. Павлова, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0003-0138-4459, eLIBRARY SPIN-код: 9915-4914. E-mail: letyagin.ps@gmail.com

Ульянова Таисия Андреевна, стажер-исследователь, лаборатория социальной и когнитивной информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); студентка магистратуры, программа «Когнитивная наука: воплощенное познание», Потсдамский университет (Потсдам, Германия). ORCID: 0000-0002-9561-5811. E-mail: taisia99@inbox.ru

Тихонова София Станиславовна, студентка 2-го курса, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0001-6565-8733. E-mail: tikhonova-sofiya@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-862-878
UDC 159.9.07

Review article

Objective Methods in the Assessment of Child Language Development in Natural Settings and Using Testing

Marina A. Zhukova^{1,2,3} , Victoria A. Manasevich¹ ,
Irina V. Golovanova^{1,2} , Pavel I. Letyagin⁴ ,
Taisia A. Ulianova^{5,6} , Sofia S. Tikhonova¹

¹Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

²Sirius University,
1 Olimpiiskii Prospekt, urban-type settlement Sirius, 354340, Russian Federation

³University of Houston,
4800 Calhoun Road, Houston, 77004, United States of America

⁴Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences,
6 Naberezhnaya Makarova, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

⁵HSE University,
55 Sedova St, bldg 2, St. Petersburg, 192148, Russian Federation

⁶Potsdam University,
10 Am Neuen Palais, Potsdam, 14469, Federal Republic of Germany

 mzhukova@times.uh.edu

Abstract. The authors describe the application of various approaches to the assessment of child language development reviewing the methods most widely used in research and clinical practice. The review outlines the benefits and some limitations of longitudinal method of

assessment using language recordings, language corpus analysis and transcripts of speech samples. Technical aspects of the linguistic environment recordings using LENA technology, which allows to achieve ecologic validity in the assessment of children's language environment, are considered. Analysis of the corpus data through the transcription of the dialogues between children and adults are discussed, as well as the study of linguistic parameters of child speech in comparison to a normative group of peers. The authors offer a review of the most widely known parent reports, questionnaires, and maximum performance testing of children's language development. Among the assessment tools available for Russian-speaking populations McArthur-Bates CDI and PLS-5 are reviewed. The authors note an importance of integration of Russian research into the international scientific knowledgebase through the adaptation of methods for assessment of language development in children.

Key words: language development, longitudinal method, LENA, language environment, questionnaires, analysis of corpus data, McArthur-Bates CDI, PLS-5

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Grant from the President of Russian Federation MK-4217.2021.2 (P.I.: Marina A. Zhukova).

References

- Bennetts, S.K., Mensah, F.K., Westrupp, E.M., Hackworth, N.J., & Reilly, S. (2016). The agreement between parent-reported and directly measured child language and parenting behaviors. *Frontiers in Psychology*, 7, 1710. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01710>
- Bishop, D.V. (2021). Children's Communication Checklist, Version 2. In F.R. Volkmar (Ed.), *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders* (pp. 915–920). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91280-6_300328
- Brown, R. (1973). *A first language: The early stages*. Cambridge: Harvard University Press.
- Cristia, A., Lavechin, M., Scaff, C., Soderstrom, M., Rowland, C., Räsänen, O., Bunce, J., & Bergelson, E. (2021). A thorough evaluation of the Language Environment Analysis (LENA) system. *Behavior Research Methods*, 53(2), 467–486. <https://doi.org/10.3758/s13428-020-01393-5>
- Dale, P.S., Bates, E., Reznick, J.S., & Morisset, C. (1989). The validity of a parent report instrument of child language at twenty months. *Journal of Child Language*, 16(2), 239–249. <https://doi.org/10.1017/s0305000900010394>
- Dale, P.S., & Penfold, M. (2011). *Adaptations of the MacArthur-Bates CDI into non-US English languages*. Retrieved August 20, 2022, from <http://mb-cdi.stanford.edu/documents/AdaptationsSurvey7-5-11Web.pdf>
- Delyagin, V.M. (2013). Delay in speech development in children. *RMJ*, 21(24), 1174–1177. (In Russ.)
Делягин В.М. Задержка речевого развития у детей // ПМЖ (Русский медицинский журнал). 2013. Т. 21. № 24. С. 1174–1177.
- Dollaghan, C.A., Campbell, T.F., Paradise, J.L., Feldman, H.M., Janosky, J.E., Pitcairn, D.N., & Kurs-Lasky, M. (1999). Maternal education and measures of early speech and language. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 42(6), 1432–1443. <https://doi.org/10.1044/jslhr.4206.1432>
- Dunn, L.M., & Dunn, D.M. (2007). *Peabody Picture Vocabulary Test – Fourth Edition (PPVT-4)*. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t15144-000>
- Feigenson, L., Dehaene, S., & Spelke, E. (2004). Core systems of number. *Trends in Cognitive Sciences*, 8(10), 307–314. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2004.05.002>
- Eliseeva, M.B., & Vershinina, E.A. (2007). McArthur-Bates Communication Inventories as source of information about the child's speech development. *Problems of Ontolinguistics – 2007: International Conference Proceedings* (pp. 72–76). St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)

- Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Мак-Артуровский опросник как источник сведений о речевом развитии ребенка // Проблемы онтолингвистики – 2007: материалы международной конференции (Санкт Петербург, 21–22 мая 2007 г.). СПб.: Златоуст, 2007. С. 72–76.
- Eliseeva, M.B., & Vershinina, E.A. (2009). Some standards for the speech development of children from 18 to 36 months (based on the McArthur-Bates Communication Inventories). *Problems of Ontolinguistics – 2009: International Conference Proceedings* (pp. 22–29). St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
- Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Некоторые нормативы речевого развития детей от 18 до 36 месяцев (по материалам МакАртуровского опросника) // Проблемы онтолингвистики – 2009: материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 17–19 июня 2009 г.). СПб.: Златоуст, 2009. С. 22–29.
- Fenson, L., Marchman, V.A., Thal, D.J., Dale, P.S., Reznick, J.S., & Bates, E. (2006). *MacArthur-Bates Communicative Development Inventories, Second Edition (CDIs)*. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t11538-000>
- Gabig, C.S. (2021). Mean length of utterance (MLU). *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders* (pp. 2828–2829). https://doi.org/10.1007/978-3-319-91280-6_1110
- Ganek, H., & Eriks-Brophy, A. (2018). Language ENvironment Analysis (LENA) system investigation of day long recordings in children: A literature review. *Journal of Communication Disorders*, 72, 77–85. <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2017.12.005>
- Gilkerson, J., & Richards, J.A. (2008). *The LENA natural language study*. LENA Foundation, Boulder, CO. Retrieved August 20, 2022, from https://www.lena.org/wp-content/uploads/2016/07/LTR-02-2_Natural_Language_Study.pdf
- Gilkerson, J., Zhang, Y., Xu, D., Richards, J.A., Xu, X., Jiang, F., Harnsberger, J., & Topping, K. (2015). Evaluating language environment analysis system performance for Chinese: A pilot study in Shanghai. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 58(2), 445–452. https://doi.org/10.1044/2015_jslhr-1-14-0014
- Gorlova, O.A. (2012). Preventive measures of communicative-speech deviations of early age children. *Special Education* (1), 27–34. (In Russ.)
- Горлова О.А. Профилактика коммуникативно-речевых отклонений у детей раннего возраста // Специальное образование. 2012. № 1. С. 27–34.
- Greenwood, C.R., Schnitz, A.G., Irvin, D., Tsai, S.F., & Carta, J.J. (2018). Automated language environment analysis: A research synthesis. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 27(2), 853–867. https://doi.org/10.1044/2017_ajslp-17-0033
- Greenwood, C.R., Thiemann-Bourque, K., Walker, D., Buzhardt, J., & Gilkerson, J. (2011). Assessing children's home language environments using automatic speech recognition technology. *Communication Disorders Quarterly*, 32(2), 83–92. <https://doi.org/10.1177/1525740110367826>
- Gvozdev, A. (1981). *From first words to first grade: Diary of scientific observations*. Saratov: SSU Publ. (In Russ.)
- Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: дневник научных наблюдений. Саратов: СГУ, 1981. 323 с.
- Hellwig, B., Defina, R., Kidd, E., Allen, S.E., Davidson, L., & Kelly, B.F. (2021). Child language documentation: The sketch acquisition project. *Doing Corpus-Based Typology with Spoken Language Data: State of the Art* (pp. 29–58). University of Hawai'i Press.
- Hoff, E. (2009). Language development at an early age: Learning mechanisms and outcomes from birth to five years. *Encyclopedia on Early Childhood Development* (pp. 1–5). Retrieved August 20, 2022, from: <https://www.child-encyclopedia.com/pdf/expert/language-development-and-literacy/according-experts/language-development-early-age-learning>
- Ingram, D., & David, I. (1989). *First language acquisition: Method, description and explanation*. Cambridge University Press.
- Kabushko, A.Yu. (2015). Formation of prerequisites of speech development of bilingual children: Logopaedic aspect. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, (2–2), 315–322. (In Russ.)

- Кабушко А.Ю. Формирование предпосылок развития речи у детей-билингвов: логопедический аспект // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2–2. С. 315–322.
- Klee, T., & Fitzgerald, M.D. (1985). The relation between grammatical development and mean length of utterance in morphemes. *Journal of Child Language*, 12(2), 251–269. <https://doi.org/10.1017/s0305000900006437>
- Law, J., & Roy, P. (2008). Parental report of infant language skills: A review of the development and application of the Communicative Development Inventories. *Child and Adolescent Mental Health*, 13(4), 198–206. <https://doi.org/10.1111/j.1475-3588.2008.00503.x>
- Lehet, M., Arjmandi, M.K., Houston, D., & Dilley, L. (2021). Circumspection in using automated measures: Talker gender and addressee affect error rates for adult speech detection in the Language ENvironment Analysis (LENA) system. *Behavior Research Methods*, 53(1), 113–138. <https://doi.org/10.3758/s13428-020-01419-y>
- MacWhinney, B. (2014). *The CHILDES project: Tools for analyzing talk. Vol. II. The database*. 3rd ed. New York. <https://doi.org/10.4324/9781315805641>
- McEnery, T., Brezina, V., Gablasova, D., & Banerjee, J. (2019). Corpus linguistics, learner corpora, and SLA: Employing technology to analyze language use. *Annual Review of Applied Linguistics*, 39, 74–92. <https://doi.org/10.1017/s0267190519000096>
- Menken, K., Hudson, T., & Leung, C. (2014). Symposium: Language assessment in standards-based education reform. *TESOL Quarterly*, 48(3), 586–614. <https://doi.org/10.1002/tesq.180>
- Miller, J., & Leadholm, B. (1992). *Language sample analysis guide: The Wisconsin guide for the identification and description of language impairment in children*. Madison: Wisconsin Department of Public Instruction.
- Nippold, M.A. (2020). *Language sampling with children and adolescents: Implications for intervention*. Plural Publishing.
- Oshchepkova, E.S. (2020). Children language assessment: A foreign batteries review. *Journal of Psycholinguistics*, (2), 110–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-110-123>
- Ощенкова Е.С. Оценка развития речи у детей: обзор зарубежных методик // *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 2. С. 110–123. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-110-123>
- Parker, M.D., & Brorson, K. (2005). A comparative study between mean length of utterance in morphemes (MLUm) and mean length of utterance in words (MLUw). *First Language*, 25(3), 365–376. <https://doi.org/10.1177/0142723705059114>
- Rice, M.L., Smolik, F., Perpich, D., Thompson, T., Rytting, N., & Blossom, M. (2010). Mean length of utterance levels in 6-month intervals for children 3 to 9 years with and without language impairments. *Journal of Speech, Language and Hearing Research*, 53(2), 333–349. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2009/08-0183\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2009/08-0183))
- Robinson, B.F., & Mervis, C.B. (1999). Comparing productive vocabulary measures from the CDI and a systematic diary study. *Journal of Child Language*, 26(1), 177–185. <https://doi.org/10.1017/s0305000998003663>
- Rybnikov, N.A. (1926). *Child's language*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Рыбников Н.А. Язык ребенка. М. – Л.: Государственное издательство, 1926. 84 с.
- Smylskaya, E.D. (2016). Longitudinal researches in linguistics: History and prospects. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (182), 53–58. (In Russ.)
- Смольская Е.Д. Лонгитюдные исследования в лингвистике: опыт и перспективы // *Известия РГПУ имени А.И. Герцена*. 2016. № 182. С. 53–58.
- Tager-Flusberg, H., Rogers, S., Cooper, J., Landa, R., Lord, C., Paul, R., Rice, M., Stoel-Gammon, C., Wetherby, A., & Yoder, P. (2009). Defining spoken language benchmarks and selecting measures of expressive language development for young children with autism spectrum disorders. *Journal of Speech, Language and Hearing Research*, 52(3), 643–652. [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2009/08-0136\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2009/08-0136))

- Talantseva, O.I., Zhukova, M., Trubitsyna, A., Teedemaa, A., & Grigorenko, E. (2022). Psychometric properties of the Preschool Language Scales, (PLS-5) in Russian-speaking children: A classical and item response theory study. *Clinical Psychology and Special Education, 11*(2), 174–195. <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110211>
- Tomblin, J.B., Records, N.L., Buckwalter, P., Zhang, X., Smith, E., & O'Brien, M. (1997). Prevalence of specific language impairment in kindergarten children. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research, 40*(6), 1245–1260. <https://doi.org/10.1044/jslhr.4006.1245>
- Tseitlin, S. (2007). Studies of child speech in the works of A.N. Gvozdev. *Russian Language at School* (6), 47–51. (In Russ.)
Цейтлин С.Н. Вопросы изучения детской речи в трудах А.Н. Гвоздева // Русский язык в школе. 2007. № 6. С. 47–51.
- Wang, Y., Williams, R., Dilley, L., & Houston, D.M. (2020). A meta-analysis of the predictability of LENA™ automated measures for child language development. *Developmental Review, 57*, 100921. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2020.100921>
- Williams, K.T. (1997). Expressive vocabulary test second edition (EVT™ 2). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 42*, 864–872.
- Xu, D., Yapanel, U., & Gray, S. (2009). *Reliability of the LENA™ Language Environment Analysis System in young children's natural home environment*. Boulder: Lena Foundation. Retrieved August 20, 2022, from https://www.lena.org/wp-content/uploads/2016/07/LTR-05-2_Reliability.pdf
- Yagunova, K.V., & Gaynetdinova, D.D. (2018). Speech disorders in young and preschool children. *Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics, 63*(6), 23–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2018-63-5-23-30>
Ягунова К.В., Гайнетдинова Д.Д. Речевые нарушения у детей раннего и дошкольного возраста // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2018. Т. 63. № 6. С. 23–30. <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2018-63-5-23-30>
- Zhu, L., & Gonzalez, J. (2017). Modeling floor effects in standardized vocabulary test scores in a sample of low SES Hispanic preschool children under the multilevel structural equation modeling framework. *Frontiers in Psychology, 8*, 2146. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02146>
- Zimmerman, I.L., Steiner, V.G., & Pond, R.E. (2011). *Preschool Language Scale, Fifth Edition (PLS-5)*. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t15141-000>
- Zhukova, M.A., Kornilov, S.A., Simmons, E., & Grigorenko, E.L. (2016). Diagnosing speech development with the help of “Preschool Language Scales:” A case analysis. *Voprosy Psikhologii, (5)*, 154–164. (In Russ.)
Жукова М.А., Корнилов С.А., Симмонс Э., Григоренко Е.Л. Диагностика развития языка и речи с помощью «Языковых шкал для дошкольников» (Preschool Language Scales): анализ индивидуального случая // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 154–164.

Article history:

Received 27 August 2022

Revised 19 October 2022

Accepted 25 October 2022

For citation:

Zhukova, M.A., Manasevich, V.A., Golovanova, I.V., Letyagin, P.I., Ulianova, T.A., & Tikhonova, S.S. (2022). Objective methods in the assessment of child language development in natural settings and using testing. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 19*(4), 862–878. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-862-878>

Bio notes:

Marina A. Zhukova, Ph.D., is Research Fellow, Laboratory of Translational Developmental Sciences, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Senior Research Fellow, Center for Cognitive Sciences, Sirius University (urban-type settlement Sirius, Russia); Research Assistant, Department of Psychology, University of Houston (Houston, USA). ORCID: 0000-0002-3069-570X. E-mail: marina.zhukova@times.uh.edu

Victoria A. Manasevich, is graduate student, Center for Cognitive Sciences, Sirius University (urban-type settlement Sirius, Russia). ORCID: 0000-0002-7423-3734, eLIBRARY SPIN-code: 8646-3808. E-mail: vremeni@yandex.ru

Irina V. Golovanova, Ph.D., is Senior Research Fellow, Center for Cognitive Sciences, Sirius University (urban-type settlement Sirius, Russia); Research Fellow, Laboratory of Translational Developmental Sciences, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0002-0826-6386, eLIBRARY SPIN-code: 2852-7406. E-mail: ir.golovanova@gmail.com

Pavel I. Letyagin, is Senior Laboratory Technician, Laboratory of Physiology of Hearing, Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0003-0138-4459, eLIBRARY SPIN-code: 9915-4914. E-mail: letyagin.ps@gmail.com

Taisia A. Ulianova, is research intern, Laboratory of Social and Cognitive Informatics, HSE University (St. Petersburg, Russia); graduate student, Potsdam University (Potsdam, Germany). ORCID: 0000-0002-9561-5811. E-mail: taisia99@inbox.ru

Sofia S. Tikhonova, is 2nd-year student, Department of Psychology, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0001-6565-8733. E-mail: tikhonova-sofiya@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-879-891
UDC 159.99

Scientific report

Personality Mental Health – Challenges and Solution: Results of the 3rd International Forum on Commitment to Mental Health

Olga B. Mikhailova¹, Evgeniy B. Bashkin¹,
Nikoleta Gutvajn², Asya S. Berberyan³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²Institute for Educational Research,

11/III Dobrinska St, Belgrade, Republic of Serbia

³Russian-Armenian (Slavonic) University,

123 O. Emin St, Yerevan, 0051, Republic of Armenia

 mikhaylova-ob@rudn.ru

Abstract. The authors present the results of the 3rd International Forum on Commitment to Mental Health, which was organized and held by the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) in cooperation with the National Health League, ManpowerGroup and Clever Consulting LLC (Moscow, October 5–7, 2022). The work of the forum lasted three days and its program was interesting in different formats of interaction: (1) On October 5, 2022, the following events took place online: Round Table on Commitment to Mental Health Issues: Social, Psychological and Medical Aspects, Corporate Section on Best Practices: Managing Psychological Well-Being at the Organizational Level and Section on Practical Guidelines: How to Maintain and Strengthen Psychological Health (online broadcast was organized on the website: <https://mentalhealthforum.ru/>); (2) On October 6, 2022, RUDN University hosted the International Scientific and Practical Conference in a hybrid format at which 194 presentations were offered including: a plenary session, seven panel session, poster session and the Mental Health Film Festival; (3) On October 7, 2022, the International Charitable Sports and Psychological Festival was held (which included a concert, art therapy master classes and outdoor sports activities). The International Forum brought together more than 1000 participants, including psychologists, teachers, medical workers, teachers, graduate students and students from 25 regions of Russia and 14 countries.

Key words: international conference, mental health, psychic health, commitment, pandemic, psychological well-being

Personality mental health and psychological well-being as global and interdisciplinary problems in modern society

Maintaining and correcting mental health and psychological well-being of people is one of the priorities and prospects for the development of modern society. The health problems of an individual, personality, professional, citizen, or creative individuality are in the center of attention of doctors, teachers, psychologists, social workers, all specialists who have devoted their activities to accompanying the development of a contemporary person. For three years, the Scientific and Practical Forum on Commitment to Mental Health has brought together professionals in various fields of medical, psychological and social sciences to share experiences and address topical issues related to technologies for diagnosing, maintaining and correcting human mental health in various situations and periods of its development.

According to the established tradition, on October 5–7, 2022, the 3rd International Forum on Commitment to Mental Health Issues was held at the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Philology of the Peoples' Friendship University of Russia. The forum was a key international scientific and technical event hosted by the Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University Strategic Academic Leadership Program "Prioritet-2030", P02KOS project).

The co-organizers of the forum were: Charitable Foundation for Assistance in the Implementation of the Programs of the National Health League, Manpower-Group, Clever Consulting LLC, Higher School of Economics (HSE) University, Lomonosov Moscow State University, Federation of Educational Psychologists of Russia, Psi Chi – The International Honor Society in Psychology, Institute of Pedagogical Research of the Republic of Serbia (Belgrade, Serbia), Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia), and Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan). The event was organized in a hybrid format (in-person and online), which made it possible to attract a significant number of participants but, at the same time, required a lot of preliminary preparation from the conference organizers.

The work of the forum lasted three days and its program was interesting in different formats of interaction.

Day One: Online Session on Commitment to Mental Health Issues: Preserving, Supporting and Transforming Talent for Future Effectiveness

The work of the conference began on October 5, 2022: with the participation of Manpower, on the Zoom platform, together with the partners, a scientific and practical online conference was held, presented by several directions at once.

1. Round Table on Commitment to Mental Health Issues: Social, Psychological and Medical Aspects, which presented the results of the global longitudinal study conducted in 2020–2022 (Figure 1). The discussion was attended by:

– *Evgeny B. Bashkin*, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of RUDN University, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Reapple Academy;

– *Sergey V. Umnov*, Psychiatrist, Psychotherapist, Candidate of Medical Sciences, Director General of Clever Consulting LLC;

– *Tatyana T. Batysheva*, Director of the Scientific and Practical Center for Child Psychoneurology of the Moscow Department of Health, Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation, Member of the Presidium of the All-Russian Society of Neurologists;

– *Yulia N. Ebzeeva*, First Vice-Rector – Vice-Rector of RUDN University for Educational Activities, Head of the Department of Foreign Languages of RUDN University, Director of the Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Candidate of Philology, Associate Professor;

– *Nikolai V. Nikonov*, Vice President of the National Health League; and

– *Andrey I. Podolsky*, Doctor of Psychology, Professor of HSE University.

The participants of the round table discussed topical problems of mental health in the modern world; negative factors and causes of the problems and possible actions in terms of the prevention of mental illness in modern society.

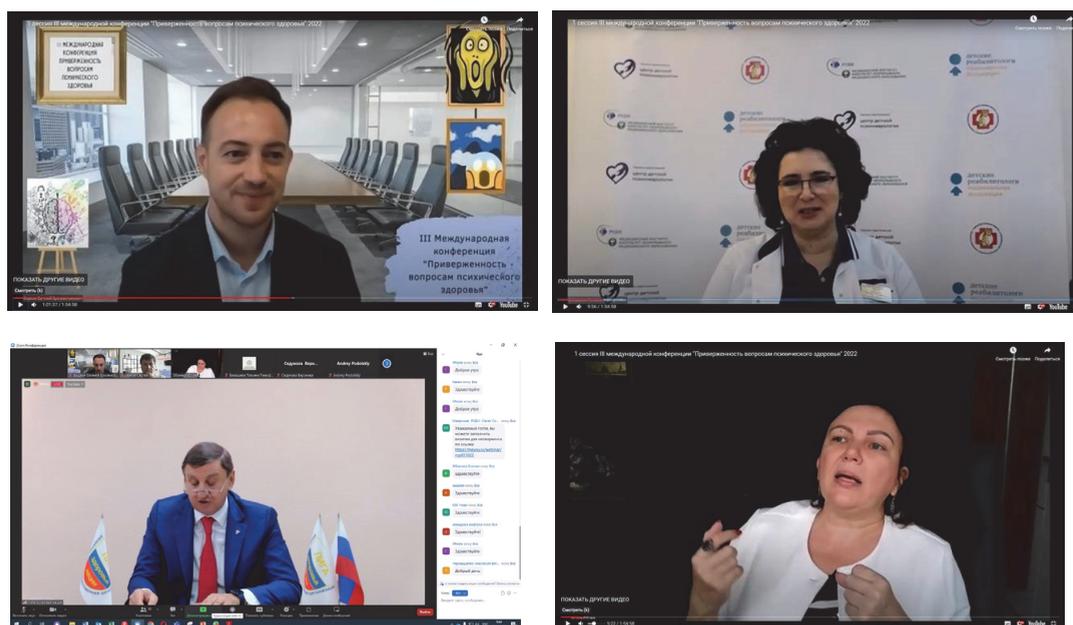

Figure 1. Screenshots of the online broadcast of the Round Table on Commitment to Mental Health Issues: Social, Psychological and Medical Aspects on October 5, 2022

2. Corporate Section on Best Practices: Managing Psychological Well-Being at the Organizational Level was presented by leading practitioners of various organizations:

– *Kristina Aidumova*, Head of SMM, Dodo Pizza;

– *Vitaly Altukhov*, R&D Director, Co-founder of Profilum;

– *Yulia Karaseva*, CEO of Inbalansy;

– *Oksana Sukonkina*, Head of Staff Training and Development at Medpoint24;

– *Aleksandr Rau*, Adidas Academy Trainer, Practicing Psychologist, Gestalt Therapist, Wellness Coach,

– *Tatyana Kalinichenko*, HR Manager at Email Soldiers;

– *Nadezhda Safyan*, PhD in Psychology and

– *Olga Melnikova*, Business Development Director of Corporate Health.

3. Psychotherapeutic Section on Practical Guidelines: How to Maintain and Strengthen Psychological Health. The baton of presentations was taken over by leading practicing psychotherapists:

- *Anna Butakova*, Clinical Psychologist, Cognitive Behavioral Therapist;
- *Anastasia Kuzina*, Humanistic Psychologist, Psychotherapist, Author and Presenter of Psychological Trainings, Business Coach;
- *Vitalina Burova*, Candidate of Medical Sciences, Psychiatrist and Psychotherapist.

The first day of the conference ended with summing up the results of the sessions.

Day Two: Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health Issues

On October 6, 2022, RUDN University hosted the Scientific and Practical Conference in the format of an international scientific platform (in-person and online), which was represented by a plenary session, seven panel sessions and a poster session. In total, more than 400 people took part in the conference (the faculty and academic staff of universities and research institutes, practicing psychologists, graduate students, and students) and 194 reports were presented (in-person, online and in absentia) at the plenary session and within the framework of the panel sessions.

Well-known scientists from Armenia, Belarus, Italy, Kazakhstan, Serbia, the USA and Russia took part in the opening ceremony and the plenary session and presented their reports.

Figure 2. Opening of the International Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health Issues (October 6, 2022)

The conference participants were welcomed by *Viktor V. Barabash*, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philology (RUDN University, Moscow, Russia); *Oksana I. Aleksandrova*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Research, Faculty of Philology (RUDN University, Moscow, Russia); *Nikoleta Gutvajn*, Doctor of Education, Chief Researcher, Director of the Institute for Educational Research (Belgrade, Serbia); *Daniil V. Antyukhov*, General Director of the League of Nation's Health Charitable Foundation (Moscow, Russia); and *Harold Takooshian*, Doctor of Psychology, Professor of Psychology and Organizational Leadership at Fordham University (New York, USA), Member of the United Nations Coalition of Psychologists, Honorary Psi Chi Member (Figure 2).

Further, at the plenary session, leading international and Russian scientists presented reports on the problems of mental health and technologies for its maintenance in many areas of the life of a modern person:

1) *Asya S. Berberyan*, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology of the Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia), topic: "Emotional burnout and indicators of psychological health of specialists in helping professions: an existential-humanistic approach";

2) *Natalya E. Vodopyanova*, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychological Support for Professional Activities of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), topic: "Combating burnout in the context of the health of the subject of work";

3) *Emanuele Isidori*, Professor, University of Rome "Foro Italico" (Rome, Italy), topic: "Sports coaching and the motivation of athletes or athletes with disabilities from a humanistic perspective";

4) *Isidora Korac*, Doctor of Pedagogy, Professor of the Sirmium Higher School of Pedagogy and Informatics (Belgrade – Sremska Mitrovica, Serbia), topic: "The climate of the institution as a factor contributing to the successful functioning, mental health and job satisfaction of employees";

5) *Jelena Stanisic*, Doctor of Pedagogical Sciences, Researcher at the Institute of Pedagogical Research of the Republic of Serbia (Belgrade, Serbia), topic: "Mental health and environmental education";

6) *Olga A. Ulyanina*, Doctor of Psychology, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of the Federal Coordinating Center for the Provision of Psychological Service in the Russian Federation, MSUPE (Moscow, Russia), topic: "Psychological safety of the educational environment";

7) *Inna B. Bovina*, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Clinical and Legal Psychology, MSUPE (Moscow, Russia), topic: "Radicalization: in search of an explanatory scheme (from personality anomaly to experiencing uncertainty)";

8) *Sharkul T. Taubaeva*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Educational Management of the Faculty of Philosophy and Political Science of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan), topic: "Pedagogical problems of protecting the mental health of students in the Republic of Kazakhstan: experience, problems and solutions".

Figure 3. Work of the poster session during the International Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health Issues and rewarding students for success in studies, research and social work (October 6, 2022)

After the end of the plenary session, according to the established tradition, a youth poster session was organized (Figure 3), which was attended by 25 speakers (postgraduate, graduate and undergraduate students majoring in Psychology at the Department of Psychology and Pedagogy of the Philological Faculty of RUDN University). Based on the voting, the conference participants determined the authors of the best poster presentations:

1) *Dragana Džamić* (Serbia), topic: “Gender stereotypes in different cultures”;

2) *Elisaveta Batyrova* (Uzbekistan), topic: “Gender differences of Koreans in the striving for power”;

3) *Tamara Jafarova* (Russia), topic: “Recommendations for the development of stress tolerance in the learning environment”.

In the afternoon, meetings of seven panel sessions of the conference were held (Figure 4): their work was conducted by the leading international and Russian experts in the relevant areas of research:

1) ‘*The problem of professional health and self-realization in conditions of emotional tension*’, Chairs: *Sergey I. Kudinov*, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia) and *Stanislav S. Kudinov*, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia);

2) ‘*Problems of maintaining the psychological health of students and teachers*’, Chairs: *Nikoleta Gutvajn*, Doctor of Education, Director of the Institute for Pedagogical Research (Belgrade, Serbia), *Olga B. Mikhailova*, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy

(RUDN University, Moscow, Russia), *Nina L. Sungurova*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia);

Figure 4. Work of the panel sessions of the International Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health Issues in in-person and online formats (October 6, 2022)

3) *‘The problem of psychological well-being in a situation of uncertainty’*, Chairs: *Viktor P. Sheinov*, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Education (Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus); *Irina A. Novikova*, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia);

4) *‘Mental health: Diagnosis and support in situations of emotional instability’*, Chairs: *Asya S. Berberyan*, Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychology (Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia); *Evgeny B. Bashkin*, PhD in Psychology, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia);

5) *‘Education in the era of digitalization and its impact on psychological health’*, Chairs: *Sharkul T. Taubaeva*, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Educational Management (Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan), *Dmitry S. Ermakov*, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia), *Zulfiya R. Khairova*, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy (RUDN University, Moscow, Russia);

6) *‘Providing emergency and crisis psychological assistance to participants in educational relations: technologies and methods’*, Chairs: *Olga A. Ulyanina*,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Head of the Federal Coordinating Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, MSUPE, *Anna V. Ermolaeva*, Head of the Department of Emergency Psychological Assistance of the Federal Coordinating Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, MSUPE (Moscow, Russia);

7) ‘*Children’s health in modern society*’, Chairs: *Tatyana T. Batysheva*, Doctor of Medical Sciences, Honored Doctor of the Russian Federation, Chief External Expert of the Ministry of Health of the Russian Federation for Children’s Medical Rehabilitation, Chief External Expert of the Moscow Health Department for Children’s Neurology, Director of the Scientific and Practical Center for Child Psychoneurology of the Moscow Health Department, Head of the Department of Neurology, Physical and Rehabilitation Medicine and Childhood Psychology, FCME, RUDN MI, *Olga V. Bykova*, Doctor of Medical Sciences, Pediatric Neurologist, Head of the Research Department of the Scientific and Practical Center for Child Psychoneurology of the Moscow Department of Health, Professor of the Department of Neurology, Physical and Rehabilitation Medicine of Pediatrics, FCME, RUDN MI (Moscow, Russia).

The results of the work of the panel sessions were summed up at the final meeting in the format of a round table. The organizers and participants of the conference discussed the main problems of modern research on the mental health of the individual and society, identified new relevant areas for further scientific research on the problem of commitment to mental health as well as prospects for interdisciplinary and international cooperation and the organization of new scientific forums. At the end of the round table, the winners of the poster session were awarded, as well as undergraduate and postgraduate students of the Department of Psychology and Pedagogy of the RUDN University, who received diplomas for academic success, research and social work.

In total, the plenary session, the panel sessions and the round table of the conference were attended by 85 foreign scientists from 14 countries of the world (Armenia, Belarus, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Germany, Israel, Italy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Lithuania, Serbia, USA, and Vietnam) and 300 Russian participants from Moscow and 25 regions of the Russian Federation (St. Petersburg, Novosibirsk, Krasnodar, Tomsk, Yekaterinburg, Kemerovo, Khabarovsk, Yaroslavl, Cheboksary, etc.).

It should be noted that, despite the difficult geopolitical situation in the world, the organizers managed to ensure full-time and remote participation in the conference of leading international scientists, who, as noted above, spoke at the plenary session, led or attended the work of the sections, and discussed the results of the scientific forum. For example, during the work of the panel session “The problem of psychological well-being in a situation of uncertainty”, online presentations were organized for Harold Takushyan, Doctor of Psychology, Professor at Fordham University (New York, USA) and David Livert, Doctor of Psychology, Professor at the University of Pennsylvania (Pennsylvania, USA), President of the Psychology Coalition at the United Nations (PCUN). The scientists spoke about the focus areas of the Coalition within the framework of the UN program to support global mental

health: holding international conferences and webinars, publishing a series of books, establishing and strengthening international contacts, etc.

The second day of the forum ended with the Mental Health Film Festival. The participants were shown an Italian documentary film, *In the Mind's Garden*, directed by Matteo Balsamo (18+), which from the first minutes immerses the viewer in the very depths of psychiatric hospitals. Patients, doctors, photo-journalists from all over the world lifted the veil of secrets and spoke about the conditions of treatment, shared their own views on mental health and its social consequences. Immediately after the screening, a discussion was held with experts in the field of mental health. The experts were: *Igor P. Krokhin*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry; *Vadim R. Shlychkov*, Research Fellow of the Plekhanov Russian University of Economics and Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations. The special guest of the section was *Alina Radunskaya*, Director of the Mental Health Film Festival. The moderator of the festival was *Zulfiya R. Khairova*, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy of the RUDN University.

Day Three: International Charitable Sports and Psychological Festival

On October 7, 2022, RUDN University held the International Charitable Sports and Psychological Festival (Figure 5). At the opening of the festival in the assembly hall of the main building, the following persons spoke: *Oleg A. Yastrebov*, Rector of the RUDN University, Doctor of Law and Economics, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law; *Evgeny B. Bashkin*, Chairman of the Organizing Committee of the Conference, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Philology, Candidate of Psychological Sciences; *Diana Gurtskaya*, Russian pop singer and public figure; and *Nikolai Kononov*, Vice President of the National Health League. The opening of the festival ended with a performance by the singer *Alena Selezneva*.

One of the key goals of the festival was the announcement of the 10,000 steps campaign and the announcement of charity fundraising. The collected funds were directed to the practice bases of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Philology of RUDN University, i.e., to the charitable foundations 'Lifestyle', 'Capital of Mercy' and 'Here and Now'.

For guests and participants of the festival, a cycle of master classes on art therapy was arranged, which took place in the main building of RUDN University (Figure 6):

1) Eco-Humanitarian Technology '*Archetypic Art Constructor*', conducted by *Aleksandr Kopytin*, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Psychology of the St. Petersburg State Academy of Postgraduate Pedagogical Education, Associate Professor of the Department of Psychotherapy of Mechnikov North-Western North-Western Chairman of the Art Therapeutic Association of Russia;

2) *Art-Reconstruction of Feelings in a Situation of Uncertainty*, conducted by *Nadezhda Antipova*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Practicing Psychologist, coach (national level) of the All-Russian Professional Psychothera-

peutic League, Honorary Member of the Association of Psychologists of the Moscow Region, Laureate of the National Psychological Competition ‘Golden Psyche – 2017’;

3) *Working with Family Crises Using Author’s Metaphorical Cards and Art Therapy Techniques*, conducted by *Olga Loginova*, art therapist, family psychologist, NLP coach, Ericksonian hypnosis specialist, author of instructions and developer of metaphorical cards;

4) *The Body as a Dialogue Tool*, conducted by *Elena Mikhailina*, Candidate of Pedagogical Sciences, art therapist, dance therapist of the ‘Spiritualization’ Sociocultural Center, leading psychologist, dance therapist of the ‘Lifestyle’ Charitable Foundation;

5) *Sand Therapy as a Method of Self-Knowledge*, hosted by *Irina Fokina*, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology at the Dubna University, art therapist, practical psychologist;

6) *Meanings, Values, Goals: How to Find Your Own? Metaphorical Associative Maps*, conducted by *Aleksandra Dostatnaya*, Assistant of the Department of Psychology and Pedagogy of RUDN University, clinical psychologist, certified art therapist;

7) *Find Your Resource: Drawing Techniques of Art Therapy*, conducted by *Vera Bykova*, psychologist, art therapist;

8) *Getting to Know Yourself*, conducted by *Maria Smirnova*, coach, art therapist;

Figure 5. Fragments of the International Charitable Sports and Psychological Festival, October 7, 2022

Figure 6. The work of the art therapy master classes (October 7, 2022)

9) *Creative Workshop: Tell a Story*, conducted by *Svetlana Nikitina*, teacher at the ‘Imaton’ Institute of Practical Psychology, dance therapist, actress of the playback theater “Let’s see!” and playback practitioner, professional member of the Dance Movement Psychotherapy Association.

At the same time, sports events (mini-golf, frisbee, volleyball, etc.) were held on the street near the main building of RUDN University, in which everyone could take part. The 10,000 Steps Campaign was also launched here.

Conclusion

The Organizing Committee of the Conference expresses their sincere gratitude to the co-organizers, speakers of the plenary session and participants of the sections for interesting and relevant reports as well as leading practitioners for their master classes, which were very positively received by the students and guests of the conference.

The organizers are also very grateful to the volunteers (postgraduate, graduate and undergraduate students) majoring in psychology for their active participation and assistance in organizing the work of the conference.

Some of the best reports presented at the International Scientific and Practical Conference on Commitment to Mental Health Issues have been published in this issue and will be published in the next issues of the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*.

The Organizing and Program Committees of the Conference decided to continue the tradition and hold the next scientific forum of the same name in an international format in October 2023.

More details about the program of all the days of the forum and its results can be found on the website: <http://mentalhealthforum.ru/>

Article history:

Received 17 October 2022

Accepted 1 November 2022

For citation:

Mikhailova, O.B., Bashkin, E.B., Gutvajn, N., & Berberyan, A.S. (2022). Personality mental health – challenges and solution: Results of the 3rd International Forum on Commitment to Mental Health. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(4), 879–891. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-879-891>

Bio notes:

Olga B. Mikhailova, PhD in Pedagogy, is Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-5046-1452. E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

Evgeniy B. Bashkin, PhD in Psychology, is Head of the Psychology and Pedagogy Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-4118-813X. E-mail: bashkin-eb@rudn.ru

Nikoleta Gutvajn, PhD in Pedagogy, is Chief Researcher, Director of the Institute for Educational Research (Belgrade, Serbia). ORCID: 0000-0002-5628-3455. E-mail: gutvajnnikoleta@gmail.com

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, is Head of the Department of Psychology, Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia). ORCID: 0000-0003-0321-0161. E-mail: aspsy@inbox.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-879-891

УДК 159.99

Научный репортаж

Психическое здоровье личности – проблемы и перспективы их решения: итоги III Международного форума «Приверженность вопросам психического здоровья»

О.Б. Михайлова¹ , Е.Б. Башкин¹ , Н. Гутвайн² , А.С. Берберян³

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Институт педагогических исследований Республики Сербия,
Республика Сербия, Белград, ул. Добриньска, д. 11/III

³Российско-армянский (славянский) университет,
Республика Армения, 0051, Ереван, ул. О. Эмина, д. 123

 mikhaylova-ob@rudn.ru

Аннотация. Представлены итоги проведения III Международного форума «Приверженность вопросам психического здоровья», который организовала и провела кафедра психологии и педагогики филологического факультета РУДН в сотрудничестве с

Manpower, CLEVER Consulting, Лигой здоровья наций (Москва, 5–7 октября 2022 г.). Работа форума продолжалась три дня, и его программа была интересна разными форматами взаимодействия: 1) 5 октября 2022 г. под руководством Manpower онлайн состоялись круглый стол, корпоративный блок кейсов и психотерапевтическая сессия; 2) 6 октября 2022 г. в гибридном формате в РУДН состоялась научно-практическая конференция: пленарное заседание, 7 секций, постерная сессия, на которых было представлено 194 доклада, а также кинофестиваль Mental Health Film Festival; 3) 7 октября 2022 г. прошел Международный благотворительный спортивно-психологический фестиваль (концерт, мастер-классы по арт-терапии и спортивные активности на свежем воздухе). Международный форум объединил более 1000 участников – психологов, педагогов, медицинских работников, преподавателей, аспирантов и студентов из 25 регионов России и 14 зарубежных стран.

Ключевые слова: международная конференция, ментальное здоровье, психическое здоровье, приверженность, пандемия, психологическое благополучие

История статьи:

Поступила в редакцию 17 октября 2022 г.

Принята к печати 1 ноября 2022 г.

Для цитирования:

Михайлова О.Б., Башкин Е.Б., Гутвайн Н., Берберян А.С. Психическое здоровье личности – проблемы и перспективы их решения: итоги III Международного форума «Приверженность вопросам психического здоровья» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 4. С. 879–891. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-879-891>

Сведения об авторах:

Михайлова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0001-5046-1452. E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

Башкин Евгений Брониславович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-4118-813X. E-mail: bashkin-eb@rudn.ru

Гутвайн Николетта, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник, директор Института педагогических исследований Республики Сербия (Белград, Сербия). ORCID: 0000-0002-5628-3455. E-mail: gutvajnnikoleta@gmail.com

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, Армения). ORCID: 0000-0003-0321-0161. E-mail: aspsy@inbox.ru